MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80075-4

AUTHOR:

SHELGUNOVA, L. P.

TITLE:

IIZ DALEKAGO PROSH-
LAGO

PLACE:

S.-PETERBURG

DATE:

1901

Master Negative #

91-80075-4

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947.02
Sh43

Shelgunova, Liudmila Petrovna, 1832-1901.
Изъ далекаго прошлаго; переписка Н. В. Шелгунова съ женой. С.-Петербургъ, 1901.
239 p.

Title transliterated: Iz dalekogo proshlogo.

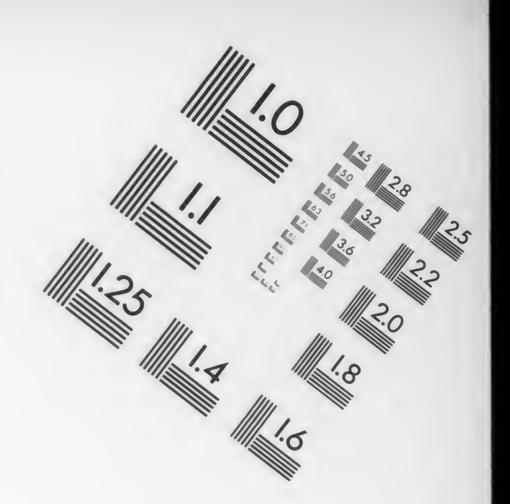
1. Shelgunov, Nikolai Vasil'evich, 1824-1891.
I. Shelgunov, Nikolai Vasil'evich, 1824-1891.

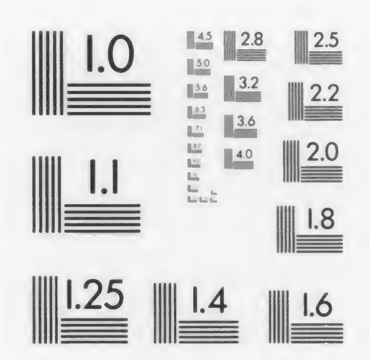
Restrictions on Use:

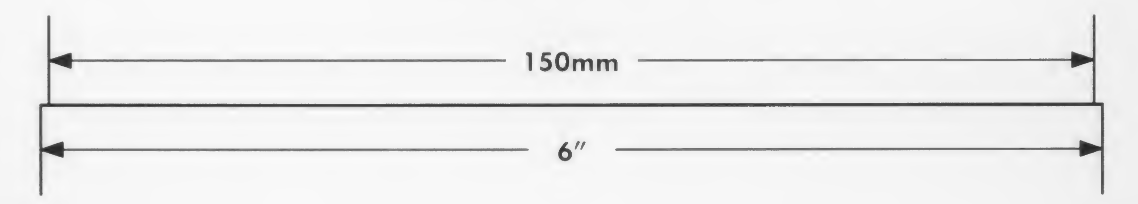
TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35 mm REDUCTION RATIO: 11X
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 6-11-91 INITIALS G.G
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

IMAGE EVALUATION TEST TARGET (MT-3)

PHOTOGRAPHIC SCIENCES CORPORATION
770 BASKET ROAD
P.O. BOX 338
WEBSTER, NEW YORK 14580
(716) 265-1600

Л. П. Шелгунова.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

ПЕРЕПИСКА Н. В. ШЕЛГУНОВА
СЪ ЖЕНОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.

Изъ далекаго прошлаго.

Всѣ воспоминанія ранняго дѣтства представляются мнѣ въ видѣ отдѣльныхъ картинъ. Такъ, домъ нашъ въ Перми, гдѣ я родилась и пробыла до трехъ лѣтъ, рисуется мнѣ отдѣльною картиною. Я помню гостиную только потому, что по вечерамъ, подсѣвъ къ окну я смотрѣла на темную неосвѣщенную улицу, и мнѣ представлялось, что посреди нея идутъ волки. Затѣмъ въ памяти осталась дорога въ видѣ тарантаса, гдѣ насъ сидѣло очень много, и Москва съ площадями, полными народа, и множество священниковъ, которыхъ я страшно боялась. Вѣроятно, взрослые говорили при насъ, дѣтяхъ, о положеніи духовенства, потому что первое мое столкновеніе съ цензурой произошло изъ-за сохранившагося у меня въ памяти эпизода со священниками въ Москвѣ. Будучи въ младшемъ классѣ пансіона и описывая на заданную тему Москву, я написала, что тамъ для молебствій нанимаютъ священниковъ, которые могутъ служить ихъ только на тощахъ. Я описала картину, съ необыкновенной ясностью представлявшуюся мнѣ, а именно: нѣсколько священниковъ въ полинялыхъ подрясникахъ съ туго заплетенными косичками торгуются на счетъ платы за обѣдни и молебны, и, не сходясь въ цѣнѣ, говорятъ „не дашь, такъ откушу“. И они подносили калачъ ко рту, желая этимъ положить конецъ торгу, такъ какъ обѣдню можно служить только на тощахъ. Учителемъ русскаго языка у насъ былъ Обертъ, служившій впослѣдствіи цензоромъ; и вотъ всѣмъ были возвращены тетрадки съ сочиненіями, кромѣ меня. Обертъ пришелъ нѣсколькими минутами ранѣе назначеннаго часа и я тотчасъ же была приглашена въ комнату

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.

Изъ далекаго прошлаго.

Всѣ воспоминанія ранняго дѣтства представляются мнѣ въ видѣ отдѣльныхъ картинъ. Такъ, домъ нашъ въ Перми, гдѣ я родилась и пробыла до трехъ лѣтъ, рисуется мнѣ отдѣльною картиною. Я помню гостиную только потому, что по вечерамъ, подсѣвъ къ окну я смотрѣла на темную неосвѣщенную улицу, и мнѣ представлялось, что посреди нея идутъ волки. Затѣмъ въ памяти осталась дорога въ видѣ тарантаса, гдѣ насъ сидѣло очень много, и Москва съ площадями, полными народа, и множество священниковъ, которыхъ я страшно боялась. Вѣроятно, взрослые говорили при насъ, дѣтяхъ, о положеніи духовенства, потому что первое мое столкновеніе съ цензурой произошло изъ-за сохранившагося у меня въ памяти эпизода со священниками въ Москвѣ. Будучи въ младшемъ классѣ пансіона и описывая на заданную тему Москву, я написала, что тамъ для молебствій нанимаютъ священниковъ, которые могутъ служить ихъ только на тощахъ. Я описала картину, съ необыкновенной ясностью представлявшуюся мнѣ, а именно: нѣсколько священниковъ въ полинялыхъ подрясникахъ съ туго заплетенными косичками торгуются на счетъ платы за обѣдни и молебны, и, не сходясь въ цѣнѣ, говорятъ „не дашь, такъ откушу“. И они подносили калачъ ко рту, желая этимъ положить конецъ торгу, такъ какъ обѣдню можно служить только на тощахъ. Учителемъ русскаго языка у насъ былъ Обертъ, служившій впослѣдствіи цензоромъ; и вотъ всѣмъ были возвращены тетрадки съ сочиненіями, кромѣ меня. Обертъ пришелъ нѣсколькими минутами ранѣе назначеннаго часа и я тотчасъ же была приглашена въ комнату

начальницы. На столѣ я увидала свою тетрадь, перечеркнутую краснымъ карандашомъ, и тутъ мое начальство начало меня убѣждать, что писать этого не слѣдовало. Но довольно трудно убѣдить пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, что нельзя разсказывать того, что она видѣла своими собственными глазами, вмѣстѣ съ сотнею другихъ людей. Я твердила только, что это правда и что это я сама видѣла.

Изъ Москвы я перенеслась на Васильевскій Островъ въ Петербургъ, въ квартиру съ бабушкой и прабабушкой Шелгуновой, которая вскорѣ и умерла. Прабабушка Ирина Дмитріевна Шелгунова была старуха довольно высокая, съ морщинистымъ лицомъ. Она осталась въ моей памяти въ платьѣ коричневаго цвѣта. Слово коричневый никогда не употреблялось ни прабабушкой, ни бабушкой. Онѣ опредѣляли цвѣта всегда какой нибудь вещью и говорили: кофейный, шоколадный, оливковый, серизовый, бирюзовый и т. п. На коричневое или кофейное платье съ гладкимъ лифомъ надѣвалась косынка шелковая или тюлевая, а на голову чепецъ съ оборками и лентами. Чепцы прабабушки были значительно скромнѣе чепцовъ бабушки съ густыми кружевными оборками вокругъ лица. Чепцы эти шились дома, и я съ наслажденіемъ смотрѣла, какъ на бутылку, обшитую холстомъ нашивались кружева и рюшь, и затѣмъ бутылка эта мылась въ умывальной чашкѣ въ густо набитомъ мылѣ. Мои голыя рученки всегда участвовали въ этомъ мытьѣ. Вымытыя на бутылкѣ рюшь и кружева снимались и въ полувысохшемъ видѣ гладились. Безконечное количество рюша цѣлой горой клалось на столъ, и по вечерамъ бабушка дѣлала изъ этого рюша оборки, называвшіяся фрезами, и такими то фрезами обшивались ворота у платьевъ. Прабабушка ѣздила за пенсіей на ту сторону сама. Она надѣвала свое кофейное платье, темный салопъ съ небольшимъ капюшончикомъ и черный стеганый капоръ, изъ подъ котораго кругомъ лица виднѣлась бѣлая оборочка. Я не помню, чтобы она брала свой шелковый, табачнаго цвѣта, ридикюль, обыкновенно висѣвшій на стулѣ у окна; но, одѣвшись, она выходила изъ комнаты, держа въ рукѣ сложенный носовой платокъ и въ немъ какую то бумагу.

Возвращаясь, однажды, изъ казначейства, прабабушка увидала, что Исакіевскій мостъ, — стоявшій прежде между

Исакіевскимъ соборомъ и первымъ Кадетскимъ корпусомъ,— хотятъ разводить. Остаться на той сторонѣ, гдѣ, сколько мнѣ помнится, даже не было близкихъ знакомыхъ, показалось прабабушкѣ ужаснымъ. Она почти бѣгомъ побѣжала по мосту, но половинки моста уже начали расходиться, и, когда прабабушка прибѣжала на середину, то посреди моста было аршинное разстояніе. Удержать старуху старались только крикомъ. Не слушая никого, она прыгнула и, очутившись по другую сторону моста, т. е. на своемъ родномъ Васильевскомъ Островѣ, остановилась, перекрестилась и пошла дальше. Все, кажется, прошло благополучно, но не совсѣмъ. Въ этотъ вечеръ никто за круглымъ столомъ не сидѣлъ, въ комнату прабабушки носили что-то горячее, насъ точно забыли, потому что побѣжали за священникомъ. Въ такія минуты забытыя дѣти обыкновенно чувствуютъ, что въ домѣ что-то не ладно; и мы трое — у меня было два старшихъ брата — прижавшись сидѣли гдѣ-то въ углу. Потомъ насъ повели въ комнату прабабушки, и тамъ священникъ что-то читалъ и мы крестились. Утромъ прабабушка лежала на столѣ.

Образъ прабабушки соединяется въ моемъ воспоминаніи съ образами двухъ, трехъ кадетъ, которыхъ я страшно боялась. Слова: „Позови Колю Шелгунова пить чай“, приводили меня въ трепетъ. Я не помню вслѣдствіе чего кадетъ Шелгуновъ возбуждалъ во мнѣ такой страхъ, но знаю только, что я его очень боялась.

Другой кадетъ морскаго училища Кадьянъ остался у меня въ памяти, потому что онъ съѣлъ сразу сто домашнихъ сухарей, только что испеченныхъ. Сухари были поданы на столъ, и когда бабушка, вышедшая за чѣмъ-то, вернулась, то на днѣ сухарницы она увидала только одинъ сухарь и стала спрашивать: куда дѣвались сухари? Бѣдный Кадьянъ страшно покраснѣлъ и молчалъ. Сцену эту прекратила моя мать, вѣроятно, догадавшаяся въ чемъ дѣло, и сказала: „ихъ съѣли, вотъ и все“.

Похороны прабабушки я тоже помню и въ особенности помню, что на нихъ изъ Смольнаго монастыря привезли мою тетку Анну Егоровну. Я глазъ не спускала съ блѣдной смолянки и съ классной дамы, которая ни на шагъ не отходила отъ нея. Капоръ и салопъ смолянки и тогда представлялись мнѣ какимъ-то уродствомъ.

Смерть прабабушки Шелгуновой оставила въ квартирѣ одну лишнюю комнату, и въ эту комнату переѣхала старинная знакомая бабушки Лизавета Ивановна Шахова, фрейлина въ отставкѣ. Вставала эта фрейлина очень поздно, и въ то время, какъ горничная чесала ее передъ большимъ зеркаломъ, я садилась рядомъ съ ней на стулъ, и, болтая ногами, жадно слушала разсказы размалеванной руины. Волосъ на головѣ у нея было уже очень мало, но, не смотря на то, что Шахова была дѣвица, она носила чепецъ изъ кружевъ и лентъ. Многочисленныя же морщины свои она замазывала бѣлилами, на которыхъ выводила брови, и затѣмъ на щеки накладывала два розовыхъ пятна, точь въ точь, какъ было у моей куклы. Разсказывала она мнѣ о своей жизни во дворцѣ, и дворецъ мнѣ представлялся таинственнымъ замкомъ со страшнымъ государемъ. При которомъ изъ государей Шахова была фрейлиной—я не знаю, потому что, разсказывая, она всегда говорила просто о государѣ. Главную роль играли большіе корридоры, куда за нею выбѣгалъ государь, и „ахъ! ахъ! ахъ!“ вздыхала она, закатывая глаза и затѣмъ томно потупляя ихъ. Бабушка съ презрѣніемъ говорила:— Нашла кому хвастаться! пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ.

Бабушка и мужъ ея бригадиръ на столько боялись дворцовой жизни, что не дали разрѣшенія матери моей, получившей въ Смольномъ первый шифръ, поступить въ фрейлины, какъ любимицѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Послѣ смерти прабабушки, дочь ея Аграфена Ивановна, мать нашей матери, взялась за воспитаніе моихъ братьевъ и меня.

Аграфена Ивановна Афанасьева была вдовою полковника командира артиллерійской бригады, котораго она никогда иначе не называла какъ бригадиромъ. Бабушка была очень хороша собою и очень представительна. Она съ утра одѣвалась въ корсетъ и одѣвалась всегда очень мило. Строгое и нравственное воспитаніе—было ея конькомъ. Старшую дочь свою она высѣкла за то, что та, будучи десяти лѣтъ, при нѣсколькихъ офицерахъ, громко выразила за обѣдомъ свое мнѣніе о двухъ мухахъ. Послѣ этого происшествія изъ дому были изгнаны всѣ животныя мужскаго рода. Оставшись вдовою, бабушка получила казенное мѣсто въ Александровскомъ корпусѣ, гдѣ и воспитывался ея племянникъ Шелгуновъ.

Первые мои уроки чтенія у бабушки были ужасны. Не смотря на все мое прилежаніе и стараніе, грамота мнѣ не давалась. Я не понимала, чего отъ меня хотѣли. Бабушка осталась мною очень недовольна, и, связавъ розгу, положила ее на зеленое сукно ломбернаго стола, за которымъ я училась.

— Не будешь понимать, такъ я высѣку,—сказала она.

Послѣ такого обѣщанія я совсѣмъ поглупѣла и все думала о несправедливости бабушки, которая не цѣнитъ моего старанія. Во время урока съ розгой, въ комнату вошла моя мать.

Мать моя была очень умная женщина. Въ Перми знакомство съ сосланными туда Герценомъ и Оболенскимъ заставило ее много заниматься и читать, и она была дѣйствительно передовой женщиной, до семидесяти лѣтъ сохранившей свѣжесть взглядовъ и сочувствіе всему молодому. Какъ-то Тургеневъ говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ молодости, но увѣренъ, что она права, такъ и мать моя не всегда понимала молодежь, но всегда оправдывала ее.

Увидавъ розгу, лежавшую передо мною, мать моя тотчасъ же спросила, что это значитъ? Я слушала начавшійся между матерью и дочерью педагогическій споръ и поняла только послѣднюю фразу своей матери:

— Если не понимаетъ, значитъ, учить стали слишкомъ рано.

Я была отпущена бѣгать и кромѣ того слышала, какъ мать просила бабушку не сѣчь ея дѣтей.

Должно быть, это говорилось только обо мнѣ, потому что вскорѣ произошло у насъ такое событіе. Второй братъ мой, мальчикъ лѣтъ восьми, все вертѣлся около бабушкинаго коммода и нѣсколько разъ взлѣзалъ на него, при чемъ ложился животомъ на коммодъ, и мнѣ снизу видны были только его поднятыя вверхъ ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ. Въ этотъ день бабушка ждала къ обѣду гостей, и на коммодѣ стояло большое блюдо съ пирожнымъ.

Вскорѣ мы узнали, зачѣмъ Саша лазилъ на комодъ. Предполагая, что если онъ съѣстъ одно *цѣлое пирожное*, то преступленіе его сейчасъ же будетъ открыто, онъ распорядился гораздо благоразумнѣе и отъ каждаго пирожнаго отгрызъ по кусочку.

Слѣдствіе было произведено; бабушка высказала приговоръ: высѣчь, — и бѣднаго шалуна повели на расправу. Посреди комнаты была поставлена маленькая скамеечка, и на нее положили брата, спустивъ штанишки. Я въ ужасѣ прижалась къ стѣнѣ и, по приказанію бабушки, смотрѣла на казнь преступника. Бабушка уже взяла розгу изъ рукъ крѣпостной дѣвушки Домны, какъ вдругъ явилась избавительница въ лицѣ отвратительной рыжей собаченки, Бижутки. Увидавъ, что хозяйка ея занесла руку съ розгами надъ мальчикомъ, который всегда съ нею игралъ и ласкалъ ее, Бижутка съ быстротой молніи прыгнула на преступника и, растянувшись на немъ, съ визгомъ приняла ударъ розгами. Бабушка своихъ дѣтей не любила такъ, какъ она любила Бижутку. Руки у нея опустились. Она начала гнать собаку, но собака на нее огрызалась. Это страшно огорчило бабушку. Въ концѣ концовъ собака таки отстояла Сашу, и экзекуція не совершилась.

Это было мое послѣднее знакомство съ розгами. Съ тѣхъ поръ у насъ въ домѣ о розгахъ не говорили. Но бабушка до конца дней своихъ осталась вѣрна своей системѣ воспитанія, и, пріѣхавъ черезъ много лѣтъ, въ Петербургъ и узнавъ, что я написала повѣсть, она вскричала:

— Это въ шестнадцать-то лѣтъ! Высѣчь ее надо, больше ничего!

Должно быть, это на меня подѣйствовало. Я повѣсть сожгла и бросила писать лѣтъ на пятнадцать, двадцать.

Бабушка всего лучше сохранилась въ моей памяти съ своими разсказами въ зимніе вечера.

Вечеромъ послѣ чая съ круглаго стола убиралась скатерть и на диванъ съ выпуклой спинкой краснаго дерева и съ твердымъ сидѣньемъ, обитымъ жесткой, колючей волосяной матеріей чернаго цвѣта садилась бабушка, полная, свѣжая, румяная, въ круглыхъ очкахъ съ толстой оправой, и работала что нибудь на рукахъ — днемъ же она всегда вышивала въ пяльцахъ. Передъ нею ставилась сальная свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, а поодаль другая сальная свѣча въ такомъ же подсвѣчникѣ и между свѣчами жестяной выкрашенный лоточекъ со щипцами, которыми снимали нагаръ со свѣчей. Въ гостиной же у насъ стояли восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Тамъ, впрочемъ, на предъ-

диванномъ столѣ стояла даже лампа, высокая, какъ каланча. По одну сторону бабушки сидѣла всегда ея крѣпостная дѣвка Домна, рябая и круглолицая. Волосы у нея гладко заплетались въ двѣ косы и завязывались кругомъ головы. Домну я всегда помню въ голубомъ полосатомъ тиковомъ платьѣ и съ короткими рукавами въ видѣ буфъ. Она была рукодѣльницей и сидѣла всегда за вышиваньемъ. По другую сторону сидѣла ходившая за нами, дѣтьми, дѣвушка Оленька, которая до смерти своей прожила въ нашей семьѣ. Оленька занималась починкою нашихъ костюмовъ. Тутъ же сидѣла кухарка, тоже за работой, но личность кухарки совсѣмъ стерлась изъ моей памяти. Затѣмъ сидѣли мы трое. Себя я помню всегда въ ситцевомъ платьѣ съ коротенькими рукавчиками въ видѣ буфъ, съ аспидной доской. На доскѣ рисовался обыкновенно домъ и труба, изъ которой идетъ дымъ. Дымъ дѣлался пальцемъ и съ каждымъ новымъ рисункомъ онъ увеличивался, наконецъ рисунокъ совершенно исчезалъ и вся доска покрывалась сплошными бѣлыми штрихами грифелемъ. На штрихи эти плевалось, и затѣмъ губкой, тряпкой, а иногда и пальцами выводились фантастическіе узоры, рельефно выдѣляющіеся по мѣрѣ высыханія доски. Эти штуки можно было безнаказанно производить только тогда, когда бабушка съ жаромъ разсказывала какой нибудь эпизодъ изъ прошлаго; но лишь только разсказъ прекращался, то она окидывала столъ глазами, смотря поверхъ очковъ, и меня тотчасъ же выводили изъ-за стола, со словами: „пачкунья!“ и мыли. Для того, чтобы пройти въ другую комнату, со стола бралась свѣчка, такъ какъ всѣ остальныя комнаты стояли неосвѣщенными. Вымытая пачкунья возвращалась на свое мѣсто и снова принималась рисовать домъ съ трубой.

Гости принимались тутъ же, но кухарка при появленіи гостей уходила, всѣ же другіе оставались на мѣстахъ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ къ намъ пришелъ морякъ Огильви, сдѣлавшій кругосвѣтное плаваніе. Онъ цѣлый вечеръ разсказывалъ о видѣнныхъ имъ чудесахъ, и, между прочимъ, о томъ, что въ Ріо-Жанейро флотскихъ офицеровъ принималъ бразильскій императоръ Донъ-Педро, страдавшій слоновою болѣзнью. Онъ разсказывалъ, что колѣни у него не сгибались, и принявъ ихъ, онъ сѣлъ и, какъ деревянная

кукла, вытянулъ ноги впередъ. Далѣе мы уже ничего не слушали, а поочередно вышли въ другую комнату, чтобы раскачавшись, сѣсть и вытянуть ноги, какъ Донъ-Педро.

Любимыми темами для разсказовъ бабушки были разсказы о проказахъ ея брата Васеньки, отца Николая Васильевича Шелгунова. Братъ этотъ оставилъ по себѣ въ семьѣ цѣлыя легенды. Онъ былъ, какъ говорили, очень уменъ, написалъ какую-то книгу и сдѣлалъ самъ скрипку. Когда у него родился сынъ Николай, нашъ будущій извѣстный писатель, онъ былъ такъ доволенъ, что пригласилъ оркестръ музыкантовъ; тѣ грянули тушъ и такъ перепугали родильницу, что та чуть было не умерла. Эти разсказы, конечно, не интересовали насъ такъ, какъ представлявшаяся намъ картина братца Васеньки, который купилъ себѣ гадкую, шершавую лошадь, велѣлъ протопить баню, вымылъ лошадь въ банѣ и сдѣлалъ изъ нея прекраснаго, блестящаго коня, котораго выучилъ ходить по лѣстницѣ и постоянно приводилъ къ себѣ въ комнату. У братца Васеньки была широкая натура и послѣ получки денегъ онъ тотчасъ же нанималъ оркестръ и самъ имъ дирижировалъ.

Два другихъ брата бабушки были моряками, и уѣхали въ Америку, гдѣ ихъ кто-то видѣлъ много лѣтъ спустя. Какъ теперь зачастую приходится слышать фразу: „вотъ когда я выиграю двѣсти тысячъ, то сдѣлаю то-то...“ такъ у насъ въ семьѣ говорилось: „вотъ когда изъ Америки получится наслѣдство, и т. д.“ и бабушка, нерѣдко, сидя на предсѣдательскомъ мѣстѣ, за круглымъ столомъ, вслухъ мечтала объ американскихъ милліонахъ.

Бабушка разсказывала очень много о наводненіи, бывшемъ въ 1824 году, и разсказывала съ необыкновеннымъ жаромъ. Въ эти вечера мнѣ представлялось, что вдоль нашей одиннадцатой линіи бѣжитъ потокъ, по нему ѣдутъ лодки и братецъ Васенька спасаетъ какого-то священника изъ окна, что было въ дѣйствительности. До сихъ поръ это наводненіе представляется мнѣ съ такою ясностью, точно я сама его видѣла.

Послѣ смерти прабабушки ея разсказы о прошломъ тоже стали появляться на сцену. Говорилось много объ отечественной войнѣ, но, къ сожалѣнію, я совершенно забыла всѣ подробности, вѣроятно, потому, что у меня въ характерѣ ничего не было воинственнаго. Но за то разсказы объ

императорѣ Павлѣ заставляли мое дѣтское воображеніе тотчасъ же переноситься въ описываемую обстановку, и играя въ куклы, я заставляла ихъ встрѣчаться съ императоромъ Павломъ, вылѣзать изъ экипажа и, несмотря ни на какую грязь, становиться на колѣни.

— Какже, бабушка, платье-то,—любопытствовала я черезъ нѣсколько дней спустя послѣ разсказа:—вѣдь грязью платье выпачкается?

Бабушка объяснила, что нарядныя дамы могли становиться на колѣни, на подножку кареты, то-есть попросту присѣдать на подножку.

Тогда, да и во время моего дѣтства, кареты были высокія, пузатыя, и изъ дверецъ отбрасывалась подножка, которая развертывалась, какъ лента, и образовывала ступени три, четыре.

При домѣ, въ которомъ мы жили въ одиннадцатой линіи, былъ садъ. Этотъ садъ казался мнѣ громаднымъ, съ тѣнистыми аллеями и съ таинственными украшеніями. Лѣтъ черезъ двадцать я изъ любопытства зашла въ этотъ самый садъ, и даже удивилась, какъ онъ незначителенъ и непривлекателенъ. Таинственныя тропинки совсѣмъ были незамѣтны, а бесѣдки далеко не походили на замки, какими они прежде казались. Много лѣтъ провела я въ этомъ саду. Въ этомъ же саду я познакомилась и очень сдружилась съ дѣвочкой Настей, племянницей того моряка, что разсказывалъ о Бразильскомъ императорѣ. Это была маленькая смуглая дѣвочка, вся въ веснушкахъ, но прехорошенькая. Мать ея была вдова, очень состоятельная. Мы съ Настей были большими друзьями, и я себя зачастую помню у ней въ дѣтской, за столомъ. Обѣ мы любили нанизывать бисеръ и дѣлать колечки. Этотъ мой садовой другъ остался моимъ другомъ и потомъ, и хотя мы лѣтъ тридцать не видались, но гдѣ только можно, я всегда стараюсь наводить справки о Настѣ. Другіе же садовые товарищи постоянно смѣнялись и почти всѣ вылетѣли у меня изъ памяти.

Изъ Перми насъ съ матерью привезъ отецъ, служившій тамъ совѣтникомъ губернскаго правленія, и самъ уѣхалъ обратно. Имѣя при квартирѣ такой садъ, мать на дачу не ѣздила, но сколько мнѣ помнится, въ садъ она тоже не ходила, зато безпрестанно дѣлала экскурсіи за городъ.

Она забирала прислугу и отправлялась за грибами на острова: Петровскій, Елагинъ и Крестовскій. Нѣсколько разъ въ лѣто брали на острова и насъ. На Крестовскій островъ я ходить не любила, потому что тамъ нельзя было сдѣлать шагу, чтобы не наступить на лягушекъ. Мы располагались на берегу Невы или взморья и раскладывали свои пожитки. Разжиганье самовара представляло для насъ хлопотливое и любопытное дѣло. Огонь добывался кремнемъ и огнивомъ, искрой отъ котораго зажигался трутъ, а къ труту прикладывалась сѣренка. Сѣренки давно уже вышли изъ употребленія. Это были щепки въ палецъ шириною и въ четверть длиною, заостренныя въ видѣ пики, съ кончикомъ, обмазаннымъ сѣрой. Кончикъ-то сѣренокъ и вспыхивалъ отъ горящаго трута. На дворѣ можно было видѣть каждое утро чухну, съ вязанками сѣренокъ на плечахъ, выкрикивавшаго свой товаръ. И вотъ такая горящая растопка вкладывалась въ трубу самовара, и самоваръ ставился. Конечно, на возвратномъ пути, приходилось тащить не только грибы, но волочить и усталыхъ дѣтей, и потому гдѣ-нибудь на Тучковомъ мосту брался первый же извозчикъ, и меня на него сажали съ кѣмъ нибудь изъ большихъ. Я до сихъ поръ не могу безъ ужаса вспомнить о ѣздѣ на тогдашнихъ извозчикахъ. Посадятъ, бывало, на дрожки, называвшіяся гитарами или колиберами, и съ нихъ каждую минуту рискуешь скатиться. Эти колиберы были такого рода: отъ козелъ шло сидѣнье, какъ на бѣговыхъ дрожкахъ, до маленькой, но довольно высокой спинки. На такое сидѣнье садились двое: одинъ, свѣсивъ ноги на подножку, съ одной стороны, а другой, съ другой. Представьте положеніе дѣвочки, у которой ноги до подножки не доставали. Да и потомъ, когда я выросла и ноги до подножки доставали, то я находила ѣзду на дрожкахъ до крайности неудобной, потому что подножки были обыкновенно скользкія и покатыя. Мужчины садились на такія дрожки верхомъ, какъ на лошадь, лицомъ къ затылку извозчика. Однажды, возвращаясь съ пикника, мы ѣхали съ матерью, мать сидѣла къ спинкѣ дрожекъ и держала одной рукой корзинку съ грибами, а другой меня и зонтикъ. На коленахъ у извозчика стояла другая корзинка съ грибами. Спустившись съ Тучкова моста, извозчикъ по неловкости не

могъ во-время остановить лошадь, хотя видѣлъ, что какіе-то экипажи неслись какъ на пожаръ. Это было поздно вечеромъ, но было еще свѣтло. Я помню моментъ, какъ у моего лица очутилась морда лошади и дышло, и мать съ крикомъ выпустила меня, чтобы защититься зонтикомъ. Я тотчасъ же стала съѣзжать и, конечно, упала бы на мостовую подъ ноги лошадей, но какими-то судьбами извозчикъ проѣхалъ въ такое мѣсто, что покатость мостовой пришлась на сторону матери, и я не успѣла совсѣмъ съѣхать. Извозчикъ остановился, остановилась и коляска, и мы услыхали, какъ ѣхавшее лицо сильно бранило кучера за неосторожную ѣзду.

— Это Великій Князь,—сказалъ извозчикъ.

— Да, отвѣчала мать.

Моментъ моего критическаго положенія казался мнѣ часомъ, и долго, долго, припоминая его, я дрожала отъ страха.

Мать моя еще въ тѣ времена, т. е. въ концѣ тридцатыхъ годовъ говорила о правахъ женщинъ и о необходимости женскаго труда. Она была прекрасная музыкантша, и пріѣхавъ въ Петербургъ, стала брать уроки музыки у Гензельта и уроки генералбаса еще у кого-то. Гензельтъ ѣздилъ къ намъ и, окончивъ урокъ, садился за рояль и игралъ, игралъ безъ конца. Однажды онъ игралъ такъ хорошо, что ходившая по залѣ мать вошла къ намъ въ комнату, гдѣ мы сидѣли всѣ вокругъ стола за работой и, зарыдавъ, упала на полъ. Всѣ мы вскочили съ своихъ мѣстъ, на сцену появился ковшикъ съ водой, а Гензельтъ продолжалъ играть. Наконецъ кто-то догадался побѣжать къ нему и просить его перестать играть. Я помню очень хорошо, какъ онъ вбѣжалъ къ намъ въ комнату и остановился въ дверяхъ. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на мать, безъ чувствъ лежавшую на полу.

— Comment? C'est mon jeu qui a fait cela? сказалъ онъ.

— Oui, oui, monsieur Henselt! отвѣчала ему бабушка.

Не знаю, долго ли мать моя училась у Гензельта, но окончивъ она сама захотѣла давать уроки. Редакторъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, Амплій Николаевичъ Очкинъ, былъ знакомъ съ матерью и напечаталъ маленькую статейку, вѣроятно, въ видѣ объявленія, что ученица Гензельта желаетъ давать уроки музыки. Уроки явились и мать начала пріобрѣтать средства.

Очкины жили то же на Васильевскомъ Островѣ, въ зданіи Академіи Наукъ, въ казенной квартирѣ, на самомъ верху. Такъ какъ у нихъ были дѣти, то и меня брали туда. Я всѣхъ ихъ отлично помню, а голосъ Амплія Николаевича поражалъ меня и тогда. По своей мелодичности это былъ голосъ замѣчательный. Лѣтомъ они жили гдѣ-то на дачѣ, куда я съ матерью ѣздила на извозчикѣ и гдѣ мы оставались ночевать. Я была еще тогда настолько мала, что бѣгала по дивану, и за мной гонялся Иванъ Карловичъ Гебгардъ. Самъ Очкинъ, маленькій рябоватый господинъ въ золотыхъ очкахъ, хотя съ нами, дѣтьми, и не игралъ, но мы его нисколько не боялись. Онъ выходилъ изъ кабинета очень рѣдко, и только по субботамъ, когда у нихъ собирались гости, дверь въ его кабинетъ не была закрыта. Разговоръ онъ велъ по преимуществу на французскомъ языкѣ. Въ тѣ времена французскій языкъ былъ въ большомъ употребленіи, и мать такъ боялась, что мы не будемъ его знать, что братьевъ моихъ она отдала жить въ французское семейство Шевалье, гдѣ ихъ готовили въ гимназію.

Такъ какъ матери моей удалась профессія музыкантши, то она стала пробуждать и во мнѣ любовь къ музыкѣ и для того часто брала меня въ оперу. Въ тѣ времена въ Петербургѣ была нѣмецкая труппа съ знаменитой примадонной Генефетеръ. Я помню, что Бетховенская опера, Фиделіо, произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Мы съ матерью спали въ той комнатѣ, гдѣ жила прежде прабабушка, и по вечерамъ, когда Оля, уложивши меня, уходила спать, а матери еще не бывало дома, я стаскивала съ кроватки тюфякъ на полъ, а сама задрапировывалась въ простыню и начинала пѣть аріи изъ „Фиделіо“. Особенно часто повторялось мною то мѣсто, гдѣ Леонора, сидя на краю могилы, поетъ и падаетъ, и я, взявъ, высокую ноту падала на тюфякъ.

Какъ я уже сказала, знакомство мое съ Настей не прекращалось, и вотъ въ свѣтлый и лѣтній вечеръ Оля повела меня на улицу къ сосѣднему дому смотрѣть невѣсту: это мать Настина выходила замужъ за Масальскаго, автора „Стрѣльцовъ“. Моя мать была съ нею очень дружна и, одѣвшись очень нарядно, отправилась къ невѣстѣ, мы же съ Олей встали у подъѣзда, подъ балкономъ. Вдругъ съ балкона меня окликнула Настя и тотчасъ же объявила, что мама уже надѣваетъ

чулки. Она страшно суетилась, безпрестанно убѣгала въ комнаты и, выбѣгая на балконъ, кричала мнѣ какую принадлежность костюма надѣваетъ ея мама. Должно быть, она перечислила всѣ принадлежности, потому что публика много надъ этимъ хохотала.

Съ этого времени возникло наше знакомство и тѣсная дружба съ домомъ Масальскихъ.

Вслѣдъ за появленіемъ новыхъ знакомыхъ пріѣхалъ изъ Перми отецъ, а бабушка взяла изъ Смольнаго монастыря дочь. Въ нашей квартирѣ произошло полное перемѣщеніе. Шахова уѣхала. Внизу подъ нами были взяты двѣ комнаты и кухня; въ этой квартирѣ помѣстились бабушка съ младшей дочерью, и мы туда ходили обѣдать. Появленіе смолянки, тетки и институтки изъ патріотическаго института, Надежды Васильевны Шелгуновой, рѣшило мою судьбу. Я знаю, что тетка Анна Егоровна плакала, что ее заставляли раздѣваться при собакѣ, говоря, что это стыдно; на улицѣ при видѣ мужика вскрикивала и пряталась за тѣмъ лицомъ, съ которымъ шла, и находила, что слово быкъ—слово неприличное, а надо говорить, что: „вотъ идетъ говядина“. Вмѣстѣ съ этимъ мать застала двухъ институтокъ въ залѣ, у окна, въ страшно горячемъ разговорѣ. Анна Егоровна, сверкая глазами, грозила убить Надежду Васильевну, если та подойдетъ къ окну и покажется молодому человѣку, жившему напротивъ насъ.

— Какія дуры! вскричала моя мать и затѣмъ твердо заявила, что дочь свою ни за что не отдастъ въ закрытое заведеніе.

Теща очень скоро не ужилась съ зятемъ, и послѣ одной очень крупной ссоры, бабушка переѣхала съ тетей Анной Егоровной на отдѣльную квартиру, и я ходила къ нимъ каждый день учиться грамотѣ, которую я стала хорошо понимать. Въ музыкѣ я дѣлала большіе успѣхи и семи лѣтъ играла въ четыре руки на вечерѣ у Очкиныхъ. Я помню очень хорошо, что мнѣ было семь лѣтъ, потому что мальчики острили по этому случаю такимъ образомъ:

— Сколько тебѣ лѣтъ? спрашивалъ старшій Очкинъ.

— Семь, скромно отвѣчала я.

— Ну, такъ я тебя съѣмъ, громко кричалъ онъ, бросаясь на меня, и я съ испугу всякій разъ отскакивала.

Въ это время мать взяла для меня маленькую францу-

женку, мнѣ ровесницу, Корнелію, и она жила у насъ для разговора.

Тетя Анна Егоровна очень скоро сдѣлалась невѣстой и вышла замужъ. День ея свадьбы сохранился въ моей памяти. Я очень хорошо помню, какъ одѣвалась моя мать и невѣста, которой башмаки надѣвалъ одинъ изъ моихъ братьевъ.

На моей матери было свѣтлое зелено-сѣрое платье и беретъ, съ котораго я не спускала глазъ. Беретъ былъ сдѣланъ изъ чернаго бархата, въ видѣ маленькой тирольской шляпы съ розаномъ, а на розанѣ сверкала капля росы, которая казалось мнѣ леденцомъ и возбуждала желаніе откусить ее.

Когда молодые пріѣхали отъ вѣнца, то на диванѣ сидѣла извѣстная въ то время дама-благотворительница, Татьяна Борисовна Потемкина, и рядомъ съ нею очень блѣдная и поразительно красивая дѣвушка, которую звали султаншей. Это была дочь какого-то султана, жившая у Потемкиной. Блѣдность ея объясняли несчастной любовью. Она, какъ говорили, была влюблена въ кого-то при дворѣ, но отецъ сказалъ ей, что проклянетъ ее, если она выйдетъ замужъ за христіанина.

Мужъ моей тетки красавецъ мужчина, лужскій помѣщикъ, оказался не совсѣмъ хорошимъ мужемъ. Гдѣ-то на вечерѣ онъ выпилъ и, поѣхавъ домой съ молодой женой, въ пылу ревности сталъ ее душить хвостами, которые тогда носили, а потомъ приказалъ кучеру ѣхать подъ мостъ, чтобы утопить ее въ проруби. Но кучеръ, зная своего барина, не только на это не согласился, а высадивъ собиравшагося вытащить барыню изъ саней, ударилъ по лошадямъ и увезъ молодую въ городъ, прямо на Васильевскій Островъ къ бабушкѣ.

Тетка прожила у матери не долго. Бабушка не принимала ни самого виновнаго, ни писемъ отъ него; но вотъ разъ вечеромъ она куда-то ушла, а тетка сѣла давать мнѣ урокъ музыки; вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ извергъ-мужъ. Я такъ и замерла на своемъ мѣстѣ, а тетка не только не испугалась, но тотчасъ же ушла съ нимъ въ другую комнату. Я слышала, какъ тамъ плакали и мужъ и жена, и затѣмъ тетя вышла и просила меня передать бабушкѣ, что она уѣхала съ мужемъ.

Восьми лѣтъ меня отдали въ пансіонъ къ старой англичанкѣ, мадамъ Ловоъ. Пансіонъ нашъ помѣщался въ одиннадцатой линіи Васильевскаго Острова, въ двухъ-этажномъ

каменномъ домѣ. Меня привели туда съ утра, и начальница мадамъ Ловоъ, ходившая въ такомъ точно чепцѣ, какъ моя бабушка, но только съ двумя пучками сѣдыхъ локоновъ надъ висками, взяла меня за руку и сдала маленькой румяной курносой дѣвочкѣ. Пока она меня вела черезъ гостиную, я замѣтила, что на ней было надѣто бѣлое платье. Въ другомъ платьѣ я ее никогда и не видала. Это маленькая дѣвочка, лѣтъ девяти, Мари Бентонъ, была въ тотъ день дежурная и повела меня внизъ накрывать на столъ. Тамъ она, спросивъ, какъ меня зовутъ, предложила мнѣ такой вопросъ: хочешь быть моимъ другомъ? Я, конечно, изъявила свое согласіе, но скоро увидала, что быть другомъ значило быть въ безусловномъ распоряженіи маленькой Бентонъ, и поэтому дружба наша очень скоро прекратилась. Внизу было рядомъ пять большихъ комнатъ, кругомъ уставленныхъ совершенно одинаковыми красными шкапами. Такихъ шкаповъ въ этихъ комнатахъ было нѣсколько десятковъ. Они на ночь отворялись, и изъ нихъ опускались кровати, а посреди комнаты стояли столы, обѣдали мы только въ трехъ первыхъ дортуарахъ, въ четвертомъ иногда занимался маленькій классъ, а въ пятомъ помѣщались больныя дѣвочки, у которыхъ не было родителей. Многіе предметы мы проходили на французскомъ языкѣ, такъ, напримѣръ, мы учили по-французски священную исторію, древнюю, среднюю исторію по Ламефлери. Учили по-французски и ботанику и географію и многое другое, и мудрено ли, что, выходя изъ пансіона мы всѣ говорили по-французски. Было у насъ всего четыре класса, и въ слѣдующій классъ переводились дѣвочки тогда, когда онѣ могли переходить, а не въ опредѣленные сроки. Только въ старшемъ классѣ мы серьезно стали заниматься русскимъ языкомъ. Насъ было девяносто дѣвочекъ. Половина изъ нихъ были пансіонерками, а другая половина уходила домой въ восемь часовъ. Впослѣдствіи, когда мадамъ Ловоъ умерла, явилось дѣвочекъ десять, уходившихъ домой обѣдать. Я была полупансіонеркой и уходила по вечерамъ домой.

Дни танцклассовъ мы считали самыми веселыми днями въ недѣлѣ. Послѣ обѣда, когда со столовъ все было убрано, являлись горничныя съ корзинками, въ которыхъ, вмѣстѣ съ нарядными платьями, и обязательными кисейными передничками, непремѣнно лежали какія нибудь лакомства. Сумбуръ

въ дортуарахъ былъ невообразимый. Въ теченіе полутора часа всѣ дѣвочки бывали готовы и одѣтыя ходили по залѣ. Ровно въ три часа являлся нашъ учитель танцевъ Эбергардъ, толстый красный старикъ, съ вьющимися сѣдыми волосами, во фракѣ, черныхъ чулкахъ, доходившихъ ему до колѣнъ, и въ башмакахъ съ пряжками. Вмѣстѣ съ нимъ являлся печальнаго вида, высокій старикъ, плохо выбритый, со скрипкою въ рукахъ и проходилъ въ уголъ. Эбергардъ выражалъ свое неудовольствіе щипками. Всѣ это знали, но никогда никто не жаловался.

Строгость относительно разныхъ шашней у насъ была пуританская. Напротивъ насъ находился Патріотическій институтъ, а рядомъ Морской корпусъ. Съ наступленіемъ хорошихъ весеннихъ вечеровъ, на тротуарѣ, передъ Патріотическимъ институтомъ начинали прохаживаться морскіе офицеры, а институтки высовывались изъ оконъ и переговаривались съ ними. Мы страшно возмущались этимъ и никогда не подходили къ окну, хотя наши гувернантки не дѣлали намъ ни малѣйшихъ замѣчаній. Точно также обожаніе учителей у насъ вовсе не было въ модѣ.

Года черезъ два послѣ моего вступленія въ пансіонъ, туда же была отдана и старшая дочь Очкиныхъ, Мари. Хотя родители наши и были не только знакомы, но и дружны, мы съ Мари были только въ хорошихъ отношеніяхъ, а подружилась я очень съ Маркеловой, нынѣ Каррикъ, съ которой дружна и по сейчасъ. Въ какія только пренія, разсужденія и мечтанія мы не пускались съ нею, шагая взадъ и впередъ по большой прихожей, куда могли выходить только ученицы старшаго класса.

Не смотря на очень высокую плату, кормили насъ очень плохо, тѣмъ не менѣе всѣ кушанья казались мнѣ необыкновенно вкусными. Я такъ часто, будучи уже замужемъ, говорила о прелестяхъ квасного киселя, что мать моя приказала мнѣ сдѣлать квасной кисель, и онъ показался мнѣ отвратительнымъ. Надо думать, что не менѣе отвратительна была и манная каша, сваренная на водѣ и подаваемая съ сахаромъ, корицей и синеватымъ молокомъ.

Не смотря на это въ пансіонѣ царилъ всетаки хорошій духъ, потому что, насколько мнѣ помнится, наказаній у насъ никакихъ не было, а учились мы хорошо. За Законъ

Божій отмѣтокъ у насъ совсѣмъ не ставилось, но не знать урока у батюшки Раевскаго, считалось не только позоромъ, но даже преступленіемъ. Уроки Закона Божія производили на меня страшное впечатлѣніе. Дома я никогда ничего не слыхала о религіи. Отецъ былъ лютеранинъ, а мать никогда не ходила въ церковь и о вѣрѣ мало говорила. Сомнѣнія не могли не вкрадываться въ мою душу, потому что споры Николая Васильевича (Шелгунова), съ моей матерью, уже вышедшаго въ офицеры и ходившаго къ намъ, мнѣ приходилось невольно слушать. Когда я въ первый разъ услыхала выраженное мнѣніе о Христѣ, какъ о великомъ человѣкѣ, я горько плакала и промучилась всю ночь. И съ этой минуты дума моя раздвоилась. Послѣ каждаго класса батюшки Раевскаго, я выходила съ пылающимъ лицомъ и съ негодованіемъ на себя за то, что я смѣла сомнѣваться. Никому не говорила я о той борьбѣ, которая происходила въ моей душѣ и мучилась одна.

Масальскій, женившись на матери моего друга Насти, вскорѣ заложилъ деревни жены моему отцу и на эти деньги купилъ журналъ „Сынъ Отечества“. „Сынъ Отечества“ былъ въ то время толстымъ журналомъ, и редакція его помѣщалась на Аптекарскомъ островѣ у Карповскаго моста. Домикъ Масальскихъ, кажется, существуетъ до сихъ поръ, но только тогда онъ стоялъ особнякомъ, и хотя внизу выходило на улицу всего три окна, а наверху было только одно венеціанское окно съ балкономъ, но домъ тянулся по двору и вовсе не былъ маленькимъ. За очень большимъ дворомъ шелъ чудный старинный садъ съ двумя бесѣдками, въ одной изъ которыхъ каждое лѣто жилъ кто-нибудь изъ родственниковъ, а другая служила танцовальной залой, когда собирались гости. За этимъ садомъ шелъ еще фруктовый садъ, заборъ отъ котораго выходилъ на Песочную улицу.

Семейство Константина Петровича Масальскаго было громадное и крайне нервное. Одинъ братъ его воображалъ себя герцогомъ Лейхтенбергскимъ, но жилъ не въ больницѣ, а дома. Онъ потомъ выздоровѣлъ, и мы, дѣти, слышали странный разсказъ о его выздоровленіи. Онъ убѣжалъ изъ дому и, вернувшись черезъ три дня, оказался здоровымъ. Гдѣ онъ былъ, что онъ дѣлалъ—никто не зналъ, да и не спрашивалъ, такъ какъ докторъ предупредилъ, что напоминанье о

томъ, что съ нимъ было, могло вредно подѣйствовать на него. Одна изъ сестеръ тоже была больна чѣмъ-то страннымъ. Она боялась 1-го августа и именно того момента, когда зажигались въ первый разъ фонари, и дѣйствительно умерла въ это число, когда зажигались въ первый разъ фонари. Въ домѣ у нихъ было еще нѣсколько нервныхъ больныхъ, страдавшихъ нервными болѣзнями самаго страннаго свойства. Намъ, дѣвочкамъ, эти болѣзни рисовались въ какомъ-то романическомъ свѣтѣ, а въ сущности это были, какъ я теперь понимаю, простые, самые прозаическіе душевно-больные.

Самъ редакторъ жилъ какимъ-то особнякомъ на верху, гдѣ былъ его кабинетъ, спальня и библіотека. Эти комнаты находились такъ далеко отъ другихъ комнатъ верхняго этажа, что представлялись особымъ государствомъ. Проводя въ этой семьѣ все свободное время и всѣ праздники, въ продолженіе многихъ лѣтъ, я раза два, три бывала въ спальнѣ и въ кабинетѣ, въ то время какъ я зачастую ходила въ библіотеку за книгами. Эти три комнаты составляли одинъ лагерь въ семьѣ, а другой находился внизу, гдѣ жила сестра редактора, при которой жили его дѣти, сынъ и дочь отъ первой жены. Обѣдъ накрывался на длинномъ столѣ, за которымъ никогда не обѣдало менѣе пятнадцати, двадцати человѣкъ. Константинъ Петровичъ являлся обыкновенно къ третьему блюду и ѣлъ уже холодный супъ. Жена его, мать Насти, почти никогда не сходила внизъ обѣдать, потому что почти постоянно была больна. Она была блѣдная, черноглазая женщина, говорившая очень тихо и постоянно молившаяся. Она видѣла видѣнія религіознаго характера и говорила только о религіи. Домашнее хозяйство и воспитаніе дѣтей было предоставлено тетѣ Машѣ. Послѣ обѣда Константинъ Петровичъ иногда садился за фортепіано и фантазировалъ. Онъ фантазировалъ прелестно, по нѣскольку часовъ сряду, и забывалъ тутъ все. Онъ всегда ненормально увлекался чѣмъ нибудь, и въ такихъ случаяхъ совершенно забывалъ о дѣлѣ.

Масальскіе, живя на широкую ногу, держали массу прислуги и все хозяйство велось по-помѣщичьи.

Кто участвовалъ въ журналѣ, мы, дѣти, совсѣмъ не знали, и не интересовались. Я помню только князя Кропоткина, который въ продолженіе многихъ лѣтъ, на вопросъ: „Что

вы теперь пишете?“ отвѣчалъ вѣчно одно и то же слово: „Балладу“. Онъ произносилъ букву л очень странно, и мы прозвали его балладой. Да, кромѣ того, тамъ бывалъ постоянно журнальный работникъ Любенскій. Попавъ изъ семинаріи въ домъ, гдѣ было столько дамъ, онъ началъ одѣваться по модѣ и принимать видъ свѣтскаго человѣка. Придя на одну изъ средъ — среды были назначенные дни — онъ оказался завитымъ въ видѣ барана, и когда сестра Масальскаго сказала ему:

— Боже мой! какой вы франтъ!

Онъ очень важно отвѣчалъ:

— Comme ça toujours!

Послѣ этого за нимъ осталось прозвище Комсатужура.

Надо думать, что Комсатужуръ былъ единственно опорой журнала, потому что намъ никогда не приходилось видѣть другихъ журналистовъ. Но добрымъ знакомымъ въ семьѣ онъ не былъ.

У Масальскихъ, кромѣ своей семьи, жили еще двѣ воспитанницы, значительно старше насъ, дѣвочекъ. Старшая воспитанница, бывало, сидитъ въ залѣ на стулѣ, и вдругъ начинаетъ пріятно улыбаться, затѣмъ встаетъ, поднимаетъ руку, томно склоняетъ голову и несется по залѣ въ вихрѣ вальса съ воображаемымъ кавалеромъ. Она производила много странныхъ движеній; какъ, напримѣръ, разъ она отворила дверь въ гостиную, и, остановившись въ смущеніи, отвѣсила низкій реверансъ. Въ гостиной, между прочимъ, никого не было, въ чемъ я тотчасъ же убѣдилась, войдя туда.

Когда мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, у меня сдѣлалась скарлатина, послѣ которой я такъ плохо поправлялась, что на время была взята изъ пансіона и отправлена на Карповку, чтобы учиться съ дѣтьми Масальскихъ.

Въ то время говорили очень много о магнетизмѣ и о магнетизерѣ Пашковѣ, который производилъ чудеса. Одна изъ дочерей Масальскаго заболѣла удивительной болѣзнью. Послѣ судорожнаго припадка она впадала въ безпамятство, и затѣмъ вскакивала и начинала бѣсноваться. Мы, другія дѣвочки, — у Масальскихъ была масса родныхъ — присутствовали тутъ же и прыгали и скакали вмѣстѣ съ нею, совершенно забывая, что съ ея стороны это сдѣлалось совсѣмъ не естественно. Зала, при этомъ, бывала ярко освѣщена, и я за-

частую съ нетерпѣніемъ ждала, скоро ли начнется припадокъ и мы начнемъ танцовать? Такая странная болѣзнь, конечно, называлась нервною болѣзнью, и потому ее вздумали лечить тоже страннымъ способомъ. Кто-то отправился къ Пашкову съ вещью больной, прося его спросить у кого нибудь изъ магнетизируемыхъ имъ особъ: какимъ средствомъ надо лечить эту болѣзнь? Полученный отвѣтъ не удовлетворилъ никого. Пашковъ прислалъ сказать: чтобы убили голубя и дали принять больной двѣ капли его крови. Онъ и самъ пріѣзжалъ магнетизировать, но съ дѣвочкой тотчасъ же начинался припадокъ.

Когда отецъ мой вернулся въ Петербургъ изъ Перми, Масальскій заложилъ ему имѣніе жены въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, о чемъ я уже говорила выше, и мы вмѣсто дачи поѣхали въ свою будущую деревню. Мы поѣхали туда въ первый разъ въ 1844 году и переѣздъ этотъ далеко не походилъ на переѣздъ нынѣшняго времени. Въ Петербургѣ мы наняли лодку, подъ навѣсомъ которой намъ устроили мѣсто для спанья. Лодка на половину была набита какимъ то товаромъ, и между этимъ-то товаромъ поставили наши вещи и устроили нѣчто въ родѣ дивана и стола въ той сторонѣ, которая выходила къ кормовой каютѣ, отданной тоже въ наше распоряженіе. На воздухѣ сидѣть мы могли только между навѣсомъ и кормовой каютой. Такимъ образомъ мы помѣстились въ эту лодку подъ Невскимъ, куда пріѣхали въ объемистой, четырехмѣстной каретѣ, набитой нами и подушками. Изъ подъ Невскаго мы на веслахъ переправились на Охтенскую часть Невы, и тамъ, высадивъ лошадь, стоявшую у насъ на носу, двинулись бечевой. Верстъ черезъ двадцать, лодка остановилась, для отдыха лошади, и шестьдесятъ верстъ до Шлиссельбурга мы ѣхали почти двое сутокъ, такъ какъ ночью, конечно, лодка не шла. У устья Невы лошадь снова ставилась на носъ, мы пошли на веслахъ, и черезъ шлюзы вошли въ Ладожскій каналъ. Сто верстъ мы сдѣлали въ трое сутокъ. Въ то время не находили это ужаснымъ. На берегъ мы вышли въ полночь, и пока посылали въ деревню за подводами, солнце уже высоко поднялось, и въ жаркій полдень мы на телѣгѣ въѣхали въ лѣсъ по узкой лѣсной дорогѣ.

Теперь, глядя на наши жиденькіе лѣсочки, остается только вспоминать то утро, когда мы ѣхали между громаднѣйшими соснами, распространявшими кругомъ смолистый запахъ, и жужжаніе мухъ и пчелъ. Маленькая деревня съ довольно хорошими избами, крытыми соломой, представляла нѣчто въ родѣ покинутаго селевья. На единственной улицѣ не было ни одной живой души.

Обитатели деревни Подолъ никогда отъ роду не видывали господъ и со страху всѣ попрятались. Домъ или, какъ тогда говорили, барскія хоромы, хотя и были выстроены, но въ нихъ никто не живалъ. Черезъ часъ въ людскую стали набираться бабы, въ самыхъ яркихъ костюмахъ, съ платками на головѣ, подвязанными подъ подбородкомъ и съ острымъ уголкомъ наверху, сложеннымъ въ родѣ носика бумажнаго пѣтушка. Когда мать вышла въ людскую, къ ней первая подошла жена старосты и съ поклономъ подала чашку съ голубымъ узоромъ, въ которой лежало приглаженное масло и кругомъ яица. Всѣ остальныя бабы поднесли точно также масло, сметану, творогъ, яица, и всѣхъ ихъ потомъ одаривали.

Я съ первыхъ же дней очень подружилась съ старымъ ополченцомъ двѣнадцатаго года, который былъ раненъ подъ Данцигомъ, и постоянно ужинала у него въ избѣ съ нимъ и съ его старухой.

Съ этого лѣта мы постоянно ѣздили въ эту деревню, впослѣдствіи доставшуюся отцу, мѣсяца на три, на четыре, а зимою продолжали жить на Васильевскомъ островѣ.

Четырнадцатилѣтней дѣвочкой я перешла въ старшій классъ и воображала себя большой. Не понимаю, какимъ образомъ я могла переходить изъ класса въ классъ, да еще въ добавокъ считаться хорошей ученицей? Мнѣ думается, что я тогда ровно ничего не знала, хотя и перешла въ старшій классъ. Разъ какъ-то въ субботу вечеромъ, вернувшись откуда-то съ братомъ домой, мать встрѣтила насъ такой фразой:

— А у насъ Коля Шелгуновъ.

Надо сказать, что когда Шелгуновъ вышелъ въ офицеры, то я бояться его перестала, и, напротивъ того, мы съ братьями всегда ликовали, когда Николай Васильевичъ приходилъ къ намъ. Съ отъѣздомъ бабушки, уѣхавшей въ Лугу къ дочери Анны Егоровны, онъ бывалъ у насъ очень рѣдко, но посѣщенія его отличались разными фокусами, шалостями и шумными забавами. Услыхавъ, что Николай Васильевичъ

у насъ, мы опрометью бросились въ залъ, и я вдругъ остановилась въ смущеніи. Я была уже въ длинномъ платьѣ, и Н. В., вмѣсто шумныхъ объятій и поцѣлуевъ, только сказалъ:

— Да, Люденька, совсѣмъ большая!

Съ этого дня Шелгуновъ сталъ къ намъ ходить, сначала каждую недѣлю, а потомъ ужъ и каждый день. Я вышла изъ пансіона и серіезно занималась музыкой.

Я встрѣтила въ своемъ старшемъ братѣ, студентѣ С.-Петерб. университета, протестъ противъ моихъ упражненій. Къ нему ходилъ ежедневно его товарищъ Григорій Петровичъ Данилевскій, чтобы вмѣстѣ съ нимъ заниматься. Я, въ это же время, садилась играть, и была увѣрена, что черезъ часъ въ дверяхъ залы появится Гр. Петр. и начнетъ со мною говорить. Братъ выходилъ изъ себя и заявилъ свою претензію отцу. Отецъ принялъ сторону брата, и мнѣ позволялось играть только по прошествіи трехъ часовъ занятій молодыхъ людей. И занятія, и бесѣды мои съ Данилевскимъ прекратились довольно странно. Онъ вдругъ перестал ходить, и братъ, думая, что онъ захворалъ, пошелъ къ нему справиться. Данилевскій оказался арестованнымъ и посаженнымъ въ крѣпость. Всѣ знавшіе Данилевскаго недоумѣвали, потому что никогда никто никакого вольнодумства въ немъ не замѣчалъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, дѣло объяснилось. Онъ былъ арестованъ по ошибкѣ вмѣсто другого Данилевскаго, потомъ сосланнаго.

Къ Масальскимъ мы продолжали ѣздить, на этотъ разъ уже съ Шелгуновымъ. Мать моя сотрудничала въ „Сынѣ Отечества", и первая статья Николая Васильевича была помѣщена тамъ же. Шелгуновъ очень любилъ философскіе разговоры и говорилъ такъ запутанно, что подруги мои нерѣдко просили меня затѣять какой-нибудь споръ, чтобы имъ послушать.

Мать не вмѣшивалась въ наши разговоры, какъ не вмѣшивалась и въ тѣ книги, которыя я читала по указанію Н. В. Она была твердо увѣрена, что я выйду за него замужъ, и говорила:

— Онъ воспитываетъ себѣ жену, и мнѣ мѣшаться не для чего.

Я же страшно желала сдѣлаться умной, и когда мнѣ Николай Васильевичъ принесъ философію Надеждина, то я

принимала эту книгу, какъ какую-нибудь микстуру. Читала и ничего не понимала и опять перечитывала, заставляя мысль вернуться къ непонятнымъ мнѣ мѣстамъ. Когда я видѣла въ концѣ концовъ, что не понимаю, я успокоивала себя надеждой, что такая гимнастика ума все-таки должна принести мнѣ пользу.

По выходѣ изъ пансіона мы поѣхали въ деревню. Это было въ самомъ началѣ мая. Съ нами поѣхалъ Шелгуновъ и пробылъ у насъ нѣсколько дней. Эта поѣздка рѣшила нашу судьбу, и послѣ этого я стала получать письма, которыя перечитывала ежедневно по нѣскольку разъ. Изъ четырехъ писемъ, полученныхъ въ это лѣто, два письма были моими любимыми и потому пришли въ особенно ветхое состояніе, находясь постоянно въ карманѣ.

Май, 1848 г.

„Отчего такъ трудно написать къ вамъ письмо? Принимаюсь уже за четвертое: два письма разорвалъ, усладительное написать не смѣю, не имѣю на то права, жесткое не могу, а между тѣмъ мнѣ хочется сказать вамъ: одинъ Богъ на небѣ, одинъ дядя на землѣ, который умѣетъ любить такъ свою племянницу, какъ я.

„Уѣхавъ отъ васъ, я готовъ былъ 10 разъ воротиться, чтобы провести хоть 1/10 минуты, но, къ счастью или несчастью (право, не знаю), я этого не сдѣлалъ по общей слабости всѣхъ мужчинъ, щеголяющихъ воображаемою твердостью характера; на пароходѣ, когда возвращеніе въ деревню сдѣлалось невозможнымъ для меня дѣломъ, я чувствовалъ, что могъ бы заплакать, — такъ не хотѣлось мнѣ съ вами разстаться. Желая какъ-нибудь размыкать свое горе, я убѣжалъ въ каюту и, сложивъ шинель въ видѣ подушки, легъ на своемъ старомъ мѣстѣ,—кажется, я тогда думалъ, я мечталъ о чемъ-то. Простившись съ вами, я простился и со своимъ счастьемъ, нашли тучи громовыя и вѣтеръ началъ дуть съ сѣвера, мнѣ было холодно, страшно холодно, отогрѣлся уже дома; если бы вы видѣли, какъ встрѣтили меня радостно, какъ старались исполнить, даже предугадать мои желанія—теперь я убѣжденъ, что есть на свѣтѣ люди, которые любятъ меня.

„Однако, письмо мое похоже нѣсколько на дурную музыку въ минорномъ тонѣ,—надобно улыбнуться.

„Изъ Петербурга я выѣхалъ въ почтовой каретѣ; такое путешествіе нѣсколько удобнѣе поѣздки въ телѣгѣ,—по крайней мѣрѣ, не рискуешь откусить себѣ языкъ, что при тряской дорогѣ очень удобно,—и ночью не потеряешь фуражку".

Я дѣлаю выписку изъ второго письма, потому что здѣсь выраженъ взглядъ покойнаго Шелгунова на женщину. Не слѣдуетъ забывать, что это писалось болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ.

„...Женщины по общей ихъ слабости ищутъ обыкновенно въ человѣкѣ наружныхъ достоинствъ, имъ непремѣнно нужно, чтобы мужчина былъ хорошъ собою, ловокъ и умѣлъ бы танцовать,—а если этихъ достоинствъ мужчина не имѣетъ, то, смотря на него, женщина обыкновенно дѣлаетъ кислую гримасу, произноситъ „фи"... и отворачивается. Но правы ли женщины?... разумѣется, что нѣтъ. Вамъ вѣроятно еще не случалось подмѣчать за женщинами, которыя любили на своемъ вѣку и для удовлетворенія этой страсти жертвовали своими обязанностями и преступали даже законы супружества,—если имѣете возможность—понаблюдайте и вы удостовѣритесь, что ни одна изъ нихъ не оправдываетъ себя въ душѣ и боится оглянуться на прошедшее. Но отчего это?—Оттого только, что онѣ ошиблись въ разсчетахъ своего сердца, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ и вмѣсто человѣка нашли въ предметѣ своей любви только одну заманчивую наружность,—женщина не ищетъ въ мужчинѣ души, и въ этомъ ихъ всегдашняя ошибка.—Можетъ быть, въ этомъ не совсѣмъ правы и мужчины, но повѣрьте, что вина мужчинъ есть слѣдствіе вины женщинъ.—Только молодые люди еще уважаютъ вполнѣ женщинъ и видятъ въ нихъ все прекрасное и высокое, видятъ въ нихъ существа, говорящія душѣ; люди среднихъ лѣтъ смотрятъ на эти вещи уже иначе, положительность беретъ въ нихъ перевѣсъ надъ духовной стороной, и оттого женщина для нихъ не болѣе, какъ кусокъ мяса, большаго или меньшаго вѣса и объема.—Такой взглядъ является въ мужчинѣ потому, что разсудокъ его большею частью направленъ къ положительной цѣли, понимаетъ хорошо обязанность человѣка, и повѣрьте, что какъ бы человѣкъ въ глубинѣ души ни былъ черепъ, онъ всегда назоветъ подлецомъ человѣка, который поступаетъ дурно, и если не говоритъ ему этого въ глаза, то въ душѣ всегда гнушается гадкаго, грязнаго, низкаго.

„Дѣвица или женщина, забывъ свои обязанности и предавшись вполнѣ на волю человѣка, ею любимаго, никогда не возбудитъ въ немъ уваженія къ себѣ; — удовлетворять своимъ страстямъ не значитъ еще любить, и потому мужчина, избранный женщиной, большей частью не любитъ ее и въ душѣ непремѣнно смѣется надъ ней,—и онъ правъ. Женщины учатся, по принятой у насъ методѣ, только языкамъ, французской кадрили или другимъ смѣшнымъ танцамъ и музыкѣ,—о нравственномъ воспитаніи ихъ никто не заботится, что же удивительнаго, что онѣ выходятъ большею частью какими-то куклами съ уродливыми таліями и увѣренностью въ свое воображаемое высокое назначеніе, способность любить и съ другими претензіями, въ которыхъ нѣтъ ни куска здраваго смысла.

„Полюбивъ мужчину и забывъ для этого свои обязанности, она нарушила законъ своей совѣсти, нарушила свое слово, и слѣдовательно она п....—а кто уважаетъ людей, дѣлающихъ гадости и играющихъ своимъ словомъ?—никто,—въ этомъ-то и причина, почему женщины находятъ,—когда любовь еще остынетъ,—любимаго ими прежде мужчинъ недостойными своихъ жертвъ и раскаиваются, къ несчастію, слишкомъ уже поздно—въ своихъ проступкахъ. Женщина до замужества можетъ влюбляться, сколько ей угодно,—но должна однако владѣть собою, и даже сказавъ „люблю", не позволять себѣ большаго. Вышедъ же замужъ, она должна только помнить, что она жена—мать,—а объ остальномъ мірѣ можетъ даже совсѣмъ и не думать. Что скажете вы, мой другъ, рай моей жизни, на мою философію?.. Въ отвѣтѣ своемъ на это письмо вы вѣрно отвѣтите что-нибудь. Я не позволилъ бы себѣ писать такого письма, если бы не былъ увѣренъ, что, начавъ жить, вы предложили себѣ вопросъ, „къ чему дана жизнь человѣку?" и постарались разрѣшить его по возможности. Человѣкъ существо духовно-разумное и потому онъ долженъ понимать свое назначеніе..."

Изъ слѣдующаго письма я дѣлаю выписку для характеристики Шелгунова, такъ какъ-то, что писалъ двадцатитрехлѣтній юноша, могъ бы написать и старецъ Шелгуновъ.

„Не знаю, всѣ ли люди созданы такъ глупо, какъ я,—представьте:—мнѣ необходимо нужно имѣть подлѣ себя человѣка, котораго я люблю, если же это невозможно, то изъ

окружающихъ меня людей я избираю одного, на котораго обращаю всю свою нѣжность;—теперь подъ моимъ покровительствомъ находится одинъ изъ офицеровъ моей партіи, юноша съ прекрасными способностями души и сердца; жаль только, что нравственное направленіе его не совсѣмъ вѣрно;—впрочемъ, все это можетъ измѣниться,—все будетъ зависѣть отъ общества, въ которое онъ попадетъ. Мало того, что я исполняю всѣ его желанія, но даже въ видѣ сюрпризовъ покупаю ему иногда пряники или другія лакомства".

Да, Шелгуновъ всю жизнь увлекался кѣмъ нибудь и скоро разочаровывался.

Во времена крѣпостничества среднее сословіе было болѣе обезпечено, и дѣвушкамъ не приходилось бѣгать по урокамъ и бояться за завтрашній день. Я не помню, чтобы въ разговорахъ, какіе велись между знакомыми, проглядывала боязнь остаться безъ работы и оказаться чуть ли не на улицѣ. Страшнаго призрака необезпеченности тогда точно не чувствовалось, и люди, живя на чужіе труды, имѣли много свободнаго времени. Большинство барышень писало свои дневники. Не скажу, чтобы эти дневники не приносили своей доли пользы людямъ, способнымъ анализировать себя. Пишетъ, пишетъ человѣкъ ежедневно, что онъ дѣлаетъ и думаетъ, да наконецъ невольно увидитъ, если онъ думаетъ все о пустякахъ, а дѣлаетъ все глупости.

Я тоже писала дневникъ и прятала его очень тщательно, такъ какъ въ этомъ дневникѣ я раскрывала свою душу.

Когда къ зимѣ всѣ съѣхались въ Петербургъ, къ намъ явился Шелгуновъ и сталъ бывать часто. Отецъ у меня былъ строгій, суровый нѣмецъ, и мы всѣ поголовно его боялись. Будь онъ домосѣдомъ, мы были бы совсѣмъ несчастны, но онъ любилъ вистъ и преферансъ. До обѣда онъ сидѣлъ въ департаментѣ, послѣ обѣда ложился спать, а вечеромъ уходилъ куда-нибудь играть въ карты и возвращался часа въ два, въ три. Шелгуновъ вмѣстѣ съ нами боялся старика, и по вечерамъ, поднимая руку къ звонку нашей двери, онъ задавалъ себѣ только одинъ тревожный вопросъ: „А что, если Петръ Ивановичъ дома?" Мать мою онъ не боялся, хотя зачастую негодовалъ на нее за то, что она напоминала ему, что онъ мнѣ дядя и болѣе ничего. Къ Масальскимъ ѣздить онъ не любилъ и откровенно написалъ мнѣ,

почему не любитъ. „Я не могу быть,—писалъ онъ,—у тѣхъ людей, которые не видятъ во мнѣ человѣка, которые полагаютъ, что человѣкъ можетъ быть человѣкомъ вполнѣ только съ 40 лѣтъ, или съ чина коллежскаго совѣтника и сортируютъ людей по чинамъ и лѣтамъ. Будьте увѣрены, что человѣкъ, понимающій вещи такимъ образомъ—только далекое подобіе человѣка, а не человѣкъ. Дурачье—они думаютъ, что старость заслуга человѣку,—какъ будто бы они не знаютъ, что старыхъ ословъ много на свѣтѣ, но ихъ никто не цѣнитъ. Масальскій, Калашниковъ и вашъ папенька не уважаютъ меня, какъ молодого человѣка, а я не уважаю ихъ, потому что не вижу въ нихъ людей,—не вижу въ нихъ разумности и не считаю ихъ выше себя за то, что они родились раньше меня на сорокъ лѣтъ. Вотъ причина, почему я не хочу быть у Масальскихъ".

Моя няня, Оля, которая зорко слѣдила за Николаемъ Васильевичемъ, разъ утромъ пришла къ моей матери и ехидно спросила:

— А развѣ Людинька у насъ невѣста?

— Нѣтъ.

— Такъ отчего же Николай Васильевичъ цѣлуетъ у нея руки?

Этотъ доносъ, какъ я называла это сообщеніе тогда, произвелъ объясненіе, вслѣдствіе котораго Н. В. заявилъ, что ходить къ намъ въ качествѣ дяди онъ не желаетъ и написалъ мнѣ слѣдующее, далеко не сдержанное письмо:

„Благородство, чистота поступковъ, правда и желаніе добра ближнимъ должны быть основаніемъ дѣйствій человѣческихъ; кто поступаетъ иначе, тотъ не имѣетъ права на уваженіе и не смѣетъ претендовать на умъ и доброту... Причины посѣщеній моихъ въ послѣдніе три года дома вашего папеньки были для всѣхъ ясны; извѣстныя причины даютъ извѣстные результаты,—ваша маменька должна была знать это, и, разумѣется, она знала, къ чему приведетъ меня знакомство съ вами. Вчерашній поступокъ ея со мною ниже всякой критики, относительно меня онъ черенъ по злости дѣйствія, а относительно васъ онъ замѣчателенъ по безразсудству дѣйствій. Ваша маменька видѣла, что я люблю васъ, но, кажется, она не умѣла понять, что любовь чистая, основанная на благородствѣ чувствованія и уваженіи люби-

маго существа, приводитъ человѣка къ мысли о необходимости соединенія съ нимъ союзомъ, болѣе твердымъ родственнаго знакомства.

„Если по природной безпечности своего характера, по глубокому эгоизму своему и по непривычкѣ разсуждать и глядѣть впередъ нѣсколько далѣе своего носа и сегодняшняго дня, Евгенія Егоровна не хотѣла и не умѣла понять этихъ вещей, то по обязанности матери она должна была понять ихъ и своевременно принять мѣры, которыя разорвали бы наше знакомство и не завлекли бы меня такъ далеко. Евгенія Егоровна увѣряетъ цѣлый свѣтъ, что въ ней много материнскаго чувства, но, ради Святого Николая, скажите, гдѣ это чувство относительно васъ? Не въ желаніи ли нарядить васъ какъ куклу, выставленную напоказъ зѣвающей и глупой толпы въ окнѣ игрушечной лавки? Не въ хитро-радостной-ли улыбкѣ и глупо-животномъ самодовольствѣ при взглядѣ на толпу дурандасовъ, окружающую васъ и восхищающуюся вашими тѣлесными достоинствами безъ способности понять вашу прекрасную душу, ваше прекрасное сердце? Накопецъ, не въ заботливости ли о вашемъ будущемъ, для котораго Евгенія Егоровна не сдѣлаетъ и полушага. Гдѣ же это чувство, скажите? Можетъ быть, въ тѣхъ высокихъ нравственныхъ правилахъ, которыя, какъ результатъ опытности Е. Е., не годятся ровно ни для кого и должны остаться тайной Е. Е., потому что за подобныя истины, сказанныя вслухъ, закидываютъ грязью, забрасываютъ каменьями. Нѣтъ, Людинька, не въ подобныхъ вещахъ проявляется материнское чувство. Прежде всего оно должно излиться въ нравственномъ образованіи своихъ дѣтей, въ въ раскрытіи имъ міра души и возбужденія въ нихъ сознанія о необходимости жить умомъ, душою и сердцемъ на основаніи закона благородныхъ чистыхъ побужденій и нравственныхъ человѣческихъ правилъ.

„Вы помните, вѣроятно, слова вашей маменьки на мой вопросъ: „могу ли я посѣщать вашъ домъ?“ на основаніи того закона, который я чувствую глубоко и который въ настоящее время составляетъ цѣль моей жизни. Вы знаете, что я могу быть у васъ, я могъ быть вашимъ дядей четыре года назадъ, но теперь быть имъ не могу, или я вашъ женихъ (на условіи обезпеченія васъ на случай моей смерти

или нежеланія вашего жить со мною), или я никто, человѣкъ вовсе незнакомый, иначе поступить не могу. Мы съ вами должны разстаться, вы это сами понимаете. Прощайте, Людинька, не забудьте, что во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ человѣкъ долженъ предлагать себѣ вопросъ: „къ чему это, добро это или зло, подло или благородно я буду дѣйствовать, поступая такимъ образомъ?“ Я предложилъ себѣ этотъ вопросъ вчера, обдумалъ свои дѣйствія сегодня утромъ и рѣшилъ, что я долженъ поступить такимъ образомъ. Прощайте, Людинька, еще разъ, дай Богъ, чтобы мы встрѣтились еще когда-нибудь въ жизни, а теперь мнѣ не суждено видѣть васъ,—я вамъ чужой, даже незнакомый, потому что не могу быть у васъ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ хотѣлъ бы быть у васъ. Прощайте, Людинька, прощайте. Въ душѣ вашъ другъ, а для людей и для приличія вашъ покорный слуга“.

Они съ матерью пришли къ какому-то соглашенію, и хотя мать моя встала на нашу сторону, но бесѣды наши глазъ на глазъ прекратились, и мы порѣшили ежедневно писать другъ другу и по вечерамъ обмѣниваться написаннымъ. Весь журналъ Шелгунова у меня сохранился.

Вотъ выписки изъ него:

7-го апрѣля.

Я читалъ сейчасъ отрывки „Герой нашего времени“. Не знаю, почему-то мнѣ кажется, что я имѣю много общаго съ Печоринымъ. Я не золъ, но могу дѣлать злое, хотя и жалѣю потомъ объ этомъ. Я не способенъ огорчать человѣка умышленно, но если я задѣтъ имъ, то хочу выместить свое неудовольствіе и не вѣрю въ дѣйствительность сдѣланнаго огорченія, пока не увижу слезъ или страданія на лицѣ. Потомъ у меня является всегда раскаяніе, мнѣ жаль, и я готовъ загладить свою вину. Я говорю объ отношеніяхъ своихъ къ женщинамъ—мужчинъ огорчать не стоитъ, потому что нисколько не льститъ самолюбію быть увѣреннымъ въ подобномъ правѣ превосходства надъ ними. Коммунисты хотятъ равенства между мужчиною и женщиной, они, вѣрно, никогда не любили, они вполовину мужчины, потому что не понимаютъ наслажденія власти. Идея равенства была чужда Творцу міра. Изъ двухъ людей, любящихъ другъ друга, одинъ всегда сильнѣе другого, и въ такомъ случаѣ сильнѣйшимъ лучше всегда быть мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ. Да,

я думаю, что и сами женщины отказались бы отъ права власти, потому что онѣ потеряли бы право плѣнять и заставлять себя любить любовью страсти, выигравъ взамѣнъ ея какое-то почтеніе и покорность. Что можетъ быть смѣшнѣе покорности и смиренія предъ властью, когда покорность—мужчина, а власть—женщина?

Я не читалъ того, что написалъ предъ этимъ, но знаю, что вы увидите не того меня, котораго привыкли видѣть; я всегда какъ будто бы смирялся предъ вами, но меня всегда возмущала мысль, что я могу быть подъ властью, быть можетъ, потому что я избалованъ, потому что я до сихъ поръ не былъ подъ властью, и мнѣ повиновались большею частью, я же рѣдко былъ покоренъ.

Власть, а какъ часто власть смиряется предъ покорностью, какъ часто мужчина отдается вполнѣ женщинѣ, и самъ не замѣчая того. Любовь—единственная сила, которая можетъ управлять всѣмъ, можетъ срывать горы, уничтожать всѣ преграды, уничтожить даже счастье человѣка. Какъ сильна женщина въ самой своей слабости, и чего желать ей болѣе, какой нужно ей еще власти? Глупцы мужчины, проповѣдывающіе равенство, дуры женщины, слушающія ихъ,—въ власти равенства, котораго онѣ добиваются, онѣ найдутъ свое безсиліе и потеряютъ силу, которою владѣютъ теперь, припявъ малиновую фольгу за огонь. Женщина сильнѣе его, потому что слабѣе его.

Знаете мою заднюю мысль?.. Я боялся, что, обнаруживая свои слабости предъ вами, я даю вамъ возможность со мной *дѣйствовать*. Къ несчастью, женщины созданы такъ или избалованы жизнью, но только выполненіе своихъ желаній, оправдывающія всякія средства, даже *маленькія подлости*,—для нихъ законъ ихъ жизни, отъ котораго онѣ не умѣютъ и не хотятъ отказаться. Ни одна женщина въ мірѣ не умѣла еще владѣть, господствовать надъ своими желаніями и страстями и для нихъ незнакомо торжество побѣды надъ собою. Людинька, законъ жизни — не личная прихоть, а истина, которую мало кто изъ людей понимаетъ, а особенно женщины. Всѣ хлопочатъ о своихъ цѣляхъ, но никто не думаетъ о степени ихъ разумности и справедливости.

Отчего человѣкъ самъ создаетъ себѣ несчастіе? Отчего онъ не хочетъ понять, что тихая жизнь сердцемъ, основанная на

увѣренности, основаніе жизни, ищетъ какихъ-то порывовъ? Неужели онъ дѣлаетъ это для того, чтобы не понимать впослѣдствіи горькое чувство раскаянія? Жаль; право, объ этомъ хлопотать не стоитъ. Тихую, спокойную жизнь поэты называютъ прозой, но неужели они не умѣютъ понять, что и въ тишинѣ есть поэзія,—правда, не всеразрушающая, но что же до этого? Впрочемъ, у всякаго свой взглядъ на вещи.

Если сказать женщинѣ, что она прекрасна и пуста, я увѣренъ, что подобная похвала польститъ ей гораздо болѣе, чѣмъ увѣренность, что она не пуста и не прекрасна. Въ ряду разумныхъ созданій женщина менѣе всѣхъ понимаетъ, что она можетъ быть разумна, что она можетъ быть человѣкомъ; она полагаетъ, что создана только для того, чтобы плѣнять своими наружными достоинствами, и не любитъ, когда восхищаются ея душевными богатствами, полагая, что эти восторги отнимаютъ много отъ ея наружности. Впрочемъ, я не знаю, къ чему пишу объ этомъ—степень неразумности женщины всегда остается прямо пропорціональной восторгамъ дураковъ ея красотѣ. Отчего женщины, возстающія такъ сильно противъ матеріализма, не умѣютъ понять, что похвалы ихъ красотѣ ни больше, ни меньше, какъ безсознательная тенденція мужчинъ къ сенсуальности? Женщины считаютъ себя высоко-духовными существами и не умѣютъ понять, что онѣ поклоняются только тѣлу.

8-го апрѣля.

Какъ много на свѣтѣ людей, которые счастливы, когда подлѣ нихъ сидитъ женщина, женщина по тѣлу, а не по духу или душѣ. Женщины не понимаютъ своего униженія и довольны производимымъ ими впечатлѣніемъ. Нѣтъ, я не такъ смотрю на женщину, я хочу уважать ее и потому мнѣ нужно, чтобы подлѣ меня сидѣло существо разумное, мыслящее, чувствующее и прекрасное. Я объясню вамъ, почему мнѣ пришла эта мысль, если вы захотите знать это.

9-го апрѣля.

Сейчасъ я пришелъ изъ департамента; дорогой мнѣ попался Далматовъ, онъ идетъ къ вамъ. Думая о немъ, я по закону человѣческой мысли перешелъ къ своимъ отношеніямъ къ нему и вспомнилъ о его дѣтской замашкѣ трунить надъ людьми, которые гораздо больше его и передумали, и

перечувствовали. Люди часто употребляютъ многія слова, не понимая ихъ смысла, напр.: „дуракъ“—слово вполнѣ обыкновенное, даже на языкѣ дурака, но согласились ли люди въ значеніи этого слова — нѣтъ, каждый толкуетъ его по своему. Мнѣ кажется, что буракомъ должно называть того человѣка, который видитъ человѣка въ самомъ себѣ только и не понимаетъ, что и другіе могутъ быть тоже людьми, и не понимаетъ, что человѣкъ — человѣкъ. Что онъ долженъ быть существомъ мыслящимъ, чувствующимъ, понимающимъ человѣческія страданія, человѣческія радости и заслуживаетъ уваженія только въ томъ случаѣ, когда умѣетъ уважать другихъ.

10-го апрѣля.

Неужели я не вѣрю многому оттого, что у меня есть кусокъ ума (Людинька, вѣдь это не самоувѣренность, это мнѣ такъ кажется) въ головѣ; отчего же есть на свѣтѣ счастливцы, которые вѣрятъ всему?

18-го апрѣля.

Я скажу вамъ, что думаю о поцѣлуяхъ: большинство людей стремятся къ тѣлеснымъ наслажденіямъ; въ эти минуты человѣкъ забываетъ свою духовность, забываетъ все, а потому эти минуты называются минутами счастья, но есть еще минуты, — минуты высшаго наслажденія, когда не чувство тѣлесности управляетъ нашими дѣйствіями, но чувство безкорыстное, чувство высокой, чистой любви, дружбы. Поцѣлуи перваго чувства хороши, но они часто оставляютъ за собою чувство разочарованія, но если поцѣлуй будетъ результатомъ второго чувства, то легко дѣлается на душѣ человѣка и нѣтъ въ сердцѣ его другого ощущенія, кромѣ прекрасной, высокой радости, радости безотчетной и чистой, которая оставляетъ по себѣ вѣчное, пріятное воспоминаніе. Причину этихъ двухъ противуположныхъ результатовъ вы понимаете; въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ матеріализмъ, во второмъ — духовность. Я могу быть матеріалистомъ, я это знаю, но не хочу быть имъ относительно васъ, мнѣ кажется, я оскорбляю тогда мое чувство, я оскорбляю васъ.

19-го апрѣля.

Во мнѣ страннымъ образомъ дѣлится человѣкъ, — я не могу согласить духовнаго съ тѣлеснымъ и оттого во мнѣ два отдѣльныхъ человѣка. Относительно васъ во мнѣ почти всегда

дѣйствуетъ духовный человѣкъ — рѣдко матеріальность и въ послѣднемъ случаѣ я не бываю доволенъ собою, съ другими же женщинами, разумѣется, исключая самыхъ молоденькихъ и пожилыхъ женщинъ, въ которыхъ я не вижу человѣка, а представляется мнѣ нѣчто среднее между неразумнымъ и разумнымъ существомъ, я чистый матеріалистъ, я не вѣрю въ духовность этихъ женщинъ, не вѣрю (кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній) въ возможность духовныхъ отношеній съ ними. Впрочемъ, и сами женщины такого же о себѣ мнѣнія,—онѣ думаютъ нравиться только одною наружностью, а о головѣ и сердцѣ своемъ нисколько не заботятся.

20-го апрѣля.

Людинька, заключимте условіе: разсуждая о недостаткахъ людей и причинахъ разныхъ несовершенствъ и самыхъ несовершенствахъ нашихъ, т. е. не собственно нашихъ семейныхъ отношеніяхъ; замѣчая дурное, будемъ взглядывать внутрь себя и справедливо примѣняя хорошее и дурное и устраняя самолюбіе, будемъ увѣрены, что мы желаемъ другъ другу добра.

21-го апрѣля.

Вы говорите, что если я браню женщинъ, то „всѣ ихъ недостатки приписываю вамъ“; это, Людинька, справедливо, но не вполнѣ. Не уважая женщинъ за ихъ тупыя и смѣшныя стороны, за ихъ неразумность, я не хотѣлъ бы видѣть въ васъ что-нибудь подобное, потому что, разсуждая о женщинахъ, я часто, или, лучше сказать, почти всегда, обращаюсь къ вамъ, говоря какъ бы увѣрительно о недостаткахъ женщинъ и приписывая ихъ вамъ; но внутри меня нѣтъ увѣренности въ вашемъ дурномъ, а только сомнѣнія въ вашемъ хорошемъ; мнѣ хочется услышать отъ васъ самихъ, что вы чужды недостатка, о которомъ мы говорили, а вы не хотѣли никогда увѣрить меня въ этомъ.

28-го апрѣля.

Знаете, что намъ нужно теперь сдѣлать? Намъ нужно узнать короче другъ друга, и, уважая другъ друга за хорошее, на недостатки будемъ смотрѣть, какъ на странности и особенности характера извиняемыя. Я не буду уже болѣе раздражаться, мой другъ, да я уже и не могу теперь болѣе, потому что всякая моя досада на васъ не имѣла никогда

основанія,—въ этомъ я убѣжденъ теперь потому, что думалъ дорогой о причинахъ своей раздражительности. Странно, отчего это убѣжденіе и даже мысль о немъ не приходила мнѣ въ голову въ Петербургѣ? Теперь я признаюсь, что былъ постоянно виноватъ передъ вами".

Въ эту зиму я получила первую большую работу, переводную. Я пишу первую большую работу, потому что ранѣе перевела какую-то біографію Данте и получила за нее 7 руб. Эти 7 руб. предназначались мною на ложу въ итальянской оперѣ. А деньги за переводъ романа Ж. Занда Франсуа Найденышъ, я, вѣроятно, отдала матери. Родители мои были люди обезпеченные, и отецъ меня такъ баловалъ, что цѣны деньгамъ я совсѣмъ не знала, и у меня въ заводѣ не было кошелька. Когда я вышла изъ пансіона, мать моя особенно заботилась, чтобы я занималась музыкой, и постоянно говорила:

— Когда - нибудь, можетъ быть, придется ею хлѣбъ добывать.

Не разъ пришлось мнѣ въ жизни вспомнить ея слова.

Когда Шелгуновъ уѣхалъ въ Самару, гдѣ получилъ прочное мѣсто, письма его стала мнѣ приносить его мать, и я ловко получала ихъ даже въ присутствіи свидѣтелей. Изъ Самары Н. В. написалъ отцу и просилъ моей руки.

День полученія письма былъ страшно тяжелымъ. Я была позвана въ кабинетъ отца, и тотъ мнѣ сказалъ о письмѣ и прибавилъ, что не можетъ дать своего согласія. Я этого ожидала, хотя причинъ отказа, на мой взглядъ, не было никакихъ, и у себя въ комнатѣ приготовила отвѣтъ.

— Это все равно,—сказала я.

— Какъ все равно!—воскликнулъ отецъ.

— Да, потому что если меня за Н. В. не отдадутъ, то я и такъ уйду.

Должно быть, я была страшно блѣдна, потому что отецъ не закричалъ и не вспылилъ. А я, проговоривъ приготовленную мною фразу, ушла изъ его кабинета и легла къ себѣ на диванъ.

Я помню, какъ мать ходила въ кабинетъ, горячо о чемъ-то говорила, и въ этотъ же день отецъ прислалъ мнѣ написанный имъ удовлетворительный отвѣтъ Николаю Васильевичу.

Когда вопросъ о бракѣ былъ рѣшенъ и въ Синодъ было подано прошеніе о дозволеніи вѣнчаться кровнымъ роднымъ, то мы уѣхали въ Выборгъ шить приданое.

Въ Выборгъ товары шли изъ-за границы безпошлинно, и потому въ тѣ времена многіе нашивали тамъ бѣлье и наряды и везли въ Россію, какъ вещи, уже бывшія въ употребленіи. Въ Выборгѣ мнѣ было очень весело. Да и можетъ ли быть гдѣ-нибудь скучно здоровой семнадцатилѣтней дѣвушкѣ?

Николай Васильевичъ и въ этотъ годъ продолжалъ писать мнѣ письма въ видѣ дневника. Считаю не лишнимъ помѣстить тутъ нѣсколько изъ его писемъ:

Самара. 27-го іюля.

Людинька! вамъ извѣстны мои нѣкоторые недостатки, которые я сознаю въ себѣ, вамъ извѣстно, что я властолюбивъ, гордъ и не люблю быть вторымъ тамъ, гдѣ я могу быть первымъ.

Вы говорите, что я не великодушенъ; выслушайте меня: я не великодушенъ съ сильными, не уступлю равному бойцу и буду драться съ нимъ на смерть до тѣхъ поръ, пока онъ не положитъ оружія, я первый не положу его никогда, но съ слабымъ я не тотъ. Вы видѣли это на себѣ, дерзости и непріятности я говорилъ вамъ всегда до тѣхъ поръ, пока я видѣлъ, что вы боретесь со мною. Желчь кипѣла во мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не видалъ, что огорчилъ васъ дѣйствительно, а тогда сожалѣніе и раскаяніе смѣняли во мнѣ досаду, я готовъ былъ просить у васъ прощеніе, развѣ я обижалъ когда-нибудь слабаго? развѣ я начиналъ войну съ тѣмъ, кто не могъ поднять противъ меня руки? Нѣтъ, я не уступалъ никогда никому, кто шелъ на меня непріязненно, будь это хоть слабый, и не переставалъ бить его до тѣхъ поръ, пока онъ не сознавалъ, что слабѣе меня. Золъ и невеликодушенъ только тотъ, кто обижаетъ лежачаго врага, мужчины всегда считались и будутъ считаться существами великодушными, но этого достоинства, точно такъ же, какъ способности разсуждать и видѣть вещи немного дальше настоящаго времени, никто никогда не приписывалъ и не припишетъ женщинамъ.

Самара. 2-го сентября.

...Читая вашъ дневникъ, гдѣ вы говорите, чего требуете отъ своего мужа, я чувствовалъ, что мое сердце сжалось, и я испугался за себя. Людинька, вы хотите, чтобы мужъ былъ въ зависимости отъ жены, и тогда только видите возможность равенства. Но я хотѣлъ бы спросить у васъ, что

вы понимаете подъ словомъ равенство? Равенство матеріальное всегда было между супругами, т. е. жена пользовалась одинаковыми правами за обѣдомъ, чаемъ, въ удобствахъ жизни, и хозяйствѣ съ своимъ мужемъ и даже была больше его, потому что мужья ѣдятъ обыкновенно то, что велятъ приготовить для нихъ жены, равенства же духовнаго я рѣшительно не понимаю. Если жена командуетъ мужемъ и служитъ ему во всемъ руководителемъ, то у такого мужа нѣтъ на плечахъ головы, а если и есть голова, то въ этой головѣ пусто, какъ въ пустомъ горшкѣ; если мужчина отдался во власть женщины, въ его сердцѣ нѣтъ воли и характера, а мужчина безъ характера и воли не мужчина, а женщина. Вотъ какимъ образомъ я понимаю мужчину: мужчина долженъ быть уменъ, добръ, кротокъ, благоразуменъ, разсудителенъ, съ характеромъ, волей (не упрямствомъ) и великодушенъ. Женщина тоже должна имѣть тѣ же достоинства, но они будутъ въ ней всегда въ слабѣйшей степени; если женщина видитъ, что она умнѣе и выше характеромъ своего мужа, она не будетъ любить его, потому что не станетъ уважать своего мужа. Да и скажите мнѣ, что за мужчина, который слабѣе женщины, и возможно ли счастье тамъ, гдѣ женщина глава семейства. Мнѣ смѣшна женщина, когда она беретъ на себя ту власть, которую не думалъ давать ей Богъ, и жалокъ мужчина, если онъ въ рукахъ своей жены. Въ семейной жизни мужъ и жена равны по правамъ своимъ, и правъ изъ нихъ тотъ, кто говоритъ дѣло, спору о справедливости требованій съ чьей-либо стороны быть не можетъ, когда супруги умны и разсудительны и знаютъ, что можно требовать другъ отъ друга. Какъ мужъ, я подчиняюсь своей женѣ въ дѣлѣ сердца, потому что мое сердце крѣпче сердца женщины, но какъ мужчина я буду жить своей головой, а не головой жены. Мое понятіе о равенствѣ держится вотъ на какомъ убѣжденіи: мужчина умнѣе женщины и выше ея характеромъ, слѣдовательно, эта часть должна быть въ управленіи мужа; женщина выше мужчины своимъ сердцемъ, и потому женщина должна быть главою дѣлъ сердца. Въ супружеской жизни великодушіе и любовь мужа къ женѣ самыя важныя обстоятельства, и они возможны только тогда, когда мужъ чувствуетъ свое превосходство надъ женою; передайте эту власть женщинѣ —и мужчина, сознающій себя, будетъ стыдиться за свое ничтожество и не станетъ никогда любить жену.

Знаете ли что, Людинька, прошу васъ только не сердитесь на меня, идея равенства привилась вамъ, вѣроятно, отъ маменьки, но не вытекаетъ изъ требованій вашего сердца, разберите этотъ предметъ построже, и вы увидите, что въ природѣ нѣтъ равенства. Возьмите двухъ людей, которые не знали никогда другъ друга, поставьте ихъ рядомъ послѣ двухъ словъ, сказанныхъ однимъ и другимъ, одинъ непремѣнно подчинится другому. Равенство супружеское, которое я проповѣдую, должно заключаться въ томъ, чтобы сильнѣйшій не смѣлъ сказать: „я требую", не смѣлъ показывать своего превосходства и не думалъ бы важничать своею силой. Жизнь супруговъ должна быть основана на товариществѣ, въ которомъ равенство есть первое основаніе благоденствія. Понимая, что я мужъ, я подчиняюсь своей женѣ, я буду дѣлать только то, что захочетъ моя жена, я убѣжденъ, что добрая любящая, нѣжная жена всегда больше своего мужа, потому что на ея сторонѣ сердце. Въ дѣлѣ подчиненія выйдетъ то, что вы хотите, но основаніемъ подчиненія будетъ не ваша идея. Вы хотите, чтобы мужъ подчинялся женѣ по закону равенства и по убѣжденію, что жена лучше съумѣетъ управлять супружескимъ счастьемъ, а я подчиняюсь своей женѣ, какъ существо, сознающее свою силу и крѣпость, которое отказывается отъ этихъ правъ, потому что хочетъ находиться подъ вліяніемъ любви. По вашему выходитъ, что женщина глава, потому что она сильнѣе, по моему же потому только, что она слабѣе. Вотъ мысль, которую я хотѣлъ передать вамъ. Я отдаю вамъ власть не по сознанію своего безсилія, а по великодушію...

Самара. 2 октября.

...Я непохожъ на всѣхъ мужчинъ, я ищу въ бракѣ не той стороны супружескихъ радостей и счастья новобрачныхъ, которыхъ ищутъ всѣ мужчины въ женщинахъ; мнѣ нужно не это, и жена, по моему мнѣнію, создана не для того, чтобы быть только красивой формой, а чтобы быть вѣрной помощницей мужу во всѣхъ его дѣйствіяхъ, готовой переносить съ нимъ безъ ропота все дурное и несчастное этой жизни. Правда, я не вижу еще въ васъ (простите меня за мое откровенное мнѣніе, я хотѣлъ бы, чтобы и вы были со

мной такъ же откровенны) такого собесѣдника, какъ Евгенія Егоровна, съ которой я любилъ такъ спорить и горячиться, но знаю, что черезъ 2 или менѣе года (менѣе, гораздо менѣе; послѣ замужества женщины развиваются вдругъ, имъ открывается ясно начало почти всѣхъ дѣйствій человѣческихъ) вы будете такимъ же собесѣдникомъ. Супружескія обязанности, налагаемыя Богомъ и закономъ людей на супруговъ, меня пугаютъ, я слишкомъ уважаю невинность и дѣвственную чистоту и полагаю, что первое сближеніе супруговъ, которое, по моему физическому и нравственному устройству, никогда не можетъ меня лишить сознанія и отуманить совершенно мою голову, испугаетъ меня; мнѣ кажется, что это сближеніе, требуемое законами божескими и человѣческими, оскорбитъ нѣкоторымъ образомъ женщину не въ ея собственныхъ понятіяхъ, а во взглядѣ на нее мужчины, который видитъ въ ней не женщину-человѣка, а женщину-ангела; матеріальное сближеніе прямо говоритъ: это женщина—плоть, а не женщина—духъ; а я ищу духа, а не плоти. Что дѣлать мнѣ? Какъ согласить свое понятіе съ законами? А между тѣмъ, не забудьте борьбу духа и плоти, которую мнѣ придется испытывать постоянно. Не надобно быть пророкомъ, чтобы угадать, что плоть восторжествуетъ надъ духомъ, и тогда... что тогда?? и тогда нужно понимать непремѣнно, что связь супруговъ выражается хотя и въ матеріальномъ ихъ сближеніи, положенномъ Богомъ, однако, духовность начало, причина и вина всего: нужно помнить, что не духъ живетъ для плоти, а плоть для духа, и сближеніе совершается не для ихъ лица, а для выполненія закона божескаго, слѣдовательно, для цѣли болѣе высшей, чѣмъ обыкновенное безсознательное сближеніе многихъ людей и всѣхъ животныхъ. Людинька, я не извиняюсь передъ вами за сегодняшній журналъ, потому что я пишу къ вамъ не какъ къ Людинькѣ дѣвственницѣ, а какъ къ Людинькѣ—женѣ. Вамъ должны быть извѣстны мои взгляды на бракъ, цѣль котораго заключается въ высокой обязанности человѣка—произвести себѣ подобнаго и сдѣлать его достойнымъ имени человѣка, существа духовно-разумнаго.

13-го октября.

...Думалъ о женщинахъ; почему женщины не любятъ, когда имъ говорятъ о женскомъ матеріализмѣ и подчинен-

ности ихъ мужчинѣ? Потому что самолюбіе ихъ не хочетъ этого. Эта же самая причина, при нѣкоторой слабости головного мозга женщинъ, не позволяетъ имъ видѣть, что женщина значитъ гораздо больше мужчины, что въ видимой слабости женщинъ и заключается ихъ сила, да, наконецъ, въ сердцѣ женщины столько высокихъ достоинствъ, которыя никогда не были, да и не будутъ въ сердцѣ мужчины. Только женщина можетъ любить съ самоотверженіемъ и безъ эгоизма и разсчетовъ ума и только женщина можетъ быть матерью. Мужчины не умѣютъ любить всѣмъ существомъ своимъ, потому что сердце мужчины никогда не заглушитъ его ума и разсудка.

Наконецъ, материнская любовь — это глубокое, полное святое чувство знакомо слабо мужчинамъ. Неужели женщинамъ мало этихъ исключительныхъ достоинствъ, мало ихъ правъ, какъ женщинъ, что онѣ хотятъ присвоить себѣ права мужчинъ?

14-го октября.

...Надъ этимъ мѣстомъ смѣюсь уже въ четвертый разъ: „Ахъ, Н. В., научите меня думать, но умно думать, я хочу развить свой умъ непремѣнно, хочу и добьюсь до этого". Вамъ для этого ничего не нужно дѣлать, оставьте свой умъ въ покоѣ—онъ развитъ. Вы будете умнѣе цѣлой Самары; я не знаю здѣшнихъ дамъ и дѣвицъ, но видѣлъ ихъ всѣхъ и утвердительно говорю, что имъ не быть тѣмъ никогда, что вы теперь, не забудьте, что вамъ 17 лѣтъ; а что наши дѣвицы въ 17 лѣтъ? Пхе,—какъ говорятъ турки,—и больше ничего; не заставляйте себя думать и размышлять, но думайте о томъ, что думается; и какого ума хотите вы еще?.. Да скажите мнѣ, что такое умъ? и что значитъ развить его?—понять себя какъ человѣка и другихъ также, а вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія свои къ человѣку, человѣчеству и природѣ. Вполнѣ понять этого никто не можетъ, потому что это понятіе заходитъ за предѣлъ человѣческой мудрости...

15-го октября.

...Выслушайте меня: я ставлю женщину вообще, такъ сказать, среднее число женщинъ, далеко ниже мужчинъ. Я не вижу, да и не могу видѣть въ нихъ ни здраваго разсудка, ни правилъ, ни просвѣщенія, ни понятій, которыя

возвышають мужчину на степень существа духовно-разумнаго, нравственнаго и отвѣтственнаго, а женщину дѣлаютъ прекраснымъ, высокимъ существомъ, которому мужчина долженъ поклоняться.

Я началъ бранить женщинъ съ тѣхъ поръ, когда полюбилъ васъ. Причина моего неудовольствія на женщинъ была сначала безсознательная, но потомъ я понялъ ее. Полюбивъ васъ, я увидалъ, что жизнь человѣка можетъ обѣщать много высокаго и прекраснаго, если сердцу будетъ пища и когда сердце не ошибется въ выборѣ своемъ и не раскается въ немъ. Но когда сердце не можетъ имѣть причины къ раскаянію? Когда оно найдетъ себѣ вѣрнаго друга, способнаго понимать и уважать его, и его чувствованія, и благородныя побужденія, и когда этотъ другъ будетъ вѣренъ и постояненъ. По большинству женщинъ, которое я видѣлъ, я увидѣлъ, что женщина хотя и можетъ чувствовать, однако, этотъ жаръ похожъ на жаръ желѣзной печки, которая скоро накалится и скоро простынетъ, — я увидѣлъ, что женщины ищутъ въ жизни не истины и правды и сознанія своего значенія и тѣхъ высокихъ правилъ, которыя природа вложила въ сердце человѣка, а удовлетворенія пустыхъ мелочныхъ прихотей сердца, не способнаго чувствовать и сознавать ни причинъ гордости человѣка (благородства), ни причинъ его униженія (подлости). Я увидѣлъ, что средняя цифра женщинъ не умѣютъ отличить добра отъ зла, все происходитъ въ нихъ безсознательно, рядомъ съ свѣтлою мыслью стоитъ глупость, съ благороднымъ чувствомъ—подлость, съ любовью—мстительность, злость и коварство, съ постоянствомъ — вѣтренность и тщеславіе. Какъ ни ройтесь въ этомъ хаосѣ, вы рѣдко вытащите что-нибудь хорошее, если же и вытащите, то впечатлѣніе добра изгладится тотчасъ же десятью грязными сторонами подобнаго сердца.

Полюбивъ, я понялъ, чего требуетъ мое сердце, и я боялся за свое будущее. Вотъ причины моихъ постоянныхъ нападокъ на женщинъ. Я не хотѣлъ видѣть въ женщинѣ, которую люблю, тѣхъ сторонъ сердца и ума, которыя вы найдете безпрестанно, потому что онѣ между женщинами не рѣдкость. Я хотѣлъ найти въ васъ способность любить вѣрно, истинно, способность понять необходимость правды въ каждой мысли, въ каждомъ дѣйствіи человѣка,— способность сознанія всѣхъ своихъ поступковъ и проступковъ и важность, и глубину нравственныхъ правилъ, которыя въ жизни женщины выражаются въ цѣломудріи физическомъ и *нравственномъ*, въ строгомъ соблюденіи правилъ супружеской вѣрности, тоже тѣломъ, *мыслью* и *чувствомъ* и въ способности понять важность брака и отношенія свои къ мужу. Наконецъ, способность подчинить себя тѣмъ обстоятельствамъ жизни, которыя достались вамъ въ удѣлъ, и умѣнье переносить безъ ропота все дурное и хорошее какъ физической жизни, такъ и въ отношеніи къ мужу, безъ нарушенія правилъ супружеской вѣрности и благородства. Главное, я искалъ вѣрности, вѣрности, вѣрности и истины во всемъ: въ мысли, въ дѣлѣ, въ глаза и за глаза. Въ тѣхъ женщинахъ, которыхъ я знавалъ, не было ни вѣрности, ни истины; и неужели, Людинька, вы можете сказать, что большинство женщинъ такого рода и съ тѣми правилами, которыхъ я требую? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ: я видѣлъ много женщинъ, смотрѣлъ на нихъ строго, какъ мужчина, и почти въ каждой изъ нихъ (исключая старшей дочери Гурьевой) нашелъ глупую страсть нравиться безъ причины, тщеславіе и недостатокъ нравственныхъ правилъ.

Теперь выслушайте мое оправданіе и тогда судите меня.

Я любилъ васъ и искалъ вашей любви, мнѣ нужно было найти въ васъ то, чего требовало мое сердце, мнѣ хотѣлось, чтобы ваше сердце было полно тѣхъ истинъ и правилъ, которыя, по моему мнѣнію, должны быть въ женскомъ сердцѣ. Я зналъ васъ, когда вы были еще въ пансіонѣ, въ васъ была вѣтренность и кокетство съ примѣсью женскаго тщеславія; при этихъ данныхъ я не могъ допускать въ васъ истины и вѣрности, чего именно мнѣ нужно было, и я сталъ говорить противъ женщинъ, началъ выставлять ихъ дурныя стороны и дѣйствовалъ безсознательно, не съ мыслью передать вамъ правила своего воззрѣнія на женщинъ, а изъ боязни найти въ васъ общіе женскіе недостатки. Особенно вооружался я противъ женщинъ въ прошедшую зиму, когда любовь моя получила положительный характеръ и сердце требовало союза.

Любя васъ, я вѣрилъ вамъ, я видѣлъ также, что вы далеки отъ тѣхъ женщинъ, которыхъ я не люблю, и боязнь за свое будущее оставила меня.

Теперь я уже не врагъ женщинъ, вы мой примиритель съ ними, чрезъ ваши правила, вашу вѣрность и истину я гляжу на остальныхъ женщинъ и не раздражаюсь ихъ дурными сторонами. Вѣдь я говорилъ противъ женщинъ только потому, что боялся найти въ васъ то, чего не хотѣло мое сердце...

Одного я только не понимаю: отчего вамъ было непріятно, когда я говорилъ противъ женщинъ? Неужели вы принимали мои слова на себя? Вѣдь вы исключительная женщина, вы такая отличная, Людинька; пожалуйста, если впредь мнѣ случится какъ-нибудь говорить дурное о женщинахъ, слушайте объ этомъ такъ же хладнокровно, какъ о недостаткахъ мужчинъ. Если мужчинъ бранятъ, мнѣ дѣлается смѣшно и только, но я никогда не связываю себя съ общими недостатками, не потому, чтобы ихъ не было во мнѣ, но потому, что я убѣжденъ, что въ сердцѣ моемъ есть благородство и нѣтъ связи съ подлостями многихъ мужчинъ...

27-го февраля.

Еще новая черта моего характера: мнѣ надоѣдаютъ скоро всѣ, я кидаюсь обыкновенно горячо, готовъ за человѣка, который мнѣ понравился, положить свою душу, но когда пройдетъ первый пылъ, и я начну смотрѣть хладнокровнѣе на предметъ, который такъ поразилъ меня, я вижу, что это не то, что я ищу, голова моя недовольна тою пищей, которую ей предлагаютъ, и сердцу не достаетъ тоже чего-то, и охладѣваю. Это было со мной на вѣку уже нѣсколько разъ, было и въ Самарѣ; Гедеонова и Путиловы не удовлетворили меня, и я остался недоволенъ ими. Я набросился теперь на одного молодого человѣка (Пекарскій), но и здѣсь я уже предвижу разочарованіе. Объясните мнѣ эту особенность моего характера, кто виноватъ: люди или я? И неужели для меня нужна исключительность, напримѣръ, нѣчто въ родѣ „пищи боговъ". Разсмотрите этотъ предметъ и напишите свое мнѣніе, но не забудьте.

28-го февраля.

Знаете что? Пуститесь въ литературу, вѣдь въ этомъ можетъ быть кусокъ хлѣба, хоть небольшой, вѣдь у насъ и аппетитъ будетъ небольшой, да? Право пуститесь, мы

можемъ писать, я знаю это, потому что знаю и себя и васъ...

Ровно черезъ годъ послѣ отъѣзда Н. В. въ Самару мы были обвѣнчаны въ Выборгѣ и поѣхали въ своемъ тарантасѣ въ Самару.

Пріѣхавъ въ Нижній, Николай Васильевичъ порѣшилъ ѣхать до Самары водой. Нанята была вмѣстѣ съ какимъ-то чиновникомъ большая не крытая лодка, отправлявшимся въ Томскъ съ громаднымъ семействомъ. Въ эту лодку поставили наши два тарантаса и, взявъ нѣсколько пассажировъ-мужиковъ, которые за проѣздъ должны были работать, мы тронулись въ путь. Плыли мы то на веслахъ, то подъ парусомъ посреди широкой и пустой рѣки. По берегамъ шли лодки бичевой и тянули ихъ на лямкѣ бурлаки, тянули, обливаясь потомъ и едва передвигая ноги. Суда лямкою шли молча, и только кормчій покрикивалъ иногда: „прибавь шагу, ребята!" Большія же лодки, плывшія на веслахъ, шли съ пѣсней „эй, ухнемъ". Эта пѣсня на пустой громадной рѣкѣ, съ пустыми берегами, далеко неслась по водѣ. Я замѣчала и во время нашей поѣздки и потомъ, что при звукахъ этой унылой, утомленной пѣсни смолкалъ разговоръ.

Такимъ образомъ мы плыли день и ночь, изрѣдка встрѣчая лодки и большія суда. Во время поѣздки мы встрѣтили двѣ коноводныя машины, тянувшія хлѣбные караваны. Мнѣ ничего подобнаго не приводилось видѣть и потому я внимательно смотрѣла на это удивительное сооруженіе. Это—громадное судно, на палубѣ котораго устроены горизонтально лежащія спицы громаднаго колеса и каждую такую спицу тянетъ лошадь, вертясь кругомъ оси, на которую навертывался канатъ, привязанный къ якорю, заведенному впередъ. Когда канатъ завертывался весь, лошадей отпрягали, канатъ развертывали, клали на лодку вмѣстѣ съ якоремъ и завозили впередъ, гдѣ снова бросали его въ воду. Вотъ такая-то машина и исполняла роль нынѣшнихъ буксирныхъ пароходовъ.

Во время нашей поѣздки въ Самару по Волгѣ, случилось въ нашемъ плавучемъ мірѣ только два происшествія, оставшихся у меня въ памяти. Въ какомъ-то большомъ селѣ Николай Васильевичъ вышелъ за провизіей и въ его отсутствіе произошла размолвка на лодкѣ между хозяиномъ и пассажиромъ-чиновникомъ. На нашу лодку просились шесть мужиковъ, которые въ случаѣ нужды брались работать, но вмѣстѣ

съ тѣмъ предлагали хозяину плату. Чиновникъ только и говорилъ:

— И безъ того много мужичья на лодкѣ.

Послѣ этого спора явился Николай Васильевичъ, къ которому хозяинъ и обратился съ жалобой, прибавляя:

— Вѣдь это рабочій народъ; они въ случаѣ чего на рукахъ поднимутъ нашу лодку.

Услыхавъ это, Николай Васильевичъ распорядился просто.

— Бери, сказалъ онъ,—и отчаливай!

Съ этого момента хозяинъ пересталъ обращаться къ чиновнику, а обращался къ офицеру, который слушалъ по крайней мѣрѣ резоны.

Не доѣзжая Симбирска за день, мы остановились, и тутъ нашъ хозяинъ встрѣтилъ земляка или свояка съ пустымъ судномъ, гораздо большимъ и лучшимъ, чѣмъ наше, и прицѣпившись къ его боку, пошелъ рядомъ съ нимъ. То судно шло на парусѣ и мы плыли очень скоро. Погода стояла ясная и знойная. Въ Симбирскѣ я вышла на берегъ и мы съ Николаемъ Васильевичемъ пошли въ гостинницу пообѣдать. Когда мы поднимались на гору, стали надвигаться тучи; а когда возвращались изъ гостинницы обратно на судно, то уже начали падать крупныя капли дождя. Придя въ лодку, я просто ужаснулась! Волга и небо точно слились въ одну свинцовую тучу, разрываемую яркой молніей. Хозяинъ сталъ торопиться отправкой. Хотя грома и молніи я не боялась, но удары начались такіе страшные, что душа у меня заныла.

Чиновникъ и вся семья его умоляли хозяина переждать бурю, но онъ говорилъ, что судно его земляка полетитъ стрѣлой по этому вѣтру. Я стала тоже просить, но не хозяина, а Николая Васильевича. Въ это время грянулъ громъ съ такою силой, что всѣ перекрестились. Николай Васильевичъ сталъ меня успокаивать и убѣждать въ безопасности, но это было безполезно: я разрыдалась. Ничего не оставалось дѣлать, какъ только исполнить мою просьбу. Николай Васильевичъ приказалъ отцѣпить нашу лодку отъ судна и мы остались. Судно вышло сейчасъ же и понеслось, а я не могла никакъ успокоиться и дорыдалась до того, что заснула въ тарантасѣ. Проснулась я отъ качки. Мы шли посреди Волги, которая все еще волновалась отъ бури, хотя вѣтеръ и утихъ; небо было ясно, и мы шли на веслахъ. Въ Симбирскѣ дошелъ

до насъ слухъ, что въ Самарѣ былъ страшный пожаръ. Въ первой же большой деревнѣ послѣ Симбирска, въ которой мы остановились, слухъ этотъ подтвердился въ болѣе грандіозной формѣ. Тутъ уже говорили, что Самара сгорѣла вся. Здѣсь же мы увидали и судно, съ которымъ должны были нестись по вихрю, и узнали, что въ него ударила молнія и убила трехъ человѣкъ. Я ужасно гордилась, что мои слезы спасли насъ.

Отъ Симбирска до Самары мы ѣхали съ тревожнымъ чувствомъ и передъ Самарой уже знали, что тотъ кварталъ, въ которомъ была квартира Николая Васильевича, сгорѣлъ.

Наконецъ, судно наше причалило къ городу, еще мѣстами дымившемуся. Это была громадная черная площадь съ торчавшими кое-гдѣ изразцовыми печами. Изъ нашей квартиры, какъ намъ разсказывалъ бывшій на берегу кучеръ Николая Васильевича, былъ наложенъ цѣлый возъ мебели, но лошадь не двинулась съ мѣста, и потому ее выпрягли, привязали во дворѣ, а кучеръ съ мальчикомъ свезли возъ на берегъ и оставили тамъ. Когда кучеръ вернулся за лошадью, то увидѣлъ весь домъ въ пламени и спасти ее было уже невозможно; оставленныя на берегу вещи тоже воспламенились отъ искры и сгорѣли! Пожаръ этотъ былъ чѣмъ-то ужаснымъ. Поднявшійся страшный вѣтеръ разносилъ горящія головни на далекія разстоянія и дома мгновенно вспыхивали. Въ одной улицѣ не успѣли спастись даже пожарные и всѣ погибли въ пламени вмѣстѣ съ трубой. Жители цѣлыми толпами бѣжали къ рѣкѣ Самарѣ и стремительно погружались въ нее, спасаясь отъ огня. Несчастнымъ и тамъ не всегда приходилось укрыться. Вдоль берега рѣки тянулись настроенные хлѣбные амбары, которые не замедлили загорѣться, и пламя быстро перешло на суда, неуспѣвшія заблаговременно выбраться въ Волгу; къ несчастью, всѣ почти суда были нагружены смолою, которая ярко горѣла и превратила рѣку въ настоящій адъ. Пожаръ пощадилъ одну только часть города; расположенный на его пути садъ поставилъ ему непреодолимую преграду и защитилъ собою постройки.

На первое время насъ пріютилъ начальникъ Николая Васильевича, снабдивъ насъ комнатою, хотя и безъ меблировки, но мы и этому были рады. Впрочемъ, Николаю Васильевичу приходилось плохо: его сильно трепала лихорадка, которую онъ получилъ еще въ Москвѣ.

Въ Самарѣ лихорадка усилилась, и Николай Васильевичъ, благодаря отсутствію въ квартирѣ какой бы то ни было мебели, принужденъ былъ устроиться на полу, подославъ подъ себя одну шинель. Съ нимъ скоро сдѣлался сильный жаръ и онъ впалъ въ безпамятство. Единственнымъ нашимъ знакомымъ, принявшимъ живое участіе въ Николаѣ Васильевичѣ, былъ Пекарскій, который привезъ доктора Гамбурцева и посодѣйствовалъ къ пріисканію квартиры съ мебелью, куда мы не замедлили перебраться. Лихорадка страшно подкосила здоровье Николая Васильевича и долго была памятна ему.

Изъ всѣхъ вещей, уцѣлѣвшихъ послѣ пожара, какимъ-то чудомъ сохранился мой рояль Вирта; его, передъ отъѣздомъ за мною, Николай Васильевичъ далъ аптекарю; скрипку же и корнетъ-а-пистонъ онъ передалъ Пекарскому. Аккуратный нѣмецъ-аптекарь позаботился спасти чужую вещь, бросивъ всю аптеку; онъ съ своими помощниками вытащилъ рояль—и только! Скрипка и корнетъ, разумѣется, сгорѣли у Пекарскаго.

Прежде всего я познакомилась съ Пекарскимъ, прежнимъ сожителемъ Николая Васильевича. Петръ Петровичъ Пекарскій, впослѣдствіи академикъ, былъ, должно быть, ровесникомъ Шелгунова и совсѣмъ молодымъ, высокимъ, красивымъ блондиномъ. Въ пустую комнату, куда мы поселились, въ первый же день перенесли рояль, и Пекарскій былъ очень доволенъ, что жена его пріятеля могла чѣмъ нибудь отличиться въ уѣздномъ обществѣ.

Черезъ улицу, напротивъ насъ жилъ начальникъ Пекарскаго, и Петръ Петровичъ просилъ меня въ извѣстный часъ сыграть что нибудь блестящее. Вечеромъ Пекарскій пришелъ сіяющій, разсказывая, что эффектъ, произведенный венгерскимъ маршемъ Листа, былъ именно такой, какой онъ желалъ произвести.

Дома въ Самарѣ стали расти, какъ грибы, тѣмъ болѣе, что въ воздухѣ носился смутный слухъ о переименованіи Самары изъ уѣзднаго города въ губернскій. Переѣхавъ на квартиру съ хозяйской мебелью, мы отправились съ визитами къ мѣстнымъ дамамъ. Отъ этихъ визитовъ у меня особенно сохранилась въ памяти только одна дама, которая заставила насъ ждать минутъ десять въ гостиной и затѣмъ вышла въ ярко-синемъ шелковомъ платьѣ, изъ-подъ котораго внизу виднѣлся предательскій сѣрый ситцевый капотъ.

Денегъ у насъ было такъ мало, что мы должны были соблюдать экономію во всемъ, но это нисколько не мѣшало намъ веселиться и выѣзжать тѣмъ болѣе, что о нарядахъ моихъ заботилась моя мать, и мнѣ ни разу не пришлось отказаться отъ выѣзда за неимѣніемъ туалетовъ. Характеръ нарядовъ въ то время былъ далеко не такой разорительный, какъ нынче. Платья изъ муслинъ-вапера съ приколотымъ на голову цвѣткомъ было безусловно достаточно для молодой дамы, не говоря уже о дѣвицахъ. Хотя въ то же время жены помѣщиковъ рядились тамъ страшно, соперничая другъ передъ другомъ. Даже тогда мнѣ это казалось ужасно глупымъ, и глядя на какую нибудь даму въ сотенныхъ кружевныхъ оборкахъ, подобранныхъ бриллiантовыми цвѣтами, я нисколько не завидовала и въ своемъ простенькомъ платьѣ веселилась отъ души. Никакіе благотворительные концерты и спектакли не обходились безъ насъ съ Николаемъ Васильевичемъ. Одна изъ парадныхъ дамъ города, отправлявшая въ Петербургъ стирать бѣлье, взявъ свою падчерицу изъ института, конечно, страстно пожелала сбыть ее съ рукъ. Окинувъ взоромъ общество, она усмотрѣла маленькую квартиру лѣснаго ревизора, какъ ежедневный притонъ всей мѣстной молодежи. Молодежь собиралась, разсуждала, спорила, кричала, горячилась и, закусивъ самымъ скромнымъ кускомъ, расходилась. Парадная дама, имѣвшая терпѣніе по три, по четыре раза въ день мѣнять туалеты, пріѣхала ко мнѣ, увезла къ себѣ и являлась ежедневно или для того, чтобы покататься, или для того, чтобы пригласить къ себѣ. Разсчетъ былъ вѣренъ. Вмѣстѣ съ нами являлась вся компанія, и дочь въ тотъ же годъ вышла замужъ за одного изъ нашихъ habitué.

Мы съ Николаемъ Васильевичемъ остались прежними идеалистами: выходили изъ своихъ комнатъ вполнѣ одѣтыми и продолжали говорить другъ другу *вы*. Въ уѣздъ Николай Васильевичъ никогда не ѣздилъ безъ меня, и единственный разъ, когда ему пришлось ѣхать на слѣдствіе, онъ писалъ мнѣ ежедневно.

До нашей женитьбы, мы оба постоянно читали, но живя въ Самарѣ, я не помню, чтобы у насъ въ квартирѣ водились какія нибудь книги. Когда Николай Васильевичъ уѣзжалъ въ Управленіе, я садилась за рояль и играла, а затѣмъ уѣзжала въ небольшой деревянный домъ, гдѣ въ мезонинѣ жилъ ста-

ренькій, старенькій старичекъ на пенсіи, вмѣстѣ съ своей женой и двумя дочерьми. Я ѣздила къ нимъ почти каждый день, и старуха учила меня искусству перешивать платья и шить новыя. Всѣ мои легкія платья были сшиты мною въ небольшой комнаткѣ мезонина. А въ то время, какъ мы работали, старшая дочь Воронинихъ читала намъ вслухъ журналы. Въ какой восторгъ мы приходили отъ Теккерея! А къ Диккенсу я тогда почувствовала такое боготвореніе, что именами изъ его романовъ называла всѣхъ животныхъ, которыхъ заводила.

Лѣтомъ мы очень много ѣздили съ Николаемъ Васильевичемъ въ томъ самомъ тарантасѣ, въ которомъ пріѣхали изъ Петербурга. Не могу сказать, чтобы поѣздки по Киргизскимъ степямъ казались мнѣ привлекательными. Зной обыкновенно утомлялъ Николая Васильевича такъ, что онъ лежалъ въ тарантасѣ плашмя, а я постоянно высовывалась и смотрѣла: скоро ли станція? Долго не могла я повѣрить въ миражи, и всегда съ восторгомъ кричала: — а вотъ и прудъ!.. а вотъ и деревня! Но затѣмъ видъ незамѣтно колебался и принималъ нѣсколько другую форму, а я въ душѣ негодовала на зной и на степь.

Въ первую же зиму, какъ мы пріѣхали, Самара изъ уѣзднаго города была превращена въ губернскій. Открытіе губерніи осталось у меня въ памяти связаннымъ съ сенаторомъ Переверзевымъ, который послѣ обѣда въ дворянскомъ собраніи спустился съ крыльца и, сѣвъ на снѣгъ, крикнулъ: „Пошелъ". Никакая умная рѣчь на торжественномъ обѣдѣ, никакія геніальныя мысли не доставили бы ему такой популярности, какъ это послѣднее обстоятельство. Онъ сразу сталъ своимъ, близкимъ человѣкомъ всѣмъ уѣзднымъ чиновникамъ. Къ открытію губерніи пріѣхалъ губернаторъ Волховскій съ добродушнѣйшей въ мірѣ женщиной—женой и съ молоденькой дочкой.

Конечно, лѣсной ревизоръ, штабсъ-капитанъ, живущій только на свое скромное жалованье и жена его остались бы совсѣмъ незамѣченными, но восемнадцатилѣтняя живая дама, зкоторая могла выйти на эстраду и сыграть концертъ Мендельсона, и лѣсной ревизоръ, который тоже могъ выйти на эстраду и сыграть концертъ на корнетѣ, не могли остаться незамѣченными, и потому мѣстная аристократія искала ихъ знакомства.

Изъ лѣтнихъ поѣздокъ по уѣзду, у меня осталась въ памяти поѣздка въ Новоузенскъ, гдѣ братъ младшей Ворониной, Вѣры Захаровны, былъ судьей, и потому Вѣрочка, какъ мы ее звали, поѣхала съ нами. Безконечная дорога въ Новоузенскъ тянулась по голымъ степямъ. Рѣдкія станціи не давали намъ отраднаго отдыха, это были глинобитныя мазанки, кругомъ которыхъ не торчало ни кустика, а распространялась только какая-то мгла съ запахомъ гари отъ кизяка, которымъ топили печи. Между Самарой, Николаевомъ и Новоузенскомъ была одна только станція, въ которой росло нѣсколько деревьевъ. Эти деревья такъ заинтересовали Николая Васильевича, что онъ вмѣстѣ съ нами отправился смотрѣть, какимъ образомъ они тутъ выросли. Посреди деревни протекалъ ручей и по берегамъ его росли высокія и хорошія ивы или ракиты. Крестьяне гордились этими деревьями и ухаживали за ними, какъ за цвѣтами. Теперь, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ на этой станціи, можетъ быть, уже цѣлая роща.

Можно-ли было представить себѣ что-нибудь ужаснѣе и унылѣе Новоузенска? Въ городѣ было всего два деревянныхъ дома, а все остальное состояло изъ глинобитныхъ мазанокъ. Представьте себѣ сорокаградусный жаръ и ни единого деревца, подъ которымъ можно было бы укрыться. Днемъ мы не рѣшались, конечно, выходить изъ дому. Если на сѣверѣ жизнь отравляютъ комары, то въ степяхъ еще болѣе отравляютъ жизнь блохи: это что-то невозможное и въ городахъ немыслимое. Стоитъ только лечь, чтобы миріады черныхъ точекъ появились на тѣлѣ. Мы съ Вѣрочкой Ворониной укладывались то въ комнатѣ, то, убѣгая отъ духоты, отправлялись спать въ тарантасъ. По утру намъ подавали разрѣзанный пополамъ арбузъ и ложки. Арбузы составляютъ пріятное развлеченіе въ дорогѣ по степямъ. Издали видишь бахчи съ шалашемъ. Подъѣзжаешь къ шалашу, и къ тарантасу обыкновенно подходитъ старичекъ и, получивъ нѣсколько копѣекъ, наваливаютъ цѣлую груду арбузовъ, которые, падая, звенятъ о дно таравтаса. Эти теплые арбузы все-таки не такъ вкусны, какъ тѣ, что подавали намъ въ Новоузенскѣ. Дня черезъ два мы познакомились съ мѣстной аристократіей. Это показалась намъ чѣмъ-то невозможнымъ. Читающимъ кое-что печатное тамъ оказался только одинъ докторъ, един-

ственный врачъ на громадное пространство. Братъ Вѣрочки не совѣтовалъ намъ ходить около его дома, чтобы не рисковать встрѣтиться съ нимъ, такъ какъ купаться онъ ходилъ для большаго удобства въ костюмѣ Адама. Въ городѣ это было всѣмъ извѣстно, но никто противъ этого не протестовалъ.

Докторъ считался чудакомъ и больше ничѣмъ, а если не чудакомъ, то душевно-больнымъ

Какъ я подумаю теперь, что это была за жизнь для только что кончившаго курсъ врача! Можно было начать пить, но онъ не спился, а легко могъ съ-ума сойти. Больницы, которою онъ бы занялся, не было; практики почти никакой. Ну кто въ такомъ городѣ, какъ Новоузенскъ могъ обратиться къ доктору? Это была невообразимая дичь, въ которой жили настоящіе дикари и жили только животной жизнью. Любопытнѣе всего, что въ такомъ городѣ чиновники не интересуются ничѣмъ. Вѣдь жены ихъ могли бы заняться чѣмъ нибудь, ну, хоть бы развели садикъ, огородъ, завели животныхъ. Ничего этого не было. Чиновницы тянулись за губернскими дамами, какъ губернскія дамы тянулись за столичными, и старались подражать имъ въ нарядахъ и въ манерахъ.

Когда Самара стала губернскимъ городомъ, то, конечно, наѣхало множество новыхъ чиновниковъ, и пріѣхалъ губернскій лѣсничій, непосредственный начальникъ Ник. Вас. Іосафъ Васильевичъ Хитрово былъ прелестнѣйшій и преумнѣйшій старикъ, и къ намъ относился, какъ родной, называя насъ всегда дѣточками. Въ Самарѣ онъ пробылъ только года два и затѣмъ былъ переведенъ въ Петербургъ, куда тотчасъ же постарался перетащить Н. В.

Проводы наши случайно вышли не только торжественные, но и какіе то азіатскіе. Жена управляющаго удѣльной конторой, задавшись цѣлью выдать свою дочь замужъ, устроила такъ, что мужъ ея поѣхалъ по дѣламъ по той дорогѣ, по которой мы должны были ѣхать въ Петербургъ. Она поѣхала съ нимъ. И вотъ мы двинулись изъ Самары въ такомъ порядкѣ: управляющій ѣхалъ впереди въ тарантасѣ съ Николаемъ Васильевичемъ, затѣмъ въ дормезѣ ѣхала его жена со мной и со своей падчерицей, блѣдной институткой, и съ нами молодой человѣкъ, котораго ловили въ женихи и пой-

мали; затѣмъ ѣхалъ тарантасъ съ важнымъ губернскимъ чиномъ и наконецъ нашъ тарантасъ съ прислугой. Къ вечеру мы пріѣхали въ большое татарское селеніе удѣльныхъ крестьянъ, и когда выѣхали и стемнѣло, то подлѣ каждаго экипажа появилось по два татарина съ горящими факелами. Татары гикали, лошади несли вскачь, и за полверсты до дома помощника управляющаго, гдѣ мы должны были остановиться, Николай Васильевичъ для большаго гвалта досталъ свою трубу и затрубилъ.

У этого помощника съ очень красивой женой мы пробыли три дня. Эта красивая жена тянулась за женой начальника, и весь домъ принялъ особый тонъ. Къ обѣду, позднему для провинціи, всѣ на англійскій манеръ переодѣвались, но только этотъ англійскій обычай вовсе не согласовался съ русскимъ обѣдомъ изъ щей, баранины и т. д.

Въ Москвѣ мы снова остановились у Гримме уже женатаго и уже не такого простого, какимъ онъ былъ прежде.

На этотъ разъ изъ Москвы мы поѣхали по желѣзной дорогѣ. Правильные поѣзда еще не ходили, но мы какъ-то попали и, на сколько мнѣ помнится, даже даромъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы наняли крошечную квартиру въ Большой Конюшенной, и пока Николай Васильевичъ устраивался, я поѣхала въ Выборгъ, гдѣ жили въ то время мои родители. Поѣздка эта послужила мнѣ на пользу въ томъ отношеніи, что мнѣ были нашиты новыя платья. Въ Выборгѣ въ это время давался концертъ съ благотворительною цѣлью, въ которомъ участвовала моя мать и мой братъ, и за одно и я приняла въ немъ участіе. Концертъ этотъ повліялъ на мою судьбу въ томъ отношеніи, что меня просили пѣть, а я не рѣшалась, потому что пѣла самоучкой. Вернувшись въ Петербургъ, я отправилась къ Шауберлейхнеръ и поступила въ число ея учениць: Николай Васильевичъ, конечно, отыскалъ Пекарскаго. Съ этой осени началась наша рабочая жизнь, для Николая Васильевича кончившаяся съ его смертью, а для меня продолжающаяся до сихъ поръ. На гробъ Николая Васильевича былъ положенъ вѣнокъ съ чрезвычайно вѣрной надписью: „Умершему со знаменемъ въ рукахъ".

Въ эту зиму у насъ почти не было знакомыхъ, и такъ какъ мы жили рядомъ съ моими двоюродными братьями и

сестрою Нордштремъ, то и видѣлись постоянно съ ними. Къ лѣту Николай Васильевичъ былъ назначенъ на работы въ Шлиссельбургскій уѣздъ, и мы переѣхали въ маленькую деревеньку среди лѣса, которая называлась Городкомъ. Тамъ мы наняли избу, и въ одну изъ ея половинъ помѣстился Пекарскій, пріѣхавшій къ намъ гостить на лѣто. Пекарскій писалъ тогда свой первый трудъ и писалъ очень прилежно. Жизнь мы вели премилую. Утромъ вставали довольно рано и втроемъ уходили версты за двѣ въ лѣсъ или на берегъ очень живописнаго озера съ раскинутыми на немъ островами и тамъ располагались на травѣ и варили на спирту кофе, для котораго все бывало уложено въ корзинку.

Во время этихъ утреннихъ пикниковъ намъ въ первый разъ пришлось видѣть, какъ крестьяне отправлялись на барщину. Расположившись однажды около дороги, мы издали услыхали топотъ, и пришли въ полное недоумѣніе, что это значитъ; топотъ между тѣмъ, все приближался, и, наконецъ, изъ лѣсу показалась телѣга, запряженная парою лошадей, и за нею толпа мужиковъ въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ. Это ѣхалъ бурмистръ помѣщика—Борщова на барщину, и хотя пристяжная въ его телѣгѣ шла вскачь, но крестьяне—барщинники не отставали отъ своего бурмистра и подъ страхомъ наказанія не смѣли отстать. Спустя нѣкоторое время показались и бабы, но тѣ уже шли, а не бѣжали. Отъ нихъ-то мы и узнали, что мужиковъ ихъ всегда гоняютъ на барщину бѣгомъ.

Пекарскаго это зрѣлище привело въ совершенное негодованіе, и онъ говорилъ, что внуки наши, читая о такомъ варварствѣ, вѣрно будутъ только дивиться.

Это лѣто мы провели очень мирно, тихо и всѣ много работали: мужчины писали статьи, а я занималась музыкой и пѣніемъ.

Къ осени мы переѣхали въ Петербургъ, гдѣ уже взяли квартиру попросторнѣе и одну комнату отдали Пекарскому. Съ этой зимы у насъ начали появляться музыканты.

Когда я еще была дѣвушкою, мы съ матерью и Н. В. были членами Симфоническаго общества, собиравшагося у Пѣвческаго моста въ залѣ Пѣвческой капеллы. Тамъ играли члены, и входить можно было только по членскимъ билетамъ. Играли тамъ только серьезныя классическія вещи по

субботамъ вечеромъ, а по утрамъ въ воскресенье давались въ Университетѣ музыкальныя утра тоже съ классической музыкой. Мы бывали и тутъ и тамъ.

Когда мы пріѣхали изъ Самары, то Симфоническаго Общества уже не существовало, а въ Университетѣ любители продолжали собираться и играть. Я взяла членскій билетъ и, пріѣхавъ, заняла тоже самое мѣсто, которое занимала нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Гертвигъ, уже въ штатскомъ платьѣ, а не въ сертукѣ съ синимъ воротникомъ, игралъ по прежнему на скрипкѣ. Увидавъ меня, онъ положилъ свою скрипку, и когда симфонія была доиграна, то подошелъ ко мнѣ. Съ этого времени Гертвигъ сталъ нашимъ добрымъ знакомымъ и, желая доставить намъ удовольствіе, прежде всего познакомилъ насъ съ віолончелистомъ Зейфертомъ. Сначала у насъ составилось тріо, потомъ квартетъ и квинтетъ, и мы, не выходя изъ дому, наслаждались прекрасной музыкой.

Пекарскій же познакомился черезъ Нордштрема съ Плетневымъ и постоянно мечталъ о литературныхъ знакомствахъ. Однажды, услыхавъ отъ меня, что я скучаю съ музыкантами, онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ въ маскарадъ въ Благородное собраніе, которое находилось тогда на Литейной въ домѣ, пріобрѣтенномъ теперь Удѣльнымъ вѣдомствомъ.

— Ну, что же я буду тамъ дѣлать?

— Интриговать, и я вамъ скажу, кого.

Пекарскій разсказалъ мнѣ, что изъ его роднаго города, Уфы, пріѣхалъ въ Петербургъ его знакомый Михайловъ, беллетристъ, сотрудникъ „Современника" и „Отечественныхъ Записокъ", и что его можно интриговать.

Послѣ долгаго совѣщанія, на которое былъ приглашенъ и Н. В., было порѣшено, что я напишу Михайлову записочку на французскомъ языкѣ, въ которой попрошу его пріѣхать въ Благородное Собраніе и ждать меня въ красной гостиной. Узнать меня онъ могъ по слову „Уфа", которое я ему скажу.

Въ назначенный день я одѣлась въ домино и маску и въ сопровожденіи Н. В. и Пекарскаго отправилась на Литейную. Вышли мы всѣ порознь, Пекарскій подошелъ къ Михайлову и сталъ съ нимъ говорить, чтобы показать мнѣ, что это и есть тотъ человѣкъ, котораго надо интриговать.

55-6

Пекарскій отошелъ и сталъ въ дверяхъ, а Михайловъ сѣлъ на кресло. Это былъ небольшаго роста господинъ, страшно худой, блѣдный и замѣчательно некрасивый, но элегантный. Я подошла и сказала „Уфа", и затѣмъ, взявъ его подъ руку, стала говорить, какъ рада встрѣтить стараго знакомаго, спрашивала о здоровьѣ его родныхъ, знакомыхъ, припоминала встрѣчи, разсказывала, гдѣ кто живетъ въ Уфѣ. Однимъ словомъ, я говорила все то, что узнала отъ Пекарскаго. Михайловъ терялся въ догадкахъ и перебиралъ всѣхъ уфимскихъ барышень и дамъ. Почувствовавъ, наконецъ, что весь мой запасъ свѣдѣній о немъ изсякъ, я подвела его къ прежнему мѣсту и сказала, что если онъ будетъ слѣдить за мною и не согласится сидѣть на одномъ мѣстѣ въ продолженіе получаса, то онъ меня больше не увидитъ. Михайловъ на все согласился, и мы благополучно уѣхали.

На слѣдующій день часовъ въ шесть къ Пекарскому кто-то пришелъ, и затѣмъ Пекарскій опрометью прибѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Это пришелъ Михайловъ, онъ будетъ говорить о васъ. Встаньте въ гостиной за драпировку въ моей двери, а я дверь оставлю пріотворенной.

Михайловъ, не подозрѣвая, что его вчерашняя маска слушаетъ его, началъ разсказывать, какъ онъ заинтригованъ какой-то маской и что пришелъ къ Пекарскому, какъ къ уфимцу, чтобы онъ помогъ ему отгадать, кто бы это могъ быть.

— Вѣдь она и васъ знаетъ, продолжалъ онъ,—она бывала у вашихъ въ Уфѣ, ясное дѣло, что она оттуда.

Мы и потомъ удивлялись, какъ Михайловъ не обратилъ въ этотъ вечеръ вниманіе на неистовый хохотъ Петра Петровича, вообще большого хохотуна, но тутъ уже хохотавшаго до неприличія.

Къ слѣдующему маскараду въ Благородномъ Собраніи, Пекарскій собралъ мнѣ еще кое-какія свѣдѣнія о Михайловѣ, и я съ новой энергіей могла говорить. Въ эту зиму я его интриговала три раза, а затѣмъ мы познакомились съ нимъ на балу въ Благородномъ Собраніи.

Пекарскій приходилъ въ эту зиму въ восторгъ отъ Ольги Сократовны Чернышевской и хотѣлъ непремѣнно насъ познакомить. Мы встрѣтились на балу, гдѣ былъ и Михайловъ, который оказался кумомъ Чернышевской. Такимъ образомъ знакомство и состоялось.

Въ тѣ времена маскарады въ Дворянскомъ Собраніи были такимъ мѣстомъ, куда не гнушались ѣздить и самыя тонкія аристократки. Императоръ Николай очень любилъ маскарады, и его зачастую можно было видѣть разговаривавшимъ съ маской. Въ маскарадѣ къ Государю могли подходить всѣ, кто хотѣлъ, и подъ маской преимущество отдавалось, конечно, умной женщинѣ.

Безобразіемъ Михайлова особенно возмущался мой большой другъ Николай Фердинандовичъ или Федосѣевичъ Дамичъ, нашъ постоянный посѣтитель. Потомъ Дамичъ съ нимъ сошелся и пересталъ его находить безобразнымъ, какъ и мы всѣ, такъ какъ остроумнѣе, привлекательнѣе и интереснѣе М. ничего быть не могло. Мои родители были очень близки съ Дамичами, и когда я была маленькая, Николай постоянно занималъ меня.

Въ то время это былъ офицеръ, живущій на свое жалованье и потомъ получившій небольшой капиталъ послѣ своей матери. Затѣмъ онъ получилъ мѣсто въ Тифлисѣ, гдѣ онъ—если не ошибаюсь—завѣдывалъ швальнями.

Николай Васильевичъ Шелгуновъ встрѣтилъ его въ Пятигорскѣ или въ Кисловодскѣ, и онъ говорилъ ему, что желалъ бы завѣщать свои деньги литературному фонду.

Мой способъ интриговать очень понравился М—ву, и онъ разсказалъ мнѣ о семейной жизни и обстановкѣ Александра Васильевича Дружинина, автора „Поленьки Саксъ", котораго я интриговала въ продолженіе нѣсколькихъ маскарадовъ.

М. жилъ съ Полонскимъ и былъ съ нимъ очень друженъ. У меня остался въ памяти вечеръ, въ который мы съ Н. В. были приглашены въ холостую комнату пріятелей. Во время чая, горничная пришла сказать М., что его спрашиваетъ молодой человѣкъ Курочкинъ. М. тотчасъ же вышелъ къ нему и, вернувшись, разсказывалъ, что этотъ Курочкинъ недѣлю тому назадъ приносилъ свои переводы Беранже, которые оказались очень хорошими. Тутъ въ первый разъ мы услыхали о Васильѣ Степановичѣ Курочкинѣ, который впослѣдствіи сдѣлался такимъ извѣстнымъ переводчикомъ Беранже.

Въ Петербургѣ въ это время, т. е. въ 1855—56 г., были двѣ дамы, любительницы литературы. Одна изъ нихъ гра-

фиия Толстая, а другая — Марья Өедоровна Штакеншнейдеръ, жена придворнаго архитектора. Эти обѣ дамы собирали въ своихъ салонахъ не только выдающихся литераторовъ, но и вообще всѣхъ людей, чѣмъ-нибудь прославившихся. Яковъ Петровичъ былъ близкій человѣкъ въ этомъ домѣ, и на слѣдующій же годъ пожелалъ познакомить и насъ.

— Друзья Якова Петровича и мои друзья, сказала Марья Өедоровна, и такимъ образомъ наше знакомство началось.

Жили Штакеншнейдеры тогда въ Милліонной въ собственномъ домѣ, и квартира у нихъ была роскошная съ Помпейской залой и зимнимъ садомъ. Тамъ бывали, кромѣ Полонскаго и Михайлова, Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, Бенедиктовъ, Мей и Щербина. Не знаю, по какому случаю тамъ устроился благотворительный спектакль, въ которомъ принимали участіе и мы.

Мои маскарадные знакомые: Дружининъ, Тургеневъ и Г. настоятельно желали познакомиться со мною гдѣ-нибудь и увидать, что за дама болтаетъ съ ними подъ маской. Я прямо назначила свиданье въ ближайшую субботу у Штакеншнейдеровъ.

Способъ мой интриговать тоже такъ нравился Тургеневу, что онъ просилъ меня не только заинтриговать, но и непремѣнно завертѣть молодаго писателя графа Л. Н. Толстого. Какъ стоялъ за годъ передъ этимъ въ дверяхъ Пекарскій, такъ на этотъ разъ въ дверяхъ залы дворянскаго собранія стоялъ Тургеневъ, а я сидѣла на диванѣ съ графомъ и разговаривала съ нимъ. Но все мое искусство говорить, вся моя болтовня не привели ни къ чему. Я не могла заинтересовать своего собесѣдника и очень скоро вернулась къ Тургеневу и сказала ему, что чары мои безсильны, что это какой-то волченокъ.

Долго послѣ этого Тургеневъ называлъ Толстого волченкомъ.

— Да, позволь, маска, возражалъ Тургеневъ,—я вѣдь съ нею не знакомъ.

— Это ужъ не малое дѣло, отвѣчала я, — тамъ всегда бываетъ Полонскій.

И вотъ, въ назначенную субботу, когда мы всѣ сидѣли вокругъ стола у угловаго дивана, лакей подошелъ къ Якову Петровичу и вызвалъ его въ прихожую. Яковъ Петровичъ

уже зналъ въ чемъ дѣло и, взглянувъ на меня, пошелъ. Въ этотъ вечеръ ему пришлось представить троихъ видныхъ литераторовъ, и добродушная Марья Өедоровна была на седьмомъ небѣ отъ восторга, что на ея *фиксъ* собираются такія знаменитости. Она и не подозрѣвала, что въ домѣ у нея назначено свиданіе.

Такъ какъ сцена была у Штакеншнейдеровъ на лицо, то явилось предположеніе устроить еще одинъ благотворительный спектакль, и Тургеневъ, Дружининъ и Г. предложили пьесу подъ названіемъ: „Школа Гостепріимства“ съ одной женской ролью. Эта пьеса долго хранилась у меня, но кто-то взялъ ее, и врядъ ли она теперь существуетъ, въ особенности, если у Г. не сохранился оригиналъ.

Цѣна мѣстамъ на этотъ спектакль была назначена очень высокая, но всѣ мѣста были разобраны, и пьеса имѣла успѣхъ, тѣмъ болѣе, что въ ней изображались кое-какіе литераторы, и даже парикмахеръ былъ посланъ въ залъ, чтобы посмотрѣть хорошенько на Ивана Ивановича Панаева и сдѣлать актеру точно такое же лицо съ бородкой и положить на лобъ такой-же локонъ. Въ пьесѣ фигурировалъ генералъ со звѣздой, котораго въ концѣ пьесы валятъ на солому и, при крикахъ: „бей генерала“, бьютъ. По окончаніи спектакля всѣ были очень довольны и, въ особенности, хозяйка.

Дня черезъ два оказалось, что на другой день къ Штакеншнейдеру пріѣхалъ Г. и сталъ извиняться за конецъ пьесы, будто бы обидѣвшій сидѣвшихъ въ первомъ ряду генераловъ.

— Какъ? когда? что такое? въ недоумѣніи спрашивалъ архитекторъ.

Хотя изъ домашнихъ никто ничего не замѣтилъ, но хозяинъ, на всякій случай, велѣлъ снять сцену и навсегда прекратить спектакли. Мы были крайне огорчены этимъ и продолжали бывать у нихъ только на ихъ субботнихъ *фиксахъ*, а они бывали у насъ на музыкальныхъ средахъ.

На одномъ изъ танцовальныхъ вечеровъ у М. Ө., послѣ того, какъ я болтала разныя глупости съ Майковымъ, ко мнѣ подошелъ М. и говоритъ:

— А Майковъ сказалъ мнѣ сейчасъ экспромптъ на васъ, но только лично вамъ онъ не осмѣливается передать его.

Довольно было сказать это, чтобы задѣть женское любопытство. Я пристала къ М., чтобы онъ передалъ мнѣ этотъ

экспромптъ, а я въ настоящее время, какъ старуха, могу передать его читателямъ въ доказательство того, что и бабушки когда-то были молоды и нравились. Вотъ экспромптъ Майкова:

„Такъ роскошны ваши плечи,
Въ взорахъ много такъ огня,
Ваши вѣтренныя рѣчи
Раздражаютъ такъ меня,
Что со всякою моралью
Кончивъ счеты, какъ нахалъ,
Охватилъ бы васъ за талью
И на „смерть зацѣловалъ."

Это была зима 1855/56 года, и въ эту зиму мнѣ подарили альбомъ, въ который я стала собирать автографы. Первый автографъ былъ данъ мнѣ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ. Вотъ онъ:

„Однообразье бальныхъ залъ
Не разъ вашъ смѣхъ воодушевленный
Передо мной оживлялъ.
Среди толпы пустой и сонной
Невольно я стремился къ вамъ,
Какъ къ свѣжей розѣ, приплетенной
Въ вѣнкѣ къ искусственнымъ цвѣтамъ."

1856. 6 февр. *А. Майковъ.*

Затѣмъ отъ другихъ писателей я получила стихотворенія:

Перепутье.

„Труденъ былъ путь мой. Холодная мгла
Не разступалась кругомъ,
Съ сѣвера туча за тучею шла
Съ крупнымъ и частымъ дождемъ...
Капалъ онъ съ мокрыхъ одеждъ и волосъ;
Жутко мнѣ было идти:
Много суровыхъ я вытерпѣлъ грозъ,
Больше ихъ ждалъ впереди.
Липкую грязь отряхнуть бы мнѣ съ ногъ,
И отъ ходьбы отдохнуть!...
Вдругъ мнѣ въ сторонкѣ блеснулъ огонекъ...
Дрогнула радостью грудь...
Боже, какимъ перепутьемъ меня,
Странника, Ты наградилъ!
Боже, какого дождался я дня!
Сколько прибавилось силъ!"

1856. 11 февр. *М.*

„Что ждетъ меня—вѣнецъ лавровый
Или страдальческій вѣнецъ?!
Каковъ бы ни былъ мой конецъ—
Я въ жизнь иду, на все готовый.

Каковъ бы ни былъ мой конецъ:—
Благослови мою дорогу!
Ты моему молилась богу,
Я былъ боговъ твоихъ пѣвецъ.
Ты моему молилась богу,
Когда и сердце и дѣла
Ты на алтарь любви несла—
Была вѣрна любви залогу.
Я былъ боговъ твоихъ пѣвецъ,
Когда я пѣлъ ума свободу,
Неискаженную природу
И слезы избранныхъ сердецъ".

1856. 3 марта. *Я. Полонскій.*

„Воплощенное веселье,
Радость въ образѣ живомъ,
Упоительное зелье,
Жизнь въ отливѣ огневомъ,
Кипятокъ души игривой,
Искры мыслей въ морѣ грезъ,
Рѣзвый блескъ слезы шутливой,
И не въ шутку смѣхъ до слезъ,
Легкой пѣсни вольный голосъ,
Умъ съ мечтами заодно,
Дума съ хмѣлемъ, цвѣтъ и колосъ,
И коронка, и зерно..."

1857. 30 апрѣля. *В. Бенедиктовъ.*

Въ зиму 1856 г. Н. В. предложили мѣсто въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ, и онъ взялъ его на условіи, что ему дадутъ возможность съѣздить за границу. Мы оба сдѣлались точно сумасшедшіе.

Въ то время я часто хворала вслѣдствіи паденія съ дрожекъ и хворала такъ, что зачастую отъ боли не могла пошевелиться. Докторъ, чтобы предупредить такіе припадки, далъ капли.

Мѣста въ почтовой каретѣ приходилось брать недѣли за двѣ. Въ утро отъѣзда я вдругъ начинаю чувствовать боль. Н. В. приходитъ въ ужасъ, потому что два мѣста въ каретѣ до Ковно стоили не дешево, да и кромѣ того, что плата за нихъ должна была пропасть, отъѣздъ пришлось бы отложить на неопредѣленное время.

До отъѣзда оставалось два часа, и вотъ Н. В. вынимаетъ изъ мѣшка капли и, накапавъ, даетъ мнѣ принять. Боли начинаютъ стихать, мы уже одѣваемся, чтобы ѣхать въ Большую Морскую (домъ, нынѣ занимаемый Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ), гдѣ находилась контора почтовыхъ каретъ, какъ вдругъ я лишаюсь чувствъ. Н. В. тащитъ меня

къ форточкѣ, суетится, кричитъ, а время, между тѣмъ, идетъ. Придя въ себя, я потребовала, чтобы меня одѣли и везли въ контору.

Въ контору собрались родные провожать насъ, и послѣ новаго обморока, двоюродный братъ мой, докторъ Нордштремъ, посмотрѣлъ мнѣ на зрачки и говоритъ:

— Ей дурно, потому что она отравлена.

— Какъ? чѣмъ? что такое? закричали всѣ тетушки и сестрицы.

— Да ужъ не я ли ее отравилъ, проговорилъ Н. В. и тутъ же разсказалъ, что съ испугу налилъ мнѣ безсчетное количество капель.

Рецептъ былъ осмотрѣнъ, тутъ же явилась бутылка молока, и Н. В. получилъ предписаніе на каждой станціи отпаивать меня молокомъ.

Этотъ вечеръ и эта ночь были страшно мучительны, такъ какъ обмороки и тошнота продолжались до утра, но къ утру я заснула и совсѣмъ поправилась.

Такъ какъ я пишу свои личныя воспоминанія, то могу прибѣгать къ журналу, который вела въ ту пору.

Сталюпень, 12/24 марта.

Наконецъ мы въ Пруссіи. Съ нами ѣдутъ (въ наружныхъ мѣстахъ) два нѣмца: молодой человѣкъ изъ прусскаго посольства — Шиллеръ, и частный курьеръ Каррасъ, который привезъ въ Петербургъ изъ Америки путешественника.

Изъ Ковно мы поѣхали на перекладной. Характеръ дороги измѣнился, лишь только мы въѣхали въ Царство Польское. Экипажи оказались дышловыми, а ямщики — въ зеленыхъ длинныхъ ливреяхъ съ капюшонами въ фуражкахъ съ пришпиленнымъ изображеніемъ маленькой трубы. На толстомъ шнуркѣ черезъ плечо висѣла труба, а въ рукахъ ямщикъ держалъ бичъ. Встрѣчнымъ онъ не кричалъ, а трубилъ имъ, а намъ наигрывалъ иногда мазурки. Вечеромъ, по случаю Святой, насъ не могли пропустить черезъ границу, и мы принуждены были остановиться ночевать въ Вержболовѣ. Насъ привезли въ кондитерскую, гдѣ жидовскій запахъ, частью напоминающій іодъ, такъ и обдалъ насъ. Намъ съ Н. В. дали отдѣльную комнату, мрачную и страшную, но я была такъ утомлена, что сейчасъ же заснула. Спутники же наши, Шиллеръ и Каррасъ, устроились на стульяхъ въ самой кондитерской. Имъ было жутко и страшно, и они цѣлую ночь не выпускали изъ рукъ по ножу, такъ какъ евреи всю ночь шептались, и кто-нибудь изъ нихъ безпрестанно входилъ въ эту комнату. Если спутники наши боялись, что ихъ обкрадутъ, то, кажется, и евреи боялись того-же самаго, потому что они все заперли, а что нельзя было запереть—вынесли. Крысы и мыши прыгали въ этой кондитерской и по окнамъ, и по стульямъ, и по столамъ.

Въ Сталюпень, первый прусскій городъ, мы пріѣхали въ 9 часовъ и тотчасъ же спросили себѣ бутылку краснаго вина и поздравили другъ друга съ пріѣздомъ. Стѣны гостинницы оказались увѣшанными портретами членовъ русской Царской фамиліи. Какъ въ этомъ маленькомъ городишкѣ все чисто, мило, свѣтло. Въ то время, какъ мы завтракали, къ намъ подошла какая-то родственница почтмейстера и обратилась къ Каррасу:

— Прошлый разъ, когда вы проѣзжали тутъ съ американцемъ, мѣсяцъ тому назадъ, вы забыли перчатки—вотъ онѣ.

— Да здравствуетъ прусская честность! вскричалъ Каррасъ.

Но увы! черезъ нѣсколько лѣтъ мы съ Н. В. не могли бы сказать того же самаго. Проѣзжая тутъ же, но уже по желѣзной дорогѣ, мы лишились самовара, который у насъ вынули въ багажѣ изъ закрытаго ящика. Начальникъ станціи посовѣтовалъ намъ сдѣлать заявленіе. Совѣтъ его мы исполнили, но самовара не получили.

Въ Кенигсбергъ мы поѣхали въ высокой четырехмѣстной желтой каретѣ. Въ карету было впряжено четыре лошади, по двѣ въ рядъ, но на передней парѣ форейтора не было. Кучеръ въ ботфортахъ, въ высокой шляпѣ, съ бичемъ и трубой.

Берлинъ, 26-го марта.

Въ Берлинъ мы пріѣхали уже рано утромъ по желѣзной дорогѣ, и онъ показался намъ съ хозяйственной стороны. Торговки несли припасы на рынокъ или торговцы везли ихъ въ телѣжкахъ, запряженныхъ собаками.

Не мало удивила меня запряженная двумя собаками въ дышло телѣжка, въ которой стояли жестяные кувшины съ

молокомъ, а подлѣ шла молочница въ зеленомъ платьѣ, въ черной мантильѣ и въ черной шляпѣ.

Въ Берлинѣ мы осмотрѣли всѣ достопримѣчательности, и въ памяти у меня сохранился только карликъ, адмиралъ Томъ Пусъ. Такого карлика, по величинѣ и соразмѣрности формъ, должно быть и не бывало съ тѣхъ поръ.

Изъ Берлина мы проѣхали въ саксонскую деревушку Вермсдорфъ. Но право эта деревня лучше любого русскаго уѣзднаго города. Всѣ улицы шоссированы, а передъ каждымъ домомъ — садикъ, обнесенный живой изгородью. Въ гостиницѣ мы наняли прехорошенькую комнату, на стѣнѣ которой висѣли портреты масляной краской хозяина и хозяйки. Хозяинъ изображенъ съ письмомъ въ рукахъ, а хозяйка нарисована сидящею на кончикѣ дивана, и какъ-будто ей ужасно узко платье или сзади колетъ булавка. Въ правой рукѣ она держитъ розу.

Здѣсь въ гостинницѣ оказался залъ собранія здѣшняго общества.

— По вторникамъ здѣсь бываютъ балы, сказала мнѣ горничная.

— Что же платятъ за входъ? спросила я.

— Платятъ за ужинъ десять зильбергрошей и подаютъ картофель, бифштексъ, кофе, дессертъ и сыръ.

Человѣкъ такъ созданъ, что не можетъ не сравнивать того, что видитъ. Такъ и мы не могли не сравнивать деревни въ Саксоніи, въ сторонѣ отъ желѣзнодорожной линіи, съ деревней въ Новоузенскомъ уѣздѣ, гдѣ мы вступили въ разговоръ съ бабой, и должны были согласиться, что это вовсе не человѣкъ.

Хозяинъ нашъ, узнавъ, что мы желали бы посмотрѣть на балъ у него въ гостиницѣ, сообщилъ объ этомъ старшинѣ клуба, и въ назначенный день пришелъ за нами въ восемь часовъ и повелъ насъ въ залъ. Въ залѣ былъ уже накрытъ столъ, и всѣ сидѣли за столомъ. Н. В. посадили подлѣ какого-то молодого человѣка, а меня—подлѣ пустого стула. Ужинъ начался съ супа, и въ продолженіе всего ужина музыкантъ игралъ на фортепіано. Недалеко отъ меня сидѣла старуха, у которой я въ то утро покупала тесемки. Она была въ чепцѣ и черной мантилькѣ.

По окончаніи ужина на другомъ концѣ стола кто-то позвонилъ ножемъ по рюмкѣ, и ораторъ громко сказалъ, что билліардъ сокращалъ скуку длинныхъ зимнихъ вечеровъ, и потому въ честь его слѣдуетъ выпить тостъ.

— Го! го! го! закричала вся зала.

Оказалось, что вечеръ этотъ давался на деньги, которыя платили игроки за пользованіе билліардомъ.

Вслѣдъ затѣмъ около насъ тоже постучали о стаканъ и предложили тостъ за насъ, какъ за рѣдкихъ гостей. Всѣ крикнули го! го! го! и начали съ нами чокаться. Тосты предлагались и прозой, и стихами, и ужинъ закончился тѣмъ, что всѣ присутствующіе пропѣли: „Wo ist des Deutschen Vaterland?“ Столы убрали, посреди залы поставили рояль, и подъ звуки его начались танцы. Часа черезъ два явилась старуха съ лейкой и стала поливать полъ для того, „чтобы не было пыли, потому что пыль портитъ платья“.

Изъ Вермсдорфа мы съѣздили на нѣсколько дней въ Лейпцигъ, гдѣ случайно познакомились съ ученикомъ Лейпцигской консерваторіи, который посовѣтовалъ намъ отправиться въ театръ, гдѣ давалась опера Мендельсона: „Сонъ въ лѣтнюю ночь“. Оперу эту ставилъ въ Лейпцигѣ самъ Мендельсонъ, и въ годовщину ея постановки съѣзжаются тѣ же музыканты и даютъ въ память композитора эту оперу. Мы пришли отъ оперы въ полный восторгъ, и какъ тогда, такъ и теперь я жалѣю, что ее не даютъ въ Петербургѣ.

Изъ Лейпцига мы вернулись въ свою скромную деревню, Вермсдорфъ. Жили мы въ ней, потому что тамъ было лѣсничество, въ которомъ Николай Васильевичъ могъ пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія. Неподалеку отъ деревни стоялъ замокъ Губертусбургъ и въ немъ находился исправительный домъ для женщинъ. По заведенію проводить насъ вызвался пасторъ. Въ исправительномъ домѣ три класса, и для отличія женщины одѣты въ разныя формы. Если женщина попадалась нѣсколько разъ въ исправительное заведеніе, то ей на рукавъ нашивалось столько желтыхъ нашивокъ, сколько разъ она попадалась. Работы раздавались, смотря по винѣ. Съ минуты вступленія въ домъ виновной запрещалось говорить, за ослушаніе взыскивалось очень строго. Первое наказаніе заключалось въ надѣваніи на одну ногу кандаловъ, съ прицѣпленной къ нимъ двадцатифунтовой деревяшкой; второе наказаніе называется Engearest. Это крошечная клѣтка, но полъ, стѣны и стулъ все зубчатые. Вмѣсто платья надѣ-

ваются штаны и куртка, которые запираются замкомъ для того, чтобы нельзя было ихъ снять и подложить подъ себя. Третье наказаніе—такая же зубчатая комната, но зубцы большихъ размѣровъ. Обѣ комнаты совершенно темныя; четвертое—простой арестъ, въ которомъ арестантка работаетъ; пятое—спать въ особой комнатѣ. Мы вошли къ одной арестованной и застали ее за работой. Она дѣлала парикъ. При нашемъ входѣ она, вспыхнувъ, встала и опустила глаза. Какъ печь въ ея комнатѣ, такъ и постель ея, въ видѣ ящика, были обиты. Пасторъ объяснилъ намъ, что эта дѣвушка страдала падучею болѣзнью. Лицо этой прелестной дѣвушки долго не выходило у меня изъ головы. У нея былъ такой невинный голубиный взглядъ, что невольно думалось—могла ли такая дѣвушка быть преступницей? Почемъ знать, можетъ быть, теперь эту дѣвушку стали бы лѣчить, а не наказывать?

Въ маѣ мѣсяцѣ я отправилась въ Эмсъ лѣчиться и тотчасъ же познакомилась тамъ съ баронессой Притвицъ. Дама эта была не глупѣе большинства богатыхъ русскихъ дамъ, разъѣзжающихъ по водамъ. Но знакомство съ нею имѣло большое вліяніе не только на мою жизнь, но и на жизнь Николая Васильевича. При баронессѣ находился докторъ Ловцовъ, который, познакомившись со мною, прежде всего сталъ спрашивать: что я читаю? Читала я романы. Сергѣй Павловичъ остался этимъ недоволенъ и далъ мнѣ „Былое и Думы“ Герцена. Въ продолженіе шести недѣль курса, я прочла все, что было издано изъ сочиненій Герцена; когда Николай Васильевичъ пріѣхалъ за мною, я познакомила его съ Ловцовымъ, и вскорѣ Николай Васильевичъ сдѣлался такимъ же поклонникомъ Герцена, какъ и я.

Въ это же самое время въ Эмсѣ брала ванны Татаринова, пріѣхавшая съ мужемъ, бывшимъ потомъ генералъ-контролеромъ. Какъ меня просвѣщалъ въ чтеніи Ловцовъ, такъ и мнѣ очень хотѣлось развивать ее, тѣмъ болѣе, что она выказывала мнѣ большое расположеніе. Я посовѣтовала ей для начала читать романы Жоржъ Занда.

Перечитывая свой дневникъ, я нахожу въ немъ такое замѣчаніе: „Отчего это въ богатыхъ людяхъ чаще встрѣчается пустота, чѣмъ въ бѣдныхъ. Напримѣръ, m-me Притвицъ волнуется отъ страха, что кто нибудь изъ дамъ пере-

бьетъ у нея фризера, а между тѣмъ она пріѣхала лѣчиться, да и кромѣ того Эмсъ окруженъ горами и лѣсами, смотря на которые какъ-то забываешь о пустякахъ. Я здѣсь живу двойственной жизнью. У ключа столько суетности, что я тотчасъ же заражаюсь ею. Всякая хочетъ одѣться лучше другой, и я только о томъ и думаю, чтобы увѣрить себя, что это глупо, а между тѣмъ я все таки женщина и мнѣ хочется нарядиться. Придя же къ себѣ въ комнату, я отворяю окна, смотрю на зелень, на горы и мнѣ дѣлается какъ, то грустно, но легко. Уходя съ ключа, я думаю: „ахъ, какъ тутъ пусто!“, а отходя отъ окна, я говорю: „ахъ, какъ тутъ хорошо!“

Николай Васильевичъ въ это время ѣздилъ по своимъ лѣснымъ дѣламъ и писалъ мнѣ очень часто. Онъ сильно скучалъ, что и видно изъ его писемъ, изъ которыхъ привожу нѣкоторыя выдержки.

27 мая 1856 г.

Сегодня второй день, что я не обѣдаю и пью по утрамъ и вечерамъ кофе. Какъ пойдетъ дѣло дальше—не знаю, но мнѣ хотѣлось бы выдержать мѣсяцъ, если только не захвораю.

29 мая.

Сегодня я гулялъ утромъ до кофе и обошелъ весь городъ кругомъ въ полчаса, это я говорю вамъ, не прибавляя ничего неправды; потомъ въ другіе полчаса я искрестилъ городъ по разнымъ направленіямъ вдоль и поперекъ. При этомъ размечтался вотъ по какому случаю. Я хотѣлъ купить вамъ какую-нибудь бездѣлушку, но ничего не нашелъ, такая дрянь магазины, что стыдно,—въ Самарѣ гораздо лучше. А что же М., вѣдь и ему нужно, я такъ люблю его... тутъ пошли мечты дальше... Наконецъ, пріѣздъ въ Петербургъ, встрѣча съ М., поцѣлуи—и я заплакалъ. Право такъ,—просто среди улицы—даже стало стыдно, и я засмѣялся самъ надъ собою. Знаете что? вѣдь путешествіе вещь очень скучная, оно можетъ быть только тогда хорошо, когда странствуешь съ тѣми, кого любишь, а одинъ, какъ я теперь, просто тоска.

Ольденбургъ, 30 мая.

Ольденбургъ совершенно патріархальный городъ. Люди живутъ очень скромно, извозчиковъ нѣтъ—всѣ ходятъ пѣшкомъ. Но что значитъ любовь къ родинѣ! — Сынъ содержа-

теля гостиницы, въ которой я стою, никакъ не вѣритъ, что можетъ быть городъ лучше Ольденбурга. Вчера онъ увѣрялъ меня, что въ городѣ есть замѣчательный замокъ, очень старый и древній. Пошли мы сегодня туда, и я точно увидѣлъ замокъ, былъ внутри, прошелъ всѣ комнаты и увидѣлъ какую-то странную смѣсь новаго съ старымъ и не нашелъ ничего, стоющаго вниманія. Древности—это всего десять разныхъ вещицъ, между которыми есть одинъ самопалъ, одни дрянные часы—вотъ и все. Въ этомъ замкѣ жилъ покойный Великій Герцогъ, и всѣ вещи лежатъ въ такомъ порядкѣ, какъ лежали при немъ. Замѣчательно, однако, съ какимъ благоговѣніемъ смотрятъ нѣмцы на своихъ королей—точно на боговъ;—это я уже замѣчалъ во многихъ мѣстахъ, замѣтилъ и здѣсь изъ словъ провожавшихъ меня лицъ.

31 мая.

Я измѣнилъ свой образъ жизни и въ Ольденбургѣ постоянно обѣдалъ,—нельзя такому важному лицу, которому Негелейнъ дѣлаетъ визиты и котораго онъ возитъ по окрестностямъ, не обѣдать,—да и къ тому же я чувствую себя гораздо здоровѣе, когда поѣмъ и выпью пива. Не смотря на это, я все надѣюсь сдѣлать экономію, это мнѣ нужно, и когда при свиданіи съ вами я объясню причину, надѣюсь, вы бранить меня не станете.

Гарцбургъ, 4 іюня.

Вамъ не знакома болѣзнь—тоска по родинѣ? Мнѣ тоже она не знакома, но я могу имѣть о ней вполнѣ ясно представленіе изъ другой болѣзни, которой я страдаю теперь, это тоска по Людинькѣ. Я не шучу, я просто боленъ; еще когда я въ лѣсу занятъ культурами—все легче, но какъ только дома и особенно одинъ—просто бѣда—ничего не хочется дѣлать и ужасно скучно. Не смотря на это, я замѣчаю, что полнѣю съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; должно быть, моя болѣзнь имѣетъ въ основаніи тотъ же законъ, какъ болѣзнь одного знакомаго Щелкова,—когда онъ былъ влюбленъ, то ѣлъ за десятерыхъ.

5 іюня.

Вчера я дѣлалъ туръ по лѣсу, до обѣда путешествовалъ съ однимъ господиномъ, потомъ въ лѣсу насъ встрѣтилъ другой—все это было устроено заранѣе,—и мы отправились

дальше. Въ два часа мы пришли къ этому другому. Это Ревиръ ферстеръ Кобусъ. Подобнаго гостепріимства еще не встрѣчалъ въ Германіи. Жена Кобуса, очень здоровая и немолодая баба, прислуживала сама за столомъ. Первое было нѣчто въ родѣ нашей тюри, это тертый ржаной хлѣбъ, бѣлое пиво, немного вина и очень много сахару. Я насилу съѣлъ одну тарелку, но пришлось съѣсть еще, потому что хозяева просили, и я изъ любезности ѣлъ до тошноты; второе блюдо—блины съ брусникой; третье—хлѣбъ съ масломъ, наконецъ сушеныя яблоки и кофе. Очаровательная хозяйка, чтобы полакомить гостя, купила какое-то кольцо изъ тѣста, въ родѣ заварного, напоила меня до тошноты кофіемъ, и этого мало,—когда не больше чѣмъ черезъ часъ я пошелъ въ лѣсъ, чтобы добраться до дому, а для этого нужно было пройти 7 верстъ,—то она притащила еще бутерброды. Истинно порусски; ничего подобнаго я не встрѣчалъ до сихъ поръ и былъ совершенно доволенъ такими славными нѣмцами.

Госларъ, 6 іюня.

Со мной случаются странныя вещи: то мнѣ очень скучно, то я готовъ хохотать и смѣяться. Въ такія счастливыя минуты я обыкновенно разговариваю съ вами.

Не будетъ ли лучше, если вы напишете тоже письмо къ Хитрово? Мнѣ такъ хочется ѣхать во Францію, что моя поѣздка за границу безъ поѣздки въ Парижъ будетъ имѣть для меня только половину цѣны. А какъ вы знаете, если чего очень желаешь, то боишься, что желаніе не исполнится, поэтому я очень боюсь и какъ-то слабо надѣюсь, что къ 1-му іюля Хитрово вышлетъ деньги во Франкфуртъ.—А если еще на бѣду откажутъ въ преміи? Вотъ ужъ это будетъ тоска. Впрочемъ, давно извѣстно, что я глупъ и создаю препятствія, гдѣ ихъ нѣтъ.

Герцбергъ, 7 іюня.

Сижу я въ настоящее время на маленькомъ диванѣ, въ очень маленькой комнатѣ и въ самомъ верхнемъ этажѣ гостинницы, передо мною въ красномъ деревянномъ подсвѣчникѣ стоитъ сальная свѣча. Эта обстановка, не смотря на свою печальную наружность, очень мнѣ нравится, ибо представляетъ въ пріятной перспективѣ *небольшой счетъ*. У меня, какъ вы уже замѣтили, главный вопросъ—дешевизна,

и пріятныя улыбки кельнеровъ, швейцаровъ и комиссіонеровъ гостинницъ перваго класса очень не нравятся, потому что за эти пріятныя улыбки надо платить.

Кромѣ этого мнѣ очень не нравится, что я тороплюсь, я не успѣлъ даже написать къ Хитрово и поэтому боюсь, что къ 1-му іюля новаго стиля, у насъ не будетъ денегъ для поѣздки во Францію, а черезъ это мы потеряемъ и лѣтнее время и лишнія деньги".

Послѣ Эмса мы уѣхали въ С.-Морицъ на желѣзныя воды, тогда только что открытыя, такъ что мы съ Татариновыми были первые русскіе, посѣтившіе эти воды. M-me Татаринова очень ко мнѣ привязалась, но по секрету сообщила мнѣ, что мужъ недоволенъ ея дружбою со мной потому, что я посовѣтовала ей читать Жоржа Занда. Послѣ этого мнѣ уже не удалось ей посовѣтовать читать Герцена, потому что мужъ не оставлялъ ее со мною глазъ на глазъ. Послѣ же разныхъ споровъ съ Н. В., онъ говорилъ женѣ, что мы опасные мечтатели. Такъ знакомство наше и прекратилось. Но, должно быть, опасные мечтатели засѣли въ душу молодой свѣтской и даже придворной дамы. Много лѣтъ спустя, Гербель разсказывалъ мнѣ, что былъ на какомъ-то великосвѣтскомъ раутѣ, и тамъ, разговаривая, съ m-me Татариновой, упомянулъ нашу фамилію и былъ очень удивленъ, съ какимъ волненіемъ и нѣжностью она разспрашивала у него обо мнѣ.

— И мнѣ показалось, прибавилъ Гербель,—что воспоминаніе о знакомствѣ съ вами она лелѣетъ какъ какую-то далекую чудную мечту.

Ловцовъ намъ далъ адресъ въ отель въ Парижѣ, но прежде чѣмъ ѣхать въ Парижъ, мы изъ С.-Морица проѣхали въ Швейцарію. Тогда путешествіе по Швейцаріи было дѣйствительно интересно, потому что желѣзныхъ дорогъ не было, и ѣздили въ дилижансахъ или ходили пѣшкомъ.

Писать о Швейцаріи здѣсь не приходится, и въ памяти у меня особенно остался только соборъ въ Фрибургѣ, куда вечеромъ за небольшую плату пускали слушать органъ. Въ церкви было такъ темно, что я чуть не наткнулась на что-то вродѣ гроба, и мнѣ стало страшно. Тишина была мертвая, и при звукахъ органа мнѣ сталъ понятенъ фанатизмъ католиковъ. Не смотря на плохую игру органиста, удовольствіе получилось большое.

Въѣздъ во Францію вызвалъ въ насъ новое и странное ощущеніе. Мы ѣхали въ почтовой каретѣ, и часовъ въ одиннадцать ночи насъ привезли въ какія-то ворота и заперли ихъ за нами. Передъ лошадьми ворота тоже были заперты, а по бокамъ кареты съ обѣихъ сторонъ шли площадки, освѣщенныя двумя фонарями. По правую руку стояло существо мрачное, въ наполеоновскомъ плащѣ, въ его шляпѣ и съ булавою. Тутъ же стояло нѣсколько солдатъ. Все это было такъ мрачно, что на сердце невольно налегала какая-то тяжесть. Дверца кареты отворилась, и одинъ изъ солдатъ закричалъ самымъ грубымъ голосомъ:

— La douane—sortez, s'il vous plait!

Всѣмъ чиновникамъ страшно хотѣлось спать и потому они были довольно милостивы и не очень рылись.

Въ Парижѣ мы проѣхали прямо въ rue de la Michaudière, hôtel Molière, хозяйка, mademoiselle Максимъ, отставная актриса съ небольшой сцены, говорила съ трагическими жестами обо всѣмъ. Указывая намъ на мебель въ комнатѣ, она воскликнула, кака Саръ Бернаръ, поднявъ руки:

— N'est ce pas... c'est sublime!

Сожитель ея, m-n Fauvety, редакторъ очень серьезнаго журнала „Revue philosophique et religieuse", какъ человѣкъ занятой и серьезный, находился въ подчиненіи у Максимъ, и много возился съ птицами, которыхъ самъ чистилъ. Кромѣ того, у этой четы была масса собакъ и кошекъ.

У нихъ мы познакомились съ m-me Jenuy d'Héricourt, docteur en médécine, очень некрасивой, толстой, маленькой женщиной, у которой я была на вечерѣ и познакомилась со многими французскими писателями того времени.

M-me d'Héricourt была рьяной противницей Прудона и горячей защитницей женщинъ. Женскій вопросъ въ Россіи очень интересовалъ ее, и она съ любопытствомъ обо всемъ разспрашивала. Вотъ что она писала мнѣ, между прочимъ, 10 авг. 1856 г.

„Tous les vices et tous les malheurs généraux et particuliers sont le résultat de l'inferiorisation de la femme dans l'état, la cité, la famille, l'éducation. Les femmes, dans cet état de compression, prennent tous les vices de l'esclavage, et comme elles sont les premières institutrices des hommes, les infiuencent et les dirigent occultement toute leur vie, le ca-

ractère masculin se trouve abaissé, les grandes aspirations s'éteignent. Si donc nous voulons émanciper les hommes et l'humanité, il faut que les femmes soient libres, éclairèes, livrées à leur propre génie pour qu'il sache et puisse se rélèver. Que les femmes de tous les pays se donnent la main...“ и т. д.

Этотъ мѣсяцъ, проведенный въ Парижѣ, совершенно одурманилъ меня. Я дошла до того, что бредила эшафотомъ. Теперь это отъ меня такъ далеко, что я могу спокойно вспоминать и оправдывать одну русскую даму, которая, поговоривъ со мною, сказала мнѣ полу-шутя, полу-серьезно: „отъ васъ каторгой пахнетъ!“ Тогда я пришла отъ этого въ совершенное негодованіе, но теперь, черезъ 40 слишкомъ лѣтъ, я вижу, какъ многіе были правы.

Изъ-за границы мы проѣхали прямо въ Лисинское учебное лѣсничество, гдѣ попали въ омутъ дрязгъ, сплетень и служебныхъ непріятностей. Н. В. тамъ не взлюбили, и мнѣ, конечно, старались дѣлать во всемъ непріятности. Напримѣръ, директоръ Лисина накричалъ на мою прислугу, что будто она выливаетъ помои изъ окна кухни. Я приглашена была на дворъ, чтобы взглянуть на это безобразіе. Настолько я была благоразумна, что не спорила съ директоромъ, хотя всякому было ясно до очевидности, что въ теченіе одной зимы, когда были вставлены окна, нельзя было выпачкать стѣну, тѣмъ болѣе, что подъ окнами всѣхъ кухонь были такія-же грязныя полосы. Затѣмъ, всѣ служащіе выписывали журналы, но мнѣ никогда не доставалось ни единаго номера, и не будь тамъ милаго и добраго доктора Матвѣева, нашего большаго пріятеля, который бралъ книги для себя и передавалъ мнѣ, меня бы тамъ совсѣмъ съѣли.

Съ наступленіемъ весны Н. В. началъ ходить съ молодыми лѣсными кондукторами въ лѣсъ на практическія занятія и возвращался всегда не только утомленнымъ, но и возмущеннымъ. А возмущало его вотъ что. Казенная лисинская дача была вырублена воровскимъ образомъ, и не тронутымъ лѣсъ оставался только по окраинамъ. Во время же ревизіи столбы съ вырубленныхъ участковъ переносились на невырубленные, и ревизоръ, такимъ образомъ, бывалъ обманутъ.

— Да вѣдь здѣсь въ лѣсу всякій дуракъ выучится воровать, говорилъ Н. В.

Вдругъ ни съ того ни съ сего директоръ присылаетъ

мнѣ новый журналъ и спрашиваетъ, какой журналъ я желаю имѣть. Я пришла въ полное недоумѣніе, которое тотчасъ же и сообщила доктору. Мы вмѣстѣ подумали, но не пришли ни къ какому заключенію. Черезъ нѣкоторое время докторъ приходитъ и говоритъ, что Н. В. прочатъ на какое-то новое мѣсто въ Петербургѣ. Я же молчала объ этомъ, потому что уже получила слѣдующія письма:

„Всѣ эти командировки и служебныя треволненія до того отучили меня отъ Лисина, что я, не считая себя лисинскимъ жителемъ и убѣжденный въ переводѣ, самъ не зная куда, жду чего то — и не дождусь. Неловкость такого положенія тѣмъ болѣе непріятна, что хотѣлось бы упрочиться въ Питерѣ и все читать, читать, читать и покупать книги. Люденька, вѣдь мы устроимъ библіотеку, а? и хорошую? Голубушка, прощайте, я здоровъ, ѣмъ, сплю хорошо“.

Н. В. заѣхалъ за мной и мы съ нимъ проѣхали въ Новгородъ, гдѣ я и пробыла нѣсколько дней, а затѣмъ уѣхала обратно въ Лисино.

Вотъ что писалъ мнѣ Н. В. о своей поѣздкѣ съ Муравьевымъ.

Новая деревня, 5 іюня.

Я теперь рѣшительно отрѣзался отъ Лисина и тамъ былъ бы не въ состояніи работать.

Не говорите обо всемъ этомъ никому ни слова.

Могу сообщить вамъ и интриги противъ меня. У Арнольда былъ Мальгинъ, и когда Арнольдъ сказалъ ему, что Министръ хочетъ взять съ собою свободнаго офицера, то Мальгинъ отвѣтилъ:—я свободенъ и, пожалуй, поѣхалъ бы. А когда Арнольдъ сказалъ, что имѣетъ ввиду меня, то Мальгинъ, съ видомъ участія, замѣтилъ „напрасно Шелгунова— онъ двуличный“. Здѣсь, я думаю, просто выразилось желаніе Мальгина съинтриговать и ѣхать вмѣсто меня (въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь, т. е. въ своей поѣздкѣ).

Вмѣсто меня будетъ командированъ въ Лисино на лѣто Холщевниковъ, — вотъ вамъ маленькое развлеченіе. Это баринъ съ толкомъ, но онъ немного фанфаронитъ и лѣнивъ. Пожалуйста, повліяйте на него, чтобы изъ него могъ выйти полезный человѣкъ и гражданинъ; жаль, когда подобныя натуры не приносятъ той пользы, какую-бы могли приносить.

Сегодня на радостяхъ купилъ для васъ подарки, именно: Слово о полку Игоревѣ, Мея, Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ; Горе отъ ума, Шиллера, изданіе Гербеля. Будете ли довольны — не знаю. Купилъ еще книжицу, но не скажу какую, отгадайте.

Этимъ извѣстіемъ кончаю свое письмо. Прощайте, голубчикъ. Какъ бы сдѣлать, чтобы вы не скучали въ этомъ поганомъ Лисинѣ? Я думаю пріѣхать къ вамъ въ понедѣльникъ во всякомъ случаѣ;—при поѣздкѣ съ Муравьевымъ,— чтобы проститься съ вами и взять вещи, а въ случаѣ непоѣздки—для лѣтнихъ работъ. Кажется, берегъ недалеко и можно уже мечтать жить будущей зимой въ Питерѣ съ приличнымъ содержаніемъ и имѣть въ мѣсяцъ за расходами на квартиру еще 100 рублей на хозяйство. Прощайте, голубушка, еще разъ, для меня весело жизнь улыбается, и я живу, жаль только, что вы какъ пень среди долины".

Н. В. заѣхалъ за мной, и мы съ нимъ проѣхали въ Новгородъ, гдѣ я и пробыла нѣсколько дней, а затѣмъ уѣхала въ Лисино.

Вотъ что писалъ мнѣ Н. В. о своей поѣздкѣ съ Муравьевымъ:

Новгородъ, 4 іюля.

Завтра въ 9 часовъ утра я выѣзжаю въ Тверь. Сначала на пароходѣ, потомъ по чугункѣ.

Какъ вы добрались домой? пріѣхалъ ли М.? Можетъ быть я забѣгу къ нему въ Москвѣ. Я занятъ теперь собираніемъ свѣдѣній—теперь кончилъ.

Хотѣлъ писать путевыя впечатлѣнія, можетъ быть, впослѣдствіи будетъ время, а теперь недостаетъ. Увѣренъ, что для васъ подобныя записки будутъ интереснѣе моего настоящаго, казеннаго письма,—и думаю, что въ Твери найду для этого время. Теперь прощайте. Не забудьте же написать мнѣ письмо въ Москву, отправьте 10-го, адресуя чрезъ Московскую Палату Государственныхъ Имуществъ, а въ концѣ припишите *въ Москвѣ*. Не сердитесь за послѣднее замѣчаніе, вѣдь случалось ошибаться въ подобномъ родѣ.

Я начинаю влюбляться въ Гине, или сначала.

Я говорю Гине: „Гине, я напишу женѣ, что начинаю влюбляться въ тебя, и что ты ей кланяешься?"—а онъ мнѣ

отвѣтилъ: „и очень". Къ чему относится это „и очень", къ моей-ли любви или къ поклону вамъ, спросите Гине сами. Онъ мнѣ не отвѣчаетъ, потому что сочиняетъ рапортъ къ Министру.

Москва, 25 іюля.

Надобно быть чиновникомъ при Муравьевѣ, чтобы понять, что значитъ работать свыше силъ. Бываетъ, что дѣлается въ головѣ такой жаръ, налегаетъ такой туманъ, что кажется, такъ вотъ и свалишься, — а ничего работаешь. Я дохожу до убѣжденія, что все это дичь, и если придется всегда работать такимъ образомъ, не имѣя времени, ни жить жизнью человѣка, ни читать, то мое почтеніе, г. Муравьевъ, будьте здоровы и ищите себѣ другую машину.

Сейчасъ ѣду въ Рязань, лошади на дворѣ, смазываютъ тарантасъ.

Пишу урывкомъ, тороплюсь, ибо вчера Муравьевъ, прощаясь со мной, сказалъ: „вы ѣдете завтра раненько". Можетъ быть, онъ думалъ, что я полечу въ 4 часа утра, но ошибся, ибо теперь 8,—а я еще не мылся, не уложился и пишу настоящее письмо въ такомъ костюмѣ, въ какомъ бываютъ мужчины всегда утромъ, только что вставъ съ постели.

Пишите мнѣ въ Тамбовъ. Ваше письмо уже должно быть отправлено.

Радуюсь за васъ—вы не должны теперь скучать; но мало радуюсь за себя, ибо знакомлюсь не съ Россіей и лѣсами, а съ управляющими палатами и губернскими лѣсничими.

Тамбовъ, 2 августа.

Проектъ писать интересныя письма съ моей стороны невыполнимъ и вотъ почему: вчера я легъ въ 12 часовъ, а теперь 6 утра, и я пишу уже и сейчасъ же отправляюсь въ Палату. Такъ работаю каждый день, случается, что сплю 4 часа. Молодость помогаетъ, но бываетъ, что изнемогаю.

Не знаю: глупъ, уменъ, красивъ, безобразенъ, толковъ или нетолковъ я, — но Муравьевъ благоволитъ ко мнѣ настолько, сколько можно отъ него ожидать. Мнѣ говорили даже, что онъ меня хвалилъ. Изъ Рязани я ѣхалъ съ нимъ, т. е. не въ одномъ экипажѣ, а въ одномъ поѣздѣ.

Полагаю, что наше предположеніе, ожиданіе или надежда осуществится; впрочемъ, послѣ Новгорода объ этомъ

не было рѣчи, а мнѣ начинать говорить или спрашивать не приходится.

Я здоровъ, но хочется спать и боюсь отупѣть.

Для чтенія нѣтъ ни секунды.

Пенза, 5 августа.

Писать вамъ, что я заработался до боли въ мозжечкѣ, не зачѣмъ,—скучно, а болѣе интереснаго нѣтъ ничего. Чистая машина,—такъ можно поглупѣть, а это скверно.

Сегодня Пензенское дворянство даетъ Муравьеву обѣдъ, я тоже въ числѣ гостей. Впрочемъ, это все дичь и только отнимаетъ время, а поѣсть, какъ вамъ извѣстно, я нынче не люблю.

...Ничего не читаю, а пишу только ревизіи, страшная дичь и тоска;—главное, что имѣешь дѣло съ дураками, хорошіе люди рѣдки.

Знаете что: Русь нравится больше, когда далеко отъ нея, а когда въ ней, а особенно въ серединѣ, дичь, дичь, дичь, застой и тупость. Ей Богу, страшно.

А другое—не сообразишь съ деньгами. Я думалъ расходовать не болѣе 3 рублей въ день, а выходитъ значительно болѣе. Боюсь, что не достанетъ, и зарвусь въ ваши деньги, кажется, такъ и будетъ.

Саратовъ, 5 августа.

Пишу къ вамъ въ очень нехорошемъ состояніи духа. Самое скверное—зачѣмъ нѣтъ у насъ ни гроша. Не служилъ бы ни минуты. Муравьевъ мнѣ не нравится сегодня до того, что я готовъ выйти въ отставку сію же минуту. Писать, почему все это такъ—не стоитъ; дѣло въ томъ, что нехорошій человѣкъ этотъ баринъ и сомнѣваюсь, выйдетъ ли толкъ изъ новаго управленія. Нужно широкое сердце, а этого-то у насъ и нѣтъ.

Саратовъ мнѣ напомнилъ Самару, — та же пыль, та же жара, въ физіономіи домовъ то же общее; какъ это жилось въ такой дичи? А между тѣмъ—жилось и нравилось, и глупость людская принималась за человѣческое.

Мнѣ кажется, что самое несчастное существо есть мыслящій чиновникъ: онъ страдаетъ вдвойнѣ — и за жизнь, т. е. тупость общую, и за тупость высшихъ лицъ, на долю которыхъ досталось управлять людьми и строить ихъ благоденствіе.

При скверномъ вообще положеніи русскаго человѣка въ Россіи самый счастливый тотъ, кто не служитъ, а за нимъ тотъ, кто работаетъ для науки. Посмотрю, что будетъ дальше, и можетъ быть стану проситься въ Лѣсной Институтъ. Уживусь ли и тамъ? и отчего я не бываю нигдѣ доволенъ? или это хорошая или дурная черта? или, можетъ-быть, я боленъ? Правда, я измученъ безсонными ночами, безпрерывной работой и ѣздой, и спина моя плохо гнется. Дѣло въ томъ, что мнѣ не хочется никого видѣть, ни съ кѣмъ говорить—все это какія-то льдины, существа въ образѣ людей, но не люди. Чиновныя машины, эполеты и званія на ходуляхъ. Тоска. Въ свитѣ Муравьева только одинъ человѣкъ съ сердцемъ—Лазаревскій, но и съ тѣмъ говорить некогда. Бѣдный затрудился и тоже не спитъ.

Отчего это мнѣ хорошо только съ вами? нѣтъ, не съ одними вами, и съ М., и съ Евгеніей Егоровной, и съ Гримме, и съ Гине, и съ Яроцкимъ. А съ остальными все какъ-то неловко, и голову сжимаетъ, и коробитъ сердце — однимъ словомъ, я не въ своей тарелкѣ.

И сегодня не хорошо. Тѣломъ я здоровъ, за исключеніемъ спины, которая гнется не совсѣмъ свободно, это отъ излишняго сидѣнія; а духомъ почти по вчерашнему. Не то скучно,—не разберешь. Или оттого, что въ городѣ много пыли и жару. Какое было счастливое лѣто 1856 г. Неужели оно не повторится?

Всматриваясь въ Саратовъ и припоминая Самару, я ни за что въ мірѣ не соглашусь служить въ провинціи—или въ Петербургѣ, гдѣ хоть рѣдки, но есть хорошіе люди, или гдѣ-нибудь на хуторѣ въ Малороссіи. Тамъ, среди зелени, на чистомъ воздухѣ, работая въ саду и огородѣ съ двумя хорошими людьми, и кровь поуходится.

Жаль, что своихъ денегъ нѣтъ, а пенсіона ждать долго; да и то много ли достанется, — какихъ-нибудь 900 рублей, Да, не хорошо настоящее, но не розово и будущее. Однимъ словомъ — свинство.

Что у васъ въ Лисинѣ? читаете, гуляете? а я не имѣю даже времени писать письма. Неужели, если состоится нашъ переводъ, будетъ то же, — я вовсе не намѣренъ превратиться въ чиновную машину. Прежде не было времени читать литературное, а теперь недостаетъ читать и свое — лѣсное. Не браните, что пишу дичь. Пусто и въ головѣ, и въ сердцѣ.

Еще вопросъ: неужели необходимо, чтобы человѣкъ былъ иногда нечеловѣкомъ? Посмотрите на губернатора или министра, когда онъ принимаетъ просителей или подчиненныхъ—человѣкъ это? нѣтъ. А отчего нѣтъ? или это дѣлается для толпы, въ которой не хотятъ видѣть ничего человѣческаго; да и такъ ли? А если быть человѣкомъ, неужели пойдетъ хуже? Говорятъ, что драпировки и ходули не должны существовать въ XIX вѣкѣ. Я думаю тоже.

Такое разсужденіе веду потому, что если я буду губернаторомъ, то прежде всего я постараюсь быть человѣкомъ. До сихъ поръ я никогда не драпировался, полагаю, что сохранюсь. Не смѣйтесь надъ моимъ губернаторствомъ — мнѣ хотѣлось бы быть такой важной особой для того, чтобы доказать нынѣшнимъ губернаторамъ, что у нихъ нѣтъ толку именно потому, что они забыли, что губернаторъ тоже человѣкъ. А нечеловѣку можетъ ли быть понятно человѣческое? понятна-ли жизнь? Я думаю, что отъ непониманія этого у насъ именно и существуетъ такъ много разныхъ свинствъ и пакостей.

Нижній-Новгородъ, 2 сентября.

Вы для меня все, все, все, больше всѣхъ лѣсоводствъ, технологій, таксацій и всѣхъ знатныхъ и сильныхъ сего міра.

... Что будетъ съ нами—не знаю. Муравьевъ глядитъ на меня довѣрчиво и тепло, между тѣмъ не думаю, чтобы онъ сдѣлалъ какое-нибудь распоряженіе раньше пріѣзда въ Петербургъ. Въ Москвѣ мы будетъ къ 10, а къ 20 сентября надѣюсь пріѣхать въ Лисино".

Вскорѣ Н. В. получилъ приказаніе ѣхать дальше, но не прямо въ Владиміръ, а верстъ на сто дальше, и какъ фамилія Шелгуновыхъ всегда отличалась безденежьемъ, каковая участь гнететъ ее и въ настоящее время, то Николай Васильевичъ, не имѣя средствъ купить что-нибудь теплое, немного смущается этой излишней поѣздкой, ибо ночи стоятъ очень холодныя. „Впрочемъ, куплю себѣ валенки".

Во время поѣздки Н. В. съ Муравьевымъ ко мнѣ въ Лисино пріѣхалъ М. и страшно захворалъ тифомъ съ какимъ-то страшнымъ осложненіемъ. Милѣйшій докторъ всѣ ночи проводилъ у насъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ начала болѣзни, увидавъ какое-то осложненіе, онъ сказалъ мнѣ, что не надѣется на себя и поѣдетъ въ Петербургъ, чтобы

посовѣтоваться кое съ кѣмъ, и привезетъ съ собою доктора. На слѣдующій день онъ вернулся съ своимъ товарищемъ, Николаемъ Степановичемъ Курочкинымъ.

Братъ же доктора Курочкина, Василій Степановичъ, переводчикъ Беранже, настолько близко познакомился съ нами, что пріѣзжалъ къ намъ гостить на Рождество. Сойдя въ Тосно съ поѣзда, онъ сталъ нанимать въ Лисино лошадь, и къ нему подошелъ какой-то лицеистъ въ трехъуголкѣ, который, какъ попутчикъ, предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ. Морозъ былъ сильный, и на полдорогѣ лицеистъ сталъ мерзнуть и уши у него побѣлѣли, какъ бумага. Курочкинъ выскочилъ изъ саней, набралъ снѣга и сталъ натирать уши юношѣ. Въ Лисино они въѣхали, погоняя лошадь, и тутъ вышли у одного и того же крыльца, и только, когда докторъ развязалъ уши лицеисту, то Курочкинъ узналъ, что это мой братъ, Евгеній Петровичъ Михаэлисъ, а братъ узналъ, что онъ ѣхалъ съ переводчикомъ Беранже.

Докторъ Курочкинъ пробылъ у насъ день и затѣмъ уѣхалъ. Онъ былъ такой же брюнетъ, какъ и братъ его, и сходство между ними особенно замѣтно было въ голосѣ и въ не совсѣмъ чистомъ произношеніи словъ.

М. прохворалъ очень долго и долго боролся со смертью. Когда онъ началъ поправляться, то пускался даже на воровство, чтобы получить лишній крендель. Пойманный однажды мною у буфета, онъ не въ шутку на меня разсердился.

Осенью мы переѣхали въ Петербургъ, такъ какъ Н. В. получилъ мѣсто начальника отдѣленія, и М. поселился съ нами. Въ эту зиму мы бывали довольно часто у Надежды Дмитріевны Хвощинской, остановившейся у какой то своей родственницы. Тамъ часто бывалъ поэтъ Щербина, маленькій, довольно расплывшійся человѣкъ, съ красивымъ вызывающимъ лицомъ. Родственница Хвощинской, великосвѣтская дама, ходила на заднихъ лапкахъ передъ Щербиной, который, очевидно, былъ очень доволенъ этимъ поклоненіемъ. Я какъ теперь помню, какъ разъ Щербина, войдя въ гостиную, заявилъ, что онъ выносить не можетъ запаха цвѣтовъ, и хозяйка и весь штатъ ея бросились выносить жардиньерки съ гіацинтами и другими цвѣтами. Суматоха была такая, что со стороны можно было подумать, что явились артельщики перевозить жильцовъ на другую квартиру. Щербина былъ чело-

вѣкъ желчный и никого не оставлялъ въ покоѣ своими эпиграммами. Я увѣрена, что у кого-нибудь онѣ сохранились и когда-нибудь выползутъ на свѣтъ.

Гербель въ это время началъ собирать переводы для изданія Шиллера и безпрестанно ѣздилъ къ М., который и переводилъ ему и дѣлалъ указанія. Гербель былъ тогда лейбъ-уланомъ и когда пріѣзжалъ къ намъ въ парадной формѣ, мы имъ любовались, какъ картиной. Это былъ высокій, стройный мужчина съ пепельно-бѣлокурыми волосами и необыкновенно красивый. Потомъ, выйдя въ отставку, онъ растолстѣлъ обрюзгъ и потерялъ свою красоту. Это былъ очень добродушный и хотя простоватый человѣкъ, но себя онъ никогда не забывалъ. Ему очень нравилась одна изъ моихъ пріятельницъ, очень умная и талантливая дѣвушка, и когда я ему говорила:

— Если она вамъ такъ нравится, то почему же вы на ней не женитесь?

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что никогда не женится на дѣвушкѣ съ прошлымъ.

М., видя, какъ намъ хотѣлось войти въ литературный кружокъ, пригласилъ къ намъ Писемскаго, слава котораго тогда сильно гремѣла. Кромѣ Писемскаго собрались къ намъ наши обычные гости, и вотъ за ужиномъ я превратилась вся въ слухъ и глазъ не спускала съ выдающагося, талантливаго писателя; а писатель, между тѣмъ, пилъ водку рюмку за рюмкой и заговорилъ самымъ простонароднымъ языкомъ, нарочно выдѣляя такія слова, какъ мѣщанка, которыя онъ произносилъ „мѣшанка", и т. д. Однимъ словомъ, онъ напился такъ, что началъ рыгать. Мнѣ сдѣлалось больно и обидно, и я встала со своего стула, отошла къ дверямъ гостиной и встала въ дверяхъ. Ко мнѣ подошли М. и Павелъ Васильевичъ Анненковъ.

Павелъ Васильевичъ былъ совсѣмъ сконфуженъ.

— Отъ лица всей литературы намъ нужно просить прощенья у Людмилы Петровны за сегодняшній вечеръ, сказалъ Анненковъ, обращаясь къ М.

— Это надо было предвидѣть, отвѣчалъ М.

— Молодая восторженная женщина хотѣла видѣть автора тѣхъ вещей, которыя ей нравились въ печати, и что же она увидала? продолжалъ Анненковъ.

И тутъ же кто-то разсказалъ, что Писемскій напился у Тургенева и, тыкая горящей папироской въ рѣзьбу дорогого кресла, говорилъ:

— А вотъ ему, не заводи сторублевыхъ креселъ.

Тургеневъ такъ смущался присутствіемъ такого пьянаго человѣка, что очень обрадовался, когда тотъ собрался уходить и пошелъ провожать его въ прихожую, гдѣ Писемскій никакъ не могъ попасть ногой въ калошу. Писемскій сейчасъ же смекнулъ, что тотъ хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ него и тутъ же въ прихожей сталъ язвительно надъ нимъ издѣваться. Онъ самъ разсказывалъ всѣмъ это происшествіе, и впослѣдствіи мнѣ самой привелось слышать его разсказъ.

Писемскій въ то время былъ уже толстымъ и обрюзглымъ и имѣлъ весьма неряшливый видъ. Онъ былъ женатъ на Свиньиной, и жена его въ литературныхъ кружкахъ называлась святой женщиной за ея снисходительное отношеніе къ мужу, которому она извиняла его страсть къ вину и поклонялась, какъ даровитому писателю.

У М. бывалъ Мей и, конечно, приходилъ на нашу половину. Мнѣ особенно памятенъ одинъ день, когда онъ пришелъ во время нашего обѣда, и какъ мы ни упрашивали его сѣсть съ нами, онъ ни за что не хотѣлъ и стоялъ въ дверяхъ. Мнѣ показалось, что онъ смотрѣлъ на насъ какъ-то особенно странно. Послѣ обѣда онъ тотчасъ-же увелъ М., и оказалось, что онъ приходилъ просить у него 3 р., говоря, что сегодня не на что было сдѣлать обѣда.

Мей былъ женатъ, и, кромѣ того, у него жила сестра жены. Нужда не отходила отъ ихъ дверей, можетъ быть потому, что Мей любилъ выпить, но выпившій онъ не походилъ на Писемскаго, а старался сохранить свой лицейскій лоскъ. Онъ написалъ мнѣ стихотвореніе; потомъ просилъ у меня его обратно, но я не отдала.

Вотъ оно:

З а г а д к а.

„Развязные, вполнѣ живые разговоры,
Язвительный намекъ и шуточка подъ часъ,
Блестящіе, какъ сталь отпущенная, взоры,
И мягкій голосъ Вашъ смущаютъ бѣдныхъ насъ.
Но угадайте, что поистинѣ у Васъ
Очаровательно и сердце обольщаетъ?
Въ раздумьѣ Вы?.. такъ я шепну Вамъ на ушко:
Кто знаетъ вкусъ мой, тѣмъ и угадать легко,
А кто не знаетъ, пусть посмотритъ: угадаетъ..."

10-е декабря 1857 г.

Майковъ очень часто бывалъ у М., и всѣ свои стихотворенія читалъ ему, какъ читалъ и Полонскій, о чемъ сохранилось у меня письмо. Тургеневъ же уѣхалъ за границу, и, какъ говорили, навсегда. Это всѣхъ очень огорчало. А. Н. Майковъ написалъ ему письмо, и они съ М. дали мнѣ его переписать, говоря: „Когда будете писать свои воспоминанія, то письмо это вамъ пригодится". Они были правы. Я нахожу его въ высшей степени характернымъ для освѣщенія настроенія того времени. Вотъ оно: 5-е декабря 1857 г.

„Милый дорогой Иванъ Сергѣевичъ! Если ужъ я не могу побѣдить въ себѣ желанія написать вамъ это письмо, можетъ быть, не имѣя на то никакого права, то ужъ это одно показываетъ, что дѣло, о которомъ я буду говорить вамъ, въ высшей степени важно. Я не могу не сокрушаться сердцемъ, слыша разныя извѣстія о васъ, слыша, какъ Вы упали духомъ, какъ Вы усомнились въ Вашемъ призваніи и талантѣ, какъ Вы съ сожалѣніемъ смотря на яко бы неудавшуюся свою дѣятельность, безъ цѣли *влачите Ваши дни* посреди чуждыхъ Вамъ краевъ... Иванъ Сергѣевичъ! напустить на себя такую дурь—грѣшно! Вы—чистѣйшее, благороднѣйшее и даровитѣйшее явленіе въ нашемъ литературномъ кружкѣ, Вы, который долженъ сознавать и чувствовать благотворное вліяніе свое на этотъ кружокъ—Вы отъ него отвращаетесь! Наше общество вообще молодо и незрѣло; оно и внѣшнихъ формъ разумной жизни себѣ не выработало, тоже самое отражается и въ литературномъ мірѣ: вѣдь Вы должны (и дѣлали это) ему давать тонъ, вырабатывать для него формы, облагораживать и связывать его своею чудною душою. Да если бы у Васъ и не было вовсе таланта, то ужъ эта душа любящая и чистая, постоянно пребывая въ этомъ кружкѣ, на то дана Вамъ, чтобы сталкиваясь съ нею, мы всѣ становились лучше, учились бы какъ быть, какъ встрѣчать событія большія и мелкія, словомъ, эта душа должна бы сглаживать неровности и шероховатости наши, цивилизовать насъ. А къ кому обратиться за совѣтомъ? Кто приметъ чужое дѣло за свое и скажетъ любящее слово ободренія при упадкѣ духа, кто кротко остановитъ на ложномъ уклоненіи? Иванъ Сергѣевичъ! Ваша душа есть сама по себѣ талантъ, и если ужъ Вы сами посвятили ее извѣстному кружку, то ужъ онъ имѣетъ на нее право, онъ смѣетъ требовать ее къ себѣ, онъ не можетъ терпѣть, чтобы она скиталась, безпріютная и праздная въ Божьемъ мірѣ, безъ дѣла, безъ пользы, безъ исхода любви, ее наполняющей.

„Подумайте, въ какое время мы живемъ! Старое борется съ новымъ. Новое само по себѣ представляетъ хаосъ, въ которомъ искры свѣта мелькаютъ и не собрались еще въ одинъ фокусъ. Чтобы засіять солнцемъ, надобно усиліе многихъ головъ и лучшихъ умовъ нашего поколѣнія, чтобы каждый и перомъ и словомъ содѣйствовалъ появленію свѣта, сближеніемъ отвлеченныхъ идей и страстныхъ желаній съ дѣйствительностью и возможными законными формами. И Вы, на котораго всякій гимназистъ указалъ бы въ этомъ случаѣ,—Вы позорно хандрите на какомъ нибудь Корсо и оставляете насъ, пигмеевъ, барахтаться съ своими умишками, чтобы подвинуть хоть на шагъ благое дѣло. Теперь въ ходу дѣло о пересмотрѣ цензурнаго устава; составился комитетъ для этого и меня туда всунули. Я не уклоняюсь, потому что знаю, что и это счастье, что хоть одинъ я подамъ голосъ, какъ сынъ новаго времени, но меня бѣситъ, что это я, что не лучшій меня, не законнѣйшій представитель занимаетъ мое мѣсто. Положимъ, что я назначенъ какъ чиновникъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и положимъ, что еще не подымешь у насъ на то, чтобы для составленія этого устава призвали также и литераторовъ,—Вы все-таки своими связями, словомъ, авторитетомъ могли бы подготовить умы прочихъ членовъ для дѣйствія въ такомъ-то духѣ. Конечно, всѣ наши товарищи будутъ въ это время ходить и къ Щербачову, и къ Вяземскому, но всѣ ли могутъ съ такимъ жаромъ выразить общую мысль? Нѣтъ, опять-таки грѣхъ Вамъ спокойно распивать скверный шоколадъ въ Кафе-Греко, или на минуту знакомиться съ тысячами англичанъ, французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, до которыхъ Вамъ нѣтъ никакого дѣла! И что можетъ быть у васъ съ ними общаго? О, заблужденіе! Я понимаю, что Вы должны тамъ чувствовать себя больнымъ—больнымъ оттого, что вокругъ Васъ нѣтъ сферы сочувствія, нѣтъ любви, Вамъ нѣтъ значенія, нѣтъ общихъ стремленій, которыя бы связывали и хватали горячо за сердце!.. Вспомните, что тяжелые годы Вы проводили здѣсь, вмѣстѣ со всѣми страдали, и чуть первыя волны свѣта появились и еще не

слились даже въ одинъ лучъ—Вы ушли подъ чужое солнце, да оно васъ не грѣетъ, да и не согрѣетъ! Наконецъ, въ самомъ Вашемъ разочарованіи насчетъ таланта неужели не чувствуете Вы этой Немезиды! Да кто и что скажетъ Вамъ объ этомъ талантѣ? надъ чѣмъ тамъ выразится Ваша сила? Ужъ не французскіе ли переводы Вашихъ сочиненій покажутъ иностранцамъ, что и кто Вы. Для нихъ Вы curiosité littéraire и больше ничего. Да, я не могу иначе объяснить Вашего постояннаго упадка духа, я, который на себѣ испытывалъ всю прелесть и грацію Вашей музы, не говоря уже и о томъ, что грудь ее наполняетъ. Батюшка Иванъ Сергѣевичъ! ручки Ваши цѣлую; плачу, пиша эти строки, бросьте все въ Европѣ, бѣгите къ намъ скорѣе, Вы Антей, сынъ родной земли, скорѣе ступите пятою своею на родную, и прежнія силы и молодость, съ прибавкою еще возмужалаго ума, опять пробѣгутъ живительной струей въ вашей душѣ, бросьте все тамъ! возвращайтесь сюда. Здѣсь строится, нужны работники — а главнаго артельщика и нѣтъ!.....

„Ну, кажется, я излилъ свою душу вполнѣ. Охъ, тяжело мнѣ бываетъ на это рѣшиться. Жизнь сдѣлала меня робкимъ. Много разъ оскорбленный въ чистѣйшихъ моихъ убѣжденіяхъ (къ сожалѣнію часто ошибочныхъ), я какъ-то боюсь теперь выходить изъ себя, но не уклоняюсь отъ мечты все-таки принести пользу по мѣрѣ силъ и не извиняюсь передъ Вами, что осмѣлился Вамъ докучать моимъ письмомъ. Нѣтъ, что я говорилъ, то правда, и я не каюсь въ томъ, хоть бы Вы и обругали меня, не каюсь, потому что люблю Васъ, а любить не страстно я не умѣю. Авось либо—до скораго свиданія. Преданный Ап. Майковъ."

Всѣ мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали отвѣта на это письмо. И отвѣтъ пришелъ, но я его даже не помню. Знаю только, что на слѣдующій годъ у меня въ гостиной у камина сидѣлъ Тургеневъ, и гувернантка моей сестры, очень восторженная особа, проходила нѣсколько разъ мимо, чтобы посмотрѣть на автора романовъ, которыми она зачитывалась, и не могла разсмотрѣть его, потому что Тургеневъ находился въ такомъ подавленномъ состояніи, что сидѣлъ, закрывъ лицо рукою.

Я помню очень хорошо, какъ онъ высказывалъ свое недовольство русской литературой и говорилъ, что даже

редакція „Современника" представляетъ изъ себя какое-то гаерство.

Н. В., между тѣмъ, будучи начальникомъ отдѣленія, проводилъ въ департаментѣ цѣлыя утра до поздняго обѣда, затѣмъ занимался, какъ редакторъ газеты „Лѣсоводства и Охоты", да еще кромѣ того зачастую, когда всѣ мы ложились спать, то часа въ три вдругъ раздавался звонокъ, и оказывалось, что Муравьевъ, очень мало спавшій, требовалъ къ себѣ Н. В. для разъясненія какого-нибудь вопроса. Такая жизнь не могла не разстроить нервовъ Шелгунова, и онъ настолько сталъ хворать, что, не чувствуя никакой особенной болѣзни, нерѣдко по цѣлымъ днямъ лежалъ въ кабинетѣ на диванѣ. Результатомъ его болѣзни была наша вторая поѣздка за границу.

За границу мы поѣхали съ Н. В. вмѣстѣ, но я уѣхала на воды въ Крейцнахъ, а онъ проѣхалъ на воды въ Франценсбадъ. Въ эту поѣздку мы встрѣтились въ Берлинѣ съ Гербелемъ и Колбасинымъ, напечатавшимъ какую-то повѣсть. Увлекающійся Тургеневъ страшно носился съ этимъ Колбасинымъ — еще молодымъ человѣкомъ — и предсказывалъ, что изъ него выйдетъ геніальный человѣкъ. Тургеневъ всегда и горячо привѣтствовалъ начинающихъ писателей.

Мы проѣхали съ Колбасинымъ и Гербелемъ въ Дрезденъ и Лейпцигъ и затѣмъ всѣ разъѣхались по разнымъ мѣстамъ.

Въ то время, какъ я лѣчилась въ Крейцнахѣ, Н. В. писалъ мнѣ письма. Привожу кое-что изъ сохранившагося у меня.

Франценсбадъ 21 іюня 1858 г.

Мнѣ кажется, что въ дѣлѣ я гораздо умнѣе, чѣмъ въ словѣ. Помните ли, какъ я важничалъ въ Лейпцигѣ? кончилось, однако, тѣмъ, что по пріѣздѣ въ Франценсбадъ я сѣлъ тотчасъ же писать къ Вамъ, ибо чувствую необходимость поговорить съ Вами. Бракъ объясняютъ привычкой; но въ моихъ отношеніяхъ къ Вамъ есть нѣчто болѣе привычки, есть истинное чувство, которое я высказываю за глаза—нѣжными именами, а въ глаза или козлиными восторгами и прыжками, или непріятностями, которыя я такъ часто дѣлаю Вамъ.

Съ Колбасинымъ я доѣхалъ до Plauen'a и тамъ сдалъ его кондуктору, который обѣщалъ препроводить его и его

вещи до Швейнфурта. Думаю, что кондукторъ исполнитъ все это честно, тѣмъ болѣе, что имѣетъ въ виду получить на водку.

Колбасину хотѣлось бы ѣхать въ компаніи съ такими хорошими людьми, какъ Вы, Гербель, М., онъ и я въ Лондонъ. Мнѣ кажется, это можно уладить—нужно списаться, увѣдомьте, когда Вы ѣдете на морскія воды, куда и насколько, тогда мы можемъ съѣхаться и плыть всѣ вмѣстѣ въ Лондонъ. Я буду писать Колбасину въ Киссингенъ.

На дворѣ слякоть и дождь, напоминающіе Петербургъ. Я пилъ сегодня воду; встрѣтилъ много русскихъ; думаю, что русскіе, потому что только австрійская аристократія и русскіе генералы и дамы могутъ держать себя такъ глупо.

26 іюня.

Я, кажется, писалъ Вамъ о своемъ планѣ: послѣ курса, до поѣздки во Францію, заѣхать къ Вамъ на день. Не знаю будете ли Вы рады, но я буду въ восторгѣ.

Знаете ли что? у меня слабы глаза, я не могу читать, особенно эти поганыя нѣмецкія каракули. Вѣдь надобно же было ухитриться выдумать такой рябой шрифтъ!

27 іюня.

Мнѣ кажется, что я дѣлалъ большую глупость, пивши въ 1856 г. разныя воды—не онѣ ли меня разслабили. Говорятъ, это возможно, особенно отъ желѣзныхъ.

Если Вы не имѣете понятія, что значитъ золотая неволя, то можете получить полное понятіе объ этомъ въ Франценсбадѣ. Нападаетъ родъ тупости.

За границей яснѣе всего неравенство образованія нашего средняго, такъ называемаго образованнаго сословія. Вотъ отчего, вѣроятно, порядочные русскіе не любятъ сходиться съ незнакомыми имъ соотечественниками.

Познакомился съ Савурскимъ, о которомъ говорилъ мнѣ Ловцовъ. Ловцовъ теперь въ Швейцаріи, послѣ онъ поѣдетъ во Францію и затѣмъ въ Крейцнахъ. Вотъ отчего Вы не видите его въ настоящее время на водахъ.

17 іюля.

Сегодня, послѣ торфяной ванны мнѣ пришла въ голову слѣдующая умная мысль: дичь думать объ экономіи, когда

дѣло идетъ о здоровьѣ. Написалъ и усомнился: ну, а гдѣ взять, если негдѣ?.. Развѣ недостатокъ денегъ не есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, что человѣкъ принужденъ иногда страдать и дѣлать не то, чего бы ему хотѣлось?..

Господи, какую дичь горожу; это все оттого, что сегодня скверная погода, а въ такіе дни я хандрю.

Къ Колбасину я написалъ весьма глупое письмо, потому что умнаго не умѣлъ.

Да напишите М., чтобы въ случаѣ передачи квартиры онъ бы выслалъ Вамъ деньги, или взялъ ихъ съ собой, или отдалъ маменькѣ, или, наконецъ, въ случаѣ неуспѣха, просилъ маменьку слѣдить за этимъ дѣломъ и при передачѣ квартиры по отъѣздѣ М. получить отъ Котнера деньги.

Счастливый человѣкъ, у Васъ, вѣроятно, нѣтъ насморка.

10 іюля.

Какъ коротка жизнь человѣка! Я зрѣю только теперь, только теперь чувствую себя способнымъ что-нибудь написать и сдѣлать. Но что же сдѣлаешь, что успѣешь, когда мнѣ остается жить всего 5 лѣтъ? Жить, т. е. быть способнымъ думать и работать; а тамъ тряпка, опять на воды, чинить старую посуду.

Боюсь, чтобы не сдѣлаться ипохондрикомъ!

Мнѣ остается здѣсь пробыть полторы недѣли; жду нетерпѣливо, когда онѣ кончатся; такъ надоѣло, такъ скучно и однообразно, хочется работать, но нельзя—не позволяютъ и не могу, ибо никогда не былъ такъ боленъ, какъ теперь.

13 іюля.

Ваше грустное письмо я получилъ 11-го вечеромъ, хотѣлъ отвѣчать 12 и не отвѣчалъ, ибо хандрилъ, или лучше сказать, дремалъ цѣлый день. У насъ стоитъ такая погода, что трудно выдумать что-нибудь болѣе скверное.

За присылку письма отъ маменьки—благодарю. Взамѣнъ его посылаю два: одно отъ Вашихъ, другое отъ Колбасина.

Хорошо бы намъ всѣмъ съѣхаться въ Парижѣ, я буду писать сегодня Колбасину и сообщу ему слѣдующее росписаніе моего маршрута; 22 или 23 іюля я у Васъ, 24 или 25 или 26 я въ Нанси, 3 или 4 августа я въ Парижѣ. Мы остановимся тамъ rue de la Michaudière Hôtel Molière № 13. Такъ ли?

Слѣдовательно, если мы поѣдемъ въ Парижъ и не въ одно время, то все-таки имѣемъ возможность найти другъ друга. Я буду просить Колбасина увѣдомить меня, гдѣ остановился Гербель.

Съ Вами я думаю, мы тоже не уладимъ поѣздку вмѣстѣ, но увидимся въ Парижѣ, гдѣ я думаю пробыть не болѣе 3-хъ дней.

Прощайте, дружокъ! На меня напала какая-то тупость, голова совсѣмъ пуста и нѣтъ жизни, а по утрамъ все хочется спать. Нетерпѣливо жду времени отъѣзда и съ воскресенья, 18-го іюля, начну уже укладывать, а въ четвергъ или пятницу (22 или 23) я у Васъ.

15 іюля.

Если человѣкъ можетъ обойтись безъ другого день, онъ можетъ обойтись недѣлю, мѣсяцъ, вѣчность. Тутъ есть немного правды, но кажется, есть и софизмъ. Правда въ томъ, что мнѣ не хотѣлось бы, чтобы она примѣнилась ко мнѣ и къ вамъ.

16 іюля.

Какъ Вы пишете свои письма?.. подъ первымъ впечатлѣніемъ?... Я—какъ случится. Отъ этого отъ Вашихъ писемъ вѣетъ тепломъ, а отъ моихъ перѣдко несетъ холодомъ. Вчера съ Вашимъ письмомъ вышелъ маленькій казусъ. Я, какъ Вамъ еще неизвѣстно, ужинаю, т. е. ѣмъ компотъ изъ чернослива. Прихожу вчера въ столовую, кладу шляпу на маленькій столикъ, на которомъ стоятъ тарелки, и вижу письмецо,—адресъ написанъ знакомой рукой. Вашъ почеркъ совсѣмъ не такая вещь, чтобы я его не узналъ изъ тысячи. Гляжу, письмо ко мнѣ. Кто положилъ, отчего его не отдали мнѣ? Кельнера не знаютъ. Слѣдствіе. Оказывается, что письмо получила буфетчица, или какъ ее назвать, завѣдывающая отпускомъ кушанья и пріемомъ денегъ отъ кельнера и положила его на столъ, не сказавъ о томъ никому ни слова. Не правда ли глупо? Иду сейчасъ къ почтальону и скажу, чтобы онъ приносилъ письма ко мнѣ.

Вашей маленькой записочкой въ маленькомъ конвертикѣ я очень доволенъ. Во-первыхъ, потому, что Вы зовете меня „милый Количка", а во-вторыхъ, что Вы такая добрая и, кажется, любите меня. За приглашеніе благодарю и 23-го непремѣнно буду у Васъ. Вы думаете, что я буду у Васъ

писать и такимъ образомъ не потеряю время, и очень ошибаетесь; чтобы писать, мнѣ нужно быть въ Нанси, ибо тамъ мнѣ будетъ, что писать, а у Васъ нѣтъ. Я ѣду къ Вамъ, ибо соскучился, посмотрю на Васъ и уѣду, а тамъ увидимся скоро и въ Нанси, если Вы заѣдете ко мнѣ, и въ Парижѣ.

24 іюля.

Ухъ, какъ скучно, если бы Вы знали! Я даже сдѣлался почти боленъ. Отъ этой скверной воды, которую я пью, дѣлается какая-то тяжесть во всемъ организмѣ, послѣ ванны хочется спать, нападаетъ лѣнь и невозможно заниматься, потому что кровь бросается въ голову.

Странное дѣло! всѣ лакеи австрійской аристократіи, находящейся въ Франценсбадѣ, похожи на Зейферта, тутъ не должна быть случайность.

Мое письмо рядъ афоризмовъ и иначе писать я не могу —въ головѣ пусто, нѣтъ мыслей, нѣтъ связи; еще сердце согрѣвается иногда. Сегодня, напримѣръ, я сѣлъ писать къ маменькѣ, развернулъ чашку изъ саксонскаго фарфора, прочиталъ надпись „Der guten Mutter", и мнѣ сдѣлалось такъ тепло, такъ хорошо. А все-таки болѣе 20 строкъ я не могъ написать. Вы единственный человѣкъ, которому я могу и высказываю все, что есть у меня хорошаго и дурного въ головѣ и сердцѣ, не касаясь лѣсныхъ вопросовъ".

Какъ я уже писала, Полонскій былъ очень друженъ съ М. Это была нѣжная дружба. Видѣлись они безпрестанно, и другъ Яковъ былъ нашимъ общимъ другомъ. Перечитывая письма Полонскаго, постоянно натыкаешься на такіе вопросы: „Ну, что М.?.. пріѣхалъ ли, наконецъ?". Такъ писалъ Яковъ Петровичъ изъ Берлина въ іюлѣ 1857 г., и въ одномъ и томъ же письмѣ такой вопросъ повторяется три раза. „Ну чтобы пріѣхать ему раньше и повидались бы и расцѣловались бы и наговорили бы другъ другу съ три короба всякой всячины. Досадно, что не видалъ его, очень досадно! Ради Бога, попросите его написать мнѣ въ Баденъ-Баденъ.

Въ Баденъ-Баденъ Полонскій уѣхалъ со Смирновыми въ качествѣ гувернера ихъ сына; но тамъ онъ ушелъ отъ нихъ и поѣхалъ въ Женеву учиться живописи у Калама. „Если Каламъ—пишетъ онъ—и другіе найдутъ, что у меня дѣйствительно есть талантъ, то надо остаться и къ Святой, на

выставку въ Академію Художествъ прислать картину". Но въ Женевѣ онъ не остался, а поѣхалъ далѣе, и въ Римѣ столкнулся съ графомъ Кушелевымъ, и получилъ отъ него приглашеніе быть редакторомъ „Русскаго Слова". Онъ весь поглотился этимъ изданіемъ и горячо набиралъ сотрудниковъ. Вотъ что писалъ онъ мнѣ изъ Рима отъ 29 января 1858 года: „.... просьбѣ къ вамъ уговорить М. душой, перомъ, головой и сердцемъ быть моимъ будущимъ помощникомъ въ дѣлѣ изданія Кушелевскаго журнала. Мысль объ этомъ изданіи крайне меня сокрушаетъ, на матеріалы, собранные графомъ, плоха надежда,—а будетъ плохъ журналъ —я не вынесу, на все плюну и ни на какія деньги не посмотрю..."

Въ Парижѣ лѣтомъ 1858 г. Полонскій встрѣтился съ дочерью псаломщика русской церкви, и, какъ онъ пишетъ: „Свѣтлый образъ и глубоко симпатичный голосъ быть можетъ, потрясли во мнѣ давно болѣзненное и тоскующее сердце"... „О, какъ бы дорого мнѣ было ваше присутствіе въ Парижѣ, —Ваши глаза увидали бы то, чего я не вижу. Вы поддержали бы меня, если бъ я упалъ духомъ; вы разсѣяли бы страхъ мой за будущее, въ туманѣ котораго иногда являются мнѣ призраки, съ которыми борюсь я всѣми силами души своей". Послѣ первой же встрѣчи съ Еленой Васильевной Полонскій сдѣлалъ предложеніе, которое было принято. Она была очень хороша собою и очень хорошая дѣвушка. Порусски она почти что не говорила, такъ какъ мать у нея была парижанка, даже не понимавшая ни слова по-русски. Полонскій же едва-едва объяснялся по-французски, такъ что обмѣна мыслей между нимъ и ею быть не могло. Это была просто любовь съ перваго взгляда. Я пріѣхала въ Парижъ на другой день послѣ свадьбы и спрашивала Е. В., что понравилось ей въ Полонскомъ, тогда не молодомъ и не красивомъ, и говорящемъ на языкѣ для нея непонятномъ. Она подумала и потомъ мнѣ отвѣчала, что „il a l'air d'un gentilhomme". Вотъ и все! И несмотря на это, она въ продолженіе своей обидно короткой жизни, очень глубоко любила его.

На свадьбу къ Полонскому я, однако же, не поспѣла и пріѣхала въ Парижъ уже на другой день. Въ Парижѣ съѣхались и Гербель, и Колбасинъ, и М., и Н. В.

Въ Парижѣ мы помѣстились опять таки у своей Максимы, и Н. В. вскорѣ поѣхалъ по своимъ лѣснымъ дѣламъ въ Германію и Швецію.

Мы познакомились еще ближе съ хозяевами нашего отеля, и познакомился особенно хорошо М., который по внѣшности и по характеру живому и склонному къ мѣткимъ и юмористическимъ замѣчаніямъ, какъ разъ, подходилъ къ парижской бульварной жизни. Онъ привѣтствовалъ всякое происшествіе въ нашемъ домѣ какимъ нибудь стишкомъ, изъ которыхъ въ памяти у меня сохранилось только одно, и то только потому, что оно было написано на мотивъ извѣстнаго романса „Талисманъ" и написано по случаю раздачи всѣмъ жильцамъ пуховиковъ, чтобы покрывать ноги, при наступленіи холодовъ. Вотъ этотъ романсъ:

„Гдѣ консьержа вѣчно плещетъ,
Мои грязные полы,
Гдѣ луна печально блещетъ
Сквозь туманъ кофейной мглы,
Гдѣ въ подвалѣ наслаждаясь,
Дни проводитъ Подъ-Прудонъ,
Тамъ Максима, извиваясь,
Мнѣ вручила эдредонъ."

Съ наступленіемъ холодовъ, однако же, русскимъ, проживавшимъ въ Hôtel Molière пришлось искать помѣщенія потеплѣе, и я переѣхала въ пансіонъ на Елисейскія поля. За табль-д'отомъ напротивъ меня сидѣлъ старикъ, очень выкокій и сѣдой, какъ лунь, съ совершенно бѣлой бородой. Старика этого называли генераломъ. Въ этомъ пансіонѣ намъ давали чай въ общей гостиной, куда и я сошла, и тамъ сѣдой генералъ прямо заговорилъ со мною и сообщилъ, что онъ генералъ Дембинскій, польскій партизанъ возстанія 1830 года, живущій, на покоѣ, на пенсію, получаемую имъ отъ Наполеона III. Старикъ уговорилъ меня сѣсть за карты, выучилъ меня висту, и съ этого же перваго дня я приходила въ гостиную каждый вечеръ, и старикъ такъ ко мнѣ привязался, что, если по чему-нибудь, не заслуживающему уваженія, т. е. театра или какого-нибудь вечера, я не приходила играть въ карты, то ко мнѣ подымалась какая-нибудь старуха и упрашивала меня идти, говоря:

— „Le pauvre vieux est tout à fait malheureux."

Старикъ подарилъ мнѣ свой портретъ и написалъ мнѣ нѣсколько строкъ, но такъ неразборчиво, что прочитать я не могу и знаю только смыслъ написаннаго.

Онъ говорилъ иногда, что Польша скоро возстанетъ, и что онъ въ числѣ побѣдителей въѣдетъ въ Петербургъ и прямо пріѣдетъ ко мнѣ.

— Но, милѣйшій генералъ,—говорила ему какая-нибудь сосѣдка за столомъ; — вѣдь вамъ уже не подняться на лошадь.

— Ну, такъ что же,—возражалъ генералъ:—меня подсадятъ.

Пансіоны въ Парижѣ носятъ чисто семейный характеръ. Въ нихъ живутъ старики, получающіе пенсію, и старѣющія дамы, живущія на небольшую ренту. Изъ молодыхъ въ нашемъ пансіонѣ жилъ только піанистъ, дававшій уроки музыки, я и М., а остальные были все старые или калѣки. Одинокіе люди не чувствуютъ своего одиночества, живя въ такихъ пансіонахъ, гдѣ они въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ близко сходятся, и, въ случаѣ болѣзни, сосѣдки не покидаютъ страждущихъ.

Знакомство съ д'Эрикуръ, женщиной-врачемъ, не могло не повліять на меня, и я страшно захотѣла учиться и поступила въ Парижскую клинику, чтобы заняться спачала женскими болѣзнями.

Въ началѣ марта мы съ Н. В. поѣхали въ Лондонъ, гдѣ жилъ въ то время М., который и нанялъ намъ комнату въ пансіонѣ очень чопорныхъ миссъ.

Въ Лондонъ мы пріѣхали спеціально на поклонъ къ Герцену. Познакомиться съ нимъ трудности никакой не представлялось, потому что М. былъ уже съ нимъ знакомъ, и Герценъ, услыхавъ, что русская дама хочетъ быть у него, самъ пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ къ себѣ обѣдать.

Наши сборы походили на сборъ мусульманъ къ могилѣ пророка. За столъ мы сѣли съ особеннымъ благоговѣніемъ. Герценъ, не смотря на свою полноту и красноватое лицо, былъ необыкновенно красивъ умомъ и энергіей, свѣтившимися въ его взглядѣ. Говорилъ онъ прелестно, его можно было заслушаться. Въ то время, какъ мы были въ Лондонѣ, только что разыгралась его исторія съ Некрасовымъ, исторія, вѣроятно, кое-кому извѣстная, но которую я не нахожу нужнымъ разсказывать. Некрасовъ пріѣзжалъ съ нимъ объясняться, но въ такомъ дѣлѣ объясняться было трудно, и потому Некрасовъ даже сталъ скрывать, что былъ въ Лондонѣ,

и въ Парижѣ, при свиданіи съ М., онъ сказалъ, что въ Лондонѣ онъ не былъ и не поѣдетъ. Затѣмъ на слѣдующій день, показывая собаку и хваля ее, онъ сказалъ:

— Настоящая англійская, самъ купилъ въ Лондонѣ.

— Да вѣдь вы въ Лондонѣ не были?

Некрасовъ какъ-то странно посмотрѣлъ и ничего не сказалъ. Тогда мы еще не знали, отчего онъ скрывалъ свою поѣздку.

Герценъ до мельчайшихъ подробностей разсказывалъ это дѣло и возмущался всего болѣе тѣмъ, что Некрасовъ всю вину сваливалъ на женщину. Жилъ онъ тогда вмѣстѣ съ супругами Огаревыми, и m-me Огарева завѣдывала хозяйствомъ. Огаревъ былъ нѣсколько мраченъ и молчаливъ. Впрочемъ, въ присутствіи такого блестящаго ума и къ тому же любящаго говорить, и трудно было кому-нибудь примировать. M-me Огарева говорила, что она представляется въ своихъ собственныхъ глазахъ смотрительницею какого-нибудь музея, которая показываетъ иностранцамъ и путешественникамъ сокровища и объясняетъ ихъ значеніе. Въ Лондонъ пріѣзжала масса русскихъ, и всѣ они, кто просто изъ любопытства, а кто и по истинному чувству благоговѣнія предъ талантомъ, являлись къ Герцену и всѣхъ въ качествѣ хозяйки принимала Огарева. Она показывала его кабинетъ, огромный, какъ танцовальный залъ, аркой соединяющійся съ гостиной, изъ которой одна дверь шла въ столовую, а другая выходила въ паркъ. Самый домъ, гдѣ жилъ Александръ Ивановичъ, назывался Park-House, вслѣдствіе большого парка, принадлежащаго дому. Кабинетъ и гостиная не столько отличались роскошью, сколько комфортомъ. Вообще Герценъ жилъ, какъ богатый баринъ-помѣщикъ. Онъ принялъ насъ въ Лондонѣ, какъ настоящій хозяинъ, т. е. показывалъ всѣ достопримѣчательности Лондона, ходилъ съ мужчинами на митингъ воровъ, въ ночлежные дома, вообще былъ очень радушенъ. Часто заходилъ къ намъ и совсѣмъ очаровалъ насъ.

Огаревъ, узнавъ, что я собираюсь учиться медицинѣ и поступила уже въ клинику, очень сочувственно отнесся къ этому и написалъ даже мнѣ стихотвореніе, которое прислалъ въ Парижъ, куда мы проѣхали изъ Лондона.

На сколько мнѣ помнится, я возвращалась въ мальпостѣ весною 1859 года и, пріѣхавъ въ контору на Большой Мор-

ской, не знала адреса нанятой для насъ квартиры и была очень обрадована, найдя тамъ записку отъ Гербеля, приходившаго раза по три въ день въ контору.

Пробывъ въ Петербургѣ очень недолго, я проѣхала въ деревню къ своимъ родителямъ, куда Н. В. посылалъ мнѣ свой дневникъ, который тутъ помѣщаю. Изъ-за границы онъ поѣхалъ съ лѣснымъ офицеромъ Гельтомъ черезъ югъ. Въ этихъ послѣднихъ письмахъ уже совершенно ясно опредѣляется нежеланіе Н. В. оставаться дѣятелемъ въ лѣсномъ мірѣ.

Николаевъ 16 Іюня.

Сбился въ числахъ, но это все равно.

Николаевъ мы осматривали такъ, какъ осматриваютъ города за границей, съ той разницей, что ѣздили, а не ходили. Внѣшнее отличіе нашихъ городовъ отъ заграничныхъ въ томъ, что русскій человѣкъ любитъ жить особнякомъ и строитъ домъ для одного постояльца. Большіе дома—исключеніе. Кромѣ того, наши улицы такъ широки, что самая узкая изъ нихъ могла бы служить большой площадью для любого города Германіи. Отъ этого городокъ съ маленькимъ населеніемъ растянется такъ, что нѣтъ никакой возможности ходить пѣшкомъ. Къ этому прибавьте жаръ, который теперь стоитъ, и Вы не обвините меня за расходы на извозчиковъ, хотя на нихъ истрачено и порядочно. Впрочемъ, и безъ этого Вы не обвинили бы меня.

Совсѣмъ истомился ѣздой и дорогой, не могу писать.

Никакъ не угадаете, гдѣ я пишу къ Вамъ это письмо? Нѣтъ, невозможно... Теперь оказалось возможнымъ; — нѣтъ, приходится отложить. А все-таки буду писать.

Мое настоящее письмо не журналъ, а воспоминаніе. Правда прошедшее близко, тѣмъ не менѣе оно все-таки не сегодня.

Теперь я плыву на маленькой лодочкѣ изъ Херсона въ Алешки. Гельтъ правитъ рулемъ а я, запасшись въ Херсонѣ баночкой чернилъ, пишу къ Вамъ это письмо. Спачала не было удачи,—гребцы слишкомъ качали, а одинъ изъ нихъ даже давалъ мнѣ нерѣдко толчки въ спину. Слава Богу, обстоятельства нѣсколько измѣнились: мы пошли бечевой, и я принялся строчить Вамъ это письмо.

Съ своей торопливостью я рѣшительно затрудняюсь найти время, чтобы писать къ Вамъ; усталость лишаетъ меня всѣхъ способностей; а мнѣ не доставляетъ удовольствія писать къ Вамъ казенныя письма. Мнѣ хочется быть Вашимъ Количкой, но, увы! эти минуты приходятъ ко мнѣ, когда я бодръ,—а тогда я въ дорогѣ. Однако, простите, что я варіирую все эту тему.

Вы знаете, что мы осматривали Николаевъ, какъ слѣдуетъ порядочнымъ туристамъ. Видѣли мы городскіе сады и казенныя зданія и многое множество всякихъ офицеровъ. Николаевъ по физіономіи и по жизни не походитъ на наши сѣверные уѣздные города: здѣсь народъ больше на распашку и дышится легче. Можетъ быть, Николаевъ показался бы мнѣ другимъ, если бы здѣсь жило мое начальство; къ счастью, этого нѣтъ и я дышу до сихъ поръ въ Россіи свободнѣе, чѣмъ я дышалъ за границей, гдѣ полиція давала себя чувствовать на каждомъ шагу.

Я уже говорилъ Вамъ о своемъ отупѣніи, чѣмъ больше вглядываюсь я въ себя, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это такъ. Ради Бога, Люля, вылѣчите меня. Но снова спрашиваю я себя—такъ ли? И не происходитъ ли это спокойствіе отъ того, что я жилъ и живу въ народѣ и не сталкиваюсь ни съ начальствомъ, ни съ гадостью его дѣлъ? Посмотрю, что скажетъ Питеръ; думаю, что стану злиться снова. Жалѣю объ одномъ, что приходится тратиться на лѣсное дѣло, къ которому я охладѣлъ совершенно; для другой же работы не гожусь, ибо ничего не знаю, учиться уже поздно, ничему не успѣю выучиться основательно. Вотъ и призадумаешься: растратилъ человѣкъ свою жизнь на пустяки, а когда дошелъ до сознанія своихъ силъ, чувствуетъ, что ему и впередъ приходится толочь воду. А кто виноватъ?—Разумѣется, никто. Хуже всего еще то, что не вижу возможности предостеречь и другихъ отъ того же опыта.

Изъ Николаева поѣхали мы въ Одессу. Не видать ее хуже, чѣмъ быть въ Римѣ и не видать Папу. Утромъ, раненько выѣхали мы изъ Николаева, и вечеромъ въ 7 часовъ были на мѣстѣ. Верстъ за 20 было видно надъ городомъ какое-то сіяніе. Ямщикъ объяснилъ, что это пыль, въ которой играло солнце. Слышалъ я еще въ Петербургѣ объ Одесской пыли; но все, что я рисовалъ о ней — было ничто.

Въѣхавъ въ предмѣстье, мы буквально ѣхали въ облакѣ, невозможно было дышать: — и такъ во всю дорогу до гостинницы. Отчего же здѣсь столько пыли? Во-первыхъ, потому, что здѣсь военнымъ губернаторомъ графъ Строгановъ, а, вовторыхъ, потому, что здѣсь дѣлаютъ шоссе изъ мелкаго известковаго шуфа.

День дороги въ здѣшнихъ мѣстахъ положитъ на путнидо нашей категоріи (телѣжнаго) такой слой пыли, что верка воды едва достаточно, чтобы походить на человѣка. Умывшись мы пошли въ театръ. И хорошо сдѣлали; потому что если бы вздумали отдыхать, то едва ли увидѣли театръ.

Вообще объ Одессѣ имѣютъ у насъ мнѣніе нѣсколько преувеличенное; такъ думаю я, а почему—напишу въ слѣдующемъ письмѣ. Это же кончаю по слѣдующимъ причинамъ: во-1-хъ, несмотря на 8 часовъ, здѣсь темно; во-2-хъ, недостаетъ бумаги; въ-3-хъ комары не даютъ покою; въ-4-хъ идемъ сна на веслахъ.

Симферополь.

Я пріѣхалъ въ Одессу въ 7 часовъ, а въ 8 былъ уже въ театрѣ. Театръ не похожъ ни на одинъ, что мы видѣли:—хуже и по устройству, а о чистотѣ я уже и не говорю: одесская пыль залѣзла и сюда.

Одесскій музеумъ керченскихъ и другихъ древностей южнаго края плохъ. Часть взята въ Петербургъ. Непонятно, зачѣмъ это Петербургъ хочетъ поглотить Россію?

О Щеголевѣ Вы слыхали? Въ Одессѣ извѣстно тоже его имя, но никто не могъ показать знаменитую Щеголевскую батарею. Отыскивая ее, мы паткнулись нечаянно на контору пароходства и узнали, что въ Херсонъ плыветъ экстренный пароходъ. Это былъ такой прекрасный случай избавиться отъ почтовой тряски на 180 верстъ, что мы тотчасъ же уложились, пріѣхали на пароходъ и взяли мѣсто.

Пароходы черноморской компаніи носятъ странныя названія: Крикунъ, Болтунъ, Родимый, Матушка, Сестрица, Братецъ и т. д. Нашъ пароходъ прозывался Братецъ.

Пароходы строятъ въ Англіи, а креститъ ихъ въ Россіи В. К. Константинъ. Ему кажется, что Крикунъ, Болтунъ—чисто русскія, народныя прозвища. Теперь, какъ Вы знаете, пошла мода на народное.

Мы уже готовились спать и даже поужинали, но явился капитанъ и сказалъ, что пароходъ, *можетъ быть*, пойдетъ завтра. Что оставалось намъ дѣлать? Идти въ гостинницу? — Ночь. Ночевать на пароходѣ? — по имѣемъ ли право. Къ счастью, капитанъ былъ такъ любезенъ, что не только не выбросилъ на берегъ насъ и наши вещи, но даже позволилъ переночевать въ каютъ-компаніи и далъ мнѣ свое одѣяло, которое онъ не употреблялъ, потому что лѣтомъ не совсѣмъ удобно покрываться ватнымъ одѣяломъ.

На утро мы узнали, что пароходъ пойдетъ, но уже не „Братецъ", а можетъ быть „Крикунъ". Положительный отвѣтъ обѣщали въ 5 часовъ.

Этимъ временемъ мы воспользовались, чтобы посмотрѣть городъ еще разъ. и я отыскалъ свои книги. Теперь Ваша, а если Вы не хотите, то М. библіотека обогатится новымъ приношеніемъ. „О казакахъ"—вещь хорошая. Не пренебрегайте.

„Крикунъ" снялся съ якоря въ ночь.

Когда меня рекомендовали новому капитану, и я спросилъ:

— А „Крикунъ" идетъ сегодня положительно?

Капитанъ отвѣтилъ весьма умно:

— Да-съ, не отрицательно.

За ужиномъ капитанъ разсказалъ намъ о распоряженіи императора Александра II уничтожить черноморскій флотъ. Нашъ капитанъ не былъ юноша, онъ считалъ себѣ за 50 лѣтъ, а между тѣмъ плакалъ, разсказывая, какъ они топили „Корабль Трехъ Святителей". Это былъ дѣйствительно разсказъ поэтическій, неподогрѣтый хмелемъ. Корабль долго не хотѣлъ идти на дно, не смотря на множество смертельныхъ ранъ; но когда онъ сталъ опускаться, то все зарыдало навзрыдъ. „Дѣти не плачутъ такъ, опуская свою мать въ могилу"— добавилъ капитанъ.

Бахчисарай.

Всю дорогу ѣхали мы почти ровной степью; только мѣстами попадались холмы; да впереди рисовались Крымскія горы. Подъѣзжая къ одной балкѣ (оврагъ), ямщикъ, молчавшій всю дорогу, показалъ кнутовищемъ влѣво и сказалъ: „тамъ въ балкѣ тяпется городъ верстъ на пять". Я приподнялся на телѣгѣ, посмотрѣлъ влѣво и ничего не увидѣлъ. Мнѣ показалось, что я не понялъ ямщика; но мы сдѣлали

крутой поворотъ влѣво, въ лощину, и Бахчисарай очутился передо мной, какъ на блюдѣ. (Извините за сравненіе, но мнѣ хотѣлось обрисовать внезапность и полноту вида).

Въ Турціи я не былъ; но сколько знакомъ съ ней по описаніямъ, мнѣ кажется, что Бахчисарай — городъ вполнѣ въ турецкомъ вкусѣ; городъ похожъ больше на неправильно скученную деревню, а вдоль тянется кривая и очень узкая улица съ лавками направо и налѣво. Не смотря на людность, городъ показался мнѣ мертвымъ; причина въ томъ, что женщины сидятъ дома. Мы встрѣтили только одну особу женскаго пола, и та была закрыта чадрой. Впрочемъ, цивилизація коснулась и бахчисарайскихъ женщинъ: встрѣченная нами имѣла для глазъ щелку, хотя это и недозволено закономъ.

Бахчисарай, какъ Вы знаете, былъ столицей крымскихъ хановъ. Для столицы городъ, но хорошаго въ немъ — ханскій дворецъ. Его то мы и отправились тотчасъ же осматривать, взявъ, по татарскому обычаю, верховыхъ лошадей.

Должно быть я деревянный, потому что ни Бахчисарайскій дворецъ, ни фонтанъ Маріи, въ настоящее время разсломанный, не произвели на меня никакого впечатлѣнія. Солдатикъ, приставленный къ дому, провелъ насъ по всѣмъ комнатамъ, выкликивая прозвище каждой.

Мнѣ не хотѣлось покинуть дворца, не видавъ фонтана слезъ. Пришли—и кромѣ груды камней, трехъ печниковъ и разломаннаго фонтана, я не видѣлъ ничего. Фонтанъ отдѣлывается заново. М., можетъ быть, все это вдохновило, но я былъ далекъ отъ всякого поэтическаго чувства и смотрѣлъ на все больше съ любопытствомъ. Мудрено подогрѣться, когда ничто не говоритъ Вамъ о прошлой жизни, вездѣ маляры и каменщики, свѣжая краска и пустыя комнаты, напоминающія болѣе нашествіе непріятеля.

Въ Крымскую войну дворецъ служилъ лазаретомъ для нашихъ раненыхъ. Больныхъ клали на султанскіе диваны и ковры и сгноили все; теперь все возобновятъ совершенно въ томъ видѣ, какъ было.

Севастополь.

На пароходѣ „Крикунъ" есть машинистъ англичанинъ. Этотъ англичанинъ, пріѣхавъ въ первый разъ въ Севастополь, взялъ горсть земли, поцѣловалъ ее и заплакалъ. Такъ

разсказывалъ мнѣ капитанъ. Можетъ быть, я уже слишкомъ черствъ — не знаю; но ничего подобнаго я не сдѣлалъ. Я чувствовалъ скорѣе озлобленіе противъ тѣхъ, кто устроилъ Севастопольскую бойню.

Городъ совершенная куча развалинъ даже теперь, не смотря на то, что прошло четыре года послѣ взятія его.

Ялта.

Нигдѣ за границей мнѣ не было такъ легко и свѣтло, какъ здѣсь. Вотъ гдѣ намъ нужно поселиться на старости. Я не буду описывать Вамъ ни восходъ солнца, ни лазурь неба, ни вершины горъ, освѣщаемыя заходящимъ солнцемъ; обо всемъ этомъ Вы читали тысячу разъ и тысячу первый въ письмахъ Маріи Федоровны Штакеншнейдеръ къ Полонскому изъ Италіи.

Завтра накидаю Вамъ видъ изъ моей комнаты; онъ будетъ плохъ, но Вы поймете, что въ натурѣ это хорошо.

А случалось ли Вамъ ѣсть шелковицу? предо мной цѣлая тарелка, но я не ѣмъ, потому что въ ягодѣ нѣтъ нисколько аромата, а взамѣнъ его какая-то непріятная маслянистость.

Сегодня я ѣздилъ цѣлый день верхомъ по горамъ; смотрѣлъ лѣса и крымскую сосну. Не думайте, что изъ Севастополя я перескочилъ прямо въ Ялту; было по пути многое дѣйствительно великолѣпное; но лучше Байдарскихъ воротъ я не видѣлъ нигдѣ ничего до сихъ поръ. Дѣло въ томъ, что Вы несетесь, сломя голову, по извилистой горной дорогѣ, направо и налѣво горы, а сбоку глубокая лощина; все это начинаетъ надоѣдать. Вы ищете новаго, наконецъ, дѣлаете крутой поворотъ и передъ Вами стоятъ каменныя ворота, соединяющія двѣ горы. Ямщикъ нашъ несся, какъ сумасшедшій, я только что уставился на ворота, какъ мы уже пронеслись черезъ нихъ и... я ахнулъ отъ удивленія... Эти вещи не описываются.

Вамъ надо непремѣнно быть въ Крыму. И это путешествіе мы смастеримъ: на пароходѣ по Волгѣ на Кавказъ, а потомъ Чернымъ моремъ черезъ Константинополь и Смирну въ Крымъ. Улыбается Вамъ этотъ проектъ?

Ногайскъ.

Изъ Крыма я проѣхалъ къ Граффу, но, увы, не засталъ его дома. Теперь скачу въ Екатеринославль, въ надеждѣ увидѣть тамъ Виктора Егоровича.

У Граффа живутъ двое нашихъ молодыхъ офицеровъ. Отъ нихъ я узналъ, что Бекманъ не пропускаетъ случая выставлять меня въ дурномъ и смѣшномъ свѣтѣ. Арнольдъ держится той же методы. Они говорятъ, что сдѣлаютъ, что я пойду подъ судъ. Даже Греве, которому я не дѣлалъ ничего, кромѣ хорошаго,—и тотъ противъ меня. Все это сулитъ мнѣ немного пріятнаго въ Лѣсномъ Институтѣ. Я не считаю дѣломъ своей жизни читать лекціи по лѣсоводству, но, къ сожалѣнію, попалъ на невѣрную дорогу и растратился на знакомствѣ и изученіи лѣсного искусства, какъ говорили въ прошедшемъ столѣтіи, или лѣсной науки, какъ стали называть эту чушь въ нынѣшнемъ столѣтіи. Теперь мнѣ нѣтъ другого выхода и приходится по неволѣ оставаться покамѣсть въ цехѣ лѣсныхъ мастеровъ. Впрочемъ, не теряю надежды научиться чему-нибудь болѣе полезному, выйдти на новую дорогу и очистить такимъ образомъ мѣсто для человѣка, болѣе меня достойнаго быть лѣсничимъ. Вотъ послѣ этого и мечтай быть полезнымъ: при Арнольдахъ и Бекманахъ едва ли будетъ что-нибудь: надо имѣть ихъ толстую кожу и ихъ мѣдные лбы, чтобы переносить все и вся. Но надо и то сказать: они работаютъ для себя; у нихъ нѣтъ родины; это наемщики и потому понятно, что природа дала имъ толстую кожу. Положеніе насъ, русскихъ, другое и нѣмцы всегда насъ одолѣютъ. Понималъ я часто важность денегъ, а теперь понимаю еще больше. Люля, подумайте и дайте совѣтъ, что дѣлать и гдѣ преклонить голову?

Путешествіе въ степи представляетъ мало пріятнаго: все одно, да одно, т. е. жаръ днемъ, мухи и блохи ночью; ѣсть нечего, а разстоянія громадныя. До сихъ поръ только въ Кіевѣ я ночевалъ двѣ ночи. Все ѣду и ѣду и уже дорога начинаетъ надоѣдать порядочно.

Сегодня мы сдѣлали привалъ ранѣе обыкновеннаго, ибо на ближайшей станціи ночевать невозможно. Городишко, гдѣ мы теперь, такъ же гадокъ, какъ и Новоузенскъ; но въ степи радъ и этому. Жду нетерпѣливо Полтавы; будемъ тамъ дня черезъ три. Отдохну, напишу къ Вамъ толковое письмо и вымоемъ бѣлье.

До свиданія, голубчикъ. Не сердитесь на это письмо; но лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Еще разъ до свиданія. Цѣрую Ваши ручки. Изъ Полтавы пришлю Вамъ новый маршрутъ. Можетъ быть пріѣду въ Питеръ къ 28 іюля. До свиданія.

Полтава.

Вчера пріѣхали въ Полтаву. Сейчасъ же къ Хитрово и теперь квартируемъ у него. Онъ вручилъ мнѣ шесть Вашихъ писемъ, такъ что теперь я соображу, о чемъ и съ чего начинать письмо.

Начну съ отвѣтовъ.

Я радъ, что Вы не разошлись съ *Матюшей*, но, читая Ваше письмо, я задалъ себѣ вопросъ, какой Матюша, Матвѣевъ ли—докторъ? Если это точно онъ, то радуюсь еще разъ. Я хотѣлъ даже писать къ нему; но скажу Вамъ откровенно—не ради пріязни, а хотѣлось узнать, что за зло куютъ противъ меня мои пріятели и кто они такіе. Я никогда не былъ дипломатомъ, хотя и не лишенъ вовсе этой способности; но считаю непрямизной прилаживаться къ кому-нибудь, хоть по слабости характера очень не люблю и избѣгаю всякую вражду. Дѣло другое—лѣсные вопросы, тутъ я, пожалуй, воинъ, но на одномъ условіи:—воевать открыто, а не подъ землею.

Вѣрите ли, что во мнѣ совсѣмъ пусто; такъ какая-то спячка всѣхъ способностей, и причину я понимаю;—вѣчная ѣзда, укладка, перекладка, плохая ѣда, жаръ и сонъ не во время. Напримѣръ: торопясь въ Полтаву, я всталъ въ 4 часа, ѣхалъ цѣлый день, а съ Хитрово проболтали до 2-хъ часовъ ночи. А иногда мнѣ кажется, что я выдохся. Это былъ бы для меня страшный ударъ; тѣмъ болѣе, что все лѣсное мнѣ надоѣло до тошноты, я готовъ бѣжать изъ лѣсничихъ сію же минуту. Чувствую, что внутри меня сидитъ что-то, хочу работать: но увы!—надо учиться, потому что я ничего не знаю. Не поздно, но нужно время. Люля, Вы умный человѣкъ и должны мнѣ помочь совѣтомъ. Скажите, для чего я способенъ, что дѣлать, чѣмъ заняться? Будетъ нужда—правда, но дѣло сдѣлаю и лучше, и больше на всякомъ поприщѣ. Мнѣ бы только годъ въ Лѣсномъ Институтѣ, чтобы высказаться;

а затѣмъ дѣлать мнѣ въ Лѣсномъ мірѣ нечего. Не браните меня за это; къ Вамъ пишетъ человѣкъ, находящійся въ фальшивомъ положеніи, нужно выбраться на дорогу истинную.

Насчетъ Хитрово Вы ошиблись; онъ былъ такъ радъ мнѣ, такъ ухаживалъ и кормилъ, что Вы не можете себѣ представить ничего подобнаго, просто не даетъ сѣсть пылинкѣ и только не отгоняетъ мухъ, которыхъ здѣсь не мало. Съ Гельтомъ принялъ онъ меня такъ разно, что мой нѣмецъ сдѣлался похожъ на окунутаго въ воду.

Со мной сдѣлался мой обыкновенный припадокъ. Это бываетъ со мной всегда, когда приходится идти къ людямъ незнакомымъ, людямъ въ чинахъ и со звѣздами, наконецъ, къ людямъ, гдѣ я ожидаю встрѣтиться съ свѣтскостью. Причиной этой, можетъ, и мое дурное свѣтское воспитаніе, а, можетъ быть, и мои демократическія убѣжденія, — не знаю; знаю одно, что мнѣ очень непріятно, одолѣваетъ чувство ученика, неприготовившагося къ уроку.

Можетъ быть, Вы захотите знать, кто и что причиной этого?

Въ поѣздку свою я бываю почти у всѣхъ управляющихъ, но до сихъ поръ былъ такъ счастливъ, что только у одного изъ нихъ обѣдалъ. Въ Полтавѣ не удалось отдѣлаться: я не умѣю отказываться и, какъ жертва вечерняя, ѣду въ 3 часа къ Яковлеву.

По маршруту намъ слѣдовало уѣхать изъ Полтавы еще вчера, но остались сегодня на утро для визита Яковлеву. А теперь, увы! — выѣдемъ только часовъ въ 6.

Какое славное письмо написали Вы мнѣ 17 мая. Вы совершенно правы, что чѣмъ больше живемъ на свѣтѣ, тѣмъ меньше находимъ людей, и весьма вѣроятно, что подъ старость мы запремся. А отчего бы и нѣтъ? Чѣмъ же это худо, когда это будетъ такъ хорошо для насъ.

Теперь я убѣждаюсь окончательно, что я не способенъ ни къ чему болѣе; напишу послѣднюю статью въ газетѣ; выскажу свое окончательное мнѣніе о лѣсахъ и лѣсоводствѣ въ Россіи, и конецъ моей дѣятельности. Байронъ правъ, что порядочный человѣкъ не долженъ жить болѣе 35 лѣтъ. Мои силы хватили только на самую узкую и малую спеціальную дѣятельность, и еще, къ сожалѣнію, на поприщѣ, на которомъ я очутился Богъ знаетъ почему. Все это грустно, но нѣтъ ли въ этомъ всемъ, т. е. въ моемъ плачѣ и сожалѣ-

ніи о безполезно потраченныхъ силахъ, эгоистическаго, сквернаго чувства? Не жажда ли это славы, не зависть ли? не честолюбіе ли? Вы знаете лучше: я же знаю только, что я кое-что рядомъ съ Гельтомъ, но совершенная дрянь рядомъ съ Герценомъ.

Люля, Вы меня смѣшите проектомъ зимняго сада: это мнѣ улыбается; думаю, что все это очень умно, дешево и хорошо. Воображаю, какъ будетъ отрадно болтать тамъ по вечерамъ въ своей компаніи. Одно дурно, что Вы будете выгонять меня за куреніе. Впрочемъ, я исправлюсь.

Что вы переводите, куда, и на какихъ условіяхъ?

Прощайте, дружокъ; цѣлую Васъ, поцѣлуйте всѣхъ нашихъ. Пусть они не сердятся на меня, что я не пишу:— Вѣдь Вы имъ говорите обо мнѣ? чего же еще больше. Цѣлую Васъ безъ счету.

Харьковъ.

Давно ужъ не испытывалъ такого мученья, какъ вчера. Вѣтру не было, солнце пекло, и сто верстъ ѣхали мы въ облакѣ пыли; надо испытать эту каторгу, чтобы умѣть сочувствовать несчастному, котораго злой рокъ принудилъ страдать такимъ образомъ.

Дорогой я обыкновенно бодрюсь. Вчера, напримѣръ, несмотря на истому и забытье, похожее на дремоту, я составилъ проектъ письма къ Вамъ и даже обдумывалъ первыя лекціи для Лѣсного Института. Съ пріѣздомъ же въ Харьковъ забылось все и я чувствовалъ только потребность отдыха. Легъ рано, всталъ поздно—и все-таки не отдохнулъ. Въ Полтавѣ я былъ такой же, т. е. измученный и неспособный ни думать, ни говорить. Чѣмъ долѣе живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что уже старъ и вѣроятно скоро не буду годиться ровно ни для чего. Ну, какъ въ 35 лѣтъ быть слабымъ до того, чтобы совершенно раскиснуть отъ поѣздки на перекладной. Правда, мы сдѣлали уже 3.500 верстъ, а развѣ мнѣ не случалось дѣлать больше концы?—Да, старъ и гнилъ. Ну, а отчего спитъ голова? Усталость заставляетъ меня подумать, какъ бы сократить поѣздку и, вѣроятно, измѣнивъ первый маршрутъ, мы покатимъ на Москву прямикомъ, останавливаясь только въ губернскихъ городахъ.

Вы одобрите этотъ проектъ—я знаю, но въ Петербургѣ я буду жалѣть, что не ѣхалъ такъ, какъ думалъ ранѣе. Къ

М. я писалъ три раза и въ первомъ письмѣ просилъ отвѣ-
тить въ Полтаву. М. же этого не сдѣлалъ. Странное дѣло!
Хитрово былъ всегда хорошъ со мною, а въ нынѣшнее сви-
даніе онъ былъ до того внимателенъ, что за обѣдомъ и за
ужиномъ подавалъ шампанское, чуть только не укладывалъ
спать. Встрѣчи были съ поцѣлуями и со слезами на глазахъ;
а я — деревянный—все попрежнему съ нимъ холоденъ. Вы
скажете—виноватъ я; а я спрошу Васъ: отчего же всѣ ласки
его скользятъ по мнѣ, не оставляя ни одного пріятнаго слѣда,
ни одного отраднаго воспоминанія? У меня сердце не такъ
чувствительно: напротивъ, я слишкомъ увлекаюсь и въ этомъ
я и нахожу отвѣтъ на странныя, повидимому, отношенія мои
къ Іосифу Васильевичу. Повѣрьте, въ его ласкахъ нѣтъ искрен-
ности: онъ больше кажется, чѣмъ есть, отъ этого-то и во мнѣ
молчитъ истинное чувство, и съ Хитрово я нахожусь посто-
янно въ какомъ-то фальшивомъ положеніи. До того, что день
бесѣды съ нимъ труднѣе для меня 200 вер. на перекладной.
Я измученъ, избитъ, изломанъ; хуже—во мнѣ болятъ нервы.

Скоро ли я буду дома? Такъ хочется отдохнуть. Нужно
окрѣпнуть, чтобы приготовиться къ лекціямъ. Матеріалы всѣ
сидятъ во мнѣ, но ничего не приведено въ порядокъ. А го-
ворить придется многое и противъ многаго. Я счастливъ, что
буду читать такую невозможную вещь, какъ Лѣсные Законы,
счастливъ, потому что будетъ наибольшая возможность кос-
нуться всѣхъ нашихъ научныхъ и другихъ нелѣпостей и тупо-
умія отцовъ русско-нѣмецкаго лѣсоводства. Въ одномъ надо
быть осторожнымъ: — ругать и смѣяться, не наживая вра-
говъ. А это трудно. Другою трудною задачею будетъ жить
въ Лѣсномъ Институтѣ и не жить съ лѣсными. Какъ сдѣлать
это — не придумаю. Я пишу къ Вамъ по какому-то раздра-
женію и въ этомъ причина, почему мои послѣднія письма
будутъ скучны для Васъ. Но, Люля, будьте на моемъ мѣстѣ и
съ Вами будетъ то же. Прощайте, голубь. Что Ваше здоровье?

Надо отдать Вамъ отчетъ.

Изъ Харькова предполагалось ѣхать только въ Чугуевъ,
а затѣмъ тотчасъ же дальше. Но вышло иначе: — послали за
губернскимъ лѣсничимъ нарочнаго, и мы ждемъ: ждали вчера,
ждемъ сегодня. А между тѣмъ солнце печетъ, печетъ ужасно.
Вчера было 37° *въ тѣни*. Сегодня такая же жара. Смотрю

съ ужасомъ на дорогу—просто разлагаешься отъ жара; а я
еще на бѣду не имѣю ничего лѣтняго: мое пальто на байкѣ.

Вчера я думалъ заняться дѣлами, но не сдѣлалъ много.
Зато началъ и обдумалъ вполнѣ. Какъ Вы думаете, что?
Первую лекцію изъ Лѣсныхъ Законовъ. Вы смѣетесь;—не
торопитесь. Вотъ что я выдумалъ: доказываю, что лѣсоводство
не наука, а спеціалистъ-лѣсничій при нынѣшнемъ образова-
ніи не человѣкъ. Какъ все это ни просто, а приходится на-
писать, ибо нельзя обдумать въ полной связи. Можетъ быть
я написалъ бы и всю лекцію, но, къ сожалѣнію, къ Ильину
пришелъ его товарищъ, и съ 10 часовъ утра просидѣлъ до
10 часовъ вечера.

Несмотря на все это, день прошелъ для меня незамѣтно,
я потѣлъ отъ жара, лежалъ, писалъ и изрѣдка говорилъ.
Рѣшено выѣхать послѣ обѣда. Теперь остается немного:
Курскъ, Орелъ, Тула, Москва и Подолье. Однако, раньше
28 въ Петербургъ не успѣть; слѣдов., въ Подолье 30 или 31.

Какую грусть, вѣрнѣе уныніе, наводятъ на меня русскіе
города. Ни лѣтомъ, ни зимой не хочется ихъ видѣть, а жить
въ нихъ — упаси, Боже! Лучше въ деревнѣ, въ мужицкой
хатѣ, чѣмъ въ какомъ-нибудь Харьковѣ. А Харьковъ еще
изъ лучшихъ. Что же уѣздные города! Для меня всѣ уѣздные
города, которые я видѣлъ—Новоузенски.

Хитрово удивляется намъ. Ему кажется рѣдкостью, что
черезъ 8 или 9 лѣтъ мы еще пишемъ такъ часто другъ къ
другу. Если рѣдкость, то значитъ часты отношенія против-
ныя. Хороши же должны быть наши браки! И зачѣмъ люди
женятся. Вы вѣрно не знаете, я тоже. Но чѣмъ больше
живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что только человѣкъ буду-
щаго можетъ быть счастливъ въ настоящемъ. Блаженнѣе же
всѣхъ я; ибо съ Вами и М. я живу въ настоящемъ, съ Веней
и Машей, а впослѣдствіи съ нашимъ дитятей—въ ближай-
шемъ будущемъ; а со всѣмъ остальнымъ, кромѣ Гельта—въ
самомъ отдаленномъ будущемъ. А что же Гельтъ? Это мой
адъ, мой искусъ. О тупость непроходимая!

Люля, не устроите ли, чтобы Матюша былъ къ 1 августа
тоже въ деревнѣ? Это было бы для меня очень весело.

Мнѣ все кажется, что Петръ Ивановичъ сердитъ на меня,
что я не пишу къ нему. Пожалуйста, уладьте миръ. Право,
нѣтъ времени.

А отчего Маша не отвѣчала мнѣ на письмо изъ Кракова съ загадкой и ея портретомъ? Скажите ей, что это не хорошо.

Курскъ.

Какой-то Монтрезоръ женился на какой-то Полторацкой и получилъ въ приданое гостиницу въ Курскѣ. Монтрезоръ, человѣкъ бывалый, устроилъ ее тотчасъ же на европейскій ладъ, приставилъ швейцара, Hausknecht'а и нѣсколько кельнеровъ. Но проѣзжающимъ отъ этого вышло хуже: грязь и свинство осталось прежнее, русское, а на водку приходится давать на европейскій манеръ.

А занимаетесь ли Вы политикой? Нельзя ли безъ этого? Мы, русскіе, вышли настолько европейцами, что судьба какого-нибудь итальянскаго герцога намъ ближе и знакомѣе дѣлъ Россіи; мы толкуемъ о Европѣ—только толкуемъ,—а для себя ни на пядень впередъ.

А знаете ли, на что требуется менѣе всего смыслу и знанія? — Отвѣтъ: для разсужденій о политикѣ. Къ этому заключенію я дошелъ очень просто. Гельтъ за границей былъ очень уменъ съ нѣмцами: толковалъ о судьбахъ итальянскаго народа, значеніи Италіи, велико-мазурническихъ цѣляхъ Наполеона, а также о приростѣ сосны и о томъ, что лѣса Россіи очень велики. Нѣмцы слушали его съ глубокимъ вниманіемъ и уваженіемъ и пороли подобную же дичь. Говорить обо всемъ этомъ было не трудно: стоило только начитаться газетныхъ политическихъ вздоровъ. Но вышло совсѣмъ другое, когда мы въѣхали въ Россію; здѣсь не спасали нѣмецкія газеты, да и вопросы явились другого рода. Надо было читать не печатное, а жизнь русскую и самого русскаго человѣка въ натурѣ. Нѣмцы дожили до китайскаго равенства во взглядахъ и дѣйствіяхъ; а у насъ надо создавать все: мѣсто для постройки выбрано, навезены всякіе годные и негодные матеріалы, но нѣтъ ни плана, ни строителя. При такомъ порядкѣ трудно быть умнымъ чужими идеями, надо понимать самому, и сѣлъ мой нѣмецъ на мель: что ни слово, то пальцемъ въ аптеку, а толки о политикѣ вовсе невпопадъ. Да, въ Россіи быть умнымъ гораздо труднѣе, чѣмъ гдѣ бы-то ни было. Знаете ли, что нравится мнѣ больше всего въ Россіи?—

я не вижу нигдѣ ни полиціи, ни солдатъ, а между тѣмъ нѣтъ ни бунтовъ, ни разбоевъ. О полиціи слышишь и видишь ее только тогда, когда рѣчь о притѣсненіяхъ и чиновничьихъ гадостяхъ. Мнѣ кажется, что Россія больше всѣхъ способна и имѣетъ больше всѣхъ началъ къ самоуправленію. Дайте намъ только образованіе. Мнѣ случалось быть у молоканъ, куда менонистамъ! Несмотря на то, что молоканъ жали и жмутъ.—Наше несчастіе, что мы чиновники и хотимъ управлять непремѣнно всѣмъ сами... чувствую, что Вы морщитесь. Вы не понимаете, для чего я пускаюсь въ государственную метафизику и Вы правы, голубчикъ. Мое же оправданіе въ томъ, что по-русски умное и хорошее письмо написать очень трудно, и большую ошибку дѣлаетъ тотъ, кто въ письмѣ къ женѣ говоритъ о постороннемъ, некасающемся ни ея, ни ея мужа. Скажу больше: не надо писать, когда въ головѣ нѣтъ ничего, кромѣ политики; я, измученный ѣздою, совсѣмъ пустъ и большею частью пишу письма къ Вамъ въ то время, когда менѣе всего способенъ думать и чувствовать.

Дорога имѣетъ на меня одно благодѣтельное дѣйствіе: я поздоровѣлъ, покраснѣлъ и пополнѣлъ. Такимъ я себя давно не запомню.

Изъ Курска уѣдемъ сегодня, завтра въ Орлѣ, а тамъ до Москвы ужъ недалеко. Прощайте, голубчикъ. Какъ Ваше здоровье? А Веня будетъ въ деревнѣ къ 1-му августа?

Есть потребность писать. Какая-то внутренняя боль; чувствую полное одиночество. Музыка или газеты причиной— не знаю. Вотъ какъ было все.

Первое письмо изъ Курска я писалъ къ Вамъ утромъ; я былъ тогда деревянный, писалъ не потому, чтобы писалось, а больше по порядку. Назначилъ еще раньше отправить къ Вамъ по одному письму изъ каждаго города: Курска, Орла, Тулы и Москвы. Вы скажете—это глупо. Правда. Но тутъ нѣтъ лжи, и только этимъ я оправдываюсь. Разумѣется истиннѣе и честнѣе писать, когда пишется. Но, увы, во мнѣ еще много нѣмецкаго, этой убійственной казенщины—системы.

Кончивъ письмо, я отправился на почту, потомъ въ Палату. Зачѣмъ? Думалъ встрѣтить тамъ нашихъ молодыхъ; но нашелъ тупыхъ чиновниковъ и стараго и весьма глупаго лѣсного капитана. Ко всему этому я такъ привыкъ, что даже могу бесѣдовать съ этими господами, когда въ этомъ нѣтъ

рѣшительно ни потребности, ни необходимости. Кончивъ съ Палатой, т. е. убѣдившись, что тамъ мнѣ рѣшительно дѣлать нечего, поѣхали въ трактиръ Вѣну послушать органъ. Я давно не слышалъ музыки; валъ за валомъ проиграли все: и Гурилева, 'и Верди съ Доницети, и даже польки Герца. чтеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ шло своимъ порядкомъ, такъ же, какъ и чай.

Не знаю, что повернуло меня, музыка или рѣчь Я. Грота выпускнымъ студентамъ лицея, но я отдался своей любимой мечтѣ: воспитанію и своимъ проповѣдямъ въ формѣ лекцій лѣсоводства. Только тутъ я чувствую себя на мѣстѣ; это мое дѣло и вопросъ моей жизни. Что будетъ изо всего этого? А можетъ быть найдутъ меня неспособнымъ, скажутъ, что о лѣсоводствѣ я говорю менѣе всего и друзья помогутъ спихнуть меня. Не понимаю. Не вѣрю, чтобы Арнольдъ считалъ лѣсоводство и таксацію дѣломъ. Изъ желанія не лишиться теплаго мѣста онъ обманываетъ себя. А если иначе, то онъ глупъ. Во всякомъ случаѣ убивать способности юношей больше чѣмъ преступленіе, заставлять задалбливать спеціальную дичь и творить лѣсничаго на счетъ человѣка — подлость непроходимая. Раскрыть глаза юношамъ, показать имъ, что лѣсоводство — знаніе очень простое, не составляющее *науки* въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это тупоумные нѣмецкіе и русско-нѣмецкіе лѣсничіе, объяснить имъ, что они такое, какое отношеніе ихъ ко всему окружающему, начиная, разумѣется, съ насъ, преподающихъ, на что должны они себя готовить и какъ долженъ создаваться лѣсничій, чтобы быть человѣкомъ и гражданиномъ — вотъ задача моя и вотъ что я буду проводить во всѣхъ своихъ лекціяхъ. Согласитесь, что мечтать обо всемъ этомъ — большое наслажденіе. Я чувствую, что буду на мѣстѣ, ибо пройдя всю школу лѣсную, я вынесъ на своихъ плечахъ пытку воспитанія и службы, проболѣлъ и за свое невольное лакейство и тупоуміе, и оскорбленіе отъ старшихъ и русскаго принципа. Наконецъ, открылись глаза. Неужели я скрою результаты, до которыхъ дошелъ? Невозможно. Слѣдовательно, понятно, что я буду поучать иначе, чѣмъ Длатовскій, Бекманъ и Арнольдъ. Вотъ въ чемъ моя гордость. А если прогонятъ, то тѣмъ лучше для Арнольда и Бекмана. Но нѣтъ; ихъ принципъ отжилъ;

еще сами они усидятъ на мѣстѣ, но ученіе ихъ умерло, а умершее не воскресаетъ.

Люля, понимаете ли Вы меня? я пишу несвязно и безтолково. Чувствуете ли Вы наслажденіе быть съ Веней и Машей; видѣть, какъ изъ каждаго изъ нихъ творится что-то сильное, свѣжее? Да. — Ну, и я тоже. Для меня нѣтъ выше наслажденія, какъ говорить съ юношей, я счастливъ только съ ними, и вотъ почему я могъ сидѣть у кондукторовъ въ Лисинѣ по цѣлымъ днямъ. Охъ, учители, учители! Они думаютъ, что воспитываютъ, заставляя долбить разницу между сосной и елью.

Да, новость! Воспитанники Лѣсного Института поднесли Арнольду какіе-тоб лагодарственные стихи. Не понимаю!“

Въ эту поѣздку мы пробыли за границей ровно годъ и, поселившись въ Петербургѣ, перестали заниматься музыкой, а отдались совершенно литературѣ. Полонскій, уже счастливый мужъ и отецъ маленькаго сына, не завѣдывалъ редакціей „Русскаго Слова“, а вмѣсто него Кушелевъ пригласилъ какого-то Хмельницкаго. Откуда появился этотъ Хмельницкій — никто не зналъ. Литературнаго ценза у него не было никакого, и достало только смысла обратиться къ М-ву, и шагу не дѣлать безъ его совѣта. М-въ былъ человѣкъ мягкій и безхарактерный, и хотя страшно сердился на появленіе какого-то коновала, какъ онъ говорилъ, въ литературѣ, но тѣмъ не менѣе помогалъ ему и дѣломъ и совѣтомъ. Въ эту зиму Хмельницкій былъ у насъ безвыходно. Кушелевъ задавалъ литераторамъ обѣды, и на этихъ обѣдахъ покупалъ разныя литературныя произведенія. За цѣною онъ не стоялъ, и за какую-то маленькую вещицу Писемскаго листа въ два или менѣе было заплачено 1.500 р. Я эту цифру очень хорошо помню, потому что она постоянно цитировалась. Какъ велись денежныя дѣла въ журналѣ, можно судить по инциденту со мной. Мнѣ былъ заказанъ переводъ трехтомнаго романа Фрейтага, и по полученіи рукописи все было уплачено, но романъ въ печати не появился, потому что большая часть рукописи оказалась потерянною. Масса рукописей пропадала такимъ образомъ.

Кушелевъ затѣялъ изданіе журнала, потому что самъ писалъ повѣсти, не находившія себѣ пріюта на страницахъ

другихъ журналовъ. Но, увы, редакторы, которыхъ онъ приглашалъ, или мягко уклонялись отъ печатанія его произведеній или прямо рѣзко отказывались, вслѣдствіе чего отношенія съ нимъ обострялись. Я помню, М. разсказывалъ, какъ графъ, описывая крайнюю бѣдность, говорилъ, что герой имѣлъ возможность ѣсть только одну котлету и пить красное вино. Литература была для болѣзненнаго аристократа забавой, которая ему наконецъ надоѣла, и онъ *подарилъ* свой журналъ Григорію Евлампіевичу Благосвѣтлову. Сначала рѣчь шла о продажѣ, но потомъ „Русское Слово" было просто подарено. И это лучшее, что графъ могъ сдѣлать, потому что Благосвѣтловъ несомнѣнно былъ умный человѣкъ и дѣло свое зналъ. Но это совершилось все послѣ.

Въ этотъ годъ явился къ намъ Пекарскій съ приглашеніемъ на свадьбу. Онъ женился на Лидіи Ѳоминишнѣ Кобеко. Послѣ свадьбы мы очень рѣдко видѣлись съ Пекарскимъ, и, можно сказать, даже совсѣмъ не видѣлись. У жены его были знакомые изъ совершенно другого общества, и знакомство, поддерживаемое рѣдкими визитами, несомнѣнно должно было прекратиться.

На смѣну старымъ знакомымъ являлись новые. Въ эту зиму 1859 года явился Сѣверцевъ, вернувшійся изъ плѣна у кокандцевъ, съ проткнутымъ ухомъ. Сѣверцевъ зачастилъ ко мнѣ такъ, что я его избѣгала принимать. Несмотря на всю свою ученость, это былъ человѣкъ дикій, и я даже не любила оставаться съ нимъ глазъ на глазъ. Кромѣ того, онъ былъ точно не отъ міра сего, а зачастую на него нельзя было сердиться, и все можно было объяснить его оригинальностью. Мнѣ въ его присутствіи разсказывали о немъ такой эпизодъ: въ Павловскѣ или гдѣ-то въ другомъ общественномъ паркѣ онъ шелъ по пятамъ за какой-то дамой, которая стала прибавлять шагу, и когда спутникъ ея хотѣлъ обратиться къ нему съ серіознымъ объясненіемъ, онъ вдругъ ударилъ даму по плечу, поймалъ какое-то крылатое насѣкомое и сталъ разсматривать его своими близорукими глазами. Это не выдумка, потому что онъ не отговаривался и объяснялъ только, что экземпляръ насѣкомаго былъ рѣдкій, и онъ давно желалъ имѣть его. Вѣроятно, это происшествіе кончилось какимъ нибудь скандаломъ, потому что о концѣ его всегда умалчивалось.

Наша прислуга не называла Сѣверцева иначе, какъ сумасшедшимъ.

Къ этому времени, то-есть къ началу шестидесятаго года, индифферентизмъ сталъ сильно преслѣдоваться, и сидѣть между стульями не дозволялось, надо было сѣсть либо на правый, либо на лѣвый стулъ. Это давленіе я испытала на себѣ.

У меня былъ двоюродный братъ, женатый на моей же двоюродной сестрѣ—они были лютеране. Они относились ко мнѣ, какъ къ кровной родной, и являлись безъ всякаго зова на наши среды. Но, такъ какъ кузенъ мой служилъ въ третьемъ отдѣленіи, то мнѣ сказали прямо, что считаютъ невозможнымъ къ намъ ходить, и чтобы я сдѣлала выборъ между всѣми моими знакомыми и чиновникомъ, котораго мы сами боялись. Выборъ сдѣлать было не трудно, но сказать открыто объ этомъ было ужасно трудно, и я все-таки сказала, но, конечно, нажила себѣ непримиримаго врага, котораго черезъ много-много лѣтъ увидала только уже на столѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ и въ мундирѣ со звѣздами. Примирить разницу въ воззрѣніяхъ въ то время было невозможно. Молодежь страшно горячилась, и слова: если ты не съ нами—ты подлецъ, были ея лозунгомъ. У меня въ ту зиму жилъ братъ студентъ, Михаэлисъ. Онъ не захотѣлъ оставаться въ лицеѣ и поступилъ въ университетъ. Должно быть, онъ пользовался въ университетѣ значеніемъ, потому что разъ вечеромъ пришелъ къ М-ву Добролюбовъ и сказалъ, что пришелъ познакомиться со студентомъ Михаэлисомъ, о которомъ много слышалъ. Добролюбовъ, услыхавъ, что въ университетѣ есть умный студентъ, не ждалъ, чтобы онъ пришелъ къ нему на поклонъ, а самъ пошелъ его разыскивать.

Въ это лѣто мы жили на дачѣ въ Гатчинѣ, куда М. привезъ Полонскаго прямо съ похоронъ его жены, для того чтобы онъ прожилъ у насъ нѣкоторое время, но черезъ два дня Полонскій уѣхалъ, говоря, что не можетъ сидѣть спокойно. Эта осень была для меня очень несчастливой, потому что отъ паралича у меня отнялись ноги, и я мѣсяцевъ 5—6 лежала неподвижно на спинѣ. Никто изъ лѣчившихъ меня врачей не подавалъ надежды на полное выздоровленіе, и если мнѣ случалось видѣть во снѣ, что я хожу, то, проснувшись, я начинала горько плакать. Профессоръ Китеръ, по-

чтенный старикъ, лѣчившій меня, былъ большой противникъ женскаго образованія и развитія, и постоянно называлъ меня въ насмѣшку „ученой женщиной".

— Я глубоко убѣжденъ,—не разъ говорилъ онъ мнѣ,—что будь вы простой свѣтской дамой, вы прекрасно бы рожали дѣтей и прекрасно бы кормили ихъ. А вотъ на васъ я вижу, что ученой женщинѣ это безнаказанно не дается.

Еслибы Китеръ былъ живъ теперь, то могъ бы убѣдиться, что дѣйствительно ученыя женщины прекрасно и родятъ и кормятъ дѣтей.

Чтобы доставить мнѣ какое нибудь развлеченіе, ко мнѣ въ комнату поставили обѣденный столъ, и я могла принимать участіе въ общемъ разговорѣ, а разговоры велись уже не только литературные, но и общественные, и, конечно, преимущественно объ освобожденіи крестьянъ.

Мужъ кормилицы моего сына служилъ печатникомъ въ сенатской типографіи и по воскресеньямъ часа на два приходилъ къ женѣ. Въ одно такое воскресенье сказалъ онъ, что не придетъ теперь цѣлый мѣсяцъ. Имъ заявили, что отпускаться изъ типографіи они не будутъ неизвѣстно сколько времени, потому что будутъ что-то печатать. Что-то о волѣ, говорятъ, прибавилъ онъ.

Дѣйствительно, въ февралѣ мѣсяцѣ былъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Разговоровъ до обнародованія этого манифеста была масса. Тогда очень много говорили о молодомъ Серно-Соловьевичѣ, Николаѣ Александровичѣ, служившемъ въ государственномъ совѣтѣ и работавшемъ надъ вопросомъ объ освобожденіи. Онъ былъ очень недоволенъ воззрѣніями комиссіи и твердо вѣрилъ, что, еслибы ему удалось поговорить съ государемъ, то все пошло бы иначе.

Впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ привелъ мысль свою въ исполненіе. Онъ написалъ записку на высочайшее имя и поѣхалъ съ нею въ Царское Село, гдѣ въ то время жила царская фамилія. Узнавъ, когда государь гуляетъ въ паркѣ, онъ отправился туда, и дѣйствительно въ одной изъ аллей увидалъ государя съ которымъ-то изъ его сыновей. Серно-Соловьевичъ пошелъ за ними и слышалъ, какъ маленькій великій князь говорилъ государю.

— Онъ идетъ за нами.

Государь продолжалъ итти молча.

— Онъ идетъ за нами,—повторилъ мальчикъ.

Государь вдругъ обернулся и строго сказалъ:

— Что вамъ надо?

— Хочу подать вашему величеству записку,—отвѣчалъ Серно-Соловьевичъ, подавая бумагу.

— Для этого есть канцелярія,— сказалъ императоръ и повернувшись пошелъ.

Серно-Соловьевичъ за нимъ.

— Онъ опять идетъ за нами, — проговорилъ маленькій великій князь.

Государь обернулся.

— Что вамъ надо?—крикнулъ онъ.

— Хочу подать записку вашему величеству въ руки.

— Какъ ваша фамилія?

— Серно-Соловьевичъ, ваше величество.

— Отдайте записку дежурному, а я вамъ даю слово, что, вернувшись съ прогулки, прочту ее.

Серно-Соловьевичъ поклонился и ушелъ.

Черезъ недѣлю онъ былъ вызванъ куда-то, теперь ужъ я не помню, и получилъ такой отвѣтъ:

— Государь прочелъ вашу записку и велѣлъ васъ поцѣловать.

Но принесла ли крестьянамъ пользу эта записка, я не знаю.

Чернышевскій очень любилъ Серно-Соловьевичей и хотѣлъ непремѣнно, чтобы мы съ ними познакомились.

Чернышевскій познакомился съ М—вымъ на первой же лекціи въ университетѣ. М., получивъ домашнее образованіе, не могъ поступить студентомъ и слушалъ лекціи въ качествѣ вольнослушателя. Видя подлѣ себя невзрачнаго, близорукаго и малокровнаго студента въ старенькомъ форменномъ сюртукѣ, онъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы вѣрно второгодникъ?

— Это вы предполагаете, видя на мнѣ старый сюртукъ?

— Да.

— А я купилъ его на толкучкѣ.

Съ этихъ словъ между ними завязалась дружба, продолжавшаяся до смерти.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій былъ бѣлокурый съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, средняго роста человѣкъ. Онъ былъ

страшно близорукъ и разсѣянъ. Еслибы жена его, Ольга Сократовна, не заботилась о его туалетѣ, то онъ ходилъ бы, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, даже и при этомъ онъ зачастую являлся такимъ растерзаннымъ, что мужчинамъ приходилось заботиться о немъ.

Когда я къ концу февраля могла чуть-чуть передвигать ноги, опираясь на костыли, Чернышевскій привелъ къ намъ Серно-Соловьевича, Александра, человѣка блестящаго, именно блестящаго ума, энергичнаго и красиваго, хотя очень небольшого роста. Одинъ нашъ старый знакомый, Иванъ Карловичъ Гебгардтъ, увидавъ его какъ-то, спросилъ у меня:

— Какъ фамилія этого Кассіо?

Онъ дѣйствительно имѣлъ видъ заговорщика, и ни въ какія сдѣлки съ совѣстью не входилъ. Въ это же самое время у насъ стала появляться масса молодежи, между прочимъ, Владиміръ Онуфріевичъ Ковалевскій, впослѣдствіи профессоръ, мужъ Софьи Васильевны. Это былъ прелестнѣйшій человѣкъ, жизнь котораго была сцѣпленіемъ несчастій. Можно сказать, что судьба несправедливо преслѣдовала его.

Я могу сообщить кое-что изъ его біографіи. Между его отцомъ и матерью были какіе-то нелады, которые огорчали Ковалевскаго, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Отецъ его, вѣроятно, имѣлъ средства, потому что могъ содержать двухъ сыновей, окончившихъ уже курсъ, и Владиміръ не поступилъ на службу по окончаніи правовѣдѣнія, а уѣхалъ за границу, и слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ. Онъ былъ близкимъ человѣкомъ въ домѣ моихъ родителей, влюбился въ мою сестру Марію и сдѣлался ея женихомъ. Свадьба эта разошлась самымъ страннымъ образомъ. Оба они до самой смерти ни однимъ словомъ не разъяснили, почему разошлись.

Часа за два до вѣнчанія, передъ тѣмъ, чтобы одѣваться, женихъ и невѣста завели какой-то разговоръ, послѣ чего пришли къ матери и заявили, что свадьбы не будетъ, что они расходятся. Это дѣло было въ деревнѣ. Ковалевскій уѣхалъ, и потомъ, несмотря на всю свою дружбу ко мнѣ, онъ говорилъ мнѣ только, что любитъ Марью Петровну. Сестра моя тоже любила его, но въ эту любовь замѣшался какой-то принципъ.

Года черезъ три или четыре, а, можетъ, быть, и меньше, когда сестра моя была уже замужемъ за Богдано-

вичемъ, въ деревнѣ было получено письмо на имя матери отъ Ковалевскаго. Онъ писалъ ей, что встрѣтилъ удивительную дѣвушку Корвинъ-Крюковскую, которая хочетъ учиться, но родители не пускаютъ ея, и просилъ мать мою взять ее къ себѣ и дать пріютъ. Мать моя съ полнымъ сочувствіемъ откликнулась на это письмо. Но Софья Васильевна къ намъ въ деревню не пріѣхала, а затѣмъ Ковалевскій написалъ, что они порѣшили заключить фиктивный бракъ. Въ то время фиктивные браки начали входить въ моду. Фиктивный бракъ былъ заключенъ, и Ковалевскіе поѣхали учиться за границу. Они учились оба, и, какъ говорилъ мнѣ Ковалевскій, онъ учился, потому что ему было совѣстно передъ женою за свое невѣжество. И вотъ тутъ-то начался новый романъ. Ковалевскій, фиктивный мужъ, влюбился въ свою жену и былъ трагически несчастенъ.

Хотя человѣкъ онъ былъ идейный, но въ немъ была сильна жилка спекулятора, за что онъ подвергался сильнымъ нападкамъ извѣстнаго кружка. Сначала онъ взялся за изданія, и Бремъ его шелъ отлично, потомъ онъ взялся за постройку дома и бань, и тутъ онъ все потерялъ, потому что планы были большіе, а денегъ на оборотъ недостало. Такимъ образомъ, спекуляціи ему не удались, а между тѣмъ люди, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ, косо смотрѣли на его неидейныя предпріятія, и, сколько мнѣ извѣстно, это и свело его въ могилу. Онъ лишилъ себя жизни, будучи профессоромъ или доцентомъ при Московскомъ университетѣ, и лишилъ оригинальнымъ способомъ, а именно до смерти надышался хлороформомъ. А. С. Суворинъ написалъ его некрологъ, во многихъ отношеніяхъ очень вѣрный.

Два брата Серно-Соловьевичи кончили жизнь тоже очень печально. Старшій братъ Николай Александровичъ вышелъ въ отставку и завелъ книжный магазинъ, потомъ перешедшій къ Черкесову, и затѣмъ былъ замѣшанъ въ какое-то дѣло и умеръ отъ тифа въ Иркутскомъ острогѣ.

Второй братъ, Александръ, предвидя арестъ, успѣлъ уѣхать за границу, гдѣ онъ прожилъ лѣтъ пять, то въ больницѣ, то на свободѣ, такъ какъ онъ былъ душевнобольнымъ, какъ была душевнобольной и его мать, и затѣмъ кончилъ дни свои самоубійствомъ. Онъ покончилъ съ собой угаромъ.

Весною того года меня въ буквальномъ смыслѣ слова увезли за границу. Мы поѣхали большой семьей, и въ Берлинѣ

М—въ привелъ ко мнѣ Бертольда Ауэрбаха, которому интересно было познакомиться съ переводчицей его Шварцвальдскихъ разсказовъ.

Ауэрбахъ былъ маленькимъ толстенькимъ евреемъ съ выпуклыми глазами. Онъ непремѣнно хотѣлъ намъ показать городъ, и мы ѣздили съ нимъ по разнымъ садамъ въ ландо. Его забавляло, что нашу кормилицу, одѣтую въ русское платье и кокошникъ, его знакомые принимали за шварцвальдскую крестьянку.

Ауэрбахъ былъ царедворцемъ, но не настоящимъ врожденнымъ царедворцемъ, а попавшимъ въ господа изъ мѣщанъ. Онъ съ перваго же дня нашего знакомства выразилъ желаніе, чтобы я познакомилась съ его женою, и при этомъ прибавилъ:

— Meine Frau ist ja doch eine „von".

Сначала я даже не поняла, что это значило, и только услыхавъ въ тотъ же день раза четыре тотъ же самый припѣвъ, я уразумѣла, что онъ указывалъ мнѣ, что его жена фонъ, то-есть дворянскаго рода. Изъ русскихъ я мало кого встрѣчала, кичившагося своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, и потому въ душѣ не могла не смѣяться, когда онъ мнѣ разсказывалъ о той роли, которую жена его играла при разныхъ маленькихъ дворахъ. Онъ впродолженіе нашего пятидневнаго знакомства много, много разъ разсказывалъ мнѣ, какъ Августа, въ то время только королева прусская, встрѣтивъ его жену, взяла съ нея шаль и собственноручно положила ее куда-то. Послѣ того жена его почувствовала себя, какъ дома.

— Не правда ли, какъ это было деликатно и мило? Nicht wahr?—спрашивалъ онъ.

Потомъ я познакомилась и съ этой „фонъ", и она съ своими фанаберіями заставила мужа проиграть одно дѣло.

Некрасовъ хотѣлъ купить у него романъ въ рукописи для перевода, и Ауэрбаху это очень улыбалось, такъ какъ цѣна была хорошая. Долго шли переговоры, и наконецъ уже къ осени мнѣ дана была довѣренность заключить съ нимъ условіе.

Уѣзжая въ Россію, я остановилась для этого въ Берлинѣ и отправилась къ Ауэрбаху. Самого Ауэрбаха въ Берлинѣ не было, а жена его была дома. Отворившая мнѣ дверь горничная сказала:

— Madame ist nicht su sehen.

Я разсказала горничной, въ чемъ дѣло, что я уѣзжаю, что мнѣ надо переговорить, что это дѣло важно для нихъ, а не для меня; горничная все это передала и вернулась съ тѣмъ же самымъ отвѣтомъ, что барыню видѣть нельзя, и что она принимаетъ обыкновенно по средамъ отъ четырехъ до шести. Эта великосвѣтская глупость страшно взбѣсила Николая Васильевича, и мы въ тотъ же день уѣхали изъ Берлина.

Потомъ Ауэрбахъ выходилъ изъ себя, завелъ объ этомъ переписку, но продажа ему уже не удалась. Черезъ нѣсколько лѣтъ къ нему зачѣмъ-то ѣздилъ Гербель, и потомъ безъ негодованія не могъ о немъ говорить. Онъ разсказывалъ, что подобной напыщенности трудно себѣ представить, и напыщенность эта становится особенно противна, когда подумаешь, что этотъ человѣкъ писалъ такіе простые и прелестные деревенскіе разсказы.

Изъ Берлина мы проѣхали прямо въ Наугеймъ, гдѣ я должна была лѣчиться.

Лѣченіе мое шло чрезвычайно удачно, и я уже ходила съ однимъ костылемъ и съ палкой. Пріѣхавъ въ Парижъ, я какъ-то вечеромъ сидѣла одна, когда ко мнѣ пришелъ Ковалевскій и сталъ звать меня гулять на бульваръ.

— Что за гулянье, когда всѣ смотрятъ на молодую женщину на костыляхъ!

— А мы костыль бросимъ. Я возьму васъ подъ руку и буду крѣпко держать, а въ другую руку вмѣсто палки вы возьмите зонтикъ. Никто не замѣтитъ.

Мы такъ и отправились. Прогулка вышла удачною, и съ этого дня я бросила костыль, и до шестидесяти пяти лѣтъ ходила безъ костылей и не всегда даже съ палкой.

Вернувшись въ августѣ въ Петербургъ, мы попали въ самый круговоротъ. Все было недовольно, все кругомъ говорило о реформахъ.

Послѣ дѣла М—ва Н. В. не оставляли въ покоѣ, и въ министерствѣ рѣшено было какимъ бы то ни было образомъ выпроводить его изъ Петербурга. Министръ Зеленый упрашивалъ, именно упрашивалъ его ѣхать въ Астрахань. Министръ Зеленый былъ добрый человѣкъ, и потому уговаривалъ Шелгунова не выходить въ отставку, зная, что съ

неслужащимъ церемониться не будутъ. Н. В., однако же, ѣхать въ Астрахань не согласился, а подалъ въ отставку. Поступить иначе онъ не могъ.

Послѣ отъѣзда брата и М-ва громадная квартира наша казалась намъ какой-то могилой, и мы переѣхали въ три маленькія комнатки, гдѣ у насъ бывалъ Чернышевскій. Чернышевскій поддерживалъ наше намѣреніе ѣхать въ Сибирь. Онъ очень любилъ Н. В. и понималъ состояніе его духа.

Чтобы достать средства для отправки М-ва со всѣми удобствами и для обезпеченія его жизни въ каторгѣ, мы пустили въ лотерею часть его очень большой библіотеки, а другую часть отправили къ нему въ Сибирь.

Весною мы уѣхали въ Сибирь. Ѣхали мы два мѣсяца, и Шелгуновъ описалъ эту поѣздку въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Словѣ“ подъ заглавіемъ: „Сибирь по большой дорогѣ“.

Въ Красноярскѣ мы остановились, чтобы отдохнуть, вымыть кое-что изъ бѣлья и поправить тарантасъ.

Городъ произвелъ на меня впечатлѣніе чего-то хорошаго и чистенькаго. Утромъ я увидала въ окно проѣзжавшаго мимо на извозчикѣ господина, до того оригинальнаго, что я подозвала къ окну Николая Васильевича. Это былъ довольно полный господинъ, съ длинною черною съ просѣдью бородой и съ длинными, лежавшими по плечамъ волосами. Черные, большіе выпуклые глаза, очевидно, были очень близоруки, и потому человѣкъ этотъ носилъ большія круглыя очки. Одѣтъ онъ былъ въ широкій бѣлый балахонъ. Мы на него подивились, а Николай Васильевичъ, вернувшись потомъ домой, сказалъ мнѣ:

— Знаешь, вѣдь это проѣхалъ давеча Петрашевскій. Онъ сейчасъ придетъ.

Петрашевскій съ нами очень подружился. Онъ былъ блестящаго ума человѣкъ, но у него положительно была idée fixe, а именно законность, и что все должно дѣлаться на законномъ основаніи. Отбывъ каторгу, онъ вступилъ въ пререкательство чуть ли не съ сенатомъ, что осуждены всѣ они были противозаконно.

Эта законность довела его въ этомъ же году до острога, въ которомъ ему пришлось посидѣть, къ счастью, недолго,

и куда его засадили мѣстныя власти, вѣроятно, для того, чтобы показать ему, что не все дѣлается въ нашемъ мірѣ на законномъ основаніи.

Въ Нерчинскѣ насъ ждалъ братъ М-ва, горный инженеръ Петръ Ларіоновичъ М-въ, на пріискѣ котораго (Казаковскій пріискъ) и жилъ каторжный Михаилъ Ларіоновичъ. Въ нашъ тарантасъ запрягли пятерку лошадей, съ парой на выносъ и съ форейторомъ, и мы выѣхали изъ города еще засвѣтло и буквально понеслись въ какой-то бѣшеной ѣздѣ по горамъ. Когда совсѣмъ стало темно, мы слышали только такіе неутѣшителъные переговоры.

— Паря! видишь что нибудь?— кричалъ кучеръ.

— Ни зги не вижу!—отвѣчалъ форейторъ.

Но, тѣмъ не менѣе, лошади неслись вскачь, и благополучно въѣхали на деревенскую улицу и повернули во дворъ, гдѣ остановились у крыльца. Стукъ колесъ и крики ямщиковъ услышаны были въ домѣ, и по всѣмъ окнамъ замелькали огоньки.

Когда мы подошли къ дому, на крыльцѣ стоялъ Михайловъ. Онъ жилъ, какъ частный человѣкъ, у брата. Въ домѣ, очень небольшомъ, всѣ мы и помѣстились, и, конечно, стѣснили хозяина, но на это онъ не жаловался, потому что мы внесли большое разнообразіе въ жизнь молодого офицера, жившаго на уединенномъ пріискѣ. На пріискѣ около этого времени случилась удивительная покража. Изъ каменнаго зданія-павильона безъ оконъ и съ одною желѣзною дверью, у которой стоялъ постоянно караулъ, было украдено все находившееся тамъ въ банкѣ золото. Подозрительные люди были посажены, но что съ ними ни дѣлали—ничто не помогало. Наконецъ-то рѣшили посадить ихъ вмѣстѣ и слушать разговоръ. Это средство оказалось удачнымъ. Преступники между собой перессорились и, упрекая другъ друга, выдали тайну. Но куда они дѣли золото? Они свезли въ лѣсъ, гдѣ былъ поднятъ кустъ, уже снова заросшій, и подъ кустомъ оказалась банка съ золотомъ. Въ павильонъ же они попали посредствомъ подкопа.

На Казаковскомъ промыслѣ мы спокойно прожили очень недолго, т. е. мѣсяца два. Въ одно прекрасное утро — я пишу—прекрасное, потому что въ Забайкальѣ, несмотря на холодъ, почти всегда ясно — прискакалъ верховой съ эста-

фетой на имя Петра Ларіоновича. Эта эстафета (казенная) была такого содержанія: „Черезъ Байкалъ я переѣзжалъ на пароходѣ съ жандармскимъ полковникомъ Дувингомъ, который ѣдетъ въ ваши мѣста. Зная, что у васъ живутъ какіе-то гости изъ Петербурга, счелъ нужнымъ предупредить васъ. Князь Дадешкиліанъ".

Это былъ сосланный кавказскій князь, занимавшій какую-то должность при генералъ-губернаторѣ. Надо было имѣть немалую гражданскую храбрость, чтобы сдѣлать такую вещь. Рискованно было послать такую эстафету.

Мы тотчасъ же стали прибирать свои бумаги, а Михаила Ларіоновича братъ его перевелъ въ больницу, устроилъ тамъ ему кровать и надъ кроватью надписалъ его фамилію. Но все-таки Дувингъ засталъ всѣхъ насъ вмѣстѣ въ саду и объявилъ намъ и показалъ двѣ бумаги: по одной изъ нихъ арестовывался полковникъ Шелгуновъ, а по другой жена его, по высочайшему повелѣнію. Насъ предположено было увезти въ Верхнеудинскъ и посадить тамъ въ острогъ. Перспектива далеко не отрадная, и потому мы возстали противъ этого всѣми силами. Прежде всего я ушла къ себѣ въ комнату, легла, и такъ какъ ноги у меня дѣйствительно еще были плохи, то я прямо заявила, что не могу встать. Дувингъ живетъ у насъ день, живетъ два, а я все лежу. Наконецъ, на домашнемъ совѣтѣ, который происходилъ по ночамъ въ моей комнатѣ, было рѣшено, что мы предложимъ Дувингу оставить насъ подъ домашнимъ арестомъ на мѣстѣ.

На другое утро Дувингу это было предложено, но онъ рѣшительно отказался и потребовалъ, чтобы было послано за докторомъ. М—въ написалъ записку, и нарочный былъ посланъ къ доктору, о которомъ мы понятія не имѣли. Докторъ, фамилію котораго я, къ большому своему сожалѣнію, забыла, пріѣхалъ въ тотъ же день, и первыя слова его были:

— Хорошую ли вы болѣзнь выдумали?

— Да мадамъ Ш-ва дѣйствительно больна.

— Только при одной болѣзни больную нельзя перевозить.

Докторъ вошелъ ко мнѣ, переговорилъ со мной и въ заключеніе сказалъ:

— Если потребуется еще докторъ, выбирайте поляка— не выдастъ.

Этотъ докторъ такъ не выдалъ, что Дувингъ бился, бился и затѣмъ согласился отвезти насъ въ сосѣднюю слободу за 15 верстъ, а прямымъ путемъ по тропинкѣ до нея было всего 6—7 верстъ. Чтобы онъ не могъ увезти насъ насильно, мы устроили такъ, что Ник. Вас. онъ увезъ раньше, а потомъ повезъ меня, а маленькаго сына Мишу мы пока оставили подъ предлогомъ нездоровья въ Казаковѣ.

Въ Ундинской слободѣ насъ оставили подъ присмотромъ казацкаго майора Рика и жандармскаго фельдфебеля. Майоръ Рикъ былъ добродушный человѣкъ, а фельдфебель понималъ, что рубли—деньги, и потому мы сравнительно были свободны, и М-въ почти жилъ у насъ.

Послѣ новаго года пришло приказаніе перевести насъ въ Иркутскъ и тамъ до дальнѣйшихъ распоряженій держать насъ подъ домашнимъ арестомъ.

И вотъ, простившись съ М—мъ, двинулись мы по сорока-градусному морозу въ Иркутскъ.

Болѣе мы съ М—мъ не видались. Онъ остался вѣренъ себѣ до конца дней своихъ. Какъ разсказывалъ мнѣ его братъ, Петръ Ларіоновичъ, присутствовавшій при его смерти, что и умеръ-то онъ вслѣдствіе своей доброты—безхарактерности, какъ самъ онъ называлъ свою доброту. Въ Каинскомъ пріискѣ былъ выстроенъ острогъ, и туда помѣстили политическихъ. М—въ уже выслужилъ свой срокъ, но послѣ него долженъ былъ еще досиживать какой-то полякъ, и онъ изъ дружбы къ нему остался въ сыромъ острогѣ, и во время своего добровольнаго заключенія получилъ Брайтову болѣзнь, отъ которой и умеръ. За нѣсколько дней до смерти къ нему пріѣхалъ его братъ Петръ, и больной сказалъ ему, чтобы онъ взялъ съ полки связанныя и приготовленныя бумаги и передалъ ихъ мнѣ въ руки. Братъ далъ ему слово, что бумаги будутъ переданы мнѣ, и слово это сдержалъ, хотя изъ комнаты покойника ему пришлось выйти съ револьверомъ въ рукахъ.

И вотъ этотъ добрый, этотъ хорошій человѣкъ, способный на высокіе подвиги самопожертвованія, лежитъ теперь въ далекой Сибири подъ простымъ крестомъ.

Объ арестѣ нашемъ знала вся мѣстная Сибирь, то-есть все Забайкалье, и поэтому неудивительно, что, когда мы пріѣхали въ Читу, то со станціи, по распоряженію губернатора

Кукеля, насъ привезли на частную квартиру офицера Малиновскаго, гдѣ мы расположились, какъ дома.

На другое утро къ намъ пришелъ декабристъ Завалишинъ и принесъ мнѣ чудесный букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

— Вотъ видите,—послѣ перваго привѣтствія сказалъ Завалишинъ:—какіе цвѣты цвѣтутъ въ глухой Сибири въ январѣ мѣсяцѣ. Не забывайте этого.

Я свято сохранила просьбу старика не забывать этого. Фигура Завалишина до сихъ поръ рисуется передо мною, какъ живая. Онъ былъ очень уменъ, любилъ говорить не столько о днѣ 14-го декабря, сколько о послѣдующихъ дняхъ, и говорилъ увлекательно и хорошо. Но онъ оригиналенъ былъ по своей одеждѣ. Онъ сохранилъ фасонъ всего, какой носили въ 25-мъ году. Съ нимъ жили его двѣ сестры, старыя дѣвицы, которыя и шили ему его платье по старымъ выкройкамъ. Рукава были съ высокими сборками на плечахъ. Но любопытнѣе всего былъ картузъ съ прямымъ козырькомъ.

Въ Иркутскѣ насъ посадили въ двѣ комнатки и держали неимовѣрно строго. Даже не позволяли выходить гулять по дворику. Мы, разумѣется, протестовали, и вскорѣ арестъ съ насъ былъ снятъ, и мы переѣхали на частную квартиру.

Можно сказать, что мытарства наши этимъ не кончились, а только что начались. Н. В. повезли въ Петербургъ, и за часъ до нашего отъѣзда начальство нашло, что въ новой присланной бумагѣ обо мнѣ не говорилось, слѣдовательно, меня нельзя было отпустить изъ города. Телеграфа тогда не было, и разъясненія спросить было нельзя, и потому я осталась одна съ ребенкомъ и съ няней въ Иркутскѣ.

Съ этого времени у насъ снова началась переписка съ Н. В., и я могу отступить на второй планъ.

1863 г.

Прочелъ сейчасъ еще разъ твое письмо, и такъ мнѣ хорошо стало. Когда я еще былъ очень маленькимъ, мнѣ разсказывала бабушка, а, можетъ, и кто другой, что въ былые годы человѣкъ иногда превращался въ муху. Это обыкновенно дѣлывали молодые влюбленные мужчины и залетали они въ терема къ предмету своей страсти. Нынче такихъ превращеній съ людьми не бываетъ, даже злые люди перестали превращаться въ змѣй-горынычей. А куда какъ хорошо это было бы и нынче!

Сегодня я вообще доволенъ. До чаю, т. е. къ половинѣ восьмого, я успѣлъ перевести 12 страницъ, по времени могъ бы еще, да заболѣла грудь. Но я доволенъ и двѣнадцатью, и еще осталось у меня довольно времени, чтобы походить и помечтать о тебѣ и о Мишѣ. Смѣшитъ онъ меня своими разговорами. Странно, что я не могу никакъ припомнить его лица; у меня остались въ памяти преимущественно его сапоги съ красными отворотами и его способъ ступанія въ нихъ на всю ступню прямо, сразу, да весь шикъ его широкихъ штановъ и распущенной рубашки. Ты пишешь, что онъ краснѣетъ, когда горячится, а отчего онъ горячится? Думаю—оттого же, отчего горячился и Веня; я и не умѣю вообразить теперь Мишу иначе, какимъ былъ Веня маленькимъ.

У тебя два или одинъ томъ Шлоссера? Мнѣ помнится, что кромѣ XVIII, ты писала и о XVI? Если это такъ—оставь одинъ для меня; съ своей работой я буду готовъ совсѣмъ къ 15 августа и тогда бы принялся еще за переводъ; а при усидчивости и монастырской жизни своей кончилъ бы томъ въ полтора мѣсяца, т. е. къ 1 октября. Только неужели меня продержатъ такъ долго, или хоть бы держали, да сказали бы, по крайней мѣрѣ, сколько будутъ держать. Эта же неизвѣстность и характеръ великой таинственности, который придается у насъ судебнымъ дѣламъ, самая мучительная и тяжелая ихъ сторона. Впрочемъ, я, кажется, одна изъ послѣднихъ жертвъ этого отживающаго порядка, потому что съ богласнымъ и словеснымъ судопроизводствомъ наступитъ и болѣе скорый и менѣе непріятный порядокъ. Почти ужъ годъ, какъ тянется дѣло. Легко сказать! Только къ чему я пишу все это? Лучше я вотъ о чемъ попрошу тебя: напиши къ моей маменькѣ письмо, да что нибудь придумай въ оправданіе моего молчанія. Писать же о томъ, гдѣ я,—только пугать напрасно старушку.

Насчетъ отзывовъ о моихъ статьяхъ, хотя слышать и пріятно, но я не знаю, о какихъ именно идетъ рѣчь. А вмѣстѣ съ тѣмъ жду нетерпѣливо оттиски; если у тебя есть „Русское Слово", ты бы вырвала ихъ да прислала („Сибирь по большой дорогѣ" у меня есть, а что послѣ). Кстати о

„Русскомъ Словѣ“: литературный отдѣлъ тамъ весьма печаленъ и грустенъ, плаксивый характеръ придаетъ ему Витковскій своими тоску наводящими повѣстями. Не понимаю, зачѣмъ редакція гнушается переводныхъ романовъ? Да, не мѣшало бы ей взять примѣръ съ „Времени“, которое поняло весьма вѣрно, что нужно давать интересное чтеніе, разумѣется, со смысломъ, котораго у „Времени“ оказывается въ наличности немного. Сегодня просилъ отправить въ „Русское Слово“ свою статью „Новые люди“. Она была готова у меня еще 11 числа; но какъ ты не отвѣтила мнѣ на просьбу о совѣтѣ, посылать ее или нѣтъ, то я и послалъ; а впрочемъ, можетъ быть, медлилъ и не по этой причинѣ, а просто потому, что становлюсь старъ; старики же всѣ въ родѣ Фабія Кунктатора.

25 іюля.

Мнѣ разрѣшено съ тобой видѣться, но *только* съ тобой, въ мѣсяцъ три раза, или каждые десять дней одинъ разъ. Когда будетъ тебѣ можно, пріѣзжай. Хотя можно видѣть мнѣ и Мишуньку, но... я представилъ себѣ, что для этого его нужно будить рано, везти не во-время, оторвать отъ сада и занятій, однимъ словомъ — нарушить весь бытъ маленькаго мальчика, и для чего — чтобы привезти въ пыльный Петербургъ, гдѣ онъ, пожалуй, еще захвораетъ. Поэтому я думалъ бы не возить его теперь, а тамъ посмотримъ. Впрочемъ, какъ ты рѣшишь, такъ и быть тому.

7 октября.

Статьи мои разрѣшено печатать. Поэтому я прошу тебя, голубчикъ, распорядиться такъ: самой тебѣ ѣхать, разумѣется, трудно, а потому попроси Машу пріѣхать къ г. коменданту и получить отъ него статьи, а затѣмъ отправь ихъ въ „Русское Слово“. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это сдѣлалось какъ можно скорѣе; можетъ быть, одна изъ статей успѣетъ для сентябрской книжки.

Всѣхъ статей три: 1) „Литература и образованные люди“, 2) „Старый свѣтъ и Новый свѣтъ“ и 3) „Начала общественнаго быта“. Послѣднее заглавіе неудачно, т. е. неясно, придется его измѣнить. По моему соображенію, въ нихъ должно быть листовъ восемь или даже болѣе. Поэтому понятно, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы онѣ были помѣщены всѣ

и всѣ въ нынѣшнемъ году. Попроси Благосвѣтлова увѣдомить тебя, когда онѣ будутъ напечатаны, и статьи отдай въ собственныя руки редактора. Все боюсь, чтобы какъ нибудь не затерялись. Скажи ему, что написаны по его заказу. А что дѣлаетъ моя статья о Сибири? Будетъ ли она напечатана и когда, пожалуйста, увѣдомь. Ужъ такъ будетъ жаль, если не напечатается; въ ней около 6 листовъ. Какъ получишь мои теперешнія статьи и доставишь ихъ въ редакцію, пожалуйста, увѣдомь тотчасъ же и перечисли заглавія.

12 октября.

Милый мой другъ Людя! Всѣ твои письма получилъ и крѣпко тебя за нихъ цѣлую, такое они мнѣ доставили удовольствіе. За съѣстные запасы очень тебѣ благодаренъ. А запасами ихъ называю потому, что они поразили меня своимъ обиліемъ и разнообразіемъ.

Ты мнѣ предлагаешь 18 томъ. Очень тебѣ благодаренъ и съ радостью принимаю эту работу. Только зачѣмъ ты меня обидѣла напоминаніемъ, чтобы я переводилъ хорошенько? Милый мой голубчикъ, развѣ ты не знаешь меня: я работаю всѣми силами и честно, а если можетъ выйти неудача, то не отъ недостатка добросовѣстности—въ этомъ ужъ виноваты мои способности: значитъ, не въ состояніи лучше. Я работаю всѣми силами ума и всѣмъ сердцемъ, а если статья выйдетъ плоха, то ужъ, разумѣется, не потому, чтобы я хотѣлъ этого, а потому, что не достало силы. Если ты довольна этимъ моимъ объясненіемъ, то привези предлагаемый томъ и въ добросовѣстности моей не сомнѣвайся. Но какую половину ты мнѣ уступаешь: первую или послѣднюю? Мнѣ бы хотѣлось съ заглавнымъ листомъ, потому что тогда начальству виднѣе, что это за рукопись, и слѣдовательно она придетъ къ тебѣ скорѣе.

Вышла ли изъ цензуры моя статья о Сибири? Скоро ли появится сентябрьская книжка „Русскаго Слова“? Пожалуйста, какъ только выйдетъ, пришли ее ко мнѣ. Да не забудь „Тысячелѣтіе Россіи“ Павлова.

Узнай отъ редактора „Русскаго Слова“, доволенъ ли онъ моими послѣдними статьями, и когда онѣ будутъ помѣщены. Наконецъ, послѣдняя просьба: я прошу г. коменданта дозволить мнѣ возвратить тебѣ ненужныя книги: ихъ накопилось у

меня много, только занимаютъ даромъ мѣсто. Пожалуйста, какъ пріѣдешь 16-го, не забудь ихъ взять. Еще разъ цѣлую тебя за письма, но жду еще. Ты не повѣришь, какое они доставляютъ мнѣ удовольствіе. Расцѣлуй Мишуньку.

17 октября.

Ты пишешь, что у тебя есть англійская дѣтская книга по естественнымъ наукамъ. Отчего же ты ее не переводишь? Переведи и, если хочешь, я исправлю. Жакъ Араго былъ бы, думаю, тоже интересенъ. Если изданіе его пошло бы, то пришли, я попытаюсь составить изъ него что нибудь. Думаю объ изданіяхъ вотъ что: дѣтскія книги намъ нужны, и ихъ у насъ нѣтъ. Но составленіе ихъ — дѣло нелегкое; поэтому вмѣстѣ съ изданіемъ дѣтскихъ книгъ и съ прінсканіемъ способныхъ для того людей было бы недурно издавать учебники, преимущественно или, еще лучше того, исключительно принятые министерствомъ народнаго просвѣщенія для учебныхъ заведеній. Этимъ дѣломъ занимался до сихъ поръ Глазуновъ, но я не думаю, чтобы это было его исключительной привилегіей. Переговори съ какимъ нибудь тебѣ извѣстнымъ издателемъ; что же касается до дѣтскихъ, то я готовъ трудиться для этого дѣла, и если мой первый опытъ вышелъ бы неудаченъ, то, разумѣется, я не сталъ бы требовать за него вознагражденія. Лишь бы пошло дѣло: вотъ все, чего я желаю. Что касается до дѣтскихъ сказокъ, то нельзя ли сдѣлать что нибудь изъ собранія народныхъ сказокъ Аѳанасьева и др. Я знаю, что изъ многихъ сказокъ этихъ изданій не сдѣлаешь ничего дѣтскаго; но, можетъ быть, найдутся и годныя! Переговори и объ этомъ. Въ случаѣ возможности пришли мнѣ Аѳанасьева и другія собранія, а я въ видѣ опыта составлю изъ нихъ нѣсколько сказокъ и, если ихъ одобрятъ, сталъ бы продолжать. Хорошо бы успѣть къ Рождеству, это дѣтская пора, но сомнѣваюсь, потому что рукопись отъ меня къ тебѣ будетъ итти долго.

Жду тебя къ себѣ въ будущую пятницу и считаю каждый день, такъ мнѣ хочется съ тобой видѣться, и такъ мнѣ отрадно свиданье съ тобой.

28 октября.

Вчера, какъ ты и сама знаешь, выпалъ первый снѣгъ, который доставилъ мнѣ минутное удовольствіе, потому что

даже самое незначительное разнообразіе дѣйствуетъ благодѣтельно на мои нервы. Я подумалъ о Мишулькѣ. Думаю, что съ прошлой зимы онъ уже забылъ снѣгъ, а потому нынѣшній ему былъ новостью. Что онъ обрадовался, удивился? Ужъ нынче ему не придется кататься на салазкахъ, какъ прошлую зиму.

31 октября.

Милый мой дружокъ Людичка! Получилъ два твоихъ письма: одно съ книгой и булочными печеніями, а другое, отправленное тобою съ почтой. Письмо съ приложеніями было для меня особенно пріятно, вслѣдствіе большого разнообразія впечатлѣній. Разсортировавъ съѣдобное, я умилился особенно при видѣ ватрушекъ. Но, какъ человѣкъ чернорабочій, съ міросозерцаніемъ экономическимъ, я задался при этомъ вопросомъ о дѣлаемыхъ тобой на меня расходахъ. Не отвергая нисколько высокихъ достоинствъ нѣмецкаго булочника Вебера, я, тѣмъ не менѣе, признаю весьма положительныя качества и за русскими сайками и калачами, тѣмъ болѣе, что они гораздо дешевле. Разумѣется, они не въ состояніи замѣнить сладкихъ печеній, которыя служатъ у меня вмѣсто пирожнаго послѣ обѣда. Заботясь о своемъ желудкѣ съ такою же нѣжностью, какъ и о глазахъ, я дѣлю сласти на небольшія порціи, такъ что запасъ, привезенный тобою въ послѣдній разъ, тянется у меня и до сихъ поръ, ибо разсчитанъ до понедѣльника. Понятно, что сегодняшнее изобиліе нѣсколько измѣнило мои соображенія. Но такъ какъ изобиліе не бываетъ никогда излишнимъ, то, разумѣется, я радъ больше присылкѣ, чѣмъ если бы ея вовсе не было. Не думай, однако, чтобы юмористическій тонъ доказывалъ, что у человѣка на сердцѣ легко. Нынѣшняя недѣля мнѣ особенно тяжела. Пишется туго; впрочемъ, кончу къ понедѣльнику 1-ю статью. А будетъ она называться: „Россія до Петра Великаго“. Теперь, получивъ переводъ безъ обозначенія срока, когда онъ долженъ быть конченъ, я не знаю, за что приниматься: за продолженіе ли статьи или за исторію Америки. Узнай на счетъ срока.

6 ноября.

Получилъ твое письмо, получилъ VIII томъ и получилъ пирожныя. До слѣдующаго твоего пріѣзда прошу больше не присылать мнѣ ни лакомства, ни съѣстного, ибо явится уже

изобиліе, превышающее силы моего желудка. Хотя изъ патріотическаго чувства я и выразился въ пользу русскихъ саекъ и калачей, но теперь убѣдился опытомъ, что то было увлеченіе воображенія, рисовавшее сайки въ преувеличенномъ свѣтѣ. Онѣ больше хороши для воображенія, чѣмъ для желудка. Мой желудокъ больше нѣмецкихъ свойствъ, и сайки ему не подъ силу. Знаешь ли, что я не ѣмъ никогда чернаго хлѣба, потому что онъ трудно варимъ для меня. Эта новость явилась уже въ моей одинокой жизни, и, разумѣется, съ перемѣной жизни моей первой заботой будетъ позаботиться объ укрѣпленіи желудка.

Меня очень огорчаетъ, что я не могу сдѣлать для Миши пріятными наши свиданія. Если играть съ нимъ, — а для этого нужно возиться съ нимъ, а слѣдовательно имѣть силу, которой теперь у меня немного,—то придется мало говорить съ тобой, а когда займешься бесѣдой съ тобою, то для Миши не остается времени. Это мнѣ напоминаетъ самарскаго доктора,—фамилію его забылъ, — который звалъ утку глупымъ жаркимъ, потому что одной ему мало, а двухъ — много. Впрочемъ, относительно свиданія съ тобою и Мишунькой я отличаюсь еще большей жадностью, чѣмъ самарскій докторъ, потому что, еслибы можно было вмѣсто часу видѣться съ тобою шесть часовъ подрядъ, то и этого я не нашелъ бы излишнимъ. Совершенно, какъ бѣдный — относительно денегъ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

8 ноября.

Если издатели не захотятъ переводить находящуюся у меня нѣмецкую исторію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, то я бы сдѣлалъ изъ нея журнальную статью. Можно ли это?

Не знаю, какъ и начать письмо, чтобы однимъ словомъ выразить, какъ я тебя люблю и цѣню. Другъ Люля, милый другъ,—все это не то, что я чувствую. Знаешь ли, что твое вниманіе ко мнѣ тронуло меня до слезъ? Ты скажешь, что мои нервы разстроены отъ одинокой однообразной жизни. Пусть такъ, но въ такомъ случаѣ я бы хотѣлъ, чтобы относительно тебя мои нервы остались навсегда такими, какими они у меня теперь. Такъ бы и полетѣлъ къ тебѣ, чтобы расцѣловать твои ручки и моего милаго Мишульку. Вѣдь я только вчера вечеромъ по сильному колокольному звону догадался,

что сегодня праздникъ. И, спросивъ, узналъ, что Михайловъ день. Тогда я побранилъ себя за безпамятство и очень жалѣлъ, что въ письмѣ къ тебѣ не просилъ расцѣловать крошку именинника. Получилъ онъ отъ тебя какіе нибудь подарки, и чѣмъ знаменуется для него сегодняшній день? Тебѣ показалось мое письмо веселымъ—очень можетъ быть, потому что можно быть веселымъ даже и отъ того, что разсчитываешь просидѣть еще четыре, а не восемь мѣсяцевъ. Почему-то я смотрю съ сильно-радостнымъ чувствомъ на мартъ мѣсяцъ. Не близко!

Кто научилъ тебя быть такой внимательной? не правда ли—глупый вопросъ, какъ будто можно научить человѣка этому.

13 ноября.

Знаешь ли ты, голубчикъ, что я чувствую въ себѣ силу и способности писать къ тебѣ письма такой же длины, какъ мои журнальныя статьи? Но не бойся, я не стану пугать тебя подобными посланіями и въ отвлеченности вдаваться не стану.

Переходя на почву положительности, обращаюсь къ тебѣ съ слѣдующими просьбами, которыя забылъ передать при свиданіи. Вѣдь ты не можешь себѣ представить, какъ переворотъ совершается въ моихъ мозгахъ, когда я иду къ тебѣ—точно кто нибудь помѣшаетъ у меня въ головѣ палкой. Всегда все перезабуду, а между тѣмъ все-таки не нахожу довольно предметовъ для разгора. Совершенно, какъ влюбленный мальчикъ. Зато, явившись въ мою комнату, я въ мигъ охлаждаюсь на нѣсколько градусовъ и, сосредоточиваясь понемногу, припоминаю наконецъ все, что хотѣлъ или что слѣдовало сказать. Одну ошибку я уже поправилъ въ началѣ письма, теперь поправляю и другую забывчивость. Пришли мнѣ вотъ какія книги: „Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ“—Фохта, журналъ „Вокругъ Свѣта“; ты, кажется, говорила, что видѣла его у кого-то изъ знакомыхъ. Мнѣ все равно, хоть за одинъ прошлый годъ, хоть даже разрозненный; романъ графа Толстого—„Князь Серебряный“. Онъ помѣщался, кажется, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за прошлый годъ; Сказки Аѳанасьева и Сказки братьевъ Гриммъ, онѣ переведены на русскій языкъ. Если вышли слѣдующія изданія: Бокль— „Исторія цивилизаціи Англіи“, 2-я часть (первая у меня

есть), Геттнеръ—Исторія литературы (первая часть—Англія—у меня есть), Фохтъ—Физіологическія письма (выпускъ второй),—то вышли ихъ, а если нѣтъ, то попроси ихъ выслать, когда выйдутъ. Да нѣтъ ли какихъ либо иностранныхъ изданій, чтобы составить журнальную статью? Я думаю, это можетъ сказать Благосвѣтловъ; да у него же узнай, какъ рѣшила цензура съ моей статьей, и тотчасъ же увѣдомь.

1 декабря.

Если у васъ тамъ хорошая погода, зато у насъ дурная. Это законъ равновѣсія. Маленькій кусочекъ неба, созерцаніемъ котораго я имѣю право наслаждаться, постоянно одного свѣтло-сѣраго цвѣта, несмотря на такой скромный цвѣтъ и на небольшой свой размѣръ, онъ сыплетъ безпрерывно то снѣгъ, то дождь, изъ чего я заключаю, съ большимъ вѣроятіемъ, что и въ Петербургѣ стоитъ такая же скверная погода. Но это бы еще ничего, а на бѣду легковѣрнымъ ученые астрономы распускаютъ слухи, будто бы на небѣ явилась та же комета, которая была видна въ Петербургѣ въ 1824 году, и предсказываютъ сильное наводненіе на 6 декабря. Астрономы, разумѣется, имѣютъ полное право врать, потому что это не запрещено имъ никакими законами, но для людей довѣрчивыхъ тѣмъ не легче. Соображая средства спасенія, я кидаю благодарные взоры на печку, которая, подобно одинокой скалѣ, приметъ меня па свою вершину съ той книгой въ драгоцѣнномъ переплетѣ, которую ты просила меня не испортить.

Очень я радъ за Мишульку, которому швейцарскій климатъ будетъ очень полезенъ, да думаю, что и Ѳеня пополнѣетъ отъ него, подобно тому, какъ это случилось и въ благословенной Ундинской слободѣ. Какой, право, очаровательный край, и какъ счастливы тѣ цивилизованные люди, которыхъ судьба заноситъ къ тунгусамъ и калошамъ!

Радъ я и за Ѳеню, что ей нравится за границей. Да, такъ и слѣдовало. Вѣдь это только наша деревенская кормилица находила, что ея деревенская изба красивѣе Лувра, и ея мужъ величественнѣе Наполеона III.

Переводъ Исторіи Америки такъ для меня противенъ, что были дни, когда я изъ отвращенія къ нему не могъ рѣшительно работать. И отчего это отвращеніе? Думаю

оттого, что не увѣренъ въ деньгахъ и болитъ грудь. Я просилъ Евгенію Егоровну дать знать издателю, что я переведу первую главу; а для второй, чтобы онъ искалъ другого переводчика. Эту работу я кончу дня черезъ три и тогда примусь за опытъ разсказа для дѣтей. Хочу для начала написать „Разсказы о животныхъ“; тутъ будутъ лошадь, медвѣдь, волкъ, лисица и заяцъ. Сначала напишу „лошадь“ и „медвѣдь“; если останутся довольны—буду продолжать.

10 декабря.

О себѣ писать мнѣ, разумѣется, нечего, ибо дни мои такъ похожи одинъ на другой, какъ куриныя яйца. Впрочемъ, я здоровъ, и въ окружающемъ меня мірѣ замѣтилъ ту перемѣну, что вмѣсто дождя изъ созерцаемаго мною кусочка неба, сталъ падать снѣгъ. Могу прибавить къ этому, что около 6 декабря стояли довольно сильные морозы.

Въ именины были у меня Евгенія Егоровна, Маиса и Надя. Какъ свиданіе экстренное и торжественное, оно было продолжительнѣе обыкновеннаго, что доставило мнѣ, разумѣется, большое удовольствіе.

Наконецъ-то я кончилъ переводить 1-ю главу Исторіи Америки. Точно гора свалилась съ плечъ. Я не запомню работы болѣе непріятной. Да и вообще начинаю чувствовать къ переводамъ отвращеніе. Думаю, что это происходитъ отъ того, что за переводами сидишь усидчивѣе и потому болѣе устаешь. Наконецъ, монотонность уроковъ вѣчно одного размѣра наводитъ такую же тоску, какъ и всякое однообразіе, создающее, по словамъ Молешотта, филистерство.

Радъ я за Мишульку, что швейцарскій воздухъ имѣетъ на него такое хорошее вліяніе. Впрочемъ, Миша въ этомъ отношеніи счастливъ, потому что съ самаго рожденія путешествуетъ въ мѣстностяхъ съ сухимъ, здоровымъ климатомъ. Напиши на маленькой бумажкѣ письмецо и отдай ему отъ меня. Скажи, что пишетъ папа, и отвѣть мнѣ, пожалуйста, что онъ отвѣтитъ на это.

Ты хочешь выписать „С.-Петербургскія Вѣдомости“. А не хочешь ли, кромѣ того получать и „Русское Слово“? Подъ бандеролю это обойдется не дорого (впрочемъ, надо справиться — пропрошу Машу), но книга будетъ приходить нѣсколько въ истрепанномъ видѣ.

15 декабря.

Теперь я начинаю снова чувствовать, что тебя здѣсь нѣтъ, милый мой дружокъ. И это я замѣчаю во всѣхъ мелочахъ. Ты говоришь, что русскіе больны не отъ дурного климата, а чисто отъ незнанія физіологіи и гигіены. Я скажу больше—они еще не въ состояніи понять необходимости не только этихъ, но и другихъ знаній. И вся наша бѣда отъ незнанія и недостатка воспитанія для дѣльности. Всѣ мы, повидимому, и добрые, и хорошіе люди, да только ни въ чемъ нельзя на насъ положиться, и ничего нельзя намъ поручить, потому что росли мы, какъ грибы, на-авось и кое-какъ. Приведу тебѣ самый пустой фактъ, который мнѣ испортилъ много крови: „Русское Слово" вышло 29 ноября, а я, несмотря на письма къ Благосвѣтлову и къ Евгеніи Егоровнѣ о присылкѣ книги и на личную очень убѣдительную просьбу о томъ Евгеніи Егоровны и Маши, получилъ книгу только 14 декабря. Фактъ пустой, но повторяющійся въ разныхъ видахъ въ нашей повседневной жизни. Мы какъ будто не имѣемъ еще цивилизованныхъ потребностей и не понимаемъ ихъ въ другихъ. Мы беремъ деньги въ долгъ и обѣщаемъ ихъ отдать въ срокъ и не отдаемъ. Мы назначаемъ свиданіе, положимъ въ 12 часовъ, а приходимъ въ 3. Мы обѣщаемъ одно, а дѣлаемъ другое. Мы не умѣемъ ни трудиться, ни веселиться, потому что обращаемъ ночь въ день, а день въ ночь. И живемъ мы такъ, какъ живется, безъ всякой предусмотрительности и системы. Я знаю, что система, доведенная до нѣмецкой крайности, создаетъ филистерство. Но развѣ нельзя быть дѣльнымъ, предусмотрительнымъ и порядочнымъ, не будучи филистеромъ? Можно, и доказательствомъ—американцы. Поэтому какъ можно больше полезныхъ знаній и житейской порядочности по отношенію къ себѣ и другимъ, т. е., такое развитіе въ человѣкѣ ума и сердца вмѣстѣ съ дѣловой практичностью—вотъ что хотѣлось бы воспитать въ Мишѣ. Думаю, что ты согласна со мной.

Сначала меня безпокоила мысль, чтобы не украли у тебя дорогой денегъ. Теперь же боюсь за твои вещи, отправленныя съ товарнымъ поѣздомъ. Особенно, если ты ихъ не застраховала. Пожалуйста, напиши, когда ихъ получишь.

Что это съ Мишулькой, опять принялся за рисованье? И вѣрно со страстностью? Укрѣпляй, ради Бога, ему здоровье, чтобы вышелъ желѣзный. Только въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ, и нужно, чтобы Мишулька полюбилъ свое тѣло, тогда только онъ пойметъ и пользу физіологіи и гигіены. Расцѣлуй милаго мальчика и говори ему чаще обо мнѣ.

Прощай, мой дорогой другъ; цѣлую тебя много-много разъ и цѣлую Мишульку. Погода у насъ печальная, стоитъ тепло, хотя Рождество на дворѣ. До свиданія, мой дружокъ.

18 декабря.

Такъ меня обрадовало твое послѣднее письмо, милый мой дружокъ. Теперь я знаю, что мы можемъ давать другъ другу вѣсть, какъ будто между нами телеграфная проволока. А то я уже начиналъ безпокоиться, не зная, чему приписать, что къ тебѣ не доходили мои письма. Изъ того, что къ тебѣ мое письмо шло 15 дней, а твои ко мнѣ только 5, слѣдуетъ заключить, что отъ Петербурга до тебя втрое дальше, чѣмъ отъ тебя до Петербурга; подобный вопросъ уже разрѣшался разъ относительно Парижа въ нашей литературѣ и, разумѣется, не повелъ ни къ чему.

Письмо твое доставило мнѣ такое огромное наслажденіе, что я читалъ его нѣсколько разъ и, засыпая, чувствовалъ у себя улыбку удовольствія на лицѣ. Смѣшитъ меня Мишулька, обиду котораго я понимаю вполнѣ, хотя и смѣюсь всякій разъ, когда представляю его себѣ въ обществѣ четырехлѣтней краснощекой нѣмки. Ну, какъ же не обидно — нашелъ онъ себѣ товарища и не можетъ сдѣлать себя ему понятнымъ, несмотря на всѣ усилія и все краснорѣчіе. Впрочемъ, я думаю они начнутъ скоро понимать другъ друга, и вообще Миша, какъ я думаю, сдѣлаетъ въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ скорѣе успѣхи, чѣмъ Ѳеня.

Очень благодарю тебя, мой другъ, за портреты, хотя ихъ еще не получалъ; но благодарю тебя за то, что ты предупредила мою просьбу.

Мое положеніе очень удобно для нѣкоторыхъ физіологическихъ наблюденій надъ собственнымъ тѣломъ, но это такая выгода, которую я, разумѣется, не желалъ бы никому. Подождемъ еще.

Подобныя философскія утѣшенія очень обыкновенны, и все-таки они весьма пошлы, какъ пошлы и неумѣстны стереотипныя фразы въ утѣшеніе объ умершемъ: „такъ

*

Богу угодно", „всѣ мы должны умирать", „видно, ужъ судьба" и т. д. Кстати о смерти. Ты мнѣ не говорила ничего, что умеръ Помяловскій. Я не знаю этого человѣка, т. е. не былъ съ нимъ знакомъ и видѣлъ его только нѣсколько разъ. Но извѣстіе о его смерти такъ поразило меня, какъ будто бы я лишился самаго близкаго друга. Скажу тебѣ по секрету, что меня, какъ говорятъ, прошибло. Боже, Боже, — мало у насъ и такъ даровитыхъ и способныхъ людей, да и тѣ не живутъ у насъ долго! Въ эти два года уже сколько выбыло подобныхъ даровитыхъ личностей. Бѣдная литература! И почему изъ литераторовъ должны выбывать только способные люди, а всякая дрянь, бездарность благоденствуетъ и заносится, подобно какимъ нибудь Скарятинымъ и Мельниковымъ. Грустно!

31 декабря.

Завтра Новый годъ. Встрѣчу я его сегодня въ постели въ глубокомъ снѣ. Странно, что я вижу иногда какіе-то особенные сны. Нынче, ни съ того, ни съ сего, видѣлъ вдругъ Наполеона III, будто бы онъ женился на какой-то моей родственницѣ, и знакомые мои, бывшіе на свадебномъ пиру, обращались со мной весьма почтительно, предвидя мое возвышеніе. А между тѣмъ тебя и Мишу, кого я люблю больше всего въ мірѣ, и о комъ я чаще всего думаю, — я не вижу во снѣ никогда. Разъ, впрочемъ, я видѣлъ тебя — мы поссорились изъ-за чего-то.

4 января 1864 г.

Знаешь ли, чѣмъ выразилось мое довольство при полученіи карточекъ! Я началъ хохотать, но внутреннимъ, сдержаннымъ смѣхомъ. Такъ выражается у меня нынче всякая сильная радость. Еслибы было возможно шумное заявленіе радости, я бы хохоталъ громко; но какъ моя скромная жизнь возлагаетъ на меня обязательство самовоздержанія, то я и выражаю всѣ свои восторги тихимъ, но самымъ сердечнымъ смѣхомъ. Миша вышелъ поразительно хорошъ. Что это онъ держитъ въ рукѣ — яблоко или мячикъ? Что за душка Миша! Ужъ такъ я тебѣ благодаренъ. Я смотрю обыкновенно на васъ вмѣстѣ, сложивъ карточки рядомъ. Сначала мнѣ твое лицо казалось серіознымъ; но теперь я досмотрѣлся въ немъ до тихой спокойной улыбки, которая при бѣгломъ взглядѣ на портретъ незамѣтна...

Дѣтскіе разсказы, которые я было думалъ писать, теперь оставилъ. И для этого нужно быть на свободѣ, чтобы пересмотрѣть подобныя же изданія. Зная недостатки другихъ, можно ихъ избѣгнуть. А иначе напишешь, пожалуй, вздоръ, котораго и безъ меня довольно. Будь я вольный казакъ, я бы выбралъ своимъ критикомъ Мишульку, и тогда можно было бы написать что нибудь порядочное...

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ ожидать своего освобожденія въ очень отдаленномъ будущемъ, я впалъ въ апатію: голова пуста и не хочетъ ничего дѣлать, только бы лежалъ цѣлый день. Глупое и унизительное состояніе...

15 января 1864 г.

...Хочется мнѣ писать къ тебѣ еще, и потому беру сей полулистъ, и пишу. И опять о Мишѣ. Есть у нѣмцевъ изданіе „Das Buch der Welt", по крайней мѣрѣ, было; но существуетъ ли оно теперь, навѣрно не знаю. Если нѣтъ его то есть другія подобныя. Русское „Вокругъ Свѣта", что ты прислала мнѣ, есть подражаніе этому изданію. Изданія этого рода богаты изображеніями животныхъ, растеній, насѣкомыхъ, видами городовъ, мѣстностей, замѣчательныхъ сооруженій и т. д. Все это иллюминовано, красиво, интересно и поучительно не только для дѣтей, но и для, взрослыхъ. При каждомъ изображеніи есть описаніе...

...Еслибы я не былъ разлученъ съ тобой и съ Мишулькой, то я подписался бы на такое изданіе и сдѣлалъ бы себѣ обязательство объяснять ему картинки по тексту. Это, разумѣется, лучше всѣхъ глупыхъ сказокъ о лѣшихъ и домовыхъ, потому что знакомитъ съ дѣйствительной природой...

...Поручи мнѣ что нибудь сдѣлать за тебя, такъ, чтобы тебѣ было меньше дѣла. Мнѣ же это ничего, потому что я, какъ мнѣ кажется, такъ поглупѣлъ, что не въ состояніи писать оригинальныхъ статей. Отъ однообразной жизни, лишенной всякихъ развлеченій, голова у меня ужасно устала...

31 января 1864 г.

...Въ тѣ минуты, когда, валяясь ночью въ постели, я не могу заснуть, я пускаюсь обыкновенно въ придумываніе разныхъ изобрѣтеній. Такимъ образомъ, я выдумалъ новую

мостовую (торцовую), не гніющую и требующую ремонта разъ въ 10 лѣтъ. Даже и при первоначальныхъ издержкахъ она будетъ стоить гораздо дешевле нынѣшней и будетъ приготовляться изъ дерева, которое до сихъ поръ пропадало въ лѣсахъ даромъ. Потомъ я изобрѣлъ особую пушку... Ты не думай, что я шучу, я говорю серіозно и при первой возможности сдѣлаю непремѣнно опытъ...

Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что пріобрѣлъ въ твоемъ лицѣ новаго читателя своихъ статей, чего не бывало прежде, я стараюсь писать лучше и въ то время, когда пишу, думаю: „вѣдь будетъ читать Людя, нужно обдумать и изложить хорошенько“. Видишь, какъ дорогъ для меня такой критикъ и судья, какъ ты! Впрочемъ, давно уже извѣстно, что похвала одного истинно умнаго и благороднаго человѣка значитъ гораздо больше, чѣмъ неосмысленные отзывы легіона глупцовъ.

16 февраля.

...Нервы, мои нервы сильно ослабѣли. Придется цѣлый годъ лѣчиться. А еще я обтираюсь холодной водой два раза въ день; безъ этой предосторожности непремѣнно бы захворалъ. Но зато болѣе утончившаяся нервная впечатлительность сообщила мнѣ нѣкоторыя свойства барометра, какъ его понимаютъ въ общежитіи. Я могу предсказывать погоду и чувствую ее не одной какой нибудь частью тѣла, какъ раненые или страдающіе ревматизмомъ, а всей своей нервной системой. Впрочемъ, этой чувствительностью гордиться особенно нечего—ею владѣетъ всякій пѣтухъ. Дѣло только въ томъ, что при печальной погодѣ не хочется ничего дѣлать. И прекрасно, скажешь ты, и не дѣлай, когда не хочется. Такъ я и поступаю, и не далѣе, какъ сейчасъ отложилъ занятія англійскимъ языкомъ, потому что рѣшительно ни одно слово не идетъ въ голову...

...Нейманъ, въ своей Исторіи Северо-Американскихъ штатовъ, говоритъ о Франклинѣ слѣдующее: „Франклинъ былъ счастливъ, происходя изъ фамиліи съ здоровымъ духомъ и тѣломъ. Его родители не были никогда больны. Отецъ умеръ 89, а мать 85 лѣтъ. На ѣду и питье въ ихъ домѣ не обращали почти никакого вниманія—ѣли то, что подавалось на столъ, и о кушаньяхъ не бывало никогда рѣчи. Франклинъ оставался во всю жизнь вѣренъ этому порядку жизни, что и сохранило ему навсегда свѣтлую голову, быстрое пониманіе и разсудительность“. Когда я читалъ это мѣсто, то думалъ, разумѣется, о Мишѣ. Но когда написалъ, то сталъ сомнѣваться, чтобы умъ, разсудительность и воспріимчивость давались человѣку такимъ легкимъ путемъ. Отчего же всѣ люди, ѣдящіе умѣренно, не выходятъ Франклинами? Но какъ я люблю Мишу больше всего, даже до суевѣрія, то готовъ вѣрить Нейману на слово, и если умѣренной ѣдой можно сдѣлать подобіе Франклина, то, разумѣется, желалъ бы, чтобы превосходное физическое воспитаніе дало Мишулькѣ здоровое тѣло и здоровый духъ. Думая о Мишѣ и его воспитаніи, я забѣгаю всегда слишкомъ впередъ. Больше всего я боюсь нашихъ общественныхъ заведеній, гдѣ молоденькій мальчикъ легко можетъ получить скверныя и вредныя привычки, которыя скоро унесутъ всю его юношескую силу, и тогда прощай будущій Франклинъ! Сила ослабленныхъ умственныхъ способностей уже не воротится. Думаю, что лучше всего, если только позволяютъ средства, воспитывать до университета дома. Не правда ли, моя дальновидность, хватающая на 15 лѣтъ впередъ, слишкомъ велика? Но вѣдь, Людичка, въ одиночествѣ думаешь еще и дальше; я думаю безпрестанно о старости и даже о смерти. Теперешній мой путь жизни ужъ не на гору, а подъ гору...

19 февраля.

...Наконецъ, я получилъ „Русское Слово“. Съ моей статьей поступили жестоко. Во второй главѣ „Нравственныя вліянія“ зачеркнули сплошь весь конецъ, больше печатнаго листа, такъ что теперь не оказывается никакого нравственнаго вліянія. Положимъ, что цензура можетъ даже и совсѣмъ не пропустить статьи, но зачѣмъ же зачеркивать то, что уже напечатано въ другихъ сочиненіяхъ? Это неудобно въ томъ отношеніи, что сбиваетъ нѣсколько съ толку. Впрочемъ, живя на свободѣ, можно бы примѣниться къ требованіямъ нынѣшней цензуры. „Русское Слово“, какъ ты увидишь, измѣнило къ лучшему свою физіономію, т. е. сдѣлало красивѣе свою обложку. Не знаю, насколько оно выиграетъ въ содержаніи, но вообще по характеру статей оно имѣетъ больше ученое, чѣмъ публицистическое направленіе. Какъ въ этомъ отношеніи, напримѣръ, „Современникъ“, который, кажется, ты получаешь, или, по крайней мѣрѣ, читаешь?

Еще относительно изданій: рукопись перевода нужно присылать въ цензуру и уже тогда печатать. Не забудь этого. Ты видишь, какъ я ухватился за твою мысль, точно будто мы съ тобой уже рѣшили заниматься изданіями постоянно и завели въ Петербургѣ книжный магазинъ. Впрочемъ, я берусь горячо за всѣ твои проекты, потому что они всегда практичны и обдуманны. Ну, разумѣется, нельзя иногда безъ неудачъ; такъ случилось съ нашей фермой: но, во-первыхъ, подождемъ еще будущаго; а, во-вторыхъ, Наполеонъ I говорилъ, что во всякомъ дѣлѣ можно разсчитывать на одну треть; а двѣ трети успѣха предоставить удачѣ или счастью. Поэтому въ нашихъ общихъ дѣлахъ расчетъ предпріятій отдай мнѣ, а себѣ возьми остальныя двѣ трети, т. е. успѣхъ, потому что ты счастливѣе меня.

Послѣ нѣсколькихъ дней печальной и страшно тягостной для меня погоды, сегодня, наконецъ, свѣтлый солнечный день. Я, разумѣется, въ качествѣ барометра, заявляю сочувствіе къ солнечному теплу и свѣту болѣе спокойнымъ настроеніемъ духа. Но чувствую грудную боль. Думаю, это отъ того, что нѣсколько дней сряду я былъ въ очень раздраженномъ состояніи, а вчера такъ рѣшительно былъ со мной какой-то нервный припадокъ. Мнѣ говорили, напримѣръ: не раздражайтесь, старайтесь быть спокойны. Такіе совѣты напоминаютъ мнѣ просьбу одной добродѣтельной жены къ своему мужу:

Чѣмъ болью мучиться такою,
Попробуй, лучше не дыши.

Или человѣку, у котораго ломитъ голову отъ боли, говорятъ, не думайте, что у васъ болитъ голова. Да какъ же не думать, когда болитъ? Можно молчать о своей болѣзни, это другое дѣло. Но вѣдь отъ молчанія еще не выздоровѣешь...

27 февраля.

... Ты пишешь, что начала читать мою вторую статью Но знаешь ли, что мнѣ совѣстно за все, что я написалъ Я доволенъ всякой своей статьей, пока она не напечатана но какъ только она вышла изъ типографіи мнѣ становится стыдно, точно я сдѣлалъ глупое дѣло. Только за свои лѣсныя сочиненія я не стыжусь; и это потому, что я имѣлъ въ лѣсномъ мірѣ апломбъ, котораго у меня нѣтъ въ литера-

турѣ. Особенно мнѣ стыдно за Стар. и Нов. Свѣтъ. Мысль была хорошая, но я недоволенъ выполненіемъ, т. е. безталанностью изложенія и языкомъ, который я намѣренно старался сдѣлать болѣе серіознымъ, въ родѣ ученаго языка Отечественныхъ Записокъ. Ты спросишь, зачѣмъ я дѣлалъ это, а потому, что я не на своей квартирѣ, и рѣшительно не знаю теперешней цензуры...

2 марта.

... На той недѣлѣ я читалъ „Взбаломученное море“ Писемскаго и нашелъ только одинъ недостатокъ — въ Писемскомъ нѣтъ вовсе ни того ума, ни того таланта, какой ему приписывали. Впрочемъ, у насъ всегда любятъ прокричать человѣка. Сначала поднимутъ выше небесъ, а потомъ начнутъ топтать въ грязи. Такъ сдѣлали нынче и съ Писемскимъ. Увлеченіе, говорятъ, признакъ молодости; а что русскіе еще молоды, это мы и сами говоримъ про себя; слѣдовательно, все въ порядкѣ вещей. Въ „Взбаломученномъ морѣ“ нѣтъ ни силы, ни глубины мысли...

22 марта.

... Еслибы я пользовался возможностью жить вмѣстѣ съ тобою, то мы могли бы хорошо организовать издательское дѣло: ты бы переводила и переводами уплачивала бы въ типографію за наши изданія, а я добывалъ бы средства для жизни журнальной работой. Какая, впрочемъ, грустная перспектива. Вѣчное писанье, вѣчное сидѣнье, съ сгорбленной спиной! Когда же отдыхъ человѣку и спокойная старость? Или нѣтъ ея труженику, и придется повторить извѣстную поговорку: кто въ сорокъ не богатъ, тотъ и умретъ такъ? Не думай, впрочемъ, что эти мрачныя мысли я пишу съ особенно мрачнымъ настроеніемъ духа. Странное дѣло: вѣчные труженики обыкновенно мечтаютъ о счастьѣ сидѣть сложа руки, но отними у нихъ работу и дай имъ far niente—и они будутъ еще несчастнѣе, чѣмъ были прежде...

... Ты требуешь проекта для дѣтской библіотеки, вотъ онъ: изданія 3-хъ родовъ: для дѣтей, которыя только умѣютъ смотрѣть, какъ Миша, и нужно, имъ все разъяснять и толковать. Для дѣтей лѣтъ 6—8, умѣющихъ уже читать, и для дѣтей лѣтъ 10, приготовляющихся уже въ гимназію.

Изданіе обнимаетъ всѣ отрасли знанія; изложеніе самое популярное—гораздо проще, чѣмъ Вагнера, ибо я не совсѣмъ

доволенъ его манерой. Онъ пишетъ такъ, что при каждомъ словѣ является вопросъ; а между тѣмъ нужно удовлетворить ребенка вполнѣ, или, по крайней мѣрѣ, по возможности вполнѣ, что при Вагнеровской краткости и скудости фактовъ невозможно.

Для дѣтей перваго возраста издаются только картинки, по возможности, большого формата. Тутъ должна быть изображена полная зоологическая система, съ главными представителями родовъ. Главныя племена людей, и, пожалуй, національности, рѣзко бросающіяся въ глаза своей внѣшней особенностью. Для руководства купи какую нибудь полную зоологическую таблицу, и ты сама выберешь все, что найдешь интереснымъ и поучительнымъ для дѣтей. Я не знаю, занимаютъ ли дѣтей ботаническія изображенія? Но считаю полезнымъ употребить въ дѣло и ботанику. Особенно растенія, частью и плоды, которые или особенно интересны по своей наружности, или употребляются въ хозяйствѣ. Предметы архитектурные: дома, мосты, замки, дворцы, разумѣется, въ видѣ ландшафтовъ, съ людьми и разными сценами; пароходы, желѣзныя дороги. Изъ предметовъ домашней жизни— все, что болѣе или менѣе возбуждаетъ любопытство: экипажи, мебель, посуда. Сельское хозяйство: орудія сельскаго хозяйства, машины, оживленныя изображеніемъ работающихъ на нихъ людей, такъ, чтобы разсказать, что дѣлаютъ люди— напримѣръ, разныхъ родовъ мельницы, толчеи, коровники, конюшни—съ лошадьми и коровами; изображенія сельскихъ работъ—паханье, бороненье, сѣвъ, жатва, молотьба и т. д. Технологія сельскохозяйственная: какъ хлѣбное зерно превращается постепенно въ хлѣбъ; какъ изъ овцы выходитъ сукно; какъ изъ льняного сѣмени полотно, а изъ быка сапоги. Ты понимаешь мою мысль. Общая технологія: приготовленіе стекла, выдуваніе посуды, дѣланіе зеркалъ, горшечное производство, фарфоровое, сахарный заводъ, шоколадная фабрика и т. д., писчебумажное производство, обои, стеариновый заводъ. Географія: виды разныхъ странъ, въ главной ихъ характеристикѣ; Гренландія, Камчатка, Крымъ, тропическія мѣстности, гористыя страны, съ вѣчными снѣгами на вершинахъ горъ, сельскіе виды, или, лучше сказать, виды населенныхъ мѣстностей: самоѣды, остяки, лапландцы, русскіе, нѣмцы, итальянцы, испанцы, разные дикари Азіи

и Африки и Америки, сѣверо-американцы. Выбирая для этого такія рѣзкія особенности, чтобы сейчасъ же составлялось опредѣленное понятіе о каждой національности, ея занятіяхъ и образѣ жизни. Промыслы: охота и рыбная ловля въ разныхъ частяхъ свѣта и по разрядамъ животныхъ: ловля китовъ, тюленей, собираніе жемчуга, добываніе золота и т. д. Изъ исторіи: памятники и монументы разнымъ великимъ людямъ, оказавшимъ услуги цивилизаціи.

Кажется, что этого довольно. Тутъ матеріалу тысячи на двѣ картинъ. Считаю удобнѣе издавать ихъ въ видѣ отдѣльныхъ изображеній, чтобы не стѣснять выбора.

Для второго возраста, или для дѣтей, начинающихъ читать, то же самое сопровождается отдѣльными монографіями, краткими, ясными, съ изображеніями въ текстѣ, напечатанными крупно въ форматѣ изданій Таухница. Каждая монографія отдѣльно. Кромѣ того, небольшія повѣсти, разсказы изъ исторіи, анекдоты, сказки Пушкина, все съ иллюстраціями. Наконецъ, описанія нѣкоторыхъ физическихъ явленій: дождь, снѣгъ, градъ, холодъ, тепло, горѣніе, все это въ примѣненіи и связи съ ежедневной жизнью, въ родѣ того, какъ у Вагнера.

Для третьяго возраста монографіи превращаются въ краткіе курсы. Тутъ ужъ географія — съ міозданіемъ и кометами, затменія, приливы и отливы. Физическія явленія — тепло, холодъ, дождь и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ и разныя силы—электричество, магнитизмъ съ ихъ приложеніями къ жизни, напримѣръ, телеграфъ. Описаніе народовъ, путешествія. Описаніе техническихъ производствъ, фабрикъ и заводовъ; сельскіе процессы. Однимъ словомъ изложеніе того, что для перваго возраста только изображалось. Изложеніе только общихъ основаній, самое понятное и простое. Разсказы изъ исторіи въ видѣ отдѣльныхъ характеристикъ, біографій и полныхъ изложеній событій извѣстной эпохи въ связи. Стихи, повѣсти, разсказы, даже цѣлые романы. Химія, физіологія, гигіена—даже гимнастика. Но вездѣ и во всемъ непремѣнно изображенія; а при описаніи явленій и силъ природы непремѣнно техническое примѣненіе ихъ къ жизни. Напримѣръ, полный трактатъ о водѣ можетъ распасться на множество монографій—вода рѣкъ, озеръ и морей, и жизнь въ ней животная и растительная; вода глетчеровъ, ледники

Гренландіи и Ледовитое море съ его жизнью; вода облаковъ и пара съ приложеніемъ его къ жизни и къ паровымъ машинамъ. Здѣсь могутъ быть объяснены законы статики. Механика: машины, дѣйствующія въ нихъ силы, рычаги, законъ раздѣленія силъ и т. д., при этомъ объясненіе нѣкоторыхъ приложеній — напримѣръ, постановка Александровской колонны. Геологія. О томъ, что жило на землѣ до человѣка. Многое изъ этого могъ бы написать и я, и, какъ думаю, лучше русскаго перевода Вагнера. Не знаю, ясна ли тебѣ общая идея, и какъ приложить ее въ частности. Однимъ словомъ, я думаю о дѣтской энциклопедіи, рѣшительно по всѣмъ отраслямъ знаній въ порядкѣ и системѣ, въ видѣ одного обширнаго изданія. Это было бы полезно и для нашихъ взрослыхъ людей, которые нерѣдко знаютъ менѣе, чѣмъ дѣти...

25-е марта.

Дружокъ Люда. Есть у нѣмцевъ двѣ энциклопедіи Die Wissenschaften in neunzehnten Jahrhundert Ромберга и Mahlerische Feierstunden Шпамера. Изданій этихъ видѣть мнѣ не случилось, но знаю, что они хороши. Не наведутъ ли они тебя на полезныя мысли относительно дѣтской библіотеки, и нельзя ли ими воспользоваться съ извѣстными передѣлками для твоего изданія? Думаю, что можно. Но книги эти, вѣроятно, дороги, потому что ихъ много. Взгляни на нихъ и напиши мнѣ свое мнѣніе. Потомъ у нѣмцевъ должны быть отличныя монографіи по отдѣльнымъ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, напримѣръ: исторія открытія и приготовленія пороха, книгопечатаніе и описаніе разныхъ отдѣльныхъ фабричныхъ и заводскихъ производствъ. Какъ жаль, что я не могу располагать собой: монографіи по технологіи, общей и частной, и физіологіи и гигіенѣ, по физикѣ и химіи, я взялся бы писать съ большимъ удовольствіемъ, и думаю, что справился бы вполнѣ съ этимъ предметомъ. Обрати вниманіе на двѣ мои статьи: „Земля и органическая жизнь“ въ августѣ прошлаго года и „Причины бѣдности“ въ февралѣ нынѣшняго. Мнѣ кажется, онѣ написаны весьма популярно и просто; если ты найдешь это такъ, то значитъ я могу писать для дѣтей, ибо я въ состояніи писать еще понятнѣе, если буду думать, что пишу не для взрослыхъ, какъ было съ этими статьями. Полагаю, что монографіи по экономи-

ческимъ вопросамъ были бы тоже весьма полезны, напримѣръ: „что такое трудъ“, „богатство“, „капиталъ“, „торговля“ и т. д. Самое изданіе нужно раздѣлить на серіи, по отдѣльнымъ предметамъ, напримѣръ: „Землевѣдѣніе“. Это можетъ быть цѣлый безконечный рядъ монографій по землеописанію и путешествіямъ, съ своей отдѣльной нумераціей томовъ, такъ, чтобы по мѣрѣ новыхъ открытій продолжать выпускъ послѣднихъ извѣстій, замѣняя ими первые уже отжившіе выпуски. Точно такой же порядокъ принять и относительно другихъ серій, напримѣръ: исторія, зоологія, технологія. Научное заглавіе серіи помѣщать вмѣстѣ съ № брошюры, или выпуска, только на корешкѣ, а самый выпускъ озаглавить популярнымъ образомъ; напримѣръ „Технологія, вып. XX“, а на обложкѣ: „Какъ печатаютъ книги“ или „Приготовленіе сахара“ и т. д. Скажу еще разъ, что я нахожу свою мысль правильной и полагаю, что если подобными отдѣльными монографіями, не имѣющими, повидимому, связи, какую представляютъ полные научные трактаты (разумѣется, не для дѣтей), сообщится ребенку огромный запасъ разныхъ отдѣльныхъ, интересныхъ фактовъ и отрывочныхъ свѣдѣній, то и въ этомъ будетъ огромная польза, потому что нынѣшнія дѣтскія книги не даютъ и сотой доли того, что дала бы подобная энциклопедія.

27 марта.

... Часто думаю я о старости — мечтаю объ отдыхѣ и спокойной жизни среди поля, сада, лѣса; хотѣлось бы теплыхъ ясныхъ, солнечныхъ дней, спокойной безмятежной жизни среди сельскихъ занятій.

11 апрѣля.

... Я вижу въ дѣтскихъ изданіяхъ дѣло такой великой важности, которое, по-моему, затмеваетъ всѣ остальныя. Что можетъ быть важнѣе распространенія полезныхъ знаній и воспитанія дѣтей. И если пригласить къ составленію книгъ „дѣтской энциклопедіи или библіотеки“ извѣстныхъ писателей и ученыхъ, напримѣръ, по русской исторіи Ник. Ив. Костомарова и т. д., то разумѣется, можно ручаться, что изданіе будетъ хорошо и полезно. Даровитыхъ и знающихъ сотрудниковъ найти не трудно, если дѣйствовать честно и а разсчитывать исключительно на барыши, и изъ великаго энгҷідѣлать спекуляцію, какъ это позволяетъ себѣ Вольфъ.

Напиши мнѣ, пожалуйста, голубчикъ, какъ слагается характеръ Миши, какія въ немъ хорошія и дурныя стороны. Докторъ Бокъ говоритъ, что первые четыре года въ жизни ребенка самые важные во всей его жизни. Тутъ кладется основаніе будущимъ достоинствамъ и недостаткамъ человѣка. Въ возрастѣ отъ 3 — 4 лѣтъ нужно стараться вселять въ дитяти любовь къ справедливости, такъ чтобы съ первымъ проявленіемъ сознанія дитя имѣло уже хорошее нравственное основаніе. Добрыя наклонности, образованныя безсознательно привычкою, укрѣпляются впослѣдствіи съ помощью разсудка и служатъ твердою основою для благороднаго характера. Вообще нравственное воспитаніе до 7-ми-лѣтняго возраста чрезвычайно важно, потому что чувство добра и справедливости образуется въ эти годы легче, чѣмъ впослѣдствіи. Это мнѣніе кажется мнѣ вполнѣ правильнымъ. Къ сожалѣнію, много ли на свѣтѣ людей, понимающихъ такъ дѣло воспитанія? Обыкновенно дѣти растутъ, какъ грибы, или безъ всякой заботы воспитываясь одними внѣшними обстоятельствами и разными случайностями, или же пріобрѣтаютъ отъ своихъ родителей познанія, которыя дѣлаютъ ихъ на всю жизнь дураками. Вотъ причина такого обилія глупцовъ и медленности прогресса...

29 апрѣля.

...Съ редакціей я свелъ счеты и получилъ деньги по февральскую книжку включительно. Что будетъ впередъ— не знаю. Но послѣ запрещенія цензурой статьи объ уголовномъ правосудіи Западной Европы я боюсь, что не напечатается, пожалуй, и моя послѣдняя статья, представленная мною три дня тому назадъ: „Цивилизація прошедшаго и будущаго“; а ты сама знаешь, что въ моемъ положеніи особеннаго богатства матеріаловъ и даровитости, или вѣрнѣе плодовитости, ожидать отъ меня нельзя. Я удивляюсь еще, что у меня достало силъ даже на то, что я написалъ до сихъ поръ, и начинаю бояться, что скоро не достанетъ ни матеріаловъ, ни способности писать дальше. Не думай, что я хочу рисоваться этими словами: люди исписывались даже на свободѣ, люди съ большими талантами; ну, а мои средства весьма ограничены. Понятно, что я имѣю полное основаніе бояться, что черезъ два мѣсяца, а, можетъ, и раньше, мнѣ писать будетъ нечего. Теперь у меня голова

совершенно пуста, что совершенно понятно, если обратить вниманіе на то, что при умственномъ трудѣ нуженъ бо́льшій отдыхъ и бо́льшее разнообразіе жизни, чѣмъ при трудѣ физическомъ...

14 іюня.

... Сегодня я писалъ о часахъ и, разумѣется, сейчасъ же перенесся мыслями къ Мишѣ и вообразилъ себѣ, какъ я дарю ему стѣнные часы, и какъ мы съ нимъ ихъ разбираемъ и составляемъ. Сколько есть подобныхъ предметовъ, которыхъ изученіе, нисколько не напрягая способностей, доставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ огромное удовольствіе. Вся физика предметъ именно такого свойства въ своихъ начальныхъ основаніяхъ. Разумѣется, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи она нѣсколько труднѣе, но вѣдь тогда и у ребенка умъ становится крѣпче. А какой безднѣ фактовъ можно научить ребенка до 10 — 12 лѣтъ! И всѣ эти факты онъ усвоитъ такъ же легко, какъ усваиваетъ и всякія игры. Я знаю очень хорошо, что надъ системой воспитанія дѣтей игрушками всѣ порядочные люди смѣются, потому что эти отрывочныя знанія не пріучаютъ думать послѣдовательно; но съ другой стороны я знаю и то, что Миша сильнѣе своими способностями, чѣмъ тѣломъ, слѣдовательно нужно беречь его голову, и для него, мнѣ кажется, лучшій способъ воспитанія будетъ заключаться именно въ доставленіи ему отдѣльныхъ фактовъ, разумѣется, не въ разбросъ, а въ послѣдовательной связи; съ 12-ти же лѣтъ можно будетъ уже вести голову и путемъ логическаго развитія мысли математикой, которая лучше всѣхъ знаній пріучаетъ думать послѣдовательно и правильно, а не прыжками и отрывками мыслей, какъ пріучаютъ думать дѣвицъ...

1 іюля. 94

Дружокъ Люля! И въ моей жизни есть и радости и сюрпризы. Такъ, Надя мнѣ пишетъ, что въ нынѣшней майской книжкѣ „Русскаго Слова“ помѣщены двѣ мои статьи: 1) „Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи“ и 2) „Современное значеніе уголовнаго права въ Западной Европѣ“. Случилось это такъ. Вторая статья, которой я далъ заглавіе: „Уголовное правосудіе Западной Европы“, назначалась для мартовской книжки и, что очень огорчило меня тогда, была запрещена цензурой. Но, видно, нашли потомъ, что запре-

щеніе можно снять, и вотъ статья является въ печати, хотя съ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ. Но новое заглавіе невѣрно, потому что „Уголовное право", какъ назвали ее, есть теорія, а я говорю въ статьѣ не о теоріи, а о современной уголовной практикѣ. Увѣдомляя меня о помѣщеніи этой статьи, Надя ставитъ двѣ точки и прибавляетъ: „не знаю—чья". Отъ кого хотѣла секретничать Надя—не знаю, потому что имя автора извѣстно и начальству и цензурѣ, а если его не выставили въ журналѣ и помѣтили подъ статьей какія нибудь буквы, такъ это просто потому, что въ журналахъ есть обычай не помѣщать въ одной книжкѣ двѣ статьи подъ однимъ именемъ. Этимъ путемъ составился случайно въ „Современникѣ" мой псевдонимъ Т. З., который принялся и въ „Русскомъ Словѣ". Первая статья тоже имѣла у меня другое заглавіе и гораздо короче нынѣшняго: „Цивилизація прошедшаго и будущаго". Тутъ сдѣлала измѣненіе, вѣроятно, редакція, которую я просилъ процензуровать статью до цензуры. Теперь ты очень хорошо понимаешь, что я жду нетерпѣливо майскую книжку...

... Съ развитіемъ книжнаго и журнальнаго дѣла у насъ сталъ являться литературный пролетаріатъ. Въ Западной Европѣ это давно уже не новость; но у насъ пока литературные рабочіе печальная новинка, которой многіе даже и не подозрѣваютъ. Положеніе этихъ людей, разумѣется, хуже положенія крестьянъ, потому что у тѣхъ есть земля, а у этихъ ничего, кромѣ дырявыхъ сапоговъ и прорваннаго сюртука...

10 іюля.

... Очень тебѣ благодаренъ за выписку изъ письма Вени. Одна половина его замѣчанія вполнѣ вѣрна, а другая нѣтъ. Онъ находитъ слабой мою статью объ отживающихъ словахъ. Причина въ томъ, что подобныя статьи не по моимъ силамъ. Я знаю, что не долженъ писать такъ называемыхъ теоретическихъ статей, ибо вслѣдствіе плохого воспитанія я не умѣю думать въ строгой послѣдовательности, а думаю афоризмами. Этотъ недостатокъ, при внимательномъ чтеніи, легко замѣтить въ каждой моей статьѣ. Къ сожалѣнію, бываютъ случаи, когда писать хочется, а нечего, и оттого погрѣшишь иногда такой статьей, какой писать бы не слѣдовало. Къ числу такихъ принадлежитъ и „отживающія слова".

Что же касается до совѣта Вени не писать статей по естественной исторіи, на основаніи того, что будто бы въ статьѣ „Земля и орг. жизнь" (августъ 1863 г.) есть невѣрности противъ новѣйшихъ теорій, то совѣтъ этотъ неправиленъ. Съ большой основательностью Веня могъ бы сказать, что не слѣдуетъ писать, пока не узнаю новыхъ системъ. Это было бы вѣрно, потому что по пословицѣ—не боги горшки обжигали — естествознаніе совсѣмъ не такая вещь, которая была бы мнѣ недоступна. Наконецъ, мнѣ кажется, — статьи этой у меня нѣтъ, — что у меня нигдѣ не „проглядываетъ вѣра въ ту ветхую теорію, по которой за каждымъ геологическимъ періодомъ покоя слѣдовалъ внезапный переворотъ во всей землѣ, убивавшій все земное". Но еслибы даже это и было, то оно прошло невозвратно; напиши Венѣ, что я прочиталъ и Дарвина и Ляйеля, и что въ настоящее время пишу статью по естествознанію. А между прочимъ попроси его сообщить свой отзывъ о моей статьѣ „Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи" (май 1864 г.). Съ какимъ бы удовольствіемъ я писалъ ему, а еще съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы его лично! Но ни то, ни другое невозможно. Впрочемъ, по теоріи Евгеніи Егоровны, не слѣдуетъ огорчаться, потому что все кончается всегда къ лучшему, и она увѣрена, что наступитъ наконецъ время, когда всѣ тѣ, кого она любитъ,—т. е. ея дѣтищи и въ томъ числѣ и я,—соберемся около нея въ Подольѣ. Скажу тебѣ, что эта мысль, т. е., что мы соберемся всѣ вмѣстѣ, мнѣ очень улыбается. Нельзя сказать, что свиданіе со всѣми дѣтищами доставило бы мнѣ одинаковое удовольствіе, но ужъ одинъ Веня въ состояніи выкупить всѣ недостатки остальныхъ.

17 іюля.

... Когда Креза поставили на костеръ, онъ сказалъ: о Солонъ! Солонъ! Я же, подобно ему, скажу: о свобода! свобода! Сегодня я выражаюсь что-то все сравненіями. Не знаю, объяснять ли это въ худую или хорошую сторону. Даже не знаю, весело мнѣ или скучно. Ты скажешь—весело, а я скажу—скучно, и сошлюсь на юмористовъ, которые большею частью писали въ серіозномъ состояніи то, отъ чего другіе помирали со смѣху. Въ себѣ я замѣтилъ еще вотъ какую особенность, или вѣрнѣе не въ себѣ, а въ своей судьбѣ. Моя

судьба распоряжается мной по теоріи сюрпризовъ и экспромтовъ...

23 іюля.

Надняхъ я кончилъ и представилъ по начальству статью „Древность и совершенствованіе человѣческаго типа", составленную по новѣйшимъ научнымъ открытіямъ. Жалѣю объ одномъ, что написалъ ее коротко, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надо бы развить. Статья эта хотя и не написана такъ талантливо, какъ пишетъ Писаревъ, но заключаетъ много весьма интересныхъ и большинству нашей публикѣ неизвѣстныхъ фактовъ о древности человѣка на землѣ. Между прочимъ привелъ я доказательства, которыя не понравятся нашимъ дамамъ, избалованнымъ похвалами, о томъ, что женщина по анатомическимъ признакамъ приближается къ животному типу болѣе мужчины и имѣетъ всегда мозгу меньше, чѣмъ у него.

Въ „Русскомъ Словѣ" опять новый цензоръ, которымъ еще менѣе довольны. чѣмъ прежнимъ; но къ октябрю, говорятъ, будетъ другой. Должно быть, перемѣна случилась по случаю лѣта, т. е. отъѣзда стараго цензора въ отпускъ или куда нибудь. Вообще эти переходы чрезвычайно тяжелы для пишущихъ, ибо у каждаго цензора свой царь въ головѣ, и каждый черкаетъ по своему усмотрѣнію. Одинъ, напримѣръ, особенно крутъ съ статьями политическаго характера, но смотритъ легко на экономическія; другой опять снисходителенъ къ политикѣ, но зато сердитъ съ экономизмомъ, гдѣ могутъ прокрасться идеи соціалистическія и т. д., такъ что одинъ пропускаетъ то, что другой зачеркиваетъ. Вотъ тутъ и пиши, какъ знаешь...

25 іюля.

Какъ ты живо описываешь хлопоты Мишульки! Я такъ и представилъ себѣ его суетню и откапыванье червяковъ. И разумѣется, всѣ манипуляціи при рыбной ловлѣ Миша свершаетъ съ торжественной важностью, съ великой горячностью и съ такимъ жаромъ, какъ бы дѣло шло о спасеніи чьей нибудь жизни? При этомъ такъ же, конечно, разговоръ свершается на нѣмецкомъ языкѣ. Ахъ, мой Мишуля! Мишуля! такъ бы и половилъ съ нимъ вмѣстѣ рыбу! А, можетъ быть, и придется когда нибудь. Вѣдь у меня одно изъ пріятнѣйшихъ мечтаній думать именно о воспитаніи Миши.

Отъ того я и завидую тебѣ, что ты отправляешься съ нимъ въ звѣринецъ. Когда Миша будетъ понимать больше, его нужно будетъ познакомить наглядно со всѣми ремеслами, фабричными и заводскими производствами, т. е. показать ему въ натурѣ все то, что изображено въ Энциклопедіи Лаукарта. Вообще всякой теоріи и всякому умозрѣнію должны предшествовать практика, опытъ. Тогда заключеніе составляется само собой безъ труда...

12 августа.

Дружокъ Людя. Я не думаю, чтобы ты брала на себя адвокатуру за женскій мозгъ только потому, что ты сама женщина, что же касается до меня, то я излѣчился уже отъ мужского самолюбія и даю очень небольшую цѣну мужскому уму. Чѣмъ больше знакомишься съ исторіей, чѣмъ лучше понимаешь, что было и что есть, тѣмъ больше убѣждаешься въ ничтожности мужского большинства. Да и можно ли говорить объ умѣ, когда до сихъ поръ все рѣшалось (зачеркнуто)...

Впрочемъ, относительно женскаго мозга можно сказать то, что самый большой изъ извѣстныхъ до сихъ поръ мозговъ, вѣсившій 1.872 грамма, принадлежалъ женщинѣ, слѣдующій затѣмъ наиболѣе тяжелый мозгъ въ 1.861 граммъ былъ у Кювье, потомъ Байрона въ 1.807 граммовъ, а затѣмъ у одного сумасшедшаго (1.783 гр.). Ужъ изъ этого одного ты можешь видѣть, что на развитіи и вѣсѣ мозга еще нельзя основывать точное сужденіе объ умѣ. Вообще замѣчено, что люди, страдавшіе головными болѣзнями, имѣли тяжелый мозгъ. Но есть другіе анатомическіе признаки, по которымъ женщина считается переходной формой отъ мужчины къ ребенку. Но и это не даетъ еще мужчинамъ никакого права сказать, что они умнѣе женщины или способнѣе ихъ къ развитію, потому что то, что собственно считается у мужчинъ образованіемъ, и чѣмъ они кичатся передъ женщинами, есть въ сущности знаніе извѣстныхъ пріемовъ внѣшней формально общественной жизни и только. А вѣдь этому можно выучить и обезьяну. Изъ этого ты видишь, что мы смотримъ съ тобой на вопросъ о силѣ женскаго ума одинаково, и не отвергая того, что на свѣтѣ больше дуръ и дураковъ, я думаю, ты собственнымъ наблюденіемъ пришла и къ тому убѣжденію, что, благодаря Бога,

есть еще, между прочимъ, и умныя женщины и умные мужчины совершенно равносильныхъ способностей.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, такого свойства, что по поводу его можно написать не только журнальную статью, но и, пожалуй, даже цѣлое сочиненіе. Но не бойся, ни того ни другого я въ письмахъ къ тебѣ писать не буду...

17 августа.

Я прошу Надю сообщить мой проектъ Благосвѣтлову. Вотъ его сущность: завести изданіе по подпискѣ отъ редакціи Русскаго Слова, т. е. журнала честнаго и установившагося, слѣдовательно довѣріе публики будетъ. Подписная цѣна 3 р. въ годъ за 6 томиковъ формата Таухница, безъ пересылки. При отдѣльной продажѣ томикъ 65 к... Я предлагаю Благосвѣтлову это дѣло пополамъ, и думаю, что для начала совершенно достаточно 1.000 рублей. Если онъ согласится, то, при заключеніи условія, я выговорю себѣ переводъ трехъ томовъ, которые и отдамъ тебѣ...

Проектъ этотъ можетъ кончиться, какъ извѣстная исторія съ горшкомъ молока, тѣмъ не менѣе я считаю его все-таки вполнѣ вѣрнымъ и не сомнѣваюсь въ успѣхѣ; боюсь только, что Благосвѣтловъ будетъ мямлить, а тутъ надо рѣшать скорѣе, да сейчасъ же и приступать къ дѣлу...

25 августа.

Въ твоемъ письмѣ я подмѣтилъ черту, чрезвычайно свойственную русскому складу ума. Это воздержаніе себя отъ всякаго спекулятивнаго мышленія. Только что человѣкъ по забывчивости предастся отвлеченностямъ или логическимъ выводамъ, тотчасъ же спохватится и остановитъ себя, точно ему это стыдно. Такъ и ты. Заговоривъ о причинахъ, почему женщины дѣлаютъ такъ часто глупости при воспитаніи дѣтей, ты сейчасъ же остановила себя вопросомъ: „къ чему я это все написала?“ Веня точно также. Поэтому онъ и не любитъ и не переваривавтъ никакой философіи. Что, впрочемъ, совершенно справедливо, ибо въ томъ видѣ, какъ сочинили ее нѣмцы, писавшіе нарочно особенно запутанно и придумавшіе термины, чтобы не сдѣлать знанія популярнымъ и избѣжать преслѣдованій, наука эта также тяжела для головы, какъ каменья для желудка. Впрочемъ, и помимо этихъ причинъ, русскій человѣкъ не особенно жалуетъ умозрѣнія и любитъ больше существенное и положительное. Поэтому, чтобы пишущій имѣлъ успѣхъ въ публикѣ, онъ долженъ умѣть воздерживаться отъ паренія въ пустыняхъ умозрѣнія и долженъ предлагать то, что въ простой болѣе осязательной формѣ, такъ сказать, наглядно и практически объясняетъ дѣло. Однимъ словомъ, у насъ можетъ имѣть успѣхъ только форма простого изложенія и разсказа, не возбуждающаго особаго напряженія мысли. Придерживаясь твоей системы, я бы долженъ былъ сказать: къ чему я написалъ все это? Но я этого не сдѣлаю, потому что иначе мнѣ придется извиняться въ каждомъ письмѣ, и я надоѣмъ тебѣ, моему голубчику... ты замѣчаешь: не то ужасно, что всю жизнь надо работать, а то, что можешь остаться безъ работы. Да вѣдь эта же мысль пугаетъ и меня, съ тою только разницей, что ты боишься пролетаріата въ пору силы, а я боюсь его, какъ несчастія обезсилѣвшей старости...

27 августа.

Я получилъ Русское Слово, Книжный Вѣстникъ, сочиненія Островскаго и Древность человѣка; наконецъ узналъ, что три мои статьи „Россія до Петра I“, „Очерки изъ исторіи Амер. Шт.“ и „Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи“ названы въ одномъ изданіи замѣчательными статьями. Авторское самолюбіе, какъ ты знаешь, великая слабость всѣхъ пишущихъ, и потому поймешь, что эта похвала показалась мнѣ розовымъ масломъ или утѣшительнымъ бальзамомъ на израненное сердце. Человѣкъ, какъ и другіе! впрочемъ, съ той разницей, что я чрезвычайно недовѣрчивъ ко всему тому, что пишу. Я всегда боюсь, что глупо. Оттого-то меня такъ и обрадовала похвала. Все это вмѣстѣ доставило мнѣ нѣсколько пріятныхъ радостныхъ мгновеній, тѣмъ болѣе, что ко всему, что я сказалъ выше, присоединился утвердительный отвѣтъ Благосвѣтлова на мое предложеніе, отъ котораго ты отказалась.

Онъ согласенъ на изданіе романовъ и даже думаетъ расширить изданіе, т. е., кромѣ англійск., и другіе. Изданіе начинается съ января, и нынче дѣлается публикація и объявленіе на подписку. Основной капиталъ нашъ всего тысяча рублей, по 500 р. съ каждаго. Если дѣло пойдетъ, то уже

въ будущемъ году я могу разсчитывать на 1.000 руб. прибыли; если же лопнетъ, то я потеряю не болѣе 500 рублей. Впрочемъ, этого ожидать нѣтъ причинъ, ибо изданіе подъ фирмой установившагося и всѣмъ извѣстнаго по своей честности Русскаго Слова. На этомъ-то и весь расчетъ успѣха подписки. Теперь я выговорю тебѣ переводную работу. Хорошо? Но вотъ въ чемъ горе. Есть много разныхъ мелочныхъ вопросовъ и обстоятельствъ, которые мнѣ бы нужно разъяснить съ Благосвѣтловымъ; черезъ переписку или посторонняго это совершенно невозможно; напримѣръ, выборъ романовъ для перевода: съ какихъ начать, ибо ихъ тысячи; какъ устроить обоюдный контроль и учетъ и т. д. Мнѣ бы хотѣлось лично переговорить съ Благосвѣтловымъ, но не знаю, какъ это сдѣлать; а нужно бы теперь, т. е. до объявленія, ибо въ немъ долженъ быть уже выясненъ для публики весь характеръ изданія и указаны сочиненія. Что ты довольна этимъ дѣломъ? Непремѣнно отвѣть...

12 сентября.

Радъ, что наше предполагаемое изданіе романовъ тебѣ улыбается. Ужъ, конечно, еслибы это дѣло удалось,— а еще нужно просить разрѣшеніе цензуры,—т. е. по числу подписчиковъ было обезпечено, то было бы превосходно и для тебя и для меня. Я уже писалъ, что мое условіе, чтобы половина перевода была моя (имѣлъ въ виду тебя).

Выборъ романовъ еще не сдѣланъ, ибо сначала нужно покончить съ разными формальностями, но я писалъ Благосвѣтлову, что нужно поспѣшить. Я предполагалъ только одни англійскіе романы, но Григорій Евлампіевичъ думаетъ—еще и нѣмецкіе, итальянскіе и другіе, вообще все, что есть хорошаго. Эта мысль хороша и шире моей; но я боюсь, что мы раскидаемся. Лучше бы держаться болѣе тѣсной программы. Я послалъ Благосвѣтлову списокъ романовъ Купера и Бульвера, у насъ неизвѣстныхъ, а между тѣмъ превосходныхъ. Если дѣло состоится, что я узнаю, вѣроятно, скоро, то ты несомнѣнно получишь работу. Во всякомъ случаѣ, я думаю, нужно давать на половину изъ теперешнихъ романистовъ (текущихъ) и романистовъ 30 годовъ, ибо они посильнѣе. Полагаю, что не нужно брезгать и Вальтеръ-Скоттомъ, ибо—сила.

Для кого ты переводишь Гете? если для В., то печаль...

18 сентября.

Я даже не увѣренъ теперь въ наши романы, потому что Благосвѣтловъ хотя и согласился, но въ то же время предлагаетъ другое предпріятіе: издавать популярныя сочиненія (переводныя) по естественной исторіи и другимъ наукамъ. Но за это дѣло, какъ я слышалъ, уже взялась другая компанія: Зайцевъ, Ковалевскій и еще кто-то. Да еслибы и не взялась, я все-таки считалъ бы романы лучшимъ дѣломъ. Я уже выговорилъ и получилъ согласіе Благосвѣтлова, чтобы половина переводовъ принадлежала тебѣ... Во всякомъ случаѣ въ теченіе этого мѣсяца дѣло разъяснится, т. е. получится согласіе почтамта и цензурнаго комитета.

2 октября.

Хотя въ настоящемъ письмѣ корреспонденція Миши ко мнѣ прекратилась, но я не думаю отстать отъ него такъ скоро и посылаю ему сказку о Мишѣ и Колѣ.

„Милаша Миша. Разъ Коля и Миша пошли на озеро играть въ камешки и увидѣли въ землѣ дырку. Пойдемъ туда, сказалъ Миша.—Пойдемъ, отвѣтилъ Коля. И вотъ полѣзъ сначала Миша, а потомъ Коля. Они ползли долго, долго—день ползли, два ползли, и ужасно проголодались. На четвертый день услышали, что пахнетъ жареными сосисками. Миша такъ обрадовался, что брыкнулъ ногой и задѣлъ Колю за носъ. Коля крикнулъ, и вдругъ передъ ними открылась комната... Мама доскажетъ конецъ“.

10 октября.

Хотя главный цензоръ и отказалъ Благосвѣтлову, но я думаю, что это произошло или отъ нежеланія или отъ неумѣнія объяснить ему дѣло. Романы не были бы изданіемъ редакціи Р. С., они только соединялись бы съ этимъ изданіемъ ради выгоды пересылки и обезпеченія подписчиками. Объ этомъ я думаю написать Благосвѣтлову, чтобы онъ объяснился съ кѣмъ слѣдуетъ еще разъ.

Въ „Русскомъ Словѣ“ теперь цензоромъ Еленевъ, тотъ, что былъ въ „Современникѣ“ въ 1861 и 1862 гг. Это господинъ съ очень мягкими, цивилизованными манерами, съ дипломатической рѣчью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ перомъ несокрушимой, римской твердости, когда онъ вооруженъ имъ при чтеніи корректуры. Печальныя послѣдствія этой

твердости я испыталъ на нѣсколькихъ статьяхъ, и потому все странное и внезапные переходы къ новой матеріи или неясности и недостатокъ связи не станови въ вину мнѣ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что и корректоръ „Русскаго Слова“, должно быть, учился гдѣ нибудь на Уналашкѣ или въ Ундинской слободѣ...

11 октября.

... Затрудненіе, представляемое цензурнымъ комитетомъ нашему изданію романовъ, заключается въ томъ, что не разрѣшаютъ изданіе независимо отъ „Русскаго Слова“. Говорятъ, что безъ редактора нельзя, а редакторъ и всякое новое періодическое изданіе тоже нельзя, ибо все новое запрещено до изданія новаго цензурнаго устава. Нужно просить разрѣшенія министра.

16 октября.

На всѣ твои вопросы отвѣтилъ, а теперь пойдетъ сказка Мишѣ. Но думаю, что она ему не понравится. Увѣдомь, какъ онъ ее найдетъ.

„Милаша Миша. Разъ маленькій мальчикъ Миша, съѣвъ за ужиномъ супу, легъ спать. Только что онъ хотѣлъ засыпать, какъ слышитъ, что кто-то разговариваетъ. Онъ посмотрѣлъ на маму—спитъ, на няню—спитъ; взглянулъ себѣ подъ кровать и видитъ, что его сапоги развалились важно и говорятъ между собой. Лѣвый сапогъ спрашиваетъ праваго:—ты усталъ?—Нѣтъ, говоритъ правый.—А что? а ты?—И я нѣтъ, отвѣчаетъ лѣвый.—А что? Теперь намъ есть время, Миша легъ спать, сходимъ-ка къ его папѣ, къ комендантскому подъѣзду,—говоритъ лѣвый сапогъ,—можетъ, папа пришлетъ что нибудь своему сынку. — Пойдемъ. — И вотъ сапоги вскочили и топъ, топъ, топъ, топъ побѣжали черезъ горы, лѣса и озера, распѣвая во все горло Мишину пѣсню „Віютъ вітры“. Папа уже зналъ, что сапоги къ нему идутъ, и ждалъ ихъ у подъѣзда съ двумя, корзинами: въ одной были виноградъ, а въ другой—яблоки и груши. Только что сапоги прибѣжали, папа насыпалъ въ нихъ до верху — въ одинъ винограду, а въ другой яблоковъ и грушъ, и говоритъ: теперь уже поздно, скоро Миша проснется, отдыхать вамъ некогда, идите скорѣе домой, да смотрите не разсыпьте.—Ужъ будьте спокойны,—отвѣтили сапоги и поскакали домой такъ скоро, какъ воробьи. Скакали, скакали, и какъ прискакали къ кроваткѣ Миши, то въ одномъ осталось всего пять виноградинокъ, а въ другомъ одно яблоко и одна груша; все остальное они потеряли дорогой, потому что ужъ очень торопились. Миша, какъ проснулся, досталъ изъ сапоговъ виноградъ и яблоко съ грушей и отдалъ ихъ нянѣ и говоритъ: няня, папа прислалъ мнѣ бомбошки, возьми и спрячь, я съѣмъ ихъ послѣ обѣда. Вмѣстѣ съ бомбошками Миша нашелъ и письмо, папа ему пишетъ: милаша Миша, если ты захочешь гостинца, то, ложась спать, вели своимъ сапогамъ итти ко мнѣ, и я тебѣ пришлю“.

А ты, Люля, вложи точно чего нибудь въ сапоги отъ меня.

24 октября.

... Что тебѣ понравилась моя статья „Статистика смертности и рожденій“, меня это очень удивило, потому что я стыдился ея. Я даже думалъ, что хуже ничего и быть не можетъ, но убѣдился, что можетъ, когда просмотрѣлъ въ той же книжкѣ статью Щапова. Читать ее я рѣшительно не могъ, потому что этотъ человѣкъ думаетъ задомъ напередъ, такъ, чтобы понимать его, нужно выворотить себѣ мозги. У него въ головѣ рѣшительно каша съ постнымъ масломъ, и я удивляюсь, что Благосвѣтловъ этого не замѣчаетъ.

5 ноября.

... Что ты мнѣ не отвѣчаешь, какъ тебѣ понравилась статья Щапова въ „Русскомъ Словѣ“? Представь себѣ, что „Русское Слово“ до сихъ поръ еще не вышло и даже неизвѣстно, когда выйдетъ. Не выпускаетъ цензура. Но за какой статьей остановка — не знаю. Не думаю, чтобы за моей, ибо моя отличается большой скромностью, называется „Болѣзни чувствующаго организма“ и трактуетъ о предметѣ Гризингера, т. е. о душевныхъ болѣзняхъ; но я пользовался не Гризингеромъ, а Шилингомъ (Psychiatrische Briefe), и статья, какъ мнѣ показалось, вышла интересная. Не читаешь ли ты „Отечественныхъ Записокъ“? По поводу какой-то статьи въ „Голосѣ“ „Русское Слово“ обратилось съ вопросомъ къ Альбертини и затѣмъ въ „Русскомъ Словѣ“ было напечатано его письмо, которое ты, разумѣется, читала. Послѣ этого Альбертини, конечно, нельзя было оставаться сотрудникомъ „Голоса“. „Отечественныя Записки“ (т. е.

тотъ же „Голосъ“, ибо тамъ и здѣсь Краевскій) обрушились на „Русское Слово“, и всѣхъ его сотрудниковъ назвали „безсмысленными наборщиками“, а про Писарева сказали, что онъ „отличается неподдѣльною глупостью“. Я думаю, что браниться въ такой степени совсѣмъ не расчетъ, ибо рискуешь прослыть или глупцомъ или сумасшедшимъ. Кто же не знаетъ, что Писаревъ въ настоящую минуту самый даровитый изъ всѣхъ критиковъ и публицистовъ русскаго пишущаго люда.

21 ноября.

... За поздравленіе съ 40 годами благодарю. Но вѣришь ли, что у меня такъ и защемитъ сердце, какъ вспомню, что уже такъ близко старость, и что въ 40 лѣтъ нужно начинать улаживать всю жизнь сызнова. Я это вынесу, но я боюсь за тебя и за Мишу. Вотъ почему, мой дорогой дружокъ, я писалъ тебѣ разъ о Подольѣ. Конечно, при недостаткѣ средствъ это будетъ для тебя и Миши самымъ удобнымъ, здоровымъ, пріятнымъ и спокойнымъ мѣстомъ жительства. Я предполагаю при этомъ, что ты будешь посѣщать иногда и меня...

26 ноября.

Никогда, милый мой другъ, не укладывался я въ дорогу съ такими мрачными мыслями, какъ вчера. Ѣду въ Вологодскую губернію. Когда — не знаю; но въ путь совсѣмъ готовъ и живу теперь на сенатской гауптвахтѣ.

2 декабря.

Другъ Людя. Настоящее письмо я пишу тебѣ въ квартирѣ Нади. Завтра съ машиной ѣду въ Вологду, но въ какомъ городѣ буду жить, еще не знаю...

7 декабря.

Дружокъ Людя. Послѣ разныхъ треволненій я приближаюсь, наконецъ, къ пристани. Пристанью этой будетъ служить для меня Тотьма—городъ, лежащій отъ Вологды въ 200 верстахъ. Удобство Тотьмы въ томъ, что сообщеніе съ нею неособенно затруднительно, такъ что если ты вздумаешь пріѣхать ко мнѣ погостить, то и при своей инвалидности одолѣешь путь легко. Письмо это пишу къ тебѣ собственно для того, чтобы получить поскорѣе отъ тебя извѣстіе. Въ настоящій моментъ я въ Вологдѣ, и завтра ѣду въ Тотьму...

Тотьма. 13 декабря 1864 г.

Дружокъ Людя. Статистическая особенность Тотьмы въ томъ, что на 3.500 жителей приходится 541 вдова. Что это за вдовы и откуда ихъ явилось здѣсь такъ много, объяснить мнѣ никто не могъ.

Если ты представишь себѣ Ундинскую слободу, увеличенную въ пять разъ, то получишь понятіе о Тотьмѣ. Но мнѣ въ этой увеличенной Ундинской слободѣ будетъ труднѣе, чѣмъ тамъ, потому что здѣсь я совсѣмъ одинъ, какъ пень среди долины. Отъ своей почвы оторванъ, домъ разбитъ, а новыхъ корней здѣсь не пущу и гнѣзда не совью.

Мнѣ кажется, что я очень постарѣлъ; по крайней мѣрѣ, физически я такъ слабъ, какъ никогда не былъ прежде.

Свое жительство здѣсь я считаю временнымъ, т. е. боюсь, что по распоряженію начальства меня переведутъ внезапно куда нибудь; но высылку изъ Петербурга считаю вѣчной, и оттого болитъ мое сердце. Особенно боюсь за невозможность существовать постоянно, то-есть на продолжительное время литературнымъ трудомъ, и потому рѣшилъ копить деньги и ограничивать себя во всемъ...

... Письма мои и ко мнѣ идутъ черезъ руки начальства, т. е. представляются и получаются распечатанными.

Вчера видѣлъ почти все здѣшнее общество въ полномъ сборѣ — въ клубѣ, на семейномъ вечерѣ — и вывелъ то заключеніе, что если въ каждомъ человѣкѣ сидитъ Мефистофель и Фаустъ, то въ столичномъ обществѣ преобладаетъ Фаустъ, а въ здѣшнемъ Мефистофель.

28 декабря.

... Съ устройствомъ квартиры и хозяйства я уже покончилъ. У меня есть все, что нужно для порядка въ вещахъ, платьѣ и бѣльѣ: комодъ, шкафъ, умывальный столикъ, кровать и столикъ къ кровати. Это вещи мои собственныя; все остальное хозяйское. Хозяева мои люди превосходные. И я встрѣчаю въ ихъ отношеніяхъ къ себѣ ту деликатность, какую именно искалъ. Правда, эта семья выше обыкновенныхъ мѣщанъ. Самъ хозяинъ — ратманъ, жена его изъ духовнаго званія; а двѣ дочери — взрослыя — имѣютъ видъ барышень и читаютъ книжки. Скромность же ихъ поведенія безукоризненна. Ѣдой я тоже доволенъ. Однимъ словомъ, матеріальная сторона моей жизни сложилась вполнѣ удовле-

творительно; но нравственно — тоска. Я чувствую, что я здѣсь на чужой сторонѣ, какъ путешественникъ на станціи, гдѣ обстоятельства задерживаютъ его противъ воли, и неизвѣстно, когда кончатся. И тѣмъ сильнѣе чувствую я это, что совсѣмъ разстроенъ нервами отъ продолжительнаго заключенія, и нѣтъ для меня ничего легче, какъ разстроиться отъ самой пустой причины, въ особенности, если я не досплю, т. е. когда лягу послѣ 11 часовъ. Явилась во мнѣ какая-то дѣвичья слезливость.

За работу я уже принялся и черезъ недѣлю отправлю въ редакцію первую статью изъ Тотьмы. Здѣсь пишется легче, чѣмъ въ равелинѣ.

Прощай другъ. Расцѣлуй Мишульку...

4 января 1865 г.

Я здоровъ, но не вошелъ еще въ колею жизни, не усѣлся, между тѣмъ за работу принялся. Работается легче и умнѣе, чѣмъ въ равелинѣ.

8 января. Тотьма.

Дружокъ мой Людя! Знаешь ли, сколько я получилъ твоихъ писемъ съ послѣдней и сегодняшней почтой?—семь. Общее впечатлѣніе ихъ то, что я отогрѣлся и оттаялъ, теперь мы съ тобой друзья... Знаешь, почему я наставилъ эти точки? Когда я написалъ: „теперь мы съ тобой друзья", то опять гдѣ-то глубоко въ сердцѣ почувствовалъ, что зашевелилась снова неувѣренность, что мы составимъ съ тобой попрежнему домъ и будемъ жить вмѣстѣ. Убѣжденія разсудка на меня не дѣйствуютъ; твои письма успокаиваютъ меня на минуту, и затѣмъ опять овладѣваетъ мной чувство одиночества, котораго я не испытывалъ въ крѣпости и которое охватило меня, какъ только я вышелъ на свободу. Дома нѣтъ, корни вырваны, я одинъ въ четырехъ стѣнахъ, ты за тысячу верстъ, ко мнѣ проѣхать нельзя — все это такіе факты, изъ которыхъ ни разсудокъ, ни сердце не извлекутъ ничего утѣшительнаго. И ты хочешь успокоить меня словами, когда меня могутъ убѣдить только факты. Ты знаешь, что человѣку, жившему вѣчно въ семьѣ, одиночная жизнь—пытка. У тебя дѣти, вокругъ—люди, которыхъ ты любишь, у тебя Ѳеня и Софи, однимъ словомъ домъ въ

полномъ составѣ. У меня же черныя деревянныя стѣны, и въ нихъ я такъ же одинокъ, какъ въ равелинѣ. Мнѣ дома тоска. Я даже измышляю, какъ бы убѣгать изъ него почаще, и только журнальная работа удерживаетъ меня въ квартирѣ. Какъ только кончу день — бѣгу, потому что мнѣ нуженъ домъ, и какъ его у меня нѣтъ — я ищу его внѣ. И нашелъ я нѣчто—лучшее, что есть, и отдыхаю тамъ. Въ одно время со мной пріѣхала въ Тотьму дѣвица Лизавета Николаевна Ракова, сестра здѣшняго судебнаго слѣдователя. Я нашелъ въ ней родственную натуру и примирился съ Тотьмой. Ракова пріѣхала съ своей матерью къ сестрѣ замужней за здѣшнимъ лѣсничимъ и больной чахоткой (умерла и третьяго дня похоронили). Теперь онѣ остаются здѣсь еще, потому что жена самого Ракова (брата Елизаветы Николаевны) беременна, и потому мать хочетъ остаться до родовъ, а затѣмъ ѣдетъ къ себѣ въ Устюгъ (вторая станица Вологодской губ., куда губернаторъ хотѣлъ меня отправить, но я перепросился въ Тотьму, ибо далеко и сѣверно). Жена Ракова весьма добродушная, хорошая и искренняя женщина. Мнѣ у нихъ совсѣмъ спокойно, такъ что нервы мои отдыхаютъ, и силы возстанавливаются послѣ работы. Я думаю, и ты уже испытываешь (впрочемъ, это признакъ разбитаго организма) разницу въ бесѣдѣ съ одними и съ другими людьми. Съ родственными натурами трещи хоть цѣлый вечеръ — не устанешь, а съ неродственными—точно тебя тянули за жилы, и измучишься, будто бы гонялся пѣшкомъ за оленями. Я бываю теперь каждый день послѣ работы (8 часовъ) у Раковыхъ и въ 11 часовъ возвращаюсь въ свою убогую храмину. Такъ, по крайней мѣрѣ, я сталъ дѣлать дня 3 — 4, а до тѣхъ поръ все улаживался, устраивался, водворялся или короче примѣнялся къ мѣсту, квартирѣ и новымъ условіямъ. Были у меня минуты очень отрадныя: совсѣмъ тепло и хорошо; но мнѣ уже 40 лѣтъ; для чего нибудь я уже жилъ на свѣтѣ и понимаю, на что я имѣю право и на что нѣтъ, что моя жизнь порченная, избитая, и годимся мы съ тобой только другъ для друга, чтобы черезъ 10 лѣтъ доживать вмѣстѣ старость: молодымъ же портить нельзя, имъ нужно помогать расчищать ихъ собственный путь. Просто даже неприлично писать такъ стариковски. Впрочемъ, ты меня поймешь. Роману конецъ.

9 января.

А хочешь ли знать, какой былъ у меня сегодня обѣдъ? Лѣнивыя щи (говядину я выловилъ и съѣлъ съ горчицей), потомъ двѣ телячьи котлеты съ шинкованной капустой и наконецъ три нѣмецкихъ блина, сложенные салфеточками съ вереньемъ въ серединѣ. И подобный обѣдъ всякій день, и все это съ квартирой и прислугой за 15 руб. въ мѣсяцъ! Но есть такіе человѣконенавистники, которые это находятъ дорогимъ. Не вѣрь имъ: это говоритъ въ нихъ постыдная зависть.

Какъ нервикъ, я живу привязанностями и безъ нихъ не могу существовать. Бываетъ оттого, что за неимѣніемъ бѣлаго хлѣба ѣшь черный и даже съ мякиной; но худой хлѣбъ все-таки лучше хорошаго камня или совершеннаго голода.—Мишулька смѣшитъ меня тѣмъ, что заслоняетъ въ потемкахъ рукой носъ.

11 января.

Другъ Люля! Тоска, тоска и тоска! Вездѣ мнѣ тоска. Дома тоже. Сейчасъ изъ гостей. А теперь всего 9 часовъ. Межетъ быть я боленъ? Не знаю и не понимаю ничего. Впрочемъ, со мной, кажется, это бывало всегда. Это не мизантропизмъ, потому что я знаю человѣкъ пять, съ которыми мнѣ бывало всегда отрадно. Ты, разумѣется, номеръ первый... Не могу писать даже тебѣ, милый мой другъ, какъ будто хочу спать. Спать, разумѣется, не лягу, ибо всего нѣсколько минутъ десятаго. Начну рыться въ книгахъ.

Сегодня получилъ двѣ фуфайки и три пары шерстяныхъ чулокъ.

Не понимаю, чего усердствуетъ почтмейстеръ: онъ не только вскрывалъ посылку въ присутствіи исправника, но еще и вытряхалъ фуфайки: вѣрно думалъ найти бомбы или ракеты. Странное дѣло, что у насъ всякій хочетъ быть полицейскимъ.

16 января.

Всю эту недѣлю собиралъ матеріалы для статьи о Тотьмѣ. Сегодня ѣду на деревенскій дѣвичникъ, хотя это и не нужно для статьи, но можетъ и пригодиться. Бытовой стороны я вообще не касаюсь — тоска, а исключительно съ экономической и соціальной.

За фуфайку, мой дружокъ, крѣпко, крѣпко жму тебѣ руку. Какая ты добрая, а главное — умная. Получивъ фуфайки, я не зналъ было, что съ ними дѣлать, но теперь сталъ надѣвать по утрамъ дома, и отлично, ибо у меня до 12 часовъ, т. е. до конца топки—морозъ. А ужъ на дворѣ какой холодъ! Старъ я и слабъ, крѣпость меня ужасно разстроила; явилась какая-то хилость; чувствую всѣмъ тѣломъ зловредность здѣшняго климата и не могу дышать на улицѣ прямо носомъ, а утыкаю его въ шарфъ.

Сегодня я испыталъ много сильныхъ ощущеній. Въ 12 часовъ (дня) я былъ приглашенъ на открытіе библіотеки при уѣздномъ училищѣ, т. е. здѣшнемъ университетѣ. Открытіе заключалось въ томъ, что 10 русскихъ человѣкъ заявили десять разныхъ мнѣній относительно порядка, въ какомъ подписчики должны получать одинъ за однимъ журналы и газеты, и затѣмъ, поспоривъ и пошумѣвъ, впрочемъ очень тихо и умѣренно, наконецъ согласились и разошлись по домамъ. Затѣмъ я отправился на дѣвичникъ. Это такое варварство, за которое всю деревню слѣдовало посадить по меньшей мѣрѣ въ сумасшедшій домъ. Процессъ заключался вотъ въ чемъ. Въ избу набралась бездна бабъ, дѣвокъ, дѣвченокъ и всякихъ дѣтей и наполнила ее такъ плотно, что между людьми не оставалось ни малѣйшаго промежутка. Затѣмъ изъ сосѣдней, смежной, горницы вышла невѣста, накрытая бѣлымъ платкомъ, сѣла и начала голосить, т. е. притворяться, что оплакиваетъ свое дѣвичество. При общемъ мертвомъ молчаніи дѣло шло у нея плохо, такъ что она сконфузилась и, обратившись къ дѣвкамъ, сказала имъ: „ну, что же вы“. Тогда тѣ принялись пѣть что-то до того непонятное и монотонное, что у меня разстроились нервы, и надо было искать спасенья на чистомъ воздухѣ. Когда кончилось пѣнье, невѣсту увели снова и заплели ей косу, перевязавъ ее веревкой, такъ что коса вышла тверда и плотна, какъ казацкая нагайка, и конецъ веревки дали невѣстѣ въ руки. Теперь для публики предстояла задача расплести косу. Это было бы, разумѣется, не особенно трудно, еслибы невѣста позволила, но она тянула веревку во всю силу и кусала всѣхъ за руки и за что ни попало. Но, какъ публики было много, а невѣста одна, то, конечно, послѣ получаса борьбы она, совершенно измученная, сдалась, и ей

расплели косу. Но видно, что и для деревенской дѣвки это была штука: для предупрежденія обморока ей нужно было дать воды.

22 января.

Ахъ, ты, голубчикъ! У васъ холодно! А что въ такомъ случаѣ тамъ, гдѣ 30° морозу, гдѣ въ комнатѣ 8°, и гдѣ нельзя писать по утрамъ, потому что коченѣютъ руки. Ты меня насмѣшила, что пашла Тотьму на картѣ некрасивой. А что въ натурѣ, просто прелесть. У меня совершенно то же чувство, какъ въ Сибири, но хуже еще: тамъ я имѣлъ гнѣздо, были подлѣ свои люди, а здѣсь 30° морозу и только. Николаевскъ. Пожалуй, что и такъ.

Какое впечатлѣніе произвели старые знакомые? Да я не видалъ ни одного изъ нихъ. Все были новые,—Вареньку я полюбилъ, сотрудники, или, лучше сказать, редакція, показались мелочной лавкой, продающей съ трусостью и исподтишка модныя мысли.

29 января.

Положеніе мое было непріятно; хотѣлось вонъ; хотѣлось видѣть тебя и Мишу; временами ужасно скучалъ, но все это было выносимо, потому что я никогда не впадалъ ни въ малодушіе, ни въ отчаяніе. Мнѣ только хотѣлось раскрыть тебѣ свое сердце, чтобы мой другъ зналъ, что происходитъ во мнѣ. Но то, что я писалъ тебѣ, не имѣло и тѣни сходства съ тѣмъ, какимъ я былъ на свиданьѣ или во время прихода ко мнѣ Удима, Соболева и т. д. Можетъ быть, откровенность моя была ошибкой, но ужъ, конечно, не относительно тебя, потому что я держался и держусь до сихъ поръ, да буду держаться до конца дней своихъ того правила, что близкіе люди должны читать въ сердцахъ другъ друга. Есть люди, не имѣющіе привычки говорить о своихъ внутреннихъ процессахъ много, такой человѣкъ ты; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы это дѣлалось за отсутствіемъ сердечныхъ процессовъ, и чтобы человѣкъ не чувствовалъ никогда боли или радости, а преимущественно боли. Вотъ это-то знаніе сердечной боли ближняго составляетъ для меня главный интересъ. Считая это важнымъ, самъ я думаю, что и для другихъ это знаніе настолько же важно. Вотъ откуда причина моихъ изліяній,—изліяній, которыя я дѣлаю только тебѣ.

8 февраля.

За предложеніе о раздѣлѣ семьи благодарю. Но только за кого ты меня принимаешь?... Здѣсь климатъ сибирскій, разныя дѣтскія болѣзни, дѣти мрутъ, какъ мухи. Неужели тебѣ не шутя пришла мысль послать Колю въ такой Севастополь? И неужели ты думаешь, что я соглашусь на это? До сихъ поръ я не питалъ къ Колѣ никакого чувства, но теперь его полюбилъ ужасно. Но я люблю его тѣмъ чувствомъ, какъ люблю Мишу, т. е. какъ будто это Миша двухъ лѣтъ или нѣчто подобное. А спеціальнаго чувства, особеннаго для Коли, у меня нѣтъ, потому что его не видѣлъ.

Получивъ твое письмо, я плакалъ, но это были слезы пріятныя: прошиблась послѣдняя кора. Прощай, мой милый дружокъ. Расцѣлуй Мишу и Колю.

8 февраля.

Другъ Люля! Предъ самымъ, о — нѣтъ не такъ. Мои письма, какъ тебѣ извѣстно, идутъ черезъ исправника, и точно также я получаю все съ почты. Сегодня, когда мое письмо къ тебѣ уже было готово, исправникъ привезъ мнѣ повѣстку на 10 рублей. За посылкой я отправился на почту съ полицейскимъ надзирателемъ: оказалось шерстяное (байчатое) одѣяло, о которомъ мнѣ никто не писалъ ранѣе ни слова, и лексиконъ Рейфа. Надзиратель пріѣхалъ съ почты ко мнѣ, слѣдовательно разсматривать вещей было некогда; я только черкнулъ слово къ тебѣ, что одѣяло и книга получены, и отправилъ письмо къ исправнику.

Твое письмо — письмо чистаго и благороднаго человѣка; но слѣдуетъ ли тебѣ предлагать мнѣ Колю? Я знаю, что моя жизнь будетъ полнѣе, но нужно дѣлать не то, что пріятнѣе одному, а что лучше многимъ. Если Коля остается у тебя, онъ не рискуетъ ни здоровьемъ, не рискуетъ возможностью получить дурной мужской уходъ вмѣсто ухода матери. Ну, а если Коля умретъ? Во всю жизнь я не прощу себѣ этого. Мой климатъ не твой климатъ; мой уходъ не твой уходъ. И мнѣ кажется, что я разсуждаю правильно, если рѣшительно отказываюсь отъ присылки Коли въ Тотьму. Но, можетъ быть, меня переведутъ въ другую, менѣе вредную губернію, куда и сообщеніе будетъ лучше: въ такомъ случаѣ я попрошу тебя отпустить Колю ко мнѣ погостить на мѣ-

сяцъ или на два, и затѣмъ отправлю его опять къ тебѣ. Конечно, мнѣ было пріятно увидѣть и Мишу.

Письмо твое дало мнѣ надежду, что здоровье твое скоро совсѣмъ поправится. Дай Богъ тебѣ всего хорошаго, а главное—спокойную и безтревожную жизнь. Послѣдніе три года были годами трудными, и ты вынесла ихъ истиннымъ молодцомъ, если не считать болѣзни, но и болѣзнь пройдетъ на берегу Женевскаго озера. А много бы я далъ, чтобы пріѣхать къ тебѣ. Я даже не могу себѣ представить, въ какомъ видѣ вышла бы моя радость. Это было бы для меня чувство совершенно новое, неиспытанное, потому что я, хотя и радовался на своемъ вѣку, но такой радости, какая бы была тогда, мнѣ имѣть никогда не приходилось. Цѣлую тебя и всѣхъ твоихъ. Цѣлую Колю и Мишу. Ужъ мнѣ кажется, что ты любишь Мишу меньше. Милый мальчикъ — поцѣлуй его отъ меня: отъ папы. Вспомнилъ о Мишѣ и прошибло меня; точно въ равелинѣ—и писать больше не буду. Прощай, другъ.

14 февраля.

Не то, чтобы были у меня особыя развлеченія; но раза четыре былъ на чужихъ блинахъ. Впрочемъ, къ чести Тотьмы нужно сказать, что ѣда здѣсь умѣренная и не существуетъ того дикаго хлѣбосольства, какое живало въ губерніяхъ съ помѣщичьимъ элементомъ. Причина этого не въ исключительныхъ или какихъ нибудь чрезвычайныхъ добродѣтеляхъ тотемцевъ, а просто въ томъ, что Тотьма городъ чиновничій и очень бѣдный.

Впрочемъ, несмотря на масляницу, я написалъ все-таки 6 листовъ, въ 7 дней, второй статьи „Тотьма", и хотя статью еще не кончилъ—пишу 9 листъ,—но завтра и перваго дня поста принимаюсь за „Домашнюю лѣтопись". Кажется, я уже писалъ тебѣ, что Благосвѣтловъ не только предложилъ мнѣ писать ее, разъ въ два мѣсяца, но даже объявилъ объ этомъ въ декабрьской книжкѣ. Еслибы ты знала, что сдѣлала цензура съ моей статьей въ этой книжкѣ! Изъ трехъ листовъ вычеркнула ровно полтора, и ничего въ статьѣ не поймешь. Покорнѣйшій слуга—на подобныя темы писать впередъ не стану.

Я писалъ тебѣ, что жить здѣсь дешево, но это не мѣшаетъ мнѣ тратить много денегъ. Рублей 20 — нѣтъ, понемьше—истратилъ на вздоры, остальные—на дѣло.

22 февраля.

Съ тѣхъ поръ, какъ я на свободѣ, я сталъ писать совершенно другой манерой, гораздо свободнѣе, съ фамиліарнымъ оттѣнкомъ. Пишу я совершенно искренно, т. е. не измышляю фамильярности, а какъ ложится подъ перо; но какъ-то не это, что было прежде, то, пожалуй, тебѣ и не понравится. Если будешь читать мои статьи, то напиши; но только не по-спартански, какъ ты имѣешь привычку дѣлать, а съ нѣкоторыми подробностями.

Три мѣсяца только, а мнѣ кажется, что я живу здѣсь безконечное пространство времени. Впрочемъ, я не скучаю и, поработавши дома, въ 8 часовъ отдыхаю въ разговорѣ, подчасъ остроумномъ, но вообще заставляющемъ меня смѣяться. Ты, вѣрно, думаешь, о Тотьмѣ, какъ о лѣсномъ болотѣ гдѣ-то тамъ на сѣверѣ, но Тотьма изъ уѣздныхъ городовъ Вологды самый передовой, и меня немало удивило, что я встрѣтилъ здѣсь людей съ такимъ образомъ мыслей, какого въ уѣздномъ городѣ ожидать нельзя.

Сегодня у меня производилось мытье половъ, и потому я наслаждаюсь теперь такими ароматами, которые происходятъ изъ смѣшенія усердія здоровенной деревенской бабы—усердіе, разумѣется, не пахнетъ, но я выражаюсь такъ изъ деликатности — съ запахомъ досокъ, пропитавшихся вонючими помоями. Но за это въ окно смотритъ солнце, и начинаетъ таять съ крышъ. Это располагаетъ меня къ весеннимъ мыслямъ, и я уже составилъ себѣ планъ переѣхать на лѣто въ деревню, примыкающую вплоть къ городу. Повидимому, все равно. А нѣтъ. Тамъ и дома другого вида, и поле рядомъ съ дворомъ и тише городского, однимъ словомъ — деревня и деревенскій запахъ.

28 февраля.

Сегодня у меня разстроены сильно нервы. Когда я бываю въ обществѣ, то, конечно, никто не подумаетъ, чтобы я былъ такъ слабъ. И какъ мнѣ легко разстроиться: стоитъ только лечь спать въ 12 часовъ, а встать въ 6-ть. Но въ обществѣ нервы мои натягиваются тотчасъ же, какъ струны, и я, повидимому, здоровъ, крѣпокъ и даже веселъ, а между тѣмъ мнѣ тоска.

*

5 марта.

Сейчасъ меня оторвали отъ письма, и вотъ что я узналъ новаго. Благосвѣтловъ выслалъ мнѣ 300 рублей еще за прошлый годъ, и мнѣ прислали его письмо изъ полиціи съ надписью, что на выдачу денегъ нѣтъ препятствій. Это что-то уму непостижимое. Да какія же могутъ быть препятствія? Вообще хорошо жить на свѣтѣ. Относительно писемъ мнѣ было въ равелинѣ легче, онъ, во-первыхъ, на то и равелинъ; а, во-вторыхъ, комендантъ читалъ письма одинъ, не посвящая въ нихъ членовъ своего семейства.

Два раза въ эту зиму, или, вѣрнѣе, въ Тотьмѣ, я наточилъ на себя ножикъ и далъ его самъ другимъ, чтобы меня порѣзали. О первомъ случаѣ, при существующей цензурѣ на мои письма, я напишу тебѣ дня черезъ три, ибо это чужая тайна, а второй въ томъ, что я просился вонъ, тогда какъ здѣсь цвѣтутъ розы и поютъ соловьи, и мнѣ такъ хорошо съ ними, и слушалъ бы я ихъ цѣлый день и смотрѣлъ бы на нихъ съ утра до вечера. Найду ли все это тамъ, куда меня опять броситъ судьба,—не знаю; но здѣшняго сада не увижу уже навѣрное.

22 марта.

Случаются удивительныя обстоятельства въ жизни человѣка, слагаются роковыя встрѣчи, дающія то или иное направленіе всему нашему будущему. И ты, и я знакомы уже съ жизнью съ этой стороны; но я еще не зналъ всѣхъ страницъ этой книги и только теперь, приближаясь къ старости, напалъ на главу, какой мнѣ читать еще не приходилось.

Ты знаешь характеръ моей литературной дѣятельности: я писалъ до сихъ поръ статьи научнаго содержанія, но теперь я задумалъ романъ. Въ главныхъ чертахъ онъ обдуманъ мной вполнѣ; могутъ измѣниться только нѣкоторыя частности; но мнѣ нуженъ твой совѣтъ и твоя помощь. Я знаю, что не только найду то и другое, но что ты останешься для меня тѣмъ же, чѣмъ была до сихъ поръ, и въ гнѣздышкѣ выложишь пухомъ мѣстечко еще для одного лишняго странника. Я говорю не о себѣ.

Вотъ содержаніе романа, который я задумалъ написать. Это въ сущности проектъ семьи, можетъ-быть, изъ 6—7 человѣкъ, связанныхъ не родовымъ, кровнымъ началомъ, а единствомъ нравственныхъ интересовъ и общимъ міровоззрѣніемъ. Такъ могутъ жить, конечно, только люди очень умные и очень честные, и таковы мои дѣйствующія лица.

На сценѣ—мужъ и жена. Мужъ уже не молодой—лѣтъ сорока, жена моложе его лѣтами восьмью. Обстоятельства принудили мужа и жену жить довольно далеко другъ отъ друга; но общечеловѣческія связи ихъ прочны и вѣчны, хотя юношескій пылъ любви ими уже пережитъ. Однимъ словомъ, ихъ теперешняя связь основана на фундаментѣ болѣе прочномъ, чѣмъ любовная пылкость, и они нужны другъ другу, какъ могутъ быть нужны два честныхъ человѣка, уважающіе одинъ другого и увѣренные, что они нужны для обоюднаго счастья разсудительныхъ людей.

Когда послѣ пяти лѣтъ супружества любовные порывы кончились, мужъ десять лѣтъ не испытывалъ ничего подобнаго и не встрѣтилъ ни одной женщины, которая бы зажгла его. Но вотъ случай сталкиваетъ его, сорокалѣтняго старика, съ дѣвушкой, которая моложе его больше, чѣмъ вполовину, и старикъ загорается совершенно тѣмъ же юношескимъ пыломъ, какимъ любилъ нѣкогда свою жену невѣстой. Худо или хорошо поступилъ онъ, что не сдержалъ себя вначалѣ, говорить я не буду; можетъ быть, еслибы онъ не былъ одинъ, этого бы и не случилось; но дѣло въ томъ, что явилась любовь обоюдная съ полной рѣшимостью устроить общее гнѣздо. Это часть первая, заключающая начало и развитіе любви.

Часть вторая. Влюбленные уѣзжаютъ въ Малороссію, т. е., пожалуй, они могли бы ѣхать и въ другое мѣсто, но нельзя. Да, виноватъ. Прежде, чѣмъ они уѣхали, она учится, чтобы достигнуть экономической самостоятельности и имѣть возможность жить своимъ трудомъ, или, по крайней мѣрѣ, вносить часть въ общіе расходы, во-первыхъ, для жизни теперь, а, во-вторыхъ, для самостоятельности въ будущемъ, потому что имѣетъ самыя ничтожныя денежныя средства, на которыя жить независимо невозможно.

Жена знаетъ все это и смотритъ на все разумнымъ окомъ. До сихъ поръ въ романахъ, напримѣръ, Подводный камень, Полинька Саксъ, отличались разумностью такой мужчины, я хочу, чтобы въ моемъ выпала эта доля на женщину. Для большаго самообразованія и чтобы познакомиться

съ моей женой, моя героиня ѣдетъ за границу. Я только не рѣшилъ, когда ей лучше ѣхать—до поѣздки въ Малороссію, т. е. до разрыва связей съ своими родными, или послѣ. Въ первомъ случаѣ однимъ изъ предлоговъ служитъ отвезти на время сына (у героя есть двухлѣтній сынъ) къ его матери.

Обѣ женщины встрѣчаются, какъ встрѣчаются всѣ честные люди. Старшая изъ нихъ существо рѣдкое по уму, стойкости убѣжденій и силѣ характера. Въ дѣвушкѣ нѣтъ такой желѣзной воли, но зато она чиста и искренна, чрезвычайно прогрессивна и умна. Нравственный перевѣсъ остался на сторонѣ старшей, бороться имъ было не изъ-за чего, и женщины увидѣли, что онѣ не помѣшаютъ одна другой. Дѣвушка возвратилась, устроивъ себѣ новую нравственную связь и пріобрѣтя новаго друга.

Часть III. Обстоятельства позволяютъ новой четѣ ѣхать куда ей угодно. Они ѣдутъ за границу. Со времени первой связи прошло пять лѣтъ: дѣтей нѣтъ.

Я не рѣшилъ еще, заставить ли ихъ любить другъ друга пыломъ страсти — со стороны дѣвушки это еще возможно, но не будетъ ли мужчина старъ для этого? Или же у нихъ образовались только дружескія отношенія?

Потомъ не рѣшилъ я еще и вотъ чего: мужчина 45 лѣтъ можетъ уже успокоиться навѣки отъ юношеской любви; но для женщины въ 23—25 лѣтъ это пора еще только наступаетъ. Слѣдовательно, можно сдѣлать два конца. Болѣе правдоподобный, что мужчина довелъ женщину до самостоятельности, и она, разлюбивъ одного, полюбила другого. Но такой конецъ мнѣ не нравится. Ради торжества идеи я хотѣлъ бы устроить такъ, что они вдвоемъ пріѣзжаютъ къ женѣ, въ то же время пріѣзжаетъ издалека одинъ старый другъ мужа, и вся компанія, тутъ же и дѣти жены, составляетъ счастливую семью умныхъ и честныхъ людей, связанныхъ нравственными интересами и доживающими мирно старость. Только не знаю, гдѣ взять старость у героини, когда она моложе жены 15 годами! Напиши свое мнѣніе, но не забудь, что мой герой можетъ отстаться честнымъ человѣкомъ только тогда, когда возстанутъ на него обстоятельства, отъ него рѣшительно не зависящія; а самъ онъ отступать не можетъ.

25 марта.

Другъ Люля! Это письмо, какъ экстренное, номера не имѣетъ. А экстренное оно вотъ почему. Я просился жить въ Устюгѣ, второмъ городѣ губерніи. И разрѣшеніе дали мнѣ внезапно. А какъ теперь наступила распутица, то я и тороплюсь отъѣздомъ и въ путь завтра.

4 апрѣля. В. Устюгъ.

Твое письмо я получилъ, уже садясь въ повозку, чтобы ѣхать въ В. Устюгъ. Ты спросила, зачѣмъ я поѣхалъ сюда, а главное сѣвернѣе и холоднѣе; но въ твоемъ письмѣ есть и отвѣтъ на этотъ вопросъ. Отчего не итти въ садъ, когда отворяютъ двери?

Что за великолѣпное письмо написала ты мнѣ, и что ты за разумный человѣкъ! Но что то ты мнѣ отвѣтишь на мой проектъ романа? Я ужъ дѣлалъ разныя догадки и между прочимъ думалъ, что ты возстанешь противъ романа въ трехъ частяхъ и назовешь послѣднія глупыми. Но я думаю, что въ одной или, въ крайности, въ двухъ частяхъ онъ совершенно невозможенъ. Представь себѣ положеніе человѣка, разрывающаго со всѣмъ прошлымъ: вѣдь не умирать же ему съ голоду на улицѣ?

Я совершенно доволенъ пока устюжской жизнью и вообще намѣренъ жить здѣсь совершеннымъ пустынникомъ. Для этого, между прочимъ, перебираюсь на самый край города и думаю, что настолько буду далекъ отъ всѣхъ, что меня забудутъ. Впрочемъ, и въ Тотьмѣ, несмотря на свое знакомство со всѣми, я жилъ такъ, что мнѣ бы не мѣшали работать, еслибы я самъ не хлопоталъ объ этомъ. Причина въ томъ, что мнѣ самому не сидѣлось дома, и я постоянно влекся туда, гдѣ мнѣ было тепло и хорошо.

Здѣсь я пока не организовалъ свою жизнь; но устрою ее такъ, что соединю жизнь для ума и сердца въ одно, не мѣшающее другъ другу цѣлое.

18 апрѣля.

Устюгъ мнѣ нравится гораздо болѣе Тотьмы уже потому, что это большой городъ ($8^1/_2$ тыс. жителей). Слѣдовательно, въ немъ и условія жизни болѣе широкой. Ты догадываешься, что заставило меня переѣхать въ Устюгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ты хорошо знаешь и меня. Просидѣвъ $19^1/_2$ мѣсяцевъ при

условіяхъ, не особенно благопріятныхъ для какой бы то ни было жизни, я, выскочивъ на свѣтъ Божій и попавъ прямо въ Тотьму, набросился на тотемскихъ людей со всѣмъ пыломъ юношеской любви и преувеличивалъ въ нихъ рѣшительно все; точно это не люди, а драгоцѣнности и ангелы. Конечно, послѣ тѣхъ людей, которыхъ я видѣлъ, это были, пожалуй, и дѣйствительно люди болѣе высокаго сорта. Кончилось, однако, тѣмъ, что высокій сортъ мнѣ надоѣлъ и пресытилъ меня. А между тѣмъ я увлекся и наглупилъ. Но глупилъ я искренно, какъ честный человѣкъ. Теперь совершился во мнѣ переворотъ. Я знаю, что это не хорошо относительно другихъ, и стою теперь на распутьѣ, не зная, что дѣлать. Ты скажешь — глупо, Базаровы такъ не поступили бы. Я согласенъ. Но какъ же глупое сдѣлать умнымъ? Научи.

И всегда я былъ такой. Накинусь всѣми силами, превеличу, искипячусь, а потомъ остыну. А все-таки Устюгъ лучше Тотьмы.

Между прочимъ, и тѣмъ, что здѣсь есть и фотографія. Въ доказательство чего и посылаю тебѣ двѣ своихъ карточки. Одну возьми себѣ, а другую дай кому найдешь лучше, конечно, если пожелають взять.

Но долженъ я замѣтить, что въ натурѣ я менѣе старообразенъ, чѣмъ вышелъ, а вышелъ такимъ потому, что въ крѣпости очень похудѣлъ и, какъ мнѣ кажется, очень теперь тощъ. А впрочемъ, не знаю.

Новости. Въ государственномъ совѣтѣ уже утверждена отмѣна предупредительной цензуры, и новое положеніе о печати введутъ въ сентябрѣ. Благосвѣтловъ пишетъ мнѣ, что цензура стала теперь легче. А впрочемъ во второй моей статьѣ о „Тотьмѣ" цензоръ вычеркнулъ „Овенъ"; только одну фамилію и больше ничего. Не знаю, почему ему не понравилось имя Овенъ. Нѣкоторое ослабленіе цензуры объясняется тѣмъ, что государь замѣтилъ, что литература стала скучной, и издатели постоянно попадаютъ въ долговыя отдѣленія.

25 апрѣля.

Я уже писалъ тебѣ, съ какимъ азартомъ я накинулся на людей послѣ освобожденія, и какіе всѣ казались мнѣ превосходные. Теперь же я ушелъ въ себя, и всѣ мнѣ... тоска, и никого я не люблю. Есть только одна прочная связь — это съ тобою, такъ что я не могу представить себѣ жизнь безъ тебя. И потому — терпѣніе. Думаю, что наконецъ заживу счастливо. Одно сокрушаетъ меня. Накинувшись на людей, я готовъ былъ отдать имъ свою послѣднюю рубашку. А отъ этого явились и нѣкоторые неблагоразумные расходы. Все это, конечно, нужно было пережить раньше, чѣмъ установиться. Но тѣмъ не менѣе денегъ вышло у меня много. Теперь я сталъ скупиться: хочу къ концу года скопить малую толику и поступать такъ каждый годъ. Но съ другой стороны боюсь, что въ нынѣшнемъ году на этомъ поприщѣ постигнетъ меня неудача, потому что придется заплатить за переѣздъ Коли, да самому при путешествіи въ новую губернію истратить двойные прогоны, такъ что доходъ всего года уйдетъ на прогоны да на обзаведеніе на каждомъ новомъ мѣстѣ.

1 мая.

Дружокъ Людя. Сегодня написалъ я къ Машѣ, къ Варенькѣ, къ Надѣ объ отправленіи ко мнѣ Коли немедленно. Ужъ я его такъ люблю, потому что чувствую, что онъ заполнитъ мою жизнь. Я еще не заказалъ для него ничего; но закажу на-дняхъ: 1) кроватку. Она будетъ точеная и выкрашена отлично, какъ снѣгъ, бѣлой краской, чтобы не укрылся ни одинъ клопъ, которыхъ здѣсь въ каждомъ домѣ миріады. Потомъ заказалъ уже филейную сѣтку изъ бѣлыхъ шнурковъ; ножки въ чашкахъ; 2) будетъ у него: свой комодъ, свой гардеробный шкафъ, свой стулъ, свой умывальный столъ, ванна.

Теперь ты мнѣ напиши инструкціи, какъ вести его.

Домъ, гдѣ я живу, состоитъ изъ двухъ половинъ и былъ бы для насъ превосходенъ. Но вотъ бѣда — хозяйка и согласна бы уступить, да ей самой дѣться некуда. А было бы жить хорошо; при домѣ есть даже нѣчто въ родѣ сада, т. е. огородъ съ березами. Здѣсь другихъ деревъ не растетъ. На-дняхъ вопросъ рѣшится. Она посовѣтуется съ своими родственниками и, если добудетъ денегъ, то сдѣлаетъ къ дому пристройку, куда и переселится. Я держусь этой хозяйки потому, что можно имѣть отъ нея столъ, не зная ни обзаведенія, ни хлопотъ; ибо здѣсь бѣда съ людьми: кухарокъ рѣшительно нѣтъ. Съ прислугой просто бѣдствіе. Забылъ главное: почему я распорядился о немедленной до-

ставкѣ къ себѣ Коли. Изъ министерства внутреннихъ дѣлъ пришелъ на мою просьбу такой отвѣтъ: „Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ виду обстоятельствъ, по которымъ полковникъ Шелгуновъ посланъ въ Вологодскую губернію, не можетъ разрѣшить ему выѣхать за границу, а также и переѣхать въ другую губернію". Значитъ, лѣтъ на 10. Мой романъ долженъ кончиться. Какую я сыгралъ роль? Я знаю — меня не винятъ. Но здѣсь ничего невозможно. Мнѣ кажется, я весь уйду въ Колю. Странное дѣло: точно человѣку нужно любить и только, а кого — все равно. Впрочемъ, въ первомъ случаѣ есть и трусость. Я знаю, что прочное невозможно, по неравенству нравственныхъ и умственныхъ силъ. Но, съ другой стороны, развѣ можно знать, куда и какъ разовьется молодой человѣкъ или, вѣрнѣе, дѣвушка? Однимъ словомъ, какое странное минутное увлеченіе. При другихъ условіяхъ, конечно, ничего бы не было.

Да, съ чего ты взяла что въ 45 лѣтъ *я хочу непремѣнно* сложить руки и доживать старость? Я вовсе не хочу, но боюсь, что это случится. Перцу во мнѣ еще довольно. Но я всегда боялся, что останусь безъ здоровья и работы. Вотъ тебѣ и все. Цѣлую тебя, мой другъ, вотъ какъ крѣпко.

16 мая.

Романъ, о которомъ я писалъ тебѣ, и о которомъ ты сообщила мнѣ свое мнѣніе, писаться не будетъ; какъ говорится — лопнулъ. Теперь я задумалъ психологическую статью о томъ странномъ процессѣ и смѣнѣ чувствъ, какая можетъ происходить въ людяхъ. Если ты, гуляя въ померанцевой рощѣ и плѣнившись померанцемъ, сорвешь его, а потомъ, идя дальше, встрѣтишь померанецъ болѣе привлекательный, сорвешь ли второй и бросишь ли первый, или нѣтъ?

Я, кажется, не писалъ тебѣ о своихъ устюженскихъ знакомыхъ. Я знакомъ только съ двумя семейными домами: Раковыхъ (мать и дочь дѣвица) и Косаревыхъ (мужъ, жена и дочь 4 лѣтъ). Раковы живутъ здѣсь постоянно, а Косаревъ служитъ въ обществѣ Сѣверо-Двинскаго пароходства и на лѣто уѣзжаетъ въ Архангельскъ. Вчера они отправились туда съ первымъ пароходомъ. Косарева — молодая дама, сильной, сосредоточенной натуры и очень умная.

Кровать для Коли уже готова, но боюсь, что мой мальчикъ пріѣдетъ ко мнѣ, а у меня не будетъ готово для него помѣщеніе.

20 мая.

Если твое письмо бываетъ въ грустномъ тонѣ, то оно всегда сшибаетъ меня съ рельсовъ. Какъ прочны у насъ съ тобой узы. Еще бы! Если жизнь пережить — не поле перейти, то думаю, что мы съ тобой видали виды и вынесли своими костями малую толику. Въ годъ не разскажешь и не перескажешь всего. Поэтому, какое бы у меня ни было настоящее, и какіе бы цвѣты ни выростали въ моемъ вертоградѣ, впереди рисуется мнѣ всегда свѣтлая точка въ видѣ мирной, покойной жизни съ тобой и мирной бесѣды передъ комелькомъ съ старыми друзьями. Когда я спокоенъ за тебя, я, напротивъ, тотчасъ же начинаю вить гнѣздо, разсчитывая, что проживу же я, ну, хоть здѣсь, въ Устюгѣ, лѣтъ пять. И рисуются мнѣ хорошія картины, и мнѣ такъ хорошо и тепло. Помнишь, я всегда говорилъ, что я, какъ пень среди долины. Теперь бы я сказалъ другое. Но вотъ сталкиваются два міра — будущій и настоящій, и человѣкъ выпиваетъ стаканъ холодной воды, и опять ему тоска, и не знаетъ онъ, что ему дѣлать.

Бываютъ странные, непонятные процессы. Я уже писалъ тебѣ о померанцахъ. Я знаю, что для померанца нехорошо, что его бросаютъ. Но лгалъ ли человѣкъ? Нѣтъ. Говорятъ, Базаровъ такъ не поступилъ бы. Но вѣдь мы еще не знаемъ, что бы было изъ него, если бы онъ загорѣлся, какъ сухое дерево. Да и странность не въ этомъ, а въ томъ, что является внезапно другая сила, въ двадцать разъ большая, и оттягиваетъ тебя въ сторону, и все прежнее отрубается сразу, точно топоромъ, точно его никогда не было. Вопросъ этотъ чисто психологическій, и я отношусь къ нему теперь головнымъ образомъ, не обвиняя и не оправдывая никого, ибо держусь органической теоріи.

Напиши мнѣ свое мнѣніе.

27 мая.

Ты находишь, что мои письма изъ Тотьмы отличались мрачнымъ колоритомъ. Ну, еще бы! Вѣдь Тотьма не померанцевая же роща, а тамошніе обитатели не соловьи, услаждающіе слухъ. Только теперь я понимаю вполнѣ, изъ какого

болота я вырвался, и какое подавляющее вліяніе могла бы имѣть на меня жизнь въ этомъ богоспасаемомъ городкѣ, хотя люди тамъ все хорошіе и добросердечные.

Въ Устюгѣ тоже не растутъ померанцевыя рощи, этого мало — сегодня, 27 мая, нѣтъ въ городѣ ни одной распустившейся березки; но, тѣмъ не менѣе, я все-таки довольнѣе Устюгомъ, ибо могу сохранить уединеніе въ многолюдствѣ и быть самъ съ собой, обходясь безъ всякихъ лишнихъ знакомствъ, которыя, отрывая только отъ дѣла, не приносятъ никакой существенной пользы.

Твой „Рекрутъ 1813 года“ передѣланъ хорошо и нравится. И основываюсь я тутъ не на своемъ мнѣніи, а на мнѣніи одного очень умнаго и порядочнаго господина, проживающаго здѣсь въ Устюгѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и я.

Ужъ какъ я люблю тебя, дружокъ мой, и какъ ты меня смѣшишь празднованіемъ нашей свадьбы! А я всегда забываю этотъ день. Но въ будущемъ году буду праздновать его непремѣнно, только особеннымъ образомъ, не такъ, какъ празднуютъ вообще люди. Дѣйствительно, голубчикъ, мы имѣемъ на то нѣкоторое право, потому, если и не въ началѣ, но когда сами развились и созрѣли, сумѣли размежеваться въ жизни и создали себѣ счастье, которое дается не многимъ, да еще и долго не будетъ даваться, пока наши обыкновенные супруги будутъ пребывать въ томъ остроумномъ турецкомъ міросозерцаніи, въ какомъ они обрѣтаются.

3 іюня.

Эхъ, написалъ бы я тебѣ о разныхъ своихъ сердечныхъ процессахъ, какъ говорится, выложилъ бы душу. Но при тѣхъ условіяхъ, которымъ подвергается наша корреспонденція, разговоры о душѣ — вещь неудобомыслимая. Скажу только одно, что я очень скучаю, какое-то непріятное чувство ожиданія и постоянное нытье. Къ этому еще неувѣренность, что меня не станутъ тревожить переводами. Теперь бы мнѣ Устюга оставить не хотѣлось.

10 іюня.

Ты думаешь, что Коля у меня? Такъ и было! Нашимъ петербургскимъ размазнямъ пиши объ одномъ и томъ же по сту разъ, да и то не дѣлаютъ. Особенно понравилось мнѣ остроуміе Нади. Получилъ отъ нея письмо, что Коля выѣзжаетъ 27 мая. Жду. Затѣмъ получаю другое письмо, въ которомъ она говоритъ, что, пріѣхавъ къ Зайцевымъ для врученія 100 рублей, на дорогу няни, она, т. е. Надя, нашла двери квартиры запечатанными двумя черными печатями. И больше ни слова. Что за печати? Гдѣ Коля? Гдѣ Зайцевы? Однимъ словомъ — что и почему? Вѣдь бываютъ же такія головы, въ которыхъ не родится ни одного вопроса.

Спасибо Благосвѣтлову, хоть отъ него узналъ кое-что. Впрочемъ, тоже мало. Вотъ что онъ пишетъ во вчерашнемъ письмѣ: „Почему не посылаютъ вамъ вашего мальчика — это удивительно, когда объ этомъ говорилось уже довольно давно. Развѣ арестъ Зайцевыхъ—ихъ арестовали и мать, и сына по одному пустяшному дѣлу и скоро выпустятъ на волю,—развѣ этотъ арестъ помѣшалъ отправить Колю, или Евгенія Егоровна ублажаетъ себя свиданьемъ съ нимъ. Я поручилъ Нестерову исполнить вашу просьбу о немедленной отправкѣ буквально“. Вотъ тебѣ и все.

17 іюня.

Хотя знакомыхъ у меня почти нѣтъ, и я почти нигдѣ не бываю, но случается, что выхожу въ люди. А въ этомъ случаѣ я нахожу, что ко мнѣ относятся враждебно и смотрятъ на меня, какъ на иностранца. Точно я не такой же русскій, какъ они. Въ добавокъ къ этому еще и врутъ. Напримѣръ, одинъ господинъ разсказывалъ, что я сосланъ за намѣреніе убить мать. Положимъ, что все это пустяки, но при моей нервной раздражительности меня и пустяки безпокоятъ. Совсѣмъ отказаться отъ людей—невозможно: ужъ такая штука человѣкъ, что ему нужно видѣть человѣка. Хоть бы пріѣхалъ скорѣе Коля. Впрочемъ, сомнѣваюсь, чтобы онъ заполнилъ окончательно пустоту. Есть еще и другія струны, которыя нужно удовлетворить. Однимъ словомъ — тоска. Да дѣлать нечего. Потоскую, потоскую, да и перестану.

Сейчасъ писалъ моей маменькѣ, какъ раскидала всѣхъ насъ судьба, кто—гдѣ. И въ Сибири, и гдѣ хочешь. Неужели мы всѣ тамъ и умремъ, не увидѣвъ другъ друга. Глупая штука. Слова спокойны, а чувство возмущено. Зато при свиданіи можно даже упасть въ обморокъ отъ радости.

1 іюля.

Что я буду любить Колю любовью разумныхъ людей,— ты не сомнѣвайся; но достанетъ ли во мнѣ столько познаній, сколько нужно для хорошаго его физическаго воспитанія,— не ручаюсь, хотя прочитаю все, что нужно для этого.

4 іюля.

Превосходная, славная Варенька, которую я очень, очень люблю и которую прошу тебя поцѣловать отъ меня такъ, чтобы у нея заболѣли зубы, совсѣмъ не похожа въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ на ту Вареньку, которую я рисую себѣ, любуясь ея карточкой. Варенька настоящая, проживающая теперь въ Женевѣ, имѣетъ сердце стальное, а та Варенька, которую я люблю, имѣетъ сердце человѣческое. Стальная Варенька требовала отъ меня писемъ, но я ошибкой написалъ, къ моей идеальной Варенькѣ; стальная, разумѣется, не отвѣтила и угасила мой свѣточъ. Для стальной Вареньки дорогъ Устюгъ, потому что въ немъ будетъ Коля, а я при немъ играю роль фигуры, стоящей на третьемъ планѣ. Я принадлежу къ тому гордому, или какъ хочешь назови, сорту людей, которые возвращаютъ ровно столько, сколько имъ даютъ. Далѣе — славная Варенька не хочетъ заглянуть въ душу человѣка, находящагося въ моемъ положеніи. Я видѣлъ недавно господина, который по опыту говоритъ, что въ крѣпости сидѣть легче, чѣмъ быть въ ссылкѣ. Въ моемъ же положеніи самое худое то, что меня постоянно мучитъ мысль, что я непроченъ въ Устюгѣ; я нахожусь совершенно въ положеніи человѣка на почтовой станціи. Я больше ничего не хочу, какъ только того, чтобы меня оставили въ покоѣ. Ужъ я примирился съ мыслью, что я пробуду въ ссылкѣ лѣтъ десять, и хочу только одного, чтобы меня не переводили изъ города въ городъ, какъ это дѣлаютъ съ другими. Пусть стальная Варенька кидаетъ теперь въ меня камнемъ. Я же протяну ей руку и поцѣлую ее. Занятія не удовлетворяютъ меня, Коля не заполнитъ всей пустоты, и въ сердцѣ еще остается свободное мѣсто... только что же съ нимъ дѣлать? Развѣ наклеить ярлыкъ и написать: „отдается въ наемъ"? Но кому нужна старая квартира! Пусть моя идеальная Варенька передумаетъ и перечувствуетъ мои вопросы,

а я подожду отъ нея отвѣта, потому что вторую половину письма хотя я пишу и въ третьемъ лицѣ, но обращаюсь прямо къ ней.

8 іюля.

Наконецъ, вчера въ 12 часовъ дня пріѣхалъ Коля. Дѣйствительно, мальчикъ славный. Но бѣдняга хотя и вынесъ храбро дорогу, но, должно быть, усталость должна взять свое. Сегодня хнычетъ.

29 іюля.

Моя жизнь тоже идетъ не совсѣмъ ровно. Все я вью себѣ гнѣздо, потому что, какъ ты сама знаешь, Коля не можетъ заполнить меня вполнѣ. Но нужно признаться, что Устюгъ не представляетъ въ этомъ отношеніи никакого матеріала. Когда я пріѣхалъ сюда, то познакомился съ одной дамой—Марьей Платоновной Косаревой, и скажу тебѣ, что такихъ женщинъ не встрѣчалъ. Замѣчательнаго ума и спокойной разсудочности. Если бы она жила здѣсь, я бы не хотѣлъ ничего лучшаго. Но, во-первыхъ, мужъ ея служитъ въ пароходной компаніи (забылъ сказать, что ей 23 года), и на лѣто они уѣхали въ Архангельскъ, а, во-вторыхъ, она больна такими сложными болѣзнями, и въ томъ числѣ водянкой, что теперь, какъ говорятъ, надо ожидать выхода самаго грустнаго. Ты не можешь себѣ представить, какъ это меня печалитъ. Я вѣрю слуху потому, что вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я не имѣю отъ М. П. писемъ. Значитъ—что нибудь худо. Самъ же я пишу къ ней теперь каждую почту, т. е. два раза въ недѣлю, и переписка эта доставляетъ мнѣ истинное наслажденіе. Если бы только болѣзнь не принесла печальнаго исхода, и если М. П. пріѣдетъ на зиму сюда, то, конечно, я не позавидую ни Петербургу, ни Лондону. Теперь же меня ужасно мучитъ мысль о томъ, что весь мой міръ погибнетъ. Помнишь ли, я писалъ тебѣ о померанцахъ перваго и второго сорта: я писалъ тогда о ней.

Однако, я не пишу ни слова о Колѣ. Сейчасъ у него было великое горе, и бѣдняжка плакалъ горькими слезами: его стригли. Горе, конечно, великое, но избѣгнуть его было невозможно.

12 августа.

Сегодня отправлялъ статью въ „Русск. Слово" и потому теперь тороплюсь, чтобы не опоздать на почту. Хотѣлось

писать и къ Варенькѣ, но едва ли успѣю. Но только къ Косаревой пишу, по обыкновенію, длиннѣе, чѣмъ къ тебѣ, но тоже коротко. Изъ этого ты видишь, что я горячусь. Меня ужасно испугали извѣстія о Косаревой. Ей стало такъ худо, что она лежитъ уже мѣсяцъ въ постели не вставая. Бѣдная! И всего человѣку 23 года. Я даже думалъ, что она не встанетъ. Но теперь я узналъ, что ей лучше. Однако, все не увѣренъ, оживетъ ли она. Я знаю, что мои письма дѣйствуютъ на нее хорошо, и потому пишу къ ней съ каждой почтой. Для меня въ ней все мое спасенье, а безъ нея такая пустота въ Устюгѣ, что ты себѣ и представить не можешь. Я сижу постоянно дома. Да и куда ходить и зачѣмъ? Человѣкъ я рабочій: почитываю и пописываю и съ одеревенѣлымъ сердцемъ убиваю такимъ образомъ день за днемъ. Счастливые вы люди! А почемъ знать, такъ ли? Въ одномъ вы счастливѣе—знаю я положительно: вы свободны, какъ птицы.

19 августа.

Зачѣмъ мнѣ сорокъ лѣтъ, зачѣмъ я не красивъ, зачѣмъ нѣтъ женщины, которая бы полюбила меня? А впрочемъ я бы не могъ любить. Неправда, могъ бы, только безъ страстности, тихо и спокойно. Если бы ты, другъ, была со мной, тогда бы во мнѣ не было той пустоты, которую мнѣ все хочется заполнить. Ты бы меня совсѣмъ не узнала, милая моя Людя, я такой спокойный, кроткій и тихій — точно и не я, а всему причиной продолжительное заключеніе, которое совсѣмъ измѣнило меня, т. е. разбило и обезсилило, такъ что вышелъ изъ меня почти весь перецъ и тотъ черноземъ, который меня портилъ.

26 августа.

Въ майской и іюньской книжкахъ „Русскаго Слова“ ты найдешь мое „Женское бездѣлье“. Статью эту я задумалъ писать потому, что, читая живую книгу русской жизни, я увидѣлъ, что русская женщина не знаетъ ровно ничего; что ей не извѣстны самыя простыя, основныя житейскія понятія, и что только повѣсти и романы удостоиваются ея вниманія. Между тѣмъ экономическія понятія составляютъ основную сущность всѣхъ остальныхъ соціальнымъ понятій, и съ ними нельзя познакомиться въ романахъ и повѣстяхъ. Это навело меня на мысль написать „Женское бездѣлье“ и посвятить

его „прекрасному полу“ потому, что безъ этого тѣ, для кого писалась статья, читать бы ее не стали. Мысль, какъ ты видишь, была здоровая и обсужена была зрѣло. Но вотъ какія вышли послѣдствія. Во-первыхъ, „Голосъ“, или, лучше сказать, одинъ изъ подозрительныхъ его сотрудниковъ (ты знаешь, что въ „Голосѣ“ участвуютъ люди сомнительной общественной нравственности, и каждый изъ нихъ старается скрыть свое имя), назвалъ мою статью болтовней, а меня—старой бабой. Объ этомъ я говорю собственно потому, чтобы объяснить тебѣ второе обстоятельство, касающееся меня прямо. Нѣкоторые изъ моихъ устюженскихъ согражданъ заподозрѣли меня въ желаніи вывести ихъ почтенныя личности и нашли въ моихъ статьяхъ будто бы свои портреты. Разумѣется, это дѣлаетъ честь ихъ проницательности и сообразительности и во всякомъ случаѣ рекомендуетъ съ хорошей стороны ихъ нравственное чувство. Но съ другой стороны нужно замѣтить, что весь свѣтъ заполненъ злыми старыми дѣвами; всѣ эти старыя дѣвы сплетничаютъ и пересуживаютъ и страдаютъ повсюду тупоуміемъ и невѣжествомъ. Не понимаю, почему устюженскимъ дѣвамъ понадобилось отыскивать себя въ моихъ статьяхъ и тѣмъ довести до общаго свѣдѣнія, что онѣ именно страдаютъ всѣми тѣми умственными немощами, о которыхъ я говорю? По-моему, это было не разсудительно. Дальше явились и между мужчинами подобные же сообразительные люди, а, можетъ быть и, галантные кавалеры, и два изъ нихъ съ поразительнымъ усердіемъ, какого они не выказываютъ никогда на службѣ, принялись развозить повсюду „Голосъ“ и читать всѣмъ, что меня назвали бабой. Однимъ словомъ, радость была всеобщая, и я достигъ своей цѣли, потому что моя статья, хотя и заставила почтенныхъ устюжанъ побранить меня, но въ то же время и заставила ихъ подумать о томъ, о чемъ до сихъ поръ думать имъ не приходилось. Попалъ, какъ говорится, въ жилу. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мои статьи, несмотря на свою болтливость, произвели во всѣхъ городахъ, уѣздныхъ и, пожалуй, губернскихъ, подобное же движеніе въ мозгахъ мѣстныхъ обитателей.

Изъ всего этого ты видишь, что быть литераторомъ въ провинціи небезопасно, и теперь мнѣ остается только ожидать, что кто нибудь, обидѣвшись какой нибудь моей статьей, писанной безъ всякой мысли о немъ, найметъ какихъ ни-

будь незнакомцевъ съ дубьемъ, поставитъ ихъ у моихъ воротъ, и... ты понимаешь, что дальше. Увлеченные усердіемъ незнакомцы приложатъ излишнее стараніе, и въ одно прекрасное утро полиція г. Устюга найдетъ на тротуарѣ мой бездыханный трупъ.

23 сентября.

Дружокъ мой и дорогой, родной человѣкъ Людя. Напрасно ты думаешь, что мнѣ пришлютъ нагоняй. Ваши предположенія съ Варенькой оправдались: Маша дѣйствительно выходитъ за Ковалевскаго, и, какъ писалъ мнѣ В. А., въ половинѣ сентября должна быть свадьба. Значитъ, дѣло уже кончилось.

Ты меня, голубчикъ, насмѣшила, такъ что я сейчасъ громко расхохотался. И этому причиной твое объясненіе слова «всегда». Ужъ какъ тамъ ни объясняй, а все выходитъ что-то не то. Ну, да не важно; тѣмъ болѣе, что наступитъ же наконецъ пора, когда мы снова заживемъ вмѣстѣ.

Ужасно меня огорчило извѣстіе о смерти М. Онъ умеръ брайтовой болѣзнью, т. е. болѣзнью почекъ и общей водянкой. Я спрашивалъ доктора, въ сознаніи ли умираютъ при этомъ. Онъ сказалъ—нѣтъ, и что смерть происходитъ отъ задушенія. Вопросъ свой я дѣлалъ для того, чтобы разъяснить, мучился ли бѣдный М., и умеръ ли онъ въ памяти. М. зналъ, что ему не жить.

30 сентября.

Другъ мой Людя! Ты не ошиблась, что извѣстіе о смерти М. произведетъ на меня очень, очень тяжелое впечатлѣніе. Я уже писалъ тебѣ объ этомъ. Тяжело мнѣ было потому, что я въ будущемъ рисовалъ себѣ яркій камелекъ и передъ нимъ компанію старцевъ, хорошихъ, добрыхъ, живущихъ однимъ міромъ. Теперь эта компанія меньше. Ты не ошиблась и въ томъ, что я сталъ еще болѣе одинокъ. Сорокъ лѣтъ я кипятился и накидывался на людей съ полной искренностью; я ненавидѣлъ ложь и обманъ въ другихъ, не позволялъ никогда ихъ и себѣ. Я всегда былъ искрененъ и въ этомъ считаю все свое достоинство. Но провинція дала мнѣ послѣдній урокъ мудрости житейской, и я утвердился теперь окончательно на той мысли, возведя ее уже въ принципъ, что лучше всего жить одному въ своемъ собственномъ мірѣ и держать себя подальше отъ того, что въ провинціи считается образованными манерами. Зайцевъ мнѣ писалъ, что и Петербургъ занимается тѣмъ же, кидая грязью въ людей, которыхъ пустые болтуны даже и понять не могутъ. Ну, какъ не пожалѣть послѣ этого о томъ, что нашъ камелекъ разстраивается, и убываетъ людей, съ которыми жилъ бы и умеръ вмѣстѣ! Ты пишешь, что сердце твое не принимаетъ ничего остро, а больше ужъ какъ-то хронически. Со мной съ лѣта началось то же самое, а съ извѣстіемъ о смерти М. я совершенно затупѣлъ къ рѣзкимъ острымъ ощущеніямъ, какъ и ты. Однимъ словомъ, со мной сдѣлалась головная реакція.

7 октября.

Вчера я прочелъ въ „Книжномъ Вѣстникѣ“, что милый М. умеръ въ Каинскомъ пріискѣ. Опять сжалось сердце. Съ нѣкоторыхъ поръ напала на меня какая-то апатія. Чувствую, что совсѣмъ пусто въ головѣ и сердцѣ. Какая-то притупленность и чувства, и мысли. Вообще этотъ № „Вѣстника“ полонъ извѣстіями о смерти нашихъ знакомыхъ: умерла Софья Дм. Хвощинская (Весеньева), умеръ Вольфсонъ и Брокгаузъ.

21 октября.

Другъ Людя. Новое постановленіе о печати произвело въ редакціи „Русскаго Слова“ революцію. Мѣсяцъ тому назадъ я получилъ отъ Зайцева письмо, въ которомъ онъ сожалѣетъ, что меня нѣтъ въ Петербургѣ, а Писаревъ находится въ уединенномъ положеніи. „Вы могли бы судить, продолжаетъ онъ, о важности этого обстоятельства, только зная о тѣхъ реформахъ въ журналѣ, какихъ я и Соколовъ добиваемся отъ Г. Е. Къ сожалѣнію, какъ ни необходимы эти реформы, и какъ ни важны онѣ для интересовъ не только „Русскаго Слова“, но и всей литературы, я потерялъ надежду склонить на нихъ нашего почтеннаго издателя, который при всѣхъ своихъ достоинствахъ не одаренъ тою добродѣтелью, которою въ такой степени отличаемся всѣ мы, т. е. быть пролетаріемъ“. Что все это значитъ, я понять не могу, хотя зналъ очень хорошо, что Г. Е. далеко не пролетарій, и никогда не вѣрилъ въ искренность его липкихъ и сладкихъ фразъ. Напримѣръ, въ письмѣ отъ 4 сентября Благосвѣтловъ мнѣ пишетъ: „въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ столько прочнаго расположенія, столько задушевнаго уваженія, что измѣ-

нить эти отношенія можетъ развѣ только смерть да вы сами. Я третій годъ работаю съ вами въ одномъ журналѣ и, что гораздо важнѣе, въ одномъ умственномъ направленіи; я третій годъ переживаю нравственно ту тяжелую пору вашей жизни, за которой я по необходимости долженъ былъ слѣдить... Я не испыталъ десятой доли того, что испытали вы, но я могу понимать, что значатъ ваши опыты, и какая благородная натура должна быть у того, кто въ этомъ водоворотѣ сумѣетъ сохранить полнѣйшее присутствіе свѣтлой мысли и спокойнаго характера... и т. д.“. Затѣмъ въ письмѣ отъ 7 сентября, т. е. черезъ три дня, Г. Е. является уже другимъ. Письмо написано въ какомъ-то раздраженномъ состояніи и съ очевиднымъ неудовольствіемъ на меня, при чемъ намекается, что для двухъ отдѣловъ работать трудно, и статьи выходятъ спѣшныя. Кромѣ того, заявлена боязнь сидѣть въ тюрьмѣ по милости сотрудниковъ, которые вмѣсто дѣла вздумаютъ разряжаться трескотней фразъ. Не понимая, къ кому относится это предостереженіе, я отвѣчалъ вообще. Вчера получаю отвѣтъ на это письмо, гдѣ Г. Е. говоритъ въ прежнемъ тонѣ: „По правдѣ сказать, только вы и Писаревъ связываете меня нравственными отношеніями къ „Русскому Слову“; я люблю его именно настолько, насколько могу любить и уважать васъ... вчера я подалъ просьбу объ утвержденіи меня редакторомъ серіознаго отдѣла. Кромѣ того, предполагается предложить Зайцеву особый отдѣлъ для редакціи. Не знаю, какъ все это устроится... прошу васъ убѣдительнѣйше высылать поскорѣе статьи...“. Какъ поскорѣе? Значитъ—чаще, значитъ—больше статей, а прежде писалъ, что для двухъ отдѣловъ много, и намекалъ на 3—4 листа въ мѣсяцъ? Ничего не понялъ. Но вчера же я получилъ письмо и отъ Зайцева. „Я, Соколовъ и Писаревъ, пишетъ онъ (но развѣ Писаревъ на свободѣ?), подали нынче въ отставку отъ „Р. С.“ и *всей журналистики* (?). Надняхъ объ удаленіи нашемъ будетъ напечатано или въ книжкѣ Р. С. или въ Петерб. Вѣдомостяхъ... Но какая причина этого происшествія? Причина очень простая: дѣло въ томъ, что Г. Е. овладѣлъ страхъ, и онъ сдѣлался хуже всякаго Веселаго. Кромѣ того, онъ имѣлъ неосторожность въ пылу спора сознаться, что цѣль его—только собрать теперь подписку, которую онъ разсчитываетъ въ 4.000, потомъ издавать книжки какъ можно экономичнѣе, рублей въ 600 этакъ, не дороже, и къ концу 1866 г. откланяться публикѣ и отправиться на лоно природы... Онъ дошелъ до того, что предлагалъ въ редакторы Р. С., по случаю отказа Благовѣщенскаго (спраздновавшаго трусу), то Чужбинскаго, то Порѣцкаго, то одного стараго 70-лѣтняго подьячаго, то, наконецъ, своего разсыльнаго!.. Я полагаю, что это извѣщеніе будетъ для васъ не лишнее, и если не вызоветъ васъ къ чему нибудь теперь, то хотя дастъ возможность знать, чего ждать въ будущемъ“.

На свои отношенія къ Р. С. я никогда не смотрѣлъ, какъ на прочныя, и зналъ, что такъ или иначе они должны кончиться; вотъ почему я и писалъ тебѣ о переводахъ. Въ Петербургѣ все это ничего; но когда живешь одинъ въ голой степи, то есть о чемъ задуматься. Что дѣлать? Прощай, другъ. Коля здоровъ и веселъ.

28 октября.

Мнѣ ужасно понравилось твое выраженіе по поводу Авдѣева: „Онъ хорошій былъ человѣкъ, не знаю, какъ теперь“. Именно такъ! Въ послѣднее время намъ пришлось узнать людей, ну, и нужно согласиться, что на свѣтѣ совершаются великія превращенія; всякій такъ и хлопочетъ продать своего ближняго; истинные братья во Христѣ!

Революція въ Р. С. кончилась общимъ примиреніемъ. Всѣ остались на лицо, и журналъ раздѣлили по редакціямъ: критическій отдѣлъ — Зайцеву, экономическій — Соколову, Благовѣщенскій и Благосвѣтловъ—остальными. Если бы Писаревъ и я были въ Петербургѣ, то и намъ достались бы свои отдѣлы. А теперь и такъ.

Зайцевъ пишетъ же мнѣ вотъ что: „8-го числа (октября) помѣщено въ „Голосѣ“ слѣдующее объявленіе: „Отъ редакціи Русск. Слова. Во имя общественной пользы, экономической правды и достоинства самой журналистики, которая должна быть не только свободной, но и честной, объявляется: 1) издатель не считаетъ подписной суммы своей собственностью; 2) подписная сумма не должна расходоваться произвольно; 3) издатель, какъ повѣренный подписчиковъ, есть главно-управляющій конторою журнала; онъ обязанъ давать въ извѣстные сроки полный отчетъ во всѣхъ расхо-

дахъ по изданію; 4) отчеты эти должны печататься въ самомъ журналѣ за подписью издателя. На этихъ началахъ, которыя мы признаемъ справедливыми и полезными, будетъ издаваться Русское Слово. Г. Благосвѣтловъ, Н. Благовѣщенскій, В. Зайцевъ, Н. Соколовъ". И дальше: „Нынче я, Соколовъ и Д. И. заключили между собой тайный оборонительный союзъ, условія котораго состоятъ въ томъ, что управляющій конторою не можетъ исключить или удалить противъ воли никого изъ постоянныхъ сотрудниковъ, какими мы считаемъ себя, васъ и Благовѣщенскаго. Удаленіе одного влечетъ за собой немедленный выходъ остальныхъ (т. е. изъ насъ троихъ пока)". Я тоже вступлю въ этотъ союзъ, но только не понимаю, зачѣмъ онъ тайный; въ чистыхъ дѣлахъ незачѣмъ секреты; тѣмъ болѣе что договоръ идетъ противъ Благосвѣтлова, то онъ, разумѣется, и долженъ знать о его содержаніи.

25 ноября.

Другъ Людя. Хоть твое письмо не заключаетъ особенно веселой сущности, но оно повліяло на меня хорошо ибо зашевелило во мнѣ надежду съ тобой увидѣться. Ахъ, Людя, Людя, какой бы это былъ для меня праздникъ. Я уже представляю себѣ пріютный камелекъ, тебя и Вареньку и мирную и теплую бесѣду. Мнѣ ужасно стыдно, что я до сихъ поръ не пишу Варварѣ Александровнѣ. Но знаешь ли—отчего? Ну, что я стану писать къ ней? какую нибудь тоску или поднимать вопросы, вызывающіе на размышленія? Еще куда ни шло—у камелька. Но и тамъ едва ли бы я пустился въ подобныя странствія.

...Въ подобномъ положеніи нахожусь я въ Устюгѣ; про меня не говорятъ, что я ворую, но что я убилъ свою мать. Кромѣ того, есть и такіе доброжелатели, которые желаютъ меня отправить въ Колу. Наконецъ, и это большинство здѣшняго общества, т. е. всѣ тѣ, съ кѣмъ я не знакомъ, смотрятъ на меня исподлобья и озираясь, точно я вотъ сейчасъ протяну руку и вытащу у нихъ изъ кармана носовой платокъ. Конечно, я доставилъ бы этимъ простодушнымъ людямъ возможность смотрѣть на себя веселѣе; но и то немногое знакомство, которое я имѣю, отрываетъ меня отъ дѣла, особенно теперь, когда я работаю и долженъ буду еще цѣлый декабрь работать усиленно.

9 декабря.

Дружокъ Людя. Пожалуйста, голубчикъ, узнай черезъ Вареньку, но только осторожно, какая перемѣна во взглядѣ явилась у Зайцева на меня. У нихъ въ редакціи между Благосвѣтловымъ и Соколовымъ были великіе споры по поводу моего „Женскаго бездѣлья". Соколовъ совершенно не согласенъ съ моимъ экономизмомъ, и какъ онъ имѣетъ большое вліяніе на Зайцева, то и „успѣлъ внушить ему на мой счетъ самыя комическія сомнѣнія". Это весьма любопытно, и я просилъ Благосвѣтлова разъяснить, что это значитъ. При своемъ разъясненіи не упоминай ни меня, ни Благосвѣтлова: они ужъ и такъ всѣ переругались, а какъ будто ты прослышала стороной.

Ты мнѣ написала совсѣмъ неясно, въ чемъ заключается sans façon'ство Благосвѣтлова съ твоими переводами Шатріана. Гдѣ онъ ихъ напечаталъ?

Благосвѣтловъ мнѣ тоже писалъ о размолвкѣ и жалуется на Соколова и Зайцева, хотѣвшихъ оттереть его отъ Р. С., и на разныя сплетни, интриги и личности. Съ Новаго года Благосвѣтловъ будетъ платить мнѣ по 60 р. съ листа. Не знаю, будетъ ли мнѣ это выгоднѣе, потому что все зависитъ отъ числа напечатанныхъ листовъ.

16 декабря.

Сегодня мнѣ привезли „Голосъ". Зайцевъ и Соколовъ отказываются отъ сотрудничества въ „Русск. Сл.", и въ „Р. Сл." говорятъ: „то же самое уполномочилъ насъ сообщить отъ своего имени Д. И. Писаревъ". Безъ Писарева „Русск. Слово" немыслимо. Что будетъ, не знаю. Но все это очень глупо. Какъ мнѣ кажется, всю эту кутерьму надѣлалъ Соколовъ, человѣкъ, сколько это видно изъ его „Маску долой!" (вызовъ Современнику), горячій, но не умный. Во всякомъ случаѣ все это нехорошо, потому что если „Р. Сл." захвораетъ холерой, то и твоему покорнѣйшему слугѣ приключится болѣзнь и отощаніе. Ты мнѣ писала о переводной работѣ, но мнѣ ея и до сихъ поръ никто не присылалъ. Однимъ словомъ, жить за тридевять земель, какъ я, и удовлетворяться отрывочными газетными объявленіями,—положеніе не завидное. Мнѣ кажется, что если бы я былъ въ Петербургѣ, то Зайцевъ не былъ бы въ лапѣ Соколова и не

выскочилъ бы изъ кожи. Я даже думаю, что ничего подобнаго не случилось бы, если бы была въ Петербургѣ Варвара Александровна.

9 января 1866 г. В.-Устюгъ.

...Ахъ, какъ тяжело и скверно жить на свѣтѣ! Чего бы я не далъ, чтобы быть съ тобой, мой другъ. Но, увы! хотя и есть земныя силы, которыя могли бы это сдѣлать, но онѣ не сдѣлаютъ, а небесныя — давно уже перестали помогать людямъ. Отъ Зайцева я получилъ два письма: одно—содержанія воинственнаго, съ подозрѣніями; другое—примирительное, ибо онъ самъ все напуталъ, обѣщавъ мнѣ писать и не исполнивъ своего обѣщанія. Подробнѣе напишу въ четвергъ. Между прочимъ, онъ предлагаетъ мнѣ отказаться отъ Р. С. и вступить къ нимъ и отдавать свои статьи для задуманнаго ими „Опыта", сборника статей. Первая книжка выйдетъ 20 января. Я отвѣтилъ, что хотя душой я и въ ихъ компаніи, и дѣйствительно я люблю его и Писарева, но нужно подождать новыхъ обстоятельствъ, чтобы я могъ оставить Р. С. На первый разъ Зайцевъ предлагаетъ мнѣ 150—200 рублей. Видишь какъ!

Миша пусть проститъ меня, что до сихъ поръ ему не отвѣчаю; да и отвѣчу не по-нѣмецки; во-первыхъ, труднѣе для меня и, во-вторыхъ, что нерусское письмо должно быть отправляемо чрезъ вологодское начальство...

13 января 1866 г. В.-Устюгъ.

Дружокъ Людя. Въ заголовкѣ слѣдующаго письма ты встрѣтишь уже не В.-Устюгъ, а Никольскъ, куда меня переводятъ. О причинѣ перевода я напишу тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ. Теперь же я въ хлопотахъ: заказываю ящики, нанимаю возчиковъ, завтра все укладываю, и если успѣю, то послѣзавтра отправляю вещи, а самъ трогаюсь въ понедѣльникъ (сегодня четвергъ). Понедѣльникъ вывезъ меня разъ изъ Орла и привелъ въ департаментъ, не вывезетъ ли онъ меня и нынче въ Петербургъ или за границу...

26 января 1866 г., Никольскъ.

...Благопріятно подѣйствовалъ Никольскъ и на меня: я здѣсь спокоенъ духомъ и имѣю всего трехъ знакомыхъ, изъ нихъ двухъ зналъ раньше: исправника и лѣсничаго, и новаго

знакомаго пріобрѣлъ въ лицѣ помощника исправника. Въ Устюгѣ же меня одолѣвали знакомые. Но какая же причина, что я попалъ въ Никольскъ. Не угадаешь и очень удивишься: я далъ пощечину (двѣ) одному судебному слѣдователю, господину въ высшей степени дерзкому, глупому, звѣрю въ семейной жизни и т. д. Люди, знающіе его, говорятъ, что ему слѣдовало получить ихъ давно, но изъ мѣстныхъ жителей не нашлось ни одного человѣка, способнаго на это. Мои пощечины—только финалъ исторіи, которая началась еще весной, и въ которой я дѣйствовалъ, какъ третье лицо. Ты догадываешься, что тутъ замѣшалась любовь и ревность. Господинъ, получившій пощечину, имѣлъ смѣлость не только сказать мнѣ грубость, но даже погрозить пальцемъ; я воспылалъ, какъ пироксилинъ, и отвѣтилъ грубіяну языкомъ, ему единственно понятнымъ. Мало мѣста, другъ, съ слѣдующей почтой получишь подробное описаніе. Переводомъ въ Никольскъ я очень пока доволенъ...

30 января 1866 г., Никольскъ

...Меня ужасно обрадовало извѣстіе, что въ октябрѣ ты пріѣдешь въ Петербургъ. Жаль только, что октябрь не скоро.

„Р. С." получено второе предостереженіе, послѣ третьяго журналъ закроютъ. Благосвѣтловъ мнѣ пишетъ: „Вотъ что надо дѣлать: выбрать другое заглавіе, для такого же журнала, какъ и „Русск. Сл.", и продолжать его изданіе при тѣхъ же сотрудникахъ и подписчикахъ". Посмотримъ.

Я въ Никольскѣ уже десять дней, и живется мнѣ въ немъ легко. Въ Устюгѣ постоянно я чувствовалъ надъ собой полицейскій надзоръ, и это такая пытка, которой ты, конечно, представить себѣ не можешь. Въ Никольскѣ умныя власти, а въ Устюгѣ—сама угадай: я не скажу. Прощай, мой голубчикъ. Цѣлую тебя. Напиши, пожалуйста, Варенькѣ, что я цѣлую ея ручки, и что она божественная. Съ слѣдующей почтой я напишу къ ней большое письмо. Цѣлую ее. Пожалуйста, напиши. Мишульку цѣлую.

Я постоянно тороплюсь, потому что мало времени. И теперь горячусь, чтобы не опоздать на почту...

6 февраля, г. Никольскъ.

Я писалъ нѣсколько разъ къ Зайцеву объ адресѣ, но безуспѣшно. Когда же у него вышелъ окончательный разрывъ съ Благосвѣтловымъ, и мнѣ нельзя было писать черезъ редакцію Р. С., то я отправилъ съ письмомъ къ Е. Е. и письмо для доставленія къ В. А. Послѣ этого Зайцевъ и я успѣли написать другъ къ другу два раза, а отъ Е. Е. все еще нѣтъ и перваго отвѣта.

Тебѣ не вѣрится, чтобы Бубка (сокращенное Варѳоломей) могъ сдѣлать что нибудь неблаговидное. Еще бы! Я совершенно и глубоко вѣрю въ искренность и честность его, а не Благосвѣтлова, хотя скажу, что одно время я вслѣдствіе писемъ Благосвѣтлова сильно обвинялъ Бубку. Теперь же, особенно послѣ послѣдняго письма В. А., я еще не знаю, въ какія отношенія я сталъ бы къ Благосвѣтлову, если бы былъ въ Петербургѣ.

Изъ письма къ Варенькѣ, которое я прошу тебя переслать къ ней, ты увидишь, что Зайцевъ и со мной готовъ итти на разрывъ. Но мнѣ это обидно, и я его до этого не допущу. Впрочемъ, несмотря на это, я все-таки не согласенъ съ пріемомъ, избраннымъ Соколовымъ.

Развѣ твой пропавшій переводъ не былъ застрахованъ? Сколько мнѣ помнится, во Франціи за пропажу на почтѣ рукописи—выдается всего 50 франковъ. Если столько же и въ Швейцаріи—печально.

Хотя бы меня перевели въ губернскій городъ!—пишешь ты. Въ лучшее не переводятъ, а все въ худшее. Любопытно, что въ письмѣ отъ 17 янв. Зайцевъ пишетъ мнѣ о моемъ переводѣ въ Никольскъ; но въ то же время (немножко раньше) пришло и распоряженіе изъ Вологды. Неужели губернаторъ телеграфировалъ въ Петербургъ и исполнилъ только тамошнее приказаніе?

Вмѣсто меня Мишѣ отвѣчаетъ Коля. Я думаю, Миша этимъ будетъ болѣе доволенъ...

13 февраля 1866 г., Никольскъ.

...Благосвѣтловъ пишетъ, что Писаревъ воротился въ Р. С., но повредилъ себѣ своими рекламами въ глазахъ крѣпостного начальства, и потому положена на него эпитимія—

писать въ „Русскомъ Словѣ“ подъ именемъ Рагодина. Впрочемъ, эпитимія продолжится мѣсяца два, а потомъ возвратятъ ему его собственное имя...

6 марта 1866 г., Никольскъ.

Другъ Людя. Ты, конечно, уже знаешь о третьемъ предостереженіи „Русск. Слову“ и о запрещеніи его на *пять* мѣсяцевъ. Если бы подобныя дѣла могли быть обсуждаемы гласно, то, конечно, цензурному управленію это принесло бы большую пользу. Теперь же, напримѣръ, оно смѣло говоритъ, что я въ статьѣ „Честные мошенники“ придаю воровству значеніе „труда“, тогда какъ я напротивъ эксплуатаціи въ формѣ ошибочно понимаемаго труда придаю значеніе воровства. Впрочемъ, что объ этомъ толковать. Ужъ такая наша участь горькая, что плетью обуха не перешибешь...

13 марта 1866 г., Никольскъ.

На свое дружеское письмо къ Зайцеву я не имѣю отвѣта. Если онъ на меня сердитъ, то мнѣ останется только думать, что онъ, какъ нянюшка Коли, не переноситъ самыхъ кроткихъ, дружескихъ, справедливыхъ замѣчаній. Но за что онъ можетъ сердиться на тебя, или только за то, что ты Шелгунова? Странное понятіе о солидарности между мужемъ и женой. Впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь и сегодня получу отъ Зайцева отвѣтъ. Въ такомъ случаѣ все сказанное беру назадъ.

Ты пишешь о довольно дерзкомъ письмѣ отъ Благосвѣтлова. Онъ человѣкъ нервнаго характера и въ письмахъ иногда горячится. Впрочемъ, изъ всѣхъ его писемъ ко мнѣ только въ одномъ я нашелъ выраженія, которыя мнѣ не понравились. По какому случаю онъ написалъ непріятность тебѣ?

Ты говоришь о манифестѣ. Благосвѣтловъ писалъ мнѣ, что ожидаютъ много милостей по случаю серебряной свадьбы государя. А будетъ она 16-го апрѣля нынѣшняго года...

29 марта 1866 г., Никольскъ.

...Меня удивляетъ твоя исторія съ Варей. Но зато я понимаю, почему, написавъ ко мнѣ, она просила адресовать прямо въ Бернъ, на имя ея матери. Сначала меня это уди-

вило, ибо я всегда посылалъ черезъ тебя. Братъ ея мнѣ не отвѣтилъ ни слова и отвернулся отъ протянутой мной ему руки. Изъ этого выходитъ только то, что я не считаю его, какъ прежде, разсудительнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за странные люди! У нихъ, должно быть, трихины. Только непонятной болѣзнью и можно объяснить подобные непонятные разрывы, повидимому, прочныхъ отношеній.

Какъ твое здоровье? Мнѣ тоска. Да и погода скверная.

До свиданія, другъ. А было бы хорошо, если бы мы увидѣлись съ тобой зимой...

18 мая 1866 г., Никольскъ.

Другъ Людя. Недѣля эта была для меня недѣлей тяжкихъ размышленій. Вотъ основанія для нихъ: 1) Благосвѣтловъ арестованъ...

...Изъ всего этого я вывелъ вотъ что: не сегодня, такъ завтра „Русск. Слово“ прекратитъ свое существованіе, и моей литературной дѣятельности конецъ, ибо и писать некуда, и мое сотрудничество не будетъ никому нужно...

...Съ прекращеніемъ работы придется перебиваться, т. е. продовольствоваться какими нибудь 15 рублями въ мѣсяцъ. На эти деньги жить съ Колей нельзя. Я придумалъ и еще болѣе мрачныя вещи, да ужъ о нихъ не хочу писать...

7 іюня 1866 г., Никольскъ.

Твои письма измѣнили совсѣмъ всѣ мои проекты, и я сталъ снова надѣяться на лучшее.

Что Р. С. существовать не будетъ, въ этомъ я увѣренъ.

Литературное дѣло, которое я сначала такъ полюбилъ, начинаетъ мнѣ теперь противѣть. Я бы съ удовольствіемъ промѣнялъ его на такое занятіе, гдѣ видишь, что дѣлаешь, и будь я въ большомъ городѣ, я постарался бы пріискать что нибудь. Въ Никольскѣ нельзя найти никакого дѣла. Здѣсь не нужны даже лакеи. Въ минуту горькихъ размышленій и безнадежности я рѣшилъ просить казенное содержаніе, которое дается ссыльнымъ: 4 р. 50 к. на ѣду и 1 р. 50 к. на квартиру въ мѣсяцъ.

Теперь же, въ отвѣтъ на твои письма, я думаю вотъ что:

1) Совѣтъ Маріи Ѳедоровны неосуществимъ: я не могу писать больше ни по лѣсоводству, ни по технологіи, ибо я сказалъ все, что зналъ, и новаго больше ничего сказать не могу. На повторенія же, особенно, когда они никому не нужны, не поднимается рука. Однимъ словомъ, моя лѣсоводственная литературная дѣятельность кончилась, и воскреснуть ей невозможно. Всякой вещи свое время.

2) О заграничной поѣздкѣ я, разумѣется, и не мечтаю. Но теперь потерялъ надежду и на переводъ въ другой городъ. Я даже увѣренъ, что за пощечину, данную одному негодяю, устюжское начальство аттестуетъ меня дурно, хотя вся эта исторія не имѣетъ ровно никакого политическаго характера. Одно средство устроить что нибудь впередъ лучшее: *твое личное хожденіе по моему дѣлу.* И вотъ мой планъ. Ты пріѣзжаешь въ Петербургъ, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. (У меня есть 350 р., слѣдовательно, до января я съ Колей проживу). Тотчасъ же разузнай, на кого нужно дѣйствовать: быть ли у Суворова, Долгорукова, Валуева, Шувалова, Мезенцова. Не поскупись на время и труды. Объясни состояніе моего здоровья и т. д. и проси перевода въ такую мѣстность, гдѣ возможно жить безъ литературнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ не ходить же мнѣ по міру, или непремѣнно хотятъ этого? Если бы Никольскъ былъ университетскій городъ съ медицинскимъ факультетомъ, я бы занялся медициной; объ этомъ я уже думалъ. Я готовъ даже дать подписку, что не буду ни съ кѣмъ знакомъ. Но во время ученія нужно же пить и ѣсть. А чѣмъ? Переводами, что ли? Вотъ и опять ты должна устроить литературныя сношенія. Однимъ словомъ, свое время въ Петербургѣ употреби на мой переводъ и обезпеченіе моего содержанія или какимъ нибудь мѣстомъ, или вѣрной, постоянной работой. Если бы ты знала, какъ тяжела поднадзорная лямка! И особенно въ такомъ городѣ, какъ Устюгъ! Если бы ты знала, что тамъ за люди, изъ тѣхъ, кто имѣетъ голосъ и вліяніе! Можно съ отчаянія застрѣлиться, только чтобы не видать ихъ. Охъ, голубчикъ, тяжело. Вѣсти отовсюду скверныя. Безъ тебя я, какъ безъ рукъ. Самъ своими средствами я ничего сдѣлать не въ состояніи...

...Дружокъ Людя, сообщу тебѣ еще яснѣе свою программу. Такъ какъ жизнь вышибла меня изъ колеи, то нужно мнѣ опять создать себѣ дорогу, опять взобраться на

гору и подготовить тебѣ и себѣ спокойную старость, а Колѣ и Мишѣ дать образованіе.

Вступилъ я было на литературный путь и даже утвердился на немъ, такъ что если бы не было помѣхъ, можно бы итти и устроить свое будущее. Но и съ этого пути обстоятельства сбили меня. Нужно покинуть журнальное поприще. И такъ съ двухъ путей я уже сбитъ—служба и журналистика. Куда итти? гдѣ искать и пробовать еще?

Вотъ чѣмъ бы я могъ быть и готовъ хоть сейчасъ: я бы съ великой охотой занялся экономической статистикой Россіи, ибо въ сей моментъ наша экономическая (финанс. торг. промышл.) внутренняя и внѣшняя политика страдаетъ больше всего отъ недостатка точнаго знанія современныхъ экономическихъ условій страны. И я полагаю, что дѣльный, обширный трудъ, на который бы я охотно посвятилъ 5 лѣтъ, былъ бы дѣйствительно полезенъ и далъ бы мнѣ имя въ ученой литературѣ. Къ подобной работѣ я совершенно подготовленъ всей предыдущей дѣятельностью.

Но вотъ въ чемъ помѣха. Заняться такимъ дѣломъ можно только въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а меня туда не возьмутъ.

Учиться медицинѣ и стать докторомъ недурно; въ 2 года можно успѣть; но нужно эти 2 года чѣмъ нибудь жить. А какъ пойдетъ потомъ практика? Этотъ путь наиболѣе скользкій и невѣрный.

Есть еще одна дорога. Служить по акцизу у Грота. Думаю, что новыхъ доказательствъ моихъ служебныхъ способностей и честности мнѣ представлять не нужно. Что же касается до моего общаго и политическаго міровоззрѣнія, то я думаю, что при опредѣленіи крѣпости спирта и учетѣ винокуренныхъ заводовъ міровоззрѣніе не играетъ ровно никакой роли, и никому оно не нужно.

Если что придумаешь болѣе вѣрное и лучшее, уполномочиваю тебя дѣйствовать за меня. Ты знаешь и мои наклонности, и мое направленіе, и мои слабости, значитъ, не ошибешься. Помни только, что пощечина, данная мною судебному слѣдователю Сутоцкому,—человѣку, о которомъ ты можешь судить по тому, что онъ услыхалъ о Гарибальди въ первый разъ только тогда, когда явилась шляпка à la Гарибальди, и который звалъ меня человѣкомъ подозрительнымъ и ссыльной собакой,—причиной, что устюжскій исправникъ, другъ и пріятель Сутоцкаго, аттестовалъ меня, конечно, очень дурно. Но неужели отвѣтить пощечиной на грубость значитъ быть *поведенія неблагонамѣреннаго?* Пожалуйста, объясни это, если понадобится, кому слѣдуетъ.

Я писалъ черезъ Надю къ Благовѣщенскому, и главный мой вопросъ, будетъ ли существовать „Русское Слово“. Если получу отвѣтъ „нѣтъ“, то до перемѣны въ своемъ положеніи, котораго надѣюсь достигнуть черезъ тебя, напишу къ кому нибудь о переводной работѣ.

Отвѣть мнѣ поскорѣе на это письмо, и когда ты пріѣдешь въ Петербургъ? Если ты придумаешь что другое, и потребуются къ начальству отъ меня письма, то я вышлю ихъ къ тебѣ для личнаго доставленія. Тутъ ты и переговоришь.

Посылаю тебѣ виды дома, въ которомъ я живу. Домъ на самомъ скатѣ къ р. Югу, маленькій, скверный, полугнилой; вокругъ печаль и нищета. Противъ дома ванна, устроенная здѣшнимъ лѣсничимъ, и я купаюсь въ ней три раза въ день регулярно. Вспомнилъ я сегодня въ ваннѣ подобное же регулярное купанье, но только не здѣсь и не съ тѣми. Вспомнилъ Гатчину. Какое славное было лѣто, какіе славные люди, какія золотыя мечты! Теперь мы, точно стадо куропатокъ, разогнанное охотникомъ. Одни умерли, другіе далеко. Всѣ вразбродъ. Прежде я мечталъ о томъ, что хотя на старости соберемся всѣ снова у камелька, а теперь уже не мечтаю. Всѣ не соберутся.

Не знаю, какой получу отвѣтъ о „Русскомъ Словѣ“, но, чтобы не пропало время, сегодня сяду писать вторую статью (Дом. лѣт.) для августовской книжки. Понадобится—готово; а если нѣтъ—все лучше работать, а не сидѣть, сложа руки.

15 іюня 1866 г., Никольскъ.

Другъ Людя. Твои письма отъ 5 и 8 іюня получилъ въ одну почту. На нихъ и отвѣчаю.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты порѣшила жить со мной или вообще возвратиться изъ-за границы, камень свалился съ меня. Сообщаю въ дополненіе къ послѣднему письму еще вотъ что: если тебѣ не удастся добыть мнѣ переводъ въ другую губернію или какое нибудь мѣсто и занятіе, въ та-

комъ случаѣ нужно будетъ тебѣ выхлопотать у вологодскаго губернатора или, еще лучше, въ Петербургѣ переводъ мнѣ въ ближайшій городъ къ Вологдѣ. Есть два такихъ города — оба за 42 версты отъ Вологды: Грязовецъ и Кадниковъ. Грязовецъ лучше, ибо тамъ превосходный предводитель дворянства (они играютъ здѣсь роль) и хорошій исправникъ. Кромѣ того, Грязовецъ лежитъ на ярославскомъ трактѣ въ 160 верстахъ отъ Ярославля. А отъ Ярославля до Петербурга сообщеніе на пароходѣ (до Твери), а затѣмъ желѣзная дорога...

...Всѣ свои надежды на улучшеніе положенія я возлагаю на твое личное ходатайство, ибо мои письма и просьбы рѣшительно остаются безъ отвѣта.

Надя мнѣ пишетъ, что Благосвѣтловъ свободенъ и очень веселъ. Еще бы! Далѣе: „Не украли ли у тебя твоего вида объ отставкѣ?—пишетъ Надя:—я слышала отъ одного знакомаго, будто бы нашли твой видъ у одного молодого человѣка, замѣшаннаго въ нынѣшней исторіи, и странно, онъ въ то время у него былъ, когда тебя содержали въ крѣпости; ты здѣсь вовсе не причастенъ, а это украдено у тебя". Такія вещи бываютъ: въ Устюгѣ есть докторъ Вышинскій; подъ его фальшивымъ паспортомъ былъ схваченъ въ Западномъ краѣ одинъ господинъ изъ банды. У Вышинскаго сдѣлали внезапный обыскъ и нашли паспортъ настоящій.

„Русское Слово" и „Современникъ" запрещены. Значитъ, деревня сгорѣла, и нужно подумать серіозно о прочномъ устройствѣ своего будущаго: журнальному моему поприщу конецъ. Если бы ты пріѣхала поскорѣе въ Петербургъ! Устроивъ наши дѣла, ты бы могла, до зимы, доѣхать съ удобствомъ до Вологды, если не удастся устроить что лучшее. Посовѣтуйся съ знающими людьми, а между прочимъ съ В. Матв. Лазар. Надя скажетъ, гдѣ его можно видѣть. Онъ укажетъ тебѣ, когда и къ кому удобнѣе обратиться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ...

22 іюня 1866 г., Никольскъ.

Другъ Людя. Ты считаешь упадкомъ духа то, что помоему далекая предусмотрительность. „Развѣ люди, знающіе хоть что нибудь, умирали съ голоду?"—спрашиваешь ты. Да, умирали. Умирали буквально. У меня примѣры на глазахъ, что люди въ Устюгѣ, городѣ съ 8½ тыс. жителей, не могутъ найти себѣ никакого занятія и, получая 6 рублей казеннаго содержанія въ мѣсяцъ, ходятъ исхудалые, какъ тѣни. Ты говоришь—давать уроки; но уроки давать строго запрещено. И, зная Никольскъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ знаю, что намъ существовать въ немъ мѣстными средствами совершенно невозможно. Такъ какъ Благосвѣтловъ былъ арестованъ, а ты въ Женевѣ, то я считалъ всѣ свои источники существованія закрытыми.

Я писалъ тебѣ свою программу. Самое пріятное было бы бросить журнальную работу и приняться за какое нибудь занятіе распорядительнаго характера. Въ Петербургѣ ты можешь это сообразить, уладить и устроить. Не забывай того, что крѣпость унесла у меня на 10 лѣтъ силы и здоровья.

Возвращайся поскорѣе и устраивай, ибо только то и будетъ, что сдѣлаешь ты. Мнѣ же изъ Никольска дѣлать ничего нельзя: не къ кому писать, некого просить—никто не слушаетъ.

На литературу плоха надежда, да и смотрю на нее, какъ на крайнее средство, и до полученія письма отъ Благосвѣтлова, который обѣщалъ писать (но не пишетъ), я ничего сказать не могу.

Помни, что въ Никольскѣ намъ жить нельзя: или въ губерніи, ближайшей къ Петербургу, по желѣзной дорогѣ, или на Волгѣ, или въ Вологдѣ, или же въ ближайшихъ къ ней уѣздныхъ городахъ—Кадниковѣ или Грязовцѣ. Однимъ словомъ, на путяхъ сообщенія, поближе къ Петербургу и къ центрамъ той дѣятельности, которая будетъ давать намъ существованіе. Что нибудь хозяйственно-распорядительное, съ хорошимъ жалованьемъ было бы для меня самымъ лучшимъ.

29 іюня 1866 г., Никольскъ.

Другъ Людя. Григорій Евлампіевичъ мнѣ пишетъ: „Люд. Петровнѣ посовѣтуйте пока не возвращаться, потому что жаръ стоитъ невыносимый, и духота самая неприличная. Надо дождаться болѣе умѣренной температуры". Изъ Никольска я не могу судить о петербургской духотѣ и потому отъ себя не прибавляю никакихъ соображеній.

2-й томъ „Луча“ долженъ былъ выйти около 20 іюня. Но Благосвѣтловъ боится, что его конфискуютъ, ибо происходитъ давно небывалое преслѣдованіе книгъ. Печально!

Цѣлый мѣсяцъ я ничего не дѣлалъ. Не могъ. Теперь легче. Завтра сажусь писать по поводу Гризингера „Душевныхъ болѣзней“.

13 іюля 1866 г., Никольскъ.

...Въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь я, оставаться долго невозможно: нужно установить свое положеніе и найти прочное дѣло. Ради Бога спѣши. Къ твоему пріѣзду петербургскіе умы успокоются. Будешь дѣйствовать *лично* и энергически—все сдѣлаешь. Всѣ мои мысли направлены только на то, чтобы избавиться отъ вологодскихъ трущобъ. Я точно на почтовой станціи: ничего не хочется дѣлать, все жду перемѣны. Будетъ печально, если придется повторить слова Козлова:

Она чего-то все ждала.
Не дождалась и умерла...

3 августа 1866 г., Никольскъ.

...II-й томъ „Луча“ остановила цензура, и хотя нецензурнаго въ немъ ничего не найдено, но онъ будетъ преданъ суду. Ты спросишь—кто?—„Лучъ“, и за то, что въ немъ оказались тѣ же сотрудники, что были и въ „Русскомъ Словѣ“. Вѣроятно, при этомъ встрѣтилось то конфузное обстоятельство, что судьи станутъ втупикъ, ибо ни одной статьей русскаго закона сотрудникамъ „Русскаго Слова“ не запрещено писать, а что не запрещено, то дозволено; какъ разъяснить недоразумѣніе суда главнаго управленія по дѣламъ печати, рѣшить не берусь; но боюсь какого нибудь административнаго софизма. Вѣдь Благосвѣтлову запретили же писать, имѣть книжный магазинъ и типографію. Могутъ повторить опять исторію Кулиша. А впрочемъ „не будемъ опережать событій“, какъ выражался не знаю кто. Подождемъ, посмотримъ и увидимъ.

Хлопочи о томъ, чтобы намъ не быть въ Вологодской губерніи. Если ужъ никакъ нельзя иначе, то бей на Вологду. Если и этого нельзя, то Грязовецъ. Послѣдній зависитъ отъ губернатора. Не забудь, что для полнаго успѣха у губернатора нужно переговорить *предварительно* съ правителемъ

его канцеляріи—Павелъ Васильевичъ Тишинъ. Дѣло уладится. Будетъ нужно—укажу еще людей изъ вологжанъ, которые помогутъ тебѣ въ хлопотахъ.

До свиданья, мой дорогой другъ. Ужъ какъ мнѣ хочется тебя увидѣть. Вотъ будетъ весело. Холера въ Петербургѣ ослабѣваетъ; но все-таки запасись средствами.

Цѣлую тебя крѣпко.

10 августа 1866 г., Никольскъ.

Другъ Людя. Благосвѣтловъ пишетъ мнѣ: „Да, вы уже были бы въ немъ (т. е. въ Петербургѣ), если бы всѣмъ намъ не напакостило несчастное 4 апрѣля. Я положительно знаю, что мы жили бы подъ однимъ градусомъ и работали бы, можетъ быть, на одной улицѣ“. Конечно, Благосвѣтлову не зачѣмъ бы писать *положительно*, если бы это была неправда. Извѣстіе это укрѣпляетъ меня еще болѣе въ надеждѣ на успѣхъ твоихъ хлопотъ. Кончился бы только поскорѣе судъ надъ Каракозовымъ. Вѣроятіе будетъ еще сильнѣе.

Ты сама, съ самаго же начала, будешь имѣть возможность опредѣлить степень благопріятности настроенія петербургскихъ офиціальныхъ умовъ. И чѣмъ больше благопріятности, тѣмъ ближе забирай къ Петербургу. При maximum'ѣ благопріятности хлопочи о дозволеніи жить въ Подольѣ или вѣрнѣе въ Шалдихѣ. При minimum'ѣ — Самара. О Вологдѣ проси только при отсутствіи всякой благопріятности. Вообще проси больше и упирай на то, что ты и я больные люди. Пусть посмотрятъ въ моемъ дѣлѣ; тамъ есть нѣсколько медицинскихъ свидѣтельствъ, правдивость которыхъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вологодская губернія то же, что тундра. Если меня ссылали, то, конечно, только для того, чтобы сдѣлать безвреднымъ, а не на преждевременную смерть. Я писалъ Долгорукову, что, если бы законъ требовалъ моей смерти, то судъ приговорилъ бы меня не къ ссылкѣ, а къ смертной казни. Неужели это для нихъ не будетъ понятно?

За личное оскорбленіе я вызываю тебя на дуэль. Ты мнѣ пишешь, что я опять ною и скриплю. Такъ какъ я скрипѣть пересталъ уже давно и главнѣйше съ тѣхъ поръ, когда ты написала, что возвращаешься въ Россію, то въ твоихъ словахъ я вижу единственно злой умыселъ нанести

мнѣ обиду. Но какъ съ другой стороны дуэль во всякомъ случаѣ средство опасное и запрещенное, то я предлагаю тебѣ миръ. Поцѣлуемся...

18 сентября 1866 г. Никольскъ.

...Посылаю тебѣ письмо къ Шувалову.

Если не найдешь возможнымъ вручить его лично, пошли по почтѣ. Боюсь, что я ошибся въ имени. Узнай, такъ ли.

Самое лучшее, если отдашь лично. Получила бы, по крайней мѣрѣ, прямой отвѣтъ. Не пожалѣй дня и поѣзжай къ Шувалову.

Можетъ быть, тебѣ пригодятся слѣдующія свѣдѣнія. Пусти ихъ въ разговорѣ въ ходъ, если окажется умѣстнымъ и поведетъ къ пользѣ. Генералъ-аудиторіатъ обвинилъ меня:

1) Въ сношеніе съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ. Но я былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, т. е. яснѣе *видѣлся* и въ Петербургѣ, съ разрѣшенія князя Суворова; въ Сибири видѣлся тоже съ разрѣшенія начальства. Отчего же дозволенное въ Петербургѣ не дозволено въ Сибири?

2) Что „велъ переписку съ разжалованнымъ рядовымъ В. Костомаровымъ“. Но, во-первыхъ, переписку съ рядовыми у насъ не запрещено вести; а, во-вторыхъ, я *никогда* не велъ переписки съ *рядовымъ* Костомаровымъ, а писалъ къ нему всего одно письмо изъ Наугейма, когда Костомаровъ былъ еще офицеромъ. Пусть справятся въ дѣлѣ. Тутъ очевидная ошибка.

3) Что „имѣю вредный образъ мыслей, доказывающійся непропущенной цензурой статьей“. Самъ по себѣ образъ мыслей, не проявляющійся никакимъ внѣшнимъ актомъ, не можетъ составлять вины; а если обвинять за статьи не цензурныя, то есть ли хотя одинъ литераторъ за статьи котораго не запрещались бы иногда цензурой? Вотъ если бы статья явилась въ печати, дѣло другое. Да и то, при существованіи цензуры, виноватъ не авторъ.

Всѣ три обвинительныхъ пункта генералъ-аудиторіата я считаю недоразумѣніемъ. Если бы судили меня нынче гласнымъ судомъ, то меня бы оправдали. Все это даетъ мнѣ право разсчитывать, что если Шуваловъ убѣдится представленными тобою доводами, то я могу надѣяться даже на возвращеніе

въ Петербургъ. Все зависитъ отъ искусства ходатая. Не можетъ ли быть полезенъ Суворовъ? Разузнай и сдѣлай все, что нужно и можно.

А нельзя ли добыть разрѣшенія пріѣхать мнѣ въ Петербургъ хотя на три дня? Если бы это удалось, то я почти увѣренъ, что успѣлъ бы убѣдить людей власти, что приговоръ генералъ-аудиторіата заключаетъ въ себѣ преувеличенную строгость и вовсе не примѣняется къ 32 ст. дисциплинарныхъ взысканій, на которой онъ основанъ.

20 сентября, 1866 г. Никольскъ.

Другъ Людя. Жизнью управляетъ законъ противорѣчій— акцій и реакцій. Когда, обольщаясь надеждой, я рисую будущее розовыми красками, ты преподносишь мнѣ тотчасъ же стаканъ холодной воды. Когда Евграфъ Егоровичъ начинаетъ малевать все черными красками, ты пишешь, что они преувеличиваютъ и глядятъ на все слишкомъ мрачно. Но стаканъ холодной воды меня не успокоиваетъ, и я не могу и не хочу думать иначе, пока еще есть возможность. Я знаю, что настоящее мрачно, но такъ же думаю, что міръ не домъ же умалишенныхъ. Вотъ почему я возлагаю великія надежды на твой пріѣздъ въ Петербургъ и, основываясь на своемъ опытѣ, т. е., что я достигалъ всегда того, къ чему стремился, полагаю, что, если ты не устранишь всѣхъ препятствій, то, по крайней мѣрѣ, устроишь многое къ тому, чтобы берегъ не видѣлся въ такомъ густомъ туманѣ. Если бы я не былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, то, конечно, поберегъ бы твой трудъ и твои хлопоты, но если невозможно ничего одному, то нужно дѣлать другому, ибо иначе утонешь и ты.

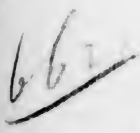
Я получилъ отъ Григорія Евлампіевича письмо, которое подѣйствовало на меня такъ же, какъ извѣстіе о запрещеніи „Русскаго Слова“. Пишешь, пишешь, сидишь съ утра до вечера и только для того, чтобы цензура запрещала. Изъ 48 листовъ, набранныхъ для 1 книжки „Дѣла“, 22 запрещены. Подумаешь, что авторы пишутъ какіе нибудь ужасы. Ничего не бывало. У меня было заготовлено нѣсколько статей. Однѣ изъ нихъ запрещены безусловно, о другихъ идутъ цензурные толки и разсужденія въ комитетѣ. Такое заглавіе, какъ „ученіе о нравственности“, считается нецен-

66г.

зурнымъ, и необходимо придумывать болѣе приличное. Шульгина предостерегаютъ, чтобы въ его журналѣ не участвовали сотрудники „Русскаго Слова“. Что же имъ дѣлать? Моихъ статей, которыя пробовали провести въ 1 книжку, пропало на 600 цѣлковыхъ. Съ этимъ я бы еще помирился. Но у меня пропало время. Я разсчитывалъ, что напишу еще 3 статьи, и тогда на весь нынѣшній годъ комплектъ статей выполненъ, и я могу заняться мѣсяцъ или два другой работой, а между прочимъ и Шлоссеромъ. Теперь начинай снова. Лучше бы я провалялся все время на диванѣ, задравъ ноги въ потолокъ, по крайней мѣрѣ, отдохнулъ бы. Вѣдь это камень Сизифа. Я не плачу и не охаю потому, что

Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства,
А умный ищетъ средства,
Какъ дѣломъ горю пособить.

Но нахожу, что такой порядокъ жизни глупъ, и нельзя же тратить свои силы безъ всякаго полезнаго результата. Я знаю, что сообразить все и выйти на дорогу дѣло трудное; но знаю также, что тому, кто въ Петербургѣ, дѣло это легче, чѣмъ тому, кто въ Никольскѣ. Лазаревскій назначенъ теперь членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія по дѣламъ печати. Можетъ, и онъ будетъ въ состояніи сдѣлать какое нибудь полезное указаніе. Имѣй его въ виду.

Что за журналъ „Женскій Вѣстникъ“? Благовѣщенскій приглашаетъ меня въ сотрудники, но не сообщилъ своего адреса. Право точно путникъ на распутьи: милліоны вопросовъ и ни на одинъ нѣтъ отвѣта. При моемъ активномъ характерѣ это особенно тяжело. Полагая, что этимъ письмомъ я исчерпалъ до конца вопросы, касающіеся насъ, я ставлю окончательную точку и буду ждать теперь отвѣтовъ отъ тебя.

Съ нынѣшней почтой письма отъ тебя не было.

Да, съ твоимъ пріѣздомъ кончится и другое мое неустройство: у меня пропадаетъ почти все утро не то, чтобы на хозяйство, которымъ я вовсе не занимаюсь, а такъ кудато. То помѣшаетъ Коля, то нужно смѣнить няню, то разсуждать съ кухаркой, то какая-нибудь непредвидѣнная помѣха.

Никольскіе жители благодарятъ тебя за желаніе провести къ нимъ телеграфъ. До сихъ поръ къ нимъ не было

даже прямой дороги изъ Вологды и приходится дѣлать крюкъ въ 200 в. на Устюгъ.

Говорятъ, въ Вологду будетъ назначенъ вмѣсто Хоминскаго губернаторомъ генералъ-маіоръ Ушаковъ. Я увѣренъ, что Хоминскій перевелъ бы меня въ другой городъ, но не знаю сдѣлаетъ ли это Ушаковъ. А потому будетъ лучше, если всѣ дѣла ты покончишь въ Петербургѣ.

30 сентября, 1866. Никольскъ.

Другъ Людя. Ты хочешь увѣрить меня, что меня не переведутъ въ другую губернію. Вѣроятно тебѣ неизвѣстно, что вслѣдствіе моего письма къ Государю, обо мнѣ собирались справки отъ губернатора—это было въ февралѣ,— и дѣло остановилось только по случаю 4 апрѣля. Теперь всѣ подобныя дѣла должны получить движеніе, если нѣтъ никакой прикосновенности къ дѣламъ, производящимся въ верховномъ уголовномъ судѣ, тѣмъ болѣе, что по случаю пріѣзда Принцессы и свадьбы Наслѣдника (когда не знаю) собираются уже справки отъ министерства.

Тебѣ нѣтъ никакого разсчета ѣхать прямо въ Вологду и затѣмъ уже въ Петербургъ, чтобы хлопотать о моемъ переводѣ. Если ты обдѣлаешь все сначала въ Питерѣ и тогда поѣдешь ко мнѣ, то очевидно, что у тебя останутся деньги отъ одного пути. Я не понимаю твоего разсчета...

...По высотѣ петербургскаго барометра, ты увидишь сама, о чемъ просить возможно. Нужно необходимо видѣться тебѣ лично съ Шуваловымъ, Мезенцевымъ и даже посовѣтоваться съ Кранцемъ. Нельзя ли пустить предварительно камуфлетъ черезъ Тучкова.

Я знаю, что всѣ дѣла устроятся, лишь бы ты только захотѣла хлопотать.

Не забудь переговорить и съ Благосвѣтловымъ объ устройствѣ литературно-денежныхъ дѣлъ...

30 ноября, 1866. Никольскъ.

...*Важное дѣло.* Между мною и Григоріемъ Евлампіевичемъ есть какія-то, непонятныя для меня, недоразумѣнія. Я не люблю неясныхъ, замаскированныхъ отношеній. А что есть что-то, я заключаю изъ того, что онъ пересталъ мнѣ

писать и, несмотря на мои многократныя просьбы о высылкѣ книгъ, не высылаетъ ничего.

Постарайся увидѣться лично съ нимъ и переговори. Статьи я высылалъ первое время на его имя, потому что онъ не сообщилъ мнѣ адреса „Дѣла", я же *первый* просилъ его объ этомъ.

Если не нужно мое сотрудничество, пусть мнѣ пишутъ прямо; по крайней мѣрѣ я приму заблаговременно мѣры, чтобы не остаться безъ работы; но вымораживать меня, какъ таракана, не высылая никакихъ матеріаловъ для работы, можетъ быть, и очень деликатно съ дипломатической точки зрѣнія, но вѣдь я плохой дипломатъ и люблю итти прямо, ибо короче. Разъясни этотъ вопросъ, и если мои подозрѣнія не оправдываются, то распорядись, чтобы выслали ворохъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ.

Въ воскресенье 4 декабря высылаю послѣднюю статью и затѣмъ складываю руки, ибо рѣшительно нѣтъ матеріала. И эту статью уже я выжималъ изъ своей утробы. Такъ работать нельзя. Ты спрашиваешь, получилъ ли я отъ Благосвѣтлова 100 р.? Получилъ 1 августа, при его письмѣ отъ 18 іюля—и только. Затѣмъ въ письмѣ безъ числа (должно быть въ началѣ октября)...

...... Не думалъ ли Гр. Ев., что я не желаю работать съ нимъ? Этой мысли у меня никогда не было. Тутъ или сплетни, или собственныя ошибочныя толкованія и соображенія подозрительныхъ и недовѣрчивыхъ людей...

Разъясни все и успокой меня приведеніемъ отношеній въ ясность...

16 декабря, 1866. Никольскъ.

... Сообщи редакціи „Дѣла", что съ сегодняшней почтой я высылаю „Потерянный трудъ" и что я очень цѣню эту статью, потому что мнѣ стоило большого труда выискивать цифры, выводить среднія числа и %. Говорю не къ тому, что хочу высшую плату, а къ тому, что считаю статью хорошей и, такъ сказать, желаю, чтобы меня похвалили. Претензія простительная...

27 декабря, 1866. Кадниковъ.

Вотъ вопросы: обязательна Ветлуга или нѣтъ? Разузнай навѣрное.

Именно безуміе оставлять Кадниковъ для Ветлуги. Первый отъ Вологды 42 в., значитъ доктора рядомъ; вторая отъ Костромы больше 300 в. Значитъ нужно оставаться въ Кадниковѣ во что бы то ни стало, если невозможно лучшее. Лишь бы не потревожили изъ Петербурга, а вологодскія власти оставятъ здѣсь...

7 января, 1867. Кадниковъ.

Другъ Людя. Я не усталъ, а изнемогъ. Нѣтъ, уже старъ; хлопоты и движеніе мнѣ не подъ силу. Въ двѣ недѣли едва нашелъ квартиру и то уступилъ самъ жилецъ. Бывали дни, когда я бѣгалъ за квартирой съ утра до 9 ч. вечера. Описывать все—нужно три печатныхъ листа. Нервы натянулись, какъ струны; раздражаюсь теперь всякою мелочью; просто адъ. Жду тебя, какъ ангела-успокоителя. Нужно переѣзжать — нѣтъ кухарки. Новая бѣда... Узнай отъ столоначальника секретнаго стола, насколько мы можемъ считать свое водвореніе въ Кадниковѣ прочнымъ. Я все боюсь, что бы не потурили насъ въ Ветлугу".

Я въ эти три года жила въ Швейцаріи, ѣздила лѣчиться въ Наугеймъ и съ осени до января обила въ Петербургѣ всѣ пороги, ѣздивши хлопотать по дѣламъ о переводѣ Н. В. куда-нибудь въ болѣе благопріятный городъ.

Должно быть въ 1863 или 64 году въ Петербургѣ стали устраивать общежитія подъ громкимъ названіемъ коммунъ.

Одну изъ такихъ коммунъ устроилъ беллетристъ Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ. Это былъ человѣкъ замѣчательной красоты. Когда онъ заходилъ куда-нибудь, то сейчасъ же было видно, что человѣкъ этотъ сознаетъ, что онъ такъ красивъ. Зайцевъ говорилъ про него, что „Слѣпцовъ несетъ свою красоту"... Но при своей красотѣ Слѣпцовъ былъ уменъ и талантливъ. Въ это лѣто у насъ въ деревнѣ гостили Зайцевы, а ему очень хотѣлось залучить въ коммуну Зайцеву-старуху съ дочерью и сыномъ-писателемъ,

чтобы придать болѣе почтенный видъ общежитію. Чтобы убѣдить Зайцевыхъ, и Слѣпцовъ пріѣхалъ тоже къ намъ въ деревню. Но убѣдить Зайцевыхъ ему не удалось.

Въ этой же коммунѣ жилъ такой почтенный и немолодой уже человѣкъ, какъ Ап. Головачевъ.

Идея такихъ общежитій, съ общей работой—не привилась, и всѣ они разсыпались. Предполагалось работу—ну, хоть бы переводную — брать не отдѣльному лицу, а коммунѣ подъ общей отвѣтственностью. Но, кажется, и этотъ планъ не удался. Вообще, сколько я помню, коммуны въ первый же годъ разсыпались.

Передъ отъѣздомъ въ Кадниковъ, у меня часто бывалъ Зайцевъ и съ нимъ иногда пріѣзжалъ Соколовъ. Кромѣ постоянныхъ неудовольствій на Благосвѣтлова, они страшно негодовали на цензуру.

Выпущенный изъ крѣпости Писаревъ тоже пріѣхалъ ко мнѣ, и когда зашла рѣчь о томъ, что его желали бы выкурить изъ литературы, онъ вскочилъ съ такимъ азартомъ, что головой ударился о лампу, висѣвшую надъ столомъ.

— Вотъ эта лампа скорѣе ихъ меня уничтожитъ!—сказалъ Писаревъ, потирая ушибленное темя.

Объ этомъ происшествіи мнѣ пришлось вспомнить на слѣдующій же день. Прямо отъ Благосвѣтлова ко мнѣ пріѣхалъ Зайцевъ, и разстроенный, и озабоченный.

— Вы ничего не замѣтили вчера въ Писаревѣ?—спросилъ онъ.

— Рѣшительно ничего. А вы?

— И я тоже ничего не замѣтилъ.

— А что случилось?

— Вѣдь онъ съ ума сошелъ.

„Неужели, отъ лампы“—подумала я.

Сумасшествіе его проявилось, кромѣ несвязнаго вздора, который онъ началъ говорить, и въ томъ, что онъ сталъ раздѣваться при всѣхъ. Благосвѣтловъ одѣлъ его и увезъ къ матери. Это былъ острый припадокъ помѣшательства, отъ котораго онъ скоро поправился.

Въ Кадниковѣ жизнь наша шла спокойно, однообразно, и страшно скучно. Исправникомъ тамъ былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, выслужившійся изъ почтальоновъ, и вотъ такой-то человѣкъ долженъ былъ цензуровать статьи Николая

Васильевича, передъ отправкой ихъ въ редакцію. Тѣ вечера, въ которые Н. В. ходилъ къ исправнику читать свои статьи, походили на операціонные сеансы. Я ждала возвращенія уже совершенно обезсиленнаго, больного человѣка. Каждая фраза въ статьяхъ казалась исправнику подозрительной, или лучше сказать, что онъ не пропускалъ того, чего не понималъ, а онъ не понималъ очень многаго, и Н. В. часа три объяснялъ ему, что статья эта пойдетъ въ цензуру, и что цензоръ не пропуститъ ничего мало-мальски подозрительнаго. Такой трехчасовой разговоръ съ почтальономъ могъ уложить и болѣе здороваго, чѣмъ Шелгуновъ, человѣка.

Но вдругъ ссыльный страшно поднялся въ глазахъ уѣзднаго общества, и случилось это вотъ вслѣдствіе чего: князь Суворовъ проѣздомъ остановился въ Кадниковѣ. Все начальство ему являлось, а Николай Васильевичъ пошелъ къ нему въ видѣ частнаго лица. Жена его была подругой по Смольному монастырю съ моей матерью, и онѣ остались близкими до самой смерти и постоянно видѣлись. Въ ту минуту, какъ Николай Васильевичъ вошелъ въ залъ, гдѣ представлялось уѣздное начальство, и Суворовъ замѣтилъ его, онъ подошелъ къ нему, разцѣловался съ нимъ и, обнявъ его, увелъ въ гостиную, гдѣ и сѣлъ, чтобы хорошенько поговорить. Послѣ такъ явно оказаннаго предпочтенія передъ всѣми, акціи Николая Васильевича сильно поднялись, и его почему то перевели въ губернскій городъ Вологду. Въ Вологдѣ мы повели даже свѣтскую жизнь.

Въ Кадниковѣ мы прожили менѣе года; и къ веснѣ, когда еще не стаялъ снѣгъ, къ намъ пріѣхалъ Лавровъ, съ своей старушкой матерью.

Шумное веселье нашей вологодской жизни, въ сущности, вовсе не было весельемъ, и Ник. Вас., по поводу его очень мѣтко приводилъ стихъ изъ оперы „Аскольдова Могила“.

„Отъ тоски мы ихъ поемъ“.

Дѣйствительно, многое, очень многое, что не дѣлалось бы на свободѣ, дѣлалось тутъ отъ тоски.

Отъ Писарева мы оба получили письмо, въ которомъ онъ говорилъ намъ о своемъ полномъ разрывѣ съ Благосвѣтловымъ. Неудовольствіе копилось уже давно, а тутъ подвернулась женщина. Писаревъ требовалъ, чтобы Бл. извинился передъ ней, за какую то сдѣланную имъ невѣжливость,

въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ, что выйдетъ изъ журнала. Благосвѣтловъ же писалъ Николаю Васильевичу, что не можетъ дорожить сотрудникомъ, который изъ-за такихъ пустяковъ бросаетъ журналъ.

Мнѣ пришлось поѣхать ненадолго въ Петербургъ, и въ это время я получила письмо отъ Ник. Вас.

29 января.

Дѣти здоровы. Я пишу и читаю. Въ сей моментъ Розалія убѣжала въ гости. На дворѣ тепло. Въ квартирѣ у насъ холодно. Между прислугой царствуетъ согласіе.

Посылаю письмо къ Зайцеву и Писареву. Начинай переговоры съ ними тогда, когда убѣдишь Благосвѣтлова. Намъ необходимъ органъ въ родѣ „Рус. Слова" для юнаго поколѣнія. Старые дѣятели отжили. Они подавляютъ голыми фактами, а юношеству нужны не факты, а объясненія ихъ, имъ нужны идеи. „Дѣло" могло бы явиться такимъ журналомъ, но лишь при участіи Писарева. Только онъ одинъ владѣетъ талантомъ изложенія. Если увидишь податливость,—напирай въ упоръ и устрой примиреніе. О новыхъ сотрудникахъ пусть при тебѣ же напечатаютъ объявленіе. Это важно.

Какія мои статьи будутъ напечатаны во 2 книжкѣ?

Статьи ненужныя возьми и привези сюда. Достань 2 кн. Луча. Прощай. Цѣлую тебя.

P. S. Сейчасъ я проглядывалъ библіографію Ткачева. Думаю едва-ли удастся примиреніе „Дѣла" съ Зайцевымъ, ибо его крѣпко ругаютъ. При неудачѣ переговори съ Благосвѣтловымъ. Письмо мое Зайцеву не отдавай. Впрочемъ, уполномочиваю тебя поступить, какъ велитъ благоразуміе.

Благосвѣтловъ, Григорій Евлампіевичъ былъ умный, но очень непріятный человѣкъ. Можно сказать, что у него не было близкихъ людей, и никто изъ коротко знавшихъ его людей не любилъ его. А онъ, между тѣмъ, понималъ, что сотрудники должны были видѣться между собою, и потому иногда собиралъ къ себѣ кое-кого на обѣдъ, и потомъ назначилъ даже фиксы. Какъ хозяинъ онъ былъ милъ, потому что хлѣбосольнѣе его трудно было представить человѣка. Покойный поэтъ Минаевъ, любившій выпить, не разъ скандалилъ на этихъ вечерахъ. Только что онъ начиналъ хмелѣть, въ немъ являлось тотчасъ же желаніе убѣдить Благосвѣтлова, что все его благосостояніе составлено сотрудниками, и потому онъ какъ сотрудникъ могъ дѣлать въ квартирѣ все, что ему угодно.

При мнѣ разъ споръ объ этомъ зашелъ такъ далеко, что Минаевъ бросился на Благосвѣтлова, а тотъ забѣжалъ за карточный столъ, съ играющими, и враждующія стороны стали бѣгать вокругъ стола, но, наконецъ, Минаевъ ухватилъ Благосвѣтлова за грудь и, встряхивая его, кричалъ:

— Все наше! все наше!

Играющіе соскочили и выручили редактора.

Несмотря на свое хлѣбосольство, Благосвѣтловъ былъ скупъ до болѣзненности.

Я лично вела съ нимъ счеты очень аккуратно и объ авансахъ даже никогда и не заикалась, но раза два мнѣ случалось бывать у него, уже по выходѣ книги вечеромъ, и я ему говорила:

— Все равно, дайте мнѣ теперь деньги, чѣмъ присылать поутру.

— Ни за что.—Онъ соглашался, лучше прислать въ шесть часовъ утра, хотя и сознавался что деньги у него дома.

Минаевъ въ такихъ случаяхъ говорилъ:

— Такъ не даешь?

— Не даю,—отвѣчалъ Благосвѣтловъ.

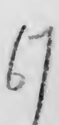
Минаевъ прямо шелъ къ окну и грозилъ сорвать занавѣску.

Это мнѣ разсказывалъ самъ Благосвѣтловъ.

— И вы дали ему? спросилъ я.

— Далъ, конечно. Вѣдь занавѣска стоитъ денегъ, отвѣчалъ онъ.

Въ Вологдѣ жилъ въ то время сосланный туда же Василій Васильевичъ Берви, человѣкъ твердыхъ принциповъ, не допускавшій никакихъ уступокъ; у него была такая же чудная принципіальная жена Герміона Ивановна. Берви писалъ въ томъ же Благосвѣтловскомъ „Дѣлѣ" подъ псевдонимомъ Флеровскаго. Они не вели такой свѣтской жизни, какъ мы, и кругъ знакомыхъ ихъ былъ очень ограниченъ.

Въ эту зиму къ намъ пришелъ очень молодой человѣкъ и познакомился съ Н. В. Это былъ Павелъ Владиміровичъ Засодимскій. Онъ уроженецъ Вологды и жилъ въ ней. Онъ привезъ письмо отъ Благосвѣтлова, и тутъ мы впервые съ

нимъ познакомились. Впослѣдствіи я встрѣчалась съ нимъ у Благосвѣтлова и близко сошлась и съ нимъ, и съ его женою.

Какъ о Берви, такъ и о Засодимскомъ я совсѣмъ не могу писать. Въ то время, какъ я знала Берви и жену его, я была проникнута глубокимъ уваженіемъ къ этимъ принципіальнымъ людямъ, и уваженіе это сохранилось въ моей душѣ. А Засодимскихъ я, кромѣ того, нѣжно люблю. Я знаю, что, если бы имъ предложили поступиться своими убѣжденіями и зажить привольно или же въ противномъ случаѣ лишиться своего теперешняго далеко не обезпеченнаго существованія, то ни тотъ, ни другая даже и не задумались бы надъ этимъ.

Изъ послѣдующихъ писемъ Ник. Вас. видно, что я снова начала хлопотать о повышеніи его въ чинахъ, какъ онъ называлъ свои переѣзды въ болѣе хорошіе города.

16 іюня.

Другъ Людя. Благодарю тебя за хлопоты о моемъ переводѣ. Посмотримъ, что-то будетъ недѣли черезъ три?

Обидѣло меня, что ты говорила обо мнѣ съ Благосвѣтловымъ. Есть только одно основаніе для умственной оцѣнки человѣка: прогрессивно или не прогрессивно онъ думаетъ. Нравственная усталость опредѣляется поворотомъ мысли назадъ.

23 іюня.

Я очень радъ, что дѣло выяснилось. Не оправдывая Благосвѣтлова, который съ больной головы валилъ на здоровую, я все-таки очень ему благодаренъ. Обвинять тебя было съ моей стороны ошибкой, ибо если бы „онъ усталъ" сказала и ты, то во 1) со стороны виднѣе, а во 2) и что самое главное, это замѣчаніе заставляетъ меня подумать о будущемъ теперь же, ибо когда оно наступитъ, думать будетъ поздно.

Письмо Б. меня раздражило противъ тебя... „Сейчасъ я проводилъ Люд. Петр., пишетъ онъ мнѣ, проговоривъ съ нею часа полтора. Кажется, разговоръ нашъ былъ самый веселый, а по уходѣ ея мнѣ сдѣлалось ужасно грустно". Одна фраза, одно слово „*усталъ онъ*" (подчеркнуто въ подлинникѣ), произвело на меня самое скверное впечатлѣніе... Еще болѣе утвердило меня въ мысли, что ты говорила съ Б. что-то такое, слѣдующая его фраза: „Старый вопросъ" посылаю вамъ. Зачѣмъ вы берете его назадъ? *Будьте искренни со мною.*

22 іюля.

Смѣшитъ меня Благосвѣтловъ: онъ поетъ мнѣ заупокойную и въ то же время совѣтуетъ тебѣ не писать мнѣ объ отказѣ въ переводѣ! Отказъ объявленъ мнѣ оффиціально.

Берви перевели въ Тверь и послѣзавтра онъ уѣзжаетъ. Какъ кажется Министръ Внутреннихъ Дѣлъ распоряжается независимо отъ III отдѣленія. Но, впрочемъ, попытайся и, если есть возможность, то ужъ лучше бы въ Тверь, если не въ деревню. Ярославль меня уже не плѣняетъ, и путь Берви нравился больше.

Напрасно ты молчала, когда Благосвѣтловъ говорилъ обо мнѣ. Онъ точно выпытываетъ и вызываетъ тебя на откровенность. Я еще никогда не писалъ такихъ зрѣлыхъ статей, какъ нынѣшнее лѣто. Но измѣнились обстоятельства, и измѣнились читатели. Слѣдуетъ ли изъ этого, что упали таланты публицистовъ?

Твоя мысль о дѣтской исторіи совершенно правильная, и я принимаю со всею готовностью твое предложеніе. Составляй пробные листы и присылай. Ты думаешь начать съ римской? Пожалуй и такъ, но и древнѣйшая любопытна, только мнѣ казалось, что древнѣйшую лучше въ видѣ очерковъ или картинъ: будетъ занимательнѣе, ибо возможенъ занимательный выборъ. Не начать ли исторіей Китая? Я бы думалъ такъ: предпринять цѣлую серію дѣтскихъ изданій подъ однимъ общимъ названіемъ: напримѣръ „Библіотека подростающаго поколѣнія" или „Библіотека для молодыхъ читателей" и затѣмъ отдѣльныя заглавія: древ. исторія, римскій міръ, греческій міръ и т. д. Далѣе — и я бы писалъ охотно — думалось мнѣ написать для дѣтей политическую экономію подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи труда" или въ родѣ этого. Разсказъ будетъ простъ и занимателенъ, если писать тѣмъ пріемомъ, какъ писалъ Адамъ Смитъ.

Если ты одобришь эту мысль, то вышли русскій переводъ Адама Смита, Мальтуса, „исторію открытій и изобрѣтеній (издалъ, кажется, Вольфъ, а первый—Бибиковъ) и біографіи Уатта, Стефенсона, Аркрайта, Адама Смита, Фультона и другихъ. Согласишься, напишу подробнѣе.

23 сентября.

Другъ Людя. Пожалуйста, дай моему письму такую же важность, какъ я ему даю.

Ты знаешь по личному опыту, что значитъ писать, какъ въ яму, не получая никакихъ извѣстій. Подобная исторія повторяется со мною въ сей моментъ. Гр. Евл. нѣмъ, какъ рыба, я въ такомъ безденежьѣ, что черезъ мѣсяцъ приходится закладывать или продавать вещи.

Выручи меня изъ бѣды и вотъ какимъ образомъ: если источникъ моихъ доходовъ прекратился, то устрой мнѣ какое нибудь полученіе и вышли немедленно деньги, но что бы я могъ ихъ заработать и чтобы заблаговременно я могъ перестроить свою жизнь по новому размѣру.

Мнѣ кажется, что отъ тревоги я сойду, наконецъ, съ ума.

3 октября.

Другъ Людя. Къ Благосвѣтлову я пишу вмѣстѣ съ симъ. Нужно улаживать дѣло. Если ты бываешь у Благосвѣтлова, то поѣзжай, ибо письмо уже у него.

Михаилъ Федоровичъ Негрескуло живетъ въ деревнѣ, въ Лужскомъ уѣздѣ. Имѣй это въ виду и узнай, когда Негрескуло пріѣдетъ въ Петербургъ.

Жить въ Вологдѣ становится трудно, но какъ вырваться? Принимаю твой совѣтъ и пишу письма. Но всѣ ли ихъ переслать по почтѣ, или нѣкоторыя ты возьмешься представить личное? Отвѣть мнѣ съ первой почтой. Будешь ли дѣйствовать черезъ Суворову?

Однако, не обрадовали мы другъ друга письмами, которыми только что обмѣнялись. Мое отъ 23, а твое отъ 28 построены на одномъ камертонѣ. Я уже приходилъ въ отчаяніе. Но, наконецъ-то, со вчерашней почтой получилъ письмо отъ Б. и деньги.

10 октября.

Никогда мнѣ не была такъ тяжела ссылка, какъ нынче. Я потерялъ почву. Смотрю мрачно и безнадежно на будущее, и является апатія къ настоящему.

Странное дѣло. Не получая отъ Благосвѣтлова отвѣта на свои десять писемъ, я писалъ, наконецъ, къ Шульгину и

Ткачеву. Не получили ли они моихъ писемъ или не хотятъ отвѣтить?

18 ноября.

А ужъ какъ болитъ у меня сердце ожиданіемъ. А все эта противная обольстительная надежда подсказываетъ какую-то перемѣну. Перемѣна мнѣ эта необходима, я это чувствую, какъ нельзя больше. Съ ума, конечно, не сойду, но впаду въ апатію. Кстати о сумашествіи: 26 октября умеръ Гризингеръ въ Берлинѣ послѣ продолжительной болѣзни на 52 г. жизни.

Заѣдаетъ меня безденежье. Никогда еще я не былъ такъ бѣденъ, какъ въ нынѣшнемъ году. Правда, у меня 25 рублей расходовъ въ мѣсяцъ на другихъ. Да нельзя иначе.

Не видишь ли ты Ткачева? Я писалъ къ нему. Онъ не отвѣчаетъ. Письмо онъ получилъ. Мнѣ это обидно.

9 декабря.

Другъ Людя. Я никогда не находился въ такомъ позорномъ и унизительномъ положеніи, какъ нынче. Послѣдніе 100 рублей мнѣ высланы 9 октября. Я задолжалъ кругомъ.

Теперь у меня на лицо ровно 2 рубля. Черезъ три дня они выйдутъ, и мнѣ даже занять не у кого. Придется обратиться къ ростовщикамъ и заложить часы.

Я писалъ и телеграфировалъ На письмо не отвѣчаютъ, на телеграмму отъ 1 декабря получилъ 3 декабря отвѣтъ: „*На дняхъ* получите деньги и подробное письмо. Извините. Продумайте для первой книжки получше что нибудь“. Слышишь—продумайте. Да я только и думаю о томъ, что мнѣ дѣлать. Двѣ недѣли ровно не могу ни читать, ни писать. Мысли не тамъ. Я никогда не лгалъ, а теперь учиться лгать поздно. Если я пишу Благосвѣтлову, что его письма дѣйствуютъ на меня хорошо, то пишу это не для краснаго словца. Пишешь точно въ пропасть. И такая исторія второй разъ въ нынѣшнемъ году! Пишу къ Ткачеву, тоже молчитъ. Я ужасно озлился на Ткачева.

Отвѣтъ о деньгахъ—когда посланы и сколько—мнѣ нуженъ по телеграфу. Можетъ быть у тебя найдется рубль. Если нѣтъ—попроси Благосвѣтлова, если по разсчету времени высланныя мнѣ деньги до меня еще не дошли: почта идетъ 4 дня.

Былъ я у Меркляна. Совѣтуетъ не проситься въ Ярославль, а въ поволжскіе города, начиная отъ Казани—внизъ. Говоритъ, что непремѣнно нужно хлопотать, иначе и умрешь въ Вологдѣ. Если мои дѣла пойдутъ, какъ теперь, то я долго тянуть не стану. Такая жизнь невыносима. Я никогда не задумывался и не былъ разсѣянъ, а теперь сталъ.

Отказъ въ переводѣ при безденежьи и полномъ невниманіи ко мнѣ людей, съ которыми я имѣю дѣла, прогналъ даже мой сонъ. Я прежде спалъ, какъ сурокъ, теперь же ворочаюсь съ боку на бокъ часовъ до 2-хъ, до 3-хъ. Хуже жизни не было.

20 декабря.

Къ Рождеству мнѣ нужно непремѣнно отдать остальные долги, да и праздники требуютъ исключительныхъ расходовъ.

Если ты найдешь возможность, объясни Благосвѣтлову, не раздражая его, мои личныя свойства: мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ зналъ, что я никогда не лгу и не пишу того, чего нѣтъ или чего не думаю; что точность и вѣрность слову считаю одной изъ первыхъ добродѣтелей; что я педантъ въ своихъ требованіяхъ; что въ ссылкѣ жить скверно, что въ Вологдѣ у меня нѣтъ ни одного человѣка изъ денежныхъ, къ кому бы я могъ обратиться, а къ кому могу обратиться, у тѣхъ нѣтъ денегъ. Что по совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ я и не пріищу названія для того воженія за носъ, которое позволялъ себѣ со мною Гр. Ев. Что я бы просилъ его на будущее время дѣйствовать со мною открыто и прямо. Ну, нѣтъ денегъ, такъ и напиши. Зачѣмъ прятаться въ дыру или финтить? И такъ тошно жить, а тутъ еще мучатъ и свои, нехорошо.

Потомъ, онъ пригласилъ меня писать „внутреннее обозрѣніе". Я послалъ двѣ статьи, а онъ не помѣстилъ ни одной. Что же это значитъ? Такъ шутить нельзя. Нельзя заставлять работать на вѣтеръ. Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы знать, что получаютъ остальные сотрудники за листъ.

13 января. Вологда. 98

Другъ Людя. Я написалъ къ тебѣ письмо 6 января съ жалобой на безденежье и съ порученіемъ къ Благосвѣтлову. Но не послалъ, ибо пришла повѣстка—сначала обрадовался, а потомъ разочаровался.

Пять лѣтъ Благосвѣтловъ былъ со мною точенъ и правдивъ. Только теперь стали обнаруживаться факты противоположнаго свойства.

Впрочемъ, все это мелочи, и я остаюсь при своемъ прежнемъ взглядѣ на Гр. Евл., основываясь, кромѣ моихъ личныхъ взглядовъ, между прочимъ, и на отзывахъ о немъ Писарева.

31 января.

Другъ Людя. Пишу тебѣ коротенько, но зато тепло.

Ужъ какъ я изболѣлъ въ это время. И все причиной этотъ мучитель Благосвѣтловъ.

Я всегда былъ мученикомъ той мысли, что я никому не нуженъ. Въ Вологдѣ я убѣждаюсь въ этомъ на каждомъ шагу, а тутъ еще свой лагерь сторонится.

2 февраля.

Если бы ты знала, какъ скучаю я! Началъ было ходить въ клубъ и ужинать, но хуже тоска. И тоска съ раскаяніемъ: я считаю полнѣйшимъ развратомъ ложиться въ 2 часа. Теперь все жду кукушки. Прощай другъ.

4 февраля.

Людя! Что ты со мной дѣлаешь. Вмѣсто письма прислала какую-то коротенькую телеграмму, и затѣмъ ни гу-гу. Напиши свой разговоръ съ Шуваловымъ. Сходи въ Д-тъ полиц. исполнит. (у Чернышева моста), спроси тамъ Начальника отдѣл. и попроси его убѣдительно поспѣшить предписаніемъ губернатору. Возьми число и №. Опять упала душа. Точно ты поманила меня Новгородомъ и обманула. Продавать ли вещи? Вообще намъ нужно списаться. Пиши скорѣе.

28 февраля.

Другъ Людя. Благодарю тебя за участіе. Посылаю тебѣ карточки — Коли и свою. Нервы у меня натянуты, какъ струны. Дай успокоиться, напишу много, ибо есть о чемъ.

10 марта.

Ѣду хоть къ чорту на кулички, лишь бы не оставаться дольше въ Вологдѣ.

Ѣду вдвоемъ съ Колей, что, впрочемъ, очень неудобно, ибо придется быть няней, въ чемъ я недостаточно опытенъ да и руками не ловокъ.

Нужно устроить повыгоднѣе и поудобнѣе поѣздку.

Если все уладится такъ, какъ же мы увидимся въ Москвѣ? О днѣ выѣзда я буду телеграфировать. Ну, а дальше? Гдѣ остановиться и т. д. Сообразите, составьте планъ и напишите В. С.

Людя, почему ты меня пугаешь потерями сотень рублей? Какіе-то намеки на отношенія къ Благосвѣтлову. Что знаешь, напиши.

Если найдете удобнѣе для свиданія, я готовъ въ путь такъ, чтобы быть въ Москвѣ хоть въ первый день Святой. А Благосвѣтлова увижу?

Кончилъ сегодня статью „О школьной грамотности". Статьей доволенъ потому же, почему довольна каждая женщина, когда родитъ. Ужъ какимъ красивымъ кажется ей ея ребенокъ.

Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы статья эта была напечатана въ апрѣльской книжкѣ, ибо это вопросъ, за который меня выругали въ „Голосѣ", и не согласились (въ вѣжливыхъ выраженіяхъ) въ „Новомъ Времени". Слѣдовательно, чѣмъ скорѣе отвѣтъ, тѣмъ лучше. А то и вопросъ забудется.

Но на майскую книжку писать нечего. Нѣтъ рѣшительно матеріала. Благосвѣтловъ хотѣлъ прислать книгъ, я просилъ его объ этомъ опять недавно; но ничего не высылаетъ. Пожалуйста, попроси. Ему я уже боюсь писать часто, такъ и скажи.

31 марта.

Другъ Людя. Въ нашей корреспонденціи послѣ оживленія послѣдняго времени наступила заминка. Съ моей стороны причины нѣтъ никакой. Принялся за статью и залѣнился на письма. Но жду, жду и жду писемъ отъ тебя, ибо Калуга засѣла у меня въ сердцѣ. Если оборвется всякая надежда, будетъ уже очень обидно.

У насъ снѣгъ и вьюга. Тоска. Свиститъ въ окна. И такъ мало оживленія на улицахъ, а теперь летаютъ только вороны.

11 апрѣля.

Намучили же меня разнообразныя извѣстія о переводѣ и ожиданіе, въ которомъ я нахожусь до сихъ поръ. Не то, чтобы это мѣшало работать, работаю я теперь по старому, но я утратилъ устойчивое равновѣсіе, какъ выражаются въ

физикѣ. Я подобенъ выкорчеванному пню: лежитъ онъ хотя и на той же почвѣ, но корней его въ ней нѣтъ. Но вѣдь такая жизнь хуже, чѣмъ на почтовой станціи въ тоскливомъ ожиданіи почтовыхъ лошадей, когда всѣ въ разгонѣ.

20 апрѣля.

Дружокъ Людя. Ужъ я и не знаю, какъ благодарить тебя за хлопоты и безпокойство. Хотѣлъ написать, что цѣлую, ну, да это какая благодарность!

Но только странное дѣло я вовсе не радуюсь, а не только безразличное, но скорѣе какое-то тоскливое безпокойное чувство.

Зато Коля, когда я сказалъ ему, что ѣдемъ въ Калугу, пришелъ въ козлиный восторгъ и сталъ прыгать. Я спрашиваю: „чему ты радуешься?" — Увижу Мишу и маму, отвѣтилъ онъ мнѣ. Въ этотъ вечеръ онъ усердно цѣловалъ свою галлерею праотцевъ или вѣрнѣе фамильную галлерею. Галлерея эта надъ его кроваткой портреты: твой, бабушки и мой.

Въ Москвѣ мы съ Ник. Вас. съѣхались и вмѣстѣ проѣхали въ Калугу, гдѣ прямо наняли дачу, куда вскорѣ къ намъ пріѣхалъ Благосвѣтловъ, а послѣ него пріѣхалъ Гайдебуровъ съ женой.

Чтобы имѣть постоянную переводную работу, надо всегда вертѣться передъ глазами, что никакъ невозможно, если человѣкъ живетъ въ провинціи, и потому осенью я уѣхала въ Петербургъ и работала у Благосвѣтлова.

31 января, 1870 г., Калуга.

Другъ Людя. Что это съ Б.; что онъ плачется? Ужъ не сходитъ ли съ ума? У него нервы очень разбиты. Хотя у меня съ Б. порвалась прежняя нравственная связь, но если вы, господа, своими панегириками подливаете такъ усердно масло въ огонь, да и компанія „Недѣли" меня такъ плѣняетъ, что я писалъ Гайдебурову, не надумается ли онъ расширить программу „Недѣли" и превратить ее съ 1871 года въ ежемѣсячный журналъ. А нынѣшній годъ формировать составъ сотрудниковъ. Знаешь, что мнѣ вчера сказали? Что, если изъ 1869 г. отнять мои статьи, то въ „Дѣлѣ" читать

нечего. Я не зналъ, какъ принять замѣчаніе—за комплиментъ или нѣтъ? Впрочемъ, говорилъ человѣкъ прямой.

Я послалъ въ „Дѣло“ статью противъ Каткова. Узнай мнѣніе Б., и пойдетъ ли она въ февралѣ?

6 марта, 1870 г., Калуга.

Людя, голубчикъ. Ты говоришь, что я пишу казенныя письма. Я не знаю, что со мной дѣлается. Я не знаю чепуха это или не чепуха, смѣшно или не смѣшно, но мнѣ оттого не легче. Сердце болитъ и ноетъ, напримѣръ, сегодня, съ утра, какое-то боязливое щемленіе, просто скверно. Во мнѣ постоянно борятся два встрѣчныхъ процесса—активный и пассивный. Первому я не могу дать воли, ибо я понимаю и свое положеніе, и... И вотъ я напускаю на себя пассивность и тогда начинаю мучиться. Но активность опять прорвется и позволяю себѣ говорить то, чего не слѣдуетъ, но что мнѣ говорить позволяютъ. Ну какія тутъ писать письма? Сама ты это дѣло понимаешь. А вотъ ты бы доставила мнѣ большое одолженіе, если бы написала, какія вы дѣлаете на мой счетъ предположенія.

Только теперь разобралъ, что ты пишешь не *казенныя*, а *неясныя*. Если бы я разобралъ раньше, то, конечно, не такъ бы началъ письмо. А теперь не взыщи. А, впрочемъ, это начало объяснитъ то, что было не ясно. Но, съ другой стороны, ты меня не обижай. Зачѣмъ ты смѣешься, что я летаю. Ты небось никогда не летала! Или я, можетъ быть, старъ! Вотъ въ этомъ-то моя и бѣда! Тѣло износилось, впрочемъ, не совсѣмъ, а перцу еще много, и я лѣзу на стѣну. Что же это я въ самомъ дѣлѣ несу какую-то дичь. Кому это нужно знать?

17 апрѣля, 1870 г., Калуга.

Милый дружокъ мой, Людя. Что ты падаешь духомъ? Что за страхи? Ахъ, какъ бы славно, если бы мы были вмѣстѣ. Я все надѣюсь увидѣть тебя скоро. Лично для меня это совершенно необходимо. Я чувствую въ себѣ полнѣйшую нравственную пустоту, до того, что не могу работать, ибо мнѣ нечего сказать. Какая разница съ Вологдой! Но и я то глупъ. Надо читать. Книги—лучшіе друзья, когда нѣтъ на лицо другихъ...

9 мая, 1870 г., Калуга.

Какой же ты метафизикъ, другъ Людя! Ты говоришь, что вопросъ не въ любви, а въ предметѣ, и что любящій самъ и судья. Вотъ ужъ не ожидалъ такихъ разсужденій отъ реалиста! Любовь, какъ и красота, чувства субъективныя. Судья любви и предмета любви тотъ, кто смотритъ со стороны. Иначе Христіанъ Андреевичъ, просившій тебя выбрать ему невѣсту, былъ бы правъ. Какъ ты думаешь, можно тебѣ назначить, кого ты должна любить?

Что Гайдебуровы не пріѣдутъ—этому, пожалуй, я немножко и радъ, ибо я полонъ теперь жизнью и вовсе — впрочемъ, пока — не нуждаюсь въ возбужденіи во мнѣ энергіи. Вотъ твой пріѣздъ—другое дѣло; я очень настойчиво желалъ бы даже, чтобы ты пріѣхала. На сколько времени можешь ты пріѣхать? Другъ, пріѣзжай непремѣнно. Когда удобнѣе, сообрази сама. Я жалѣю теперь, что послалъ тебѣ два предыдущія письма. Ты забудь о нихъ. Мы обо всемъ переговоримъ съ тобою...

... Я постараюсь, чтобы ты была довольна этой поѣздкой и тебя тянуло бы сюда еще разъ. Варшава мнѣ такъ улыбнулась, что я тебѣ сказать не могу. Городъ европейскій, и я вообразилъ себя на его стогнахъ, ну, конечно, ты догадываешься, съ кѣмъ. Зато Тверь—фи! Я помню Тверь, и ни одинъ городъ не сидитъ такъ твердо въ моей памяти. Тишина, безлюдье, мертвечина. Вотъ ужъ могила-то!

Но устраивай, какъ знаешь, если не Варшава и не деревня.

Цѣлую тебя крѣпко, крѣпко!..

15 мая, 1870 г. Калуга.

Другъ Людя. Болѣе скверное состояніе духа, какъ мое теперь, ты и представить себѣ не можешь. Такъ пусто, такъ пусто во мнѣ, что и сказать не могу. Бросилъ бы все, отказался бы отъ всякой работы и валялся бы только на диванѣ. Вотъ тутъ и пиши умныя статьи. Странное, однако, дѣло— отчего тѣ статьи, которыя я самъ считаю хорошими, другіе считаютъ слабыми. Напр., „Глухая пора“. А вотъ статья о Страховѣ (женск. вопр.) пожалуй, понравится...

...Все бывало въ нашей жизни; но старость, думаю, будетъ у насъ мирная, дружная, хорошая. И какъ будто нельзя

устроить жизнь, чтобъ всѣмъ было хорошо? Я вѣдь сильно мечтаю, что О. А. будетъ въ Шелдихѣ. Писалъ ей все, не знаю, что отвѣтитъ.

Къ Б. я уже писалъ насчетъ работы тебѣ и очень убѣдительно. Постарайся увидѣться съ нимъ и узнай что и какъ...

25 августа, 1870 г.

Другъ Людя. Какой скверный день! Видѣлъ во снѣ, что мы—ты, дѣти, я—ссылаемся въ Сибирь и сидимъ въ острогѣ; всталъ съ головной болью; потомъ—плѣнъ Наполеона и, наконецъ, твое письмо отъ 21 августа.

Я объяснился съ губернаторомъ. Онъ представитъ меня въ Новгородъ, съ благопріятной аттестаціей. Сегодня я пишу ему письмо съ тѣмъ же существеннымъ содержаніемъ, какъ твои. Говоритъ, что и на словахъ и на письмѣ аттестовалъ всегда хорошо. На словахъ, нынче съ М. также говорилъ въ мою пользу и вообще находитъ, что я держу себя осторожно.

Буду и черезъ Смирнова, но онъ еще не пріѣхалъ изъ Москвы. Я думаю, что этимъ ничего не испорчу; но если есть ходатайство, значитъ и хорошая аттестація; а когда аттестація хороша—нѣтъ дурной.

Нѣтъ ли недоразумѣнія или, чтобы удобнѣе отказать тебѣ? Не понимаю. А между тѣмъ и до непріятныхъ извѣстій я снова началъ чувствовать подавленность и безпокойство, чего при тебѣ не было...

11 ноября, 1870 г. Калуга.

Я справедливо могу возгордиться своими литературными заслугами, ибо „Рус. Вѣс.“ въ іюлѣ и *кажется* августѣ или сентябрѣ 1870 очень усердно меня ругаетъ. Если случится—прочитай. Я оказываюсь нигилистомъ, чего я до сихъ поръ не подозрѣвалъ. Но я остался доволенъ статьей „Р. В.“, ибо она послужитъ мнѣ для введенія въ статью о Писаревѣ, которую я думаю приготовить для январской книжки...

...Получилъ изъ Саратовской губ. отъ неизвѣстной мнѣ Аристовой хвалебное письмо за „Жен. бездѣлье“. Сравниваетъ меня чуть не съ Аполлономъ Бельведерскимъ...

25 ноября, 1870 г. Калуга.

Другъ Людя. Что это вы со мной сдѣлали? За что этотъ подарокъ? У меня даже сжалось сердце... чѣмъ я вамъ отвѣчу? Отвѣчу, когда осуществится моя думушка. Есть ли надежда на переводъ;—Тверь, Новгородъ, только бы ближе и чтобы жить вмѣстѣ. Только объ этомъ и мечтаю. Напиши, ради Бога. Крѣпко цѣлую тебя...

28 ноября, 1870 г. Калуга.

Другъ Людя. Очень обрадовался твоему письму, потому что мой свѣтлый періодъ опять кончился. Захандрилъ. Надежда на переводъ заколебалась. Вѣдь я живу только этой надеждой! Потомъ я сталъ похварывать: все какое-то недомоганіе, то зубы, то глазъ, то простуда.

Какой, въ самомъ дѣлѣ, лжецъ Б.! Неужели ты такъ зависишь отъ него? Я могу еще зависѣть, потому что меня не возьмутъ ни въ одинъ журналъ; но для тебя открыта работа повсюду. Или нѣтъ этого повсюду? Я смотрю умиленно на Авдѣева и Дурышкина. Мнѣ кажется, можно бы затѣять журналъ, только не замѣшивать въ просьбѣ о разрѣшеніи имени Авдѣева. Опять ушелъ годъ! Теперь поздно и придется продолжать кабалу еще годъ, если только и на будущій что-нибудь выйдетъ.

Въ то время, какъ думая объ Авдѣевѣ, я писалъ послѣднюю статью, онъ думалъ обо мнѣ. Сегодня получилъ необычайнаго размѣра посылку съ надписью: „Магаз. Черкесова, книги на 5 руб.“. Конечно, я частью изумился, частью испугался. Оказалось in folio въ прекрасно-фіолетовомъ переплетѣ, съ тисненіями и съ напечатаннымъ: Соч. М. В. Авдѣева. Въ книгѣ нашелъ надпись автора, заявляющаго мнѣ свое уваженіе. Конечно, я обрадовался: не зная Авдѣева лично, я люблю его за свѣжесть.

Поблагодари Мих. Вас. и скажи ему, что, если онъ думалъ обо мнѣ 20 нояб., когда сдѣлалъ надпись, я въ отвѣтъ ему думалъ о немъ отъ 20 до 24 ноября, когда писалъ „О раздумьи“!

Хотѣлось бы мнѣ писать по поводу Авдѣева, но удобно ли въ „Дѣлѣ“, гдѣ онъ печатаетъ? Лично я думаю, что это не важно, но что скажетъ Б., потому что писать на вѣтеръ мнѣ бы не хотѣлось.

Если ты видишься съ Б., спроси его. У насъ значитъ пойдетъ рядъ статей по женскому вопросу, ибо на январь я пишу по поводу Ожигиной („Своимъ путемъ“) и „Алины-Али“.

17 декабря, 1870 г. Калуга.

Ну я, наконецъ-то, доволенъ собой. Статья о Писаревѣ, которую я посылаю сегодня—первая статья, послѣ которой я могу сказать, что могу писать. Я бросилъ перчатку молодому поколѣнію за Писарева. Вижу, какой поднимется бой. Я возстановляю равновѣсіе; ну и не особенно мягко. Впрочемъ, чего же я спѣшу. Прочитаете, и сами будете судить...

19 декабря, 70 г. Калуга.

...Настаивай энергично на журналѣ. Какъ это Евдокимовъ, имѣя передъ глазами Б., не разобьетъ лобъ, чтобы имѣть подобную же выгоду! „Дѣло“ въ 71 году пойдетъ лучше и все будетъ итти въ гору. Еще осенью я писалъ тебѣ объ этомъ. Эхъ вы! Съ 71 года могло бы быть у насъ свое дѣло. Теперь ничего не подѣлаешь и съ марта начинается разсчетъ. Но какой же я могу быть собственникъ, когда у меня нѣтъ ни гроша. Я пошелъ бы охотнѣе въ редакторы и въ сотрудники, но, конечно, на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ у Б. Если я не самообольщаюсь, то со статьей о Писаревѣ (на январь и если пропуститъ цензура) я заберу силу. Это первая моя статья съ отвагой. Пожалуйста, напиши мнѣ, что ты слышала о моей дѣятельности за 70-й годъ. Хотя отзывъ Авдѣева. Это мнѣ важно знать для того, чтобы опредѣлить, какъ держать себя въ переговорахъ.

Въ Калугѣ я прожила затѣмъ безвыѣздно три года. Переводовъ, какъ я уже писала, достать было нельзя, и потому я принялась за другой заработокъ, а именно стала давать уроки музыки. Въ первую же зиму, я достала ихъ массу, такъ что по цѣлымъ днямъ бѣгала по урокамъ. Въ Калугѣ у насъ были очень близкіе знакомые Языковы и Кавтарадзе. Языковъ былъ нѣсколько причастенъ къ литературѣ тѣмъ, что былъ дѣйствительнымъ другомъ Бѣлинскаго и зналъ коротко весь литературный кружокъ того времени. Это былъ почтенный, очень образованный старикъ, въ семьѣ котораго мы были, какъ родные.

Но съ товарищемъ прокорора Кавтарадзе мы были еще ближе. Это были дѣйствительные наши друзья, съ которыми мы видѣлись постоянно. Николай Вас. въ тѣ времена еще былъ человѣкомъ съ очень горячимъ характеромъ и очень часто ссорился съ Языковой, толстой и почтенной особой. Они, бывало, даже доходили до того, что поругаются, и Ник. Вас. уйдетъ, говоря:

— Никогда нога моя тутъ больше не будетъ.

И затѣмъ, спустя нѣкоторое время, то есть почти что на другой же день становятся опять друзьями.

Не помню, что такое случилось, но меня въ одинъ день собрали въ путь, и я уѣхала въ Петербургъ хлопотать о переводѣ въ какой-нибудь лучшій городъ. Ник. Вас. естественно страшно волновался, что видно по его письмамъ.

25 января, 1874 г.

Другъ Людя. Въ „Моск. Вѣд.“ телеграмма отъ 22 о Высочайшемъ повелѣніи объ облегченіи участи. Въ томъ же видѣ, какъ писали и въ „Нов. Вр.“. Если извѣстіе несомнѣнно, то начнется переписка, разъясненія и представленія губернаторовъ. Не меньше мѣсяца. Не поможетъ ли твое личное присутствіе, чтобы миновать эту длинную процедуру, Губернаторская аттестація къ 1 января уже въ Петербургѣ. Баранова тоже. Кромѣ того, еще въ мартѣ или апрѣлѣ прошедшаго года Барановъ представлялъ III отдѣл., что полагаетъ совсѣмъ снять съ меня надзоръ. Наконецъ, увольненіе меня въ Петербургъ—все это мнѣ кажется слишкомъ говоритъ въ мою пользу, чтобы дѣлать новые запросы губернатору и жандарму. Воздѣйствуй, чтобы III отдѣленіе сообщило прямо департаменту полиціи исполнительное предписаніе сюда. Мнѣ кажется это возможнымъ, если захотятъ. Проси о снятіи надзора совсѣмъ. А гдѣ жить?

2 февраля, 1874 г.

Голубушка Людя, а мнѣ кажется, что Петербургъ тебя обманулъ и что тебѣ даже скучно.

А вотъ какое дѣло ты мнѣ обдѣлай, но *непремѣнно*. Сегодня я высылаю Б. „Попытки русскаго сознанія“. Статья вторая, а первая должна быть въ январской книжкѣ. Тамъ ли она или Б. не помѣстилъ? Потомъ онъ мнѣ пишетъ, что

долженъ былъ пожертвовать въ ней „Сперанскимъ". Мнѣ это больно, не потому что пропалъ цѣлый листъ, а потому что „Сперанскій" лучшая глава статьи, что въ ней я говорю то, чего о Сперанскомъ не говорили. Посылая сегодня вторую статью (не забудь: „Попытки русскаго сознанія"), я бы желалъ, чтобы она была помѣщена *вся*, больше *трехъ* листовъ низачто не составитъ. Мнѣ важны не три листа, а полнота статьи; если Б. ее разобьетъ на двѣ, то положительно въ ущербъ цѣльности впечатлѣнія на мысль и отниметъ отъ статьи силу. Итакъ уладь. Возьми съ него честное слово, или какъ тамъ дѣлается, но чтобы статья явилась *вся*. Сокращенія домашней цензуры дадутъ ему возможность сдѣлать ее короче. Но пусть *выковыриваетъ* завѣдомо нецензурныя мѣста, а не уродуетъ ее и не *истребляетъ* послѣдовательности.

При сохраненіи цѣлости позволяю выставить мое имя, а иначе *ни за что*.

Хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ: Ник. Вас. перевели въ Новгородъ и позволили пріѣхать въ Петербургъ посовѣтоваться съ врачами. Я проѣхала прямо въ Новгородъ, наняла тамъ квартиру и приготовила все для пріѣзда. Въ Новгородѣ мы прожили что-то около года съ небольшимъ и затѣмъ Ник. Вас. перевели въ Выборгъ; я же переѣхала совсѣмъ въ Петербургъ, гдѣ дѣти поступили въ гимназію, и, не разгибая спины, принялась за переводы фельетонныхъ романовъ и дѣтскіе разсказы. Пока Ник. Вас. жилъ въ Выборгѣ, между нами частой переписки не было, потому что ему позволяли ѣздить въ Петербургъ. Въ Выборгѣ жить ему скоро надоѣло, онъ захотѣлъ вернуться въ Новгородъ, и я снова принялась за хлопоты.

Изъ слѣдующихъ писемъ видно, какъ Ник. Вас. торопился уѣхать.

17 апр. 1876 г. Выборгъ.

Другъ Людя. Горянскій „*поздравилъ*" меня, что Потаповъ подписалъ къ Министру В. Д. о переводѣ меня въ Новгородъ. Тотъ же Горянскій *обнадеживалъ* меня, что *мнѣ разрѣшатъ ѣхать* въ Новгородъ *теперь же* и тамъ дождаться распоряженія Д-та Полиц. Исполнит.

Въ этой увѣренности я написалъ къ Шульцу, написалъ и Горянскому, прося увѣдомить Выборг. губ. по телеграфу.

Всѣ вещи уже уложены, бѣлье, платье, книги; въ квартирѣ сѣно, рогожи, обрывки бумажекъ — и все какъ при отъѣздѣ. За квартиру я разсчитался; съ кухаркой тоже. Ждалъ съ минуты на минуту отвѣта; по 3 раза въ день бѣгаю на телеграфъ, по два раза на почту; упрямая мысль сидитъ клиномъ и не даетъ ни минуты покоя, просто не найду себѣ мѣста и опять заболѣлъ позвонокъ. Да, въ домѣ ни полѣна, и третій день у меня не топится. Пытка и мученіе. Ну, точно въ крѣпости, когда мучишься ожиданіями и не знаешь, когда придетъ свѣтлая вѣсть. Выборгъ просто убьетъ меня. Мнѣ дали 2 мѣс. отдыха отъ журнальной работы, и я разсчитывалъ, что въ апрѣлѣ и маѣ отдохнетъ мой мозгъ. Но апрѣль выходитъ пыткой, и если онъ протянется такимъ до конца, то я слягу. На квартиру свою я не смотрѣлъ бы. Хочу бѣжать въ гостинницу и въ то же время каждую минуту жду разрѣшенія. Нужно видѣть и Балинскаго; нужно купить электрическую машину, нужно быть у Милька, чтобы получить очки. *Вездѣ сказалъ, что буду на-дняхъ*, потому что Горянскій обнадежилъ, и никуда не попадаю; между тѣмъ *въ Новгородѣ*, положившись на обѣщанія Горянс., я нанялъ квартиру. Положеніе такое подлое и такое неопредѣленное, что я даже начинаю сомнѣваться въ переводѣ.

Вопросъ въ томъ, чтобы узнать: разрѣшитъ ли 3 отдѣленіе отъѣздъ мнѣ въ Новгородъ *теперь же*.

Какъ часто приходилось мнѣ слышать отзывы о „прекрасномъ положеніи переводчицъ!" Можетъ ли быть прекраснымъ положеніе, которое всецѣло зависитъ отъ здоровья? Стоило только захворать, чтобы остаться на мели со всѣми дѣтьми. Теперь, когда я почти что доплыла до конечнаго берега, я съ благодарностью оглядываюсь на свою спеціальность. На свой переводъ я прожила и подняла на ноги дѣтей и никогда не бывала въ такомъ положеніи что не обѣдала, чтобы не на что было бы купить провизіи. Жизнь мою омрачалъ только страхъ остаться безъ работы. Ноги у меня тогда ходили, и я, кончивъ какой

нибудь переводъ, тотчасъ же неслась на поиски новаго. Конечно, работа была пріятнѣе у милаго и хорошаго редактора, но вѣдь не всѣ редакторы милы.

Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ, авторъ Подводнаго Камня, былъ моимъ старымъ добрымъ другомъ и, желая мнѣ какъ нибудь помочь, просилъ за карточнымъ столомъ въ сельско-хозяйственномъ клубѣ одного редактора-генерала доставить мнѣ работу. Генералъ звякнулъ шпорами и сказалъ, что съ удовольствіемъ доставитъ. Авдѣевъ тотчасъ сообщилъ мнѣ, чтобы я отправилась въ такую-то редакцію. Меня встрѣтилъ генералъ, вѣжливо звякнувшій шпорами, и вѣжливо, а именно, прибавляя къ каждому слову „съ", заявилъ, что можетъ дать мнѣ переводъ. Я получила работу въ сущности очень пріятную, потому что мнѣ дали очень много журналовъ, изъ которыхъ я самостоятельно могла брать подходящій матеріалъ. Постороннему человѣку могло бы показаться что такой работой можно было дорожить; но для работника это было не то. Редакторъ-генералъ, человѣкъ не только обезпеченный, но даже богатый, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на работницу; онъ заказывалъ переводъ, и изъ него дѣлалъ компиляцію; платилъ же только за то, что было напечатано. При малѣйшемъ неудовольствіи, онъ, прибавляя букву *с*, говорилъ, что работу мою онъ можетъ передать: „любой офицеръ генеральнаго штаба возьметъ ее". Эта работа была каторжной. Но вѣдь такихъ издателей и редакторовъ не очень много, между ними попадаются и такіе, которые цѣнятъ трудъ. Напримѣръ, уговорившись съ Гайдебуровымъ по двѣнадцати рублей съ листа, я получила отъ него слѣдующую записку:

„За вашъ переводъ считаю недобросовѣстнымъ платить по 12 руб., позвольте предложить вамъ по 15".

Вотъ такія слова многаго стоятъ.

Много курьезовъ могла бы я разсказать объ издателяхъ прежнихъ, и нынѣшнихъ. Когда появились дешевые иллюстрированные журналы, то издатели, конечно, должны были искать и дешевый матеріалъ. Однажды я пришла въ редакцію одного изъ такихъ журналовъ, и жена издателя или вообще какая-то дама, прежде чѣмъ говорить со мной о работѣ, начала хвалиться, что въ ихъ журналѣ участвуютъ такія то лица; каково же было мое удивленіе

когда она начала перечислять все совершенно незнакомыя мнѣ фамиліи.

— Вѣроятно, это все нарождающіеся таланты, подумала я.

Но насколько мнѣ извѣстно эти фамиліи и теперь мало или лучше сказать, совсѣмъ неизвѣстны.

— Редакція будетъ очень рада пріобрѣсти такую опытную переводчицу,—продолжала дама.—Намъ нужны переводные романы, передѣланные на русскій ладъ. Иныхъ мы не беремъ.

— Какъ это па русскій ладъ?

— А вотъ какъ. Напримѣръ: въ романѣ стоитъ Rue de la Paix, а вы пишите Большая Морская, ну, и фамиліи всѣ выдумайте русскія. Ну, и подъ переводомъ надо подписаться.

— Какъ, подписать свою фамилію?

— Можете выбрать псевдонимъ.

Я молча ушла изъ редакціи журнала, который не умеръ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики, а до сихъ поръ процвѣтаетъ, и въ немъ до сихъ поръ помѣщаются подобные переводы.

Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ издателей стали упрощать вопросъ о переводахъ. Въ третьемъ годѣ я получила письмо отъ одного изъ издателей, который предлагалъ мнѣ работу, и между прочимъ писалъ, что онъ предлагаетъ небольшой гонораръ потому, что переводъ этой книги, сдѣланный кѣмъ-то и уже напечатанный, онъ мнѣ пришлетъ, и мнѣ надо будетъ только перемѣнить кое какія слова—вмѣсто „потому" написать, „такъ какъ" или наоборотъ—и затѣмъ подписать свою фамилію, какъ переводчицы. Но въ этомъ случаѣ я промолчать не могла и написала ему довольно рѣзко. На свое письмо я получила отвѣтъ, что я его не поняла, и что онъ никогда не осмѣлился бы дѣлать мнѣ подобныхъ предложеній.

Всего лучше для переводчицы работать въ газетахъ. Ужъ лучше потому, что такая работа можетъ продолжаться не мѣсяцы, а годы. Я въ продолженіе пяти лѣтъ работала въ „Новостяхъ".

Въ „Живописномъ Обозрѣніи" я работала двадцать лѣтъ.

Изъ Новгорода Николаю Васильевичу позволили переѣхать въ Петербургъ, и по смерти Благосвѣтлова онъ сдѣлался редакторомъ „Дѣла". Работа утомила его, и онъ поѣхалъ лѣчиться.

17 мая, 1882 г. Кіевъ.

...И толкнуло же меня сдѣлать визитъ Кулишеру! Черезъ него познакомился съ Костяковскимъ и Мищенко—и пошла та же петербургская жизнь. Вчера обѣдалъ у Кулишера (ред. „Зари"); сегодня обѣдаю у Костяковскаго, а завтра буду обѣдать или у Антоновича, или у Мищенко, сегодня вечеромъ у Кулишера съ профессорами и сотрудниками. Оно все бы ничего, да только всѣ эти разговоры знаешь наизусть. Оттого такъ и радъ поговорить съ парикмахеромъ, извозчикомъ, колбасникомъ, мужикомъ. А, впрочемъ, вѣдь и эти въ большомъ количествѣ нестерпимы. Свои все легче.

А я точно человѣкъ между добродѣтелью и порокомъ. Не знаю, Кіевъ добродѣтель или порокъ, но я въ немъ точно усѣлся и о Крымѣ только думаю, не подымаясь съ мѣста. Правда, на совѣсти Внут. Об., которое я долженъ написать здѣсь, да и Кулишеръ манитъ къ себѣ на дачу, но тянетъ и Крымъ, хотя пугаютъ расходы.

Какая прелестная погода, какая зелень! Если бы не обѣды у знакомыхъ я былъ бы вполнѣ счастливъ. Чувствую, что съ знакомыми не поправлюсь. Впередъ постараюсь быть больше волкомъ.

Костяковскій вспомнилъ старину. Спрашивалъ о тебѣ, о Машѣ, о Венѣ. Изумилъ онъ меня своею памятью.

83

На слѣдующій годъ 6 декабря технологи давали балъ и привезли Николаю Васильевичу почетный билетъ. Балъ этотъ кончился для него очень печально: его обвинили въ рѣчи, которой онъ не говорилъ, и выслали въ Выборгъ. Правда, что ошибка была открыта: Николаю Васильевичу позволили переѣхать въ Царское Село и поѣхать за границу, но все таки ему пришлось отказаться отъ редакторства, и такимъ образомъ разстроились дѣла.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Николая Васильевича изъ за границы, я уѣхала въ деревню, а онъ нанялъ дачу въ Парголовѣ.

4 марта, 1884 г. Воробьево.

Другъ Людя. Дорогой отъ Петербурга до Москвы я былъ преисполненъ благодарныхъ чувствъ къ тѣмъ, кто меня провожалъ, и изъ Москвы хотѣлъ написать благодарность. Но пріѣхалъ измученный и писать не могъ. Когда увидишь Бартеневу, поблагодари ее очень, очень за вниманіе; я его совсѣмъ не заслужилъ, ибо держалъ себя съ нею всегда букой.

Ужасно измучила меня дорога, да къ этому еще и простудился, когда ѣхалъ изъ Смоленска. Хотѣлъ ѣхать сегодня (третій день), но не пришелъ въ себя и ѣду завтра. Отъ Смоленска до Вѣны придется высидѣть 54 часа. Не знаю, какъ они сойдутъ мнѣ. Думаю, что новые люди да новая жизнь придадутъ силы нервамъ и, авось, вынесу дорогу... Какъ, однако, я развинтился: много ли написалъ, а ужъ усталъ... И все то въ Петербургѣ дѣлается въ напоръ. Противный городъ! А тянетъ къ себѣ и засасываетъ. Только, конечно, не тѣми людьми, отъ которыхъ, наконецъ, сляжешь. Но нельзя и безъ „отношеній". Отъ работы не устаешь; устаешь отъ людей. Какже устроить жизнь? Другіе умѣютъ—я не умѣю.

10 іюня, 1884 г. Парголово.

... На „Дѣлѣ" оказалось долговъ 32 т., и Лебедевъ, типографщикъ, было, хотѣвшій купить его, отказался. Вольфсонъ, второй нашъ покупщикъ, остается при своемъ желаніи и завтра дастъ рѣшительный отвѣтъ. Переговоры онъ ведетъ съ Станюковичемъ черезъ повѣреннаго...

Какъ видно А. Н. не прочь видѣть „Дѣло" въ рукахъ О. Н. и предлагалъ ей 20 т. Но это вещь рискованная, и мнѣ что то чуется, что подписка упадетъ еще. Даже Ц. желала бы купить „Дѣло". Экъ ихъ сколько охотниковъ.

Съ новаго года, говорятъ, заводитъ толстый журналъ Суворинъ.

Пока что, а „Дѣло" совсѣмъ безъ гроша, и я не получилъ ни копѣйки гонорара.

14 іюня, 1884 г. Парголово.

Другъ Людя. Вчера совершилось рукобитье, и „Дѣло" мы запродали. Покупаетъ Вольфсонъ. Онъ работалъ въ „Знаніи", а послѣднее время въ „Семьѣ и Школѣ". Вольф-

сонъ больше ученый, чѣмъ журналистъ, но ничего привыкнетъ. Я считаю себя теперь въ „Дѣлѣ“ лишнимъ и не сегодня—завтра его оставлю. Это я рѣшилъ. Охотниковъ на „Дѣло“ нашлось довольно; даже типографщикъ Лебедевъ зарился, да не достало смѣлости. Станюковичъ оказался вполнѣ на высотѣ своей задачи: на „Дѣлѣ“ 33 т. (съ сотнями) долгу; да женѣ своей онъ выговорилъ 1 т. А если бы „Дѣло“ велось, какъ слѣдуетъ, то должно было быть въ кассѣ 21 т.

Трудное было это время. Совсѣмъ я изусталъ. Теперь сталъ купаться. Поправлюсь. Въ Подолъ пріѣхать будетъ невозможно: мы съ Бажинымъ теперь только вдвоемъ.

21 іюня, 1884 г. Парголово.

... А у насъ здѣсь скверно.

Если „Дѣло“ умретъ—великій позоръ ляжетъ на насъ: долги не будутъ заплачены, подписчики останутся неудовлетворенными. Подписчики знаютъ только редакцію, таковъ ужъ русскій читатель.

Погода у насъ очень хорошая, даже слишкомъ хорошая, но ужъ не до нея. Въ редакцію ѣзжу по прежнему два раза въ недѣлю, и затѣмъ долженъ цѣлый день отдыхать, до того измучусь физически и нравственно. А дѣло тянется изо дня въ день, какъ канитель, и тянетъ жилы.

29 іюня.

Другъ Людя. Я было уже приступилъ къ осуществленію такого плана. Переговорилъ съ новымъ издателемъ „Дѣла“, Вольфсономъ, — (а зовутъ его Владиміръ Дмитріевичъ и адресъ ...) отказался отъ участія въ редакціи и рекомендовалъ Скабичевскаго, какъ знающаго работника. Затѣмъ я предполагалъ остаться до возвращенія изъ плаванія Коли и уѣхать на мельницу. Въ эти два мѣсяца съ продажей „Дѣла“ да и вообще съ журналомъ было столько хлопотъ, всякой суеты и ѣзды, что я совсѣмъ изболѣлъ и только ждалъ, ждалъ когда же это, наконецъ, наступитъ покой и конецъ.

Осуществленіе моего такъ хорошо задуманнаго плана, какъ ты видишь, остановилось на самой первой его части.

16 іюля.

... Вчера мнѣ дали изъ библіотеки „Мальтійскаго Жида“ въ переводѣ Миши. Мнѣ думается, что послѣ учительства Миша примется опять за литературу. Вѣдь это его природное дѣло.

20 іюля.

... Изъ письма къ Колѣ ты узнаешь обо мнѣ, писать другого нечего. Завтра жду Бартеневу. Погода сегодня съ утра унылая и давитъ на нервы. Іокай говоритъ, что, если природа скучаетъ, то и люди скучаютъ. Сегодня, впрочемъ, Илья. Человѣческіе голоса, колокольный звонъ, городской шумъ, свистки пароходовъ, говоръ голубей—все это сливается въ одну общую гармонію, и мнѣ постоянно слышатся гармоничные переливы звуковъ, точно отдаленная игра на фортепіано, хотя никакихъ фортепьянъ здѣсь нѣтъ.

26 іюля, 1884.

Другъ Людя. Спасибо тебѣ за ласку и вниманіе. О моей болѣзни не тревожься. Это и не болѣзнь, а просто старая испорченная машина не хочетъ работать, какъ слѣдуетъ. Докторъ смазываетъ и поддерживаетъ меня микстурами да порошками. Мнѣ все думается, что это отъ слишкомъ сильнаго напряженія въ послѣдніе два мѣсяца. Я теперь совсѣмъ „пустая кишка“ и работать ничего не могу. Устаю даже послѣ письма.

28 іюля, 1884.

... Когда я поступилъ въ лазаретъ, докторъ говорилъ мнѣ: живите внутренней жизнью. Да развѣ можно жить другой жизнью? Весь вопросъ въ томъ, съ какимъ матеріаломъ имѣть дѣло и много ли его. У монаха, живущаго одиноко въ кельѣ, какой же можетъ быть матеріалъ для жизни,— и у меня тоже. Мысль не работаетъ, потому что не надъ чѣмъ, и всѣ процессы ея какіе то первичные. Сидишь и, повидимому, думаешь, а когда спросишь себя, о чемъ—видишь, что ни о чемъ. Когда во время гулянья, въ промежуткѣ между хожденіемъ, я сяду на лавочку, то совершенно бессмысленно смотрю на небо и слѣжу за облаками или смотрю, какъ идетъ дымъ изъ трубъ, или провожаю взгля-

домъ летающихъ голубей. Какъ киргизъ, ѣдущій въ степи, поетъ свою безконечную пѣсню, думая вслухъ, что онъ видитъ, такъ и я могъ бы слагать безконечную и скучную пѣсню объ облакахъ, дымѣ и голубяхъ. Иногда я считаю окна, или отыскиваю разницу между ними. Ну, вотъ тебѣ и мои мысли. Читаю ли я романъ—я отдаюсь его интересу, въ особенности, если много дѣйствія, какъ это бываетъ въ французскихъ бульварныхъ романахъ, но и тутъ я ничего не думаю. Иногда я только удивляюсь, для чего пишутся такіе романы. Это сказки и очень дурныя сказки. И знаешь, что это сказки—и все-таки ихъ читаешь, но читаешь, такъ сказать, сверху внизъ, точно сидишь въ театрѣ, когда дурные актеры играютъ дурную пьесу. Что же во всей этой обстановкѣ, условіяхъ и занятіяхъ можетъ шевельнуть нутро? Да ничего. Мысль и чувство безъ матеріала лежатъ точно подъ спудомъ.

5 августа.

... Вчера былъ для меня опять пріятный сюрпризъ. Отворяется дверь, и ... ну угадай кто? Миша! Вернулся изъ Крыма—все такой же!—и нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы увидаться со мною. Привезъ онъ мнѣ изъ Крыма черноморскую раковину—пепельницу и мундштукъ для папиросъ. Миша увѣряетъ, что онъ пѣнковый, а я думаю, что изъ простаго мѣлу. Я очень былъ радъ видѣть Мишу, говорилъ онъ очень много, такъ что остальнымъ мѣста не оставалось, былъ веселъ и остроуменъ. Забылъ сказать, что, кромѣ пепельницы и мундштука, онъ привезъ мнѣ икры. Сейчасъ видно мужчину. Женщины приносятъ все сласти. У меня, кромѣ другихъ сластей, накопилось шесть банокъ разнаго варенья.

12 августа.

Особенно о твоемъ пріѣздѣ хлопочетъ Люба. Она думаетъ, что какъ только ты пріѣдешь, въ Петербургѣ немедленно наступитъ весна, зацвѣтутъ деревья и вообще наступятъ какія то чудеса. Я ей не возражалъ. Пріѣзжай около 20-го, но прежде повидайся со мною. Даже и не около 20, а до 20-го, это нужно будетъ и для Коли. Можетъ быть, тебѣ придется повидать его командира. А зовутъ его Василій Алексѣевичъ Давыдовъ. Живетъ онъ въ Училищѣ. Просьбу объ увольненіи Коли въ деревню нужно подать въ Училище за двѣ недѣли и подпись руки засвидѣтельствовать въ полиціи или у нотаріуса. У нихъ на этотъ счетъ очень строго, и прошенія, не засвидѣтельствованныя, остаются безъ исполненія.

В. А. Давыдовъ—племянникъ Ц. Хотя, какъ она мнѣ говорила, она и давно его не видѣла, но экстренныя обстоятельства иногда извиняютъ многое. Завтра Ц. будетъ у меня, и я попрошу ее побывать у Давыдова, чтобы навести предварительныя справки.

23 августа.

Другъ Людя. Докторъ называетъ мою болѣзнь „старческимъ истощеніемъ“. Въ такомъ случаѣ это не болѣзнь, а „состояніе“, и лѣчиться нечего. Да въ этомъ я и самъ убѣдился. Нынѣшнюю ночь, повернувшись къ стѣнѣ, я почувствовалъ, что у меня начинается кашель, сталъ наблюдать, какъ онъ образуется, и утромъ, дѣйствительно, всталъ съ кашлемъ. Это любопытно. Я ужасно сталъ чувствителенъ къ перемѣнамъ температуры и воздуха, „такъ что могу служить вмѣсто термометра, барометра и гигрометра. Слизистая оболочка вся разстроена. Желудокъ выноситъ только жидкое, и я не ѣмъ, по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ, пью только чай и за обѣдомъ ѣмъ только супъ. Лѣкарствъ у меня много и каждое чинитъ что-нибудь свое и въ цѣломъ я бы кажется долженъ быть совсѣмъ починенъ; но починка не выходитъ, и я начинаю сомнѣваться, чтобы пословица о битой посудѣ была справедлива. Пока было лѣто—я еще держался, но когда почувствовалась осень—я сталъ распадаться на свои составныя части. Самое любопытное, что я вижу, какъ все это дѣлается, и наблюдаю за собой, какъ за какой-нибудь ретортой, стоящей въ химической печкѣ. Силъ реагирующихъ до того во мнѣ мало, что я не могу ни раздражаться, ни сердиться—я только наблюдаю и понимаю. Если ты педагогъ, то поймешь меня и вмѣстѣ съ тѣмъ поймешь, почему физически слабыя дѣти бываютъ обыкновенно хитры. Ну, прощай. Когда пріѣдешь?

Умерла мать. Будь здорова и не скрипи, подобно мнѣ. А впрочемъ „всѣ тамъ будемъ“, хоть я и не думалъ, что мой конецъ наступитъ такъ рано.

домъ летающихъ голубей. Какъ киргизъ, ѣдущій въ степи, поетъ свою безконечную пѣсню, думая вслухъ, что онъ видитъ, такъ и я могъ бы слагать безконечную и скучную пѣсню объ облакахъ, дымѣ и голубяхъ. Иногда я считаю окна, или отыскиваю разницу между ними. Ну, вотъ тебѣ и мои мысли. Читаю ли я романъ—я отдаюсь его интересу, въ особенности, если много дѣйствія, какъ это бываетъ въ французскихъ бульварныхъ романахъ, но и тутъ я ничего не думаю. Иногда я только удивляюсь, для чего пишутся такіе романы. Это сказки и очень дурныя сказки. И знаешь, что это сказки—и все-таки ихъ читаешь, но читаешь, такъ сказать, сверху внизъ, точно сидишь въ театрѣ, когда дурные актеры играютъ дурную пьесу. Что же во всей этой обстановкѣ, условіяхъ и занятіяхъ можетъ шевельнуть нутро? Да ничего. Мысль и чувство безъ матеріала лежатъ точно подъ спудомъ.

5 августа.

... Вчера былъ для меня опять пріятный сюрпризъ. Отворяется дверь, и ... ну угадай кто? Миша! Вернулся изъ Крыма—все такой же!—и нарочно пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы увидаться со мною. Привезъ онъ мнѣ изъ Крыма черноморскую раковину—пепельницу и мундштукъ для папиросъ. Миша увѣряетъ, что онъ пѣнковый, а я думаю, что изъ простаго мѣлу. Я очень былъ радъ видѣть Мишу, говорилъ онъ очень много, такъ что остальнымъ мѣста не оставалось, былъ веселъ и остроуменъ. Забылъ сказать, что, кромѣ пепельницы и мундштука, онъ привезъ мнѣ икры. Сейчасъ видно мужчину. Женщины приносятъ все сласти. У меня, кромѣ другихъ сластей, накопилось шесть банокъ разнаго варенья.

12 августа.

Особенно о твоемъ пріѣздѣ хлопочетъ Люба. Она думаетъ, что какъ только ты пріѣдешь, въ Петербургѣ немедленно наступитъ весна, зацвѣтутъ деревья и вообще наступятъ какія то чудеса. Я ей не возражалъ. Пріѣзжай около 20-го, но прежде повидайся со мною. Даже и не около 20, а до 20-го, это нужно будетъ и для Коли. Можетъ быть, тебѣ придется повидать его командира. А зовутъ его Василій Алексѣевичъ

Давыдовъ. Живетъ онъ въ Училищѣ. Просьбу объ увольненіи Коли въ деревню нужно подать въ Училище за двѣ недѣли и подпись руки засвидѣтельствовать въ полиціи или у нотаріуса. У нихъ на этотъ счетъ очень строго, и прошенія, не засвидѣтельствованныя, остаются безъ исполненія.

В. А. Давыдовъ—племянникъ Ц. Хотя, какъ она мнѣ говорила, она и давно его не видѣла, но экстренныя обстоятельства иногда извиняютъ многое. Завтра Ц. будетъ у меня, и я попрошу ее побывать у Давыдова, чтобы навести предварительныя справки.

23 августа.

Другъ Люля. Докторъ называетъ мою болѣзнь „старческимъ истощеніемъ“. Въ такомъ случаѣ это не болѣзнь, а „состояніе“, и лѣчиться нечего. Да въ этомъ я и самъ убѣдился. Нынѣшнюю ночь, повернувшись къ стѣнѣ, я почувствовалъ, что у меня начинается кашель, сталъ наблюдать, какъ онъ образуется, и утромъ, дѣйствительно, всталъ съ кашлемъ. Это любопытно. Я ужасно сталъ чувствителенъ къ перемѣнамъ температуры и воздуха, „такъ что могу служить вмѣсто термометра, барометра и гигрометра. Слизистая оболочка вся разстроена. Желудокъ выноситъ только жидкое, и я не ѣмъ, по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ, пью только чай и за обѣдомъ ѣмъ только супъ. Лѣкарствъ у меня много и каждое чинитъ что-нибудь свое и въ цѣломъ я бы кажется долженъ быть совсѣмъ починенъ; но починка не выходитъ, и я начинаю сомнѣваться, чтобы пословица о битой посудѣ была справедлива. Пока было лѣто—я еще держался, но когда почувствовалась осень — я сталъ распадаться на свои составныя части. Самое любопытное, что я вижу, какъ все это дѣлается, и наблюдаю за собой, какъ за какой-нибудь ретортой, стоящей въ химической печкѣ. Силъ реагирующихъ до того во мнѣ мало, что я не могу ни раздражаться, ни сердиться—я только наблюдаю и понимаю. Если ты педагогъ, то поймешь меня и вмѣстѣ съ тѣмъ поймешь, почему физически слабыя дѣти бываютъ обыкновенно хитры. Ну, прощай. Когда пріѣдешь?

Умерла мать. Будь здорова и не скрипи, подобно мнѣ. А впрочемъ „всѣ тамъ будемъ“, хоть я и не думалъ, что мой конецъ наступитъ такъ рано.

3 ноября, Воробьево.

Другъ Людя. Только едва сегодня чувствую маленькій порядокъ въ головѣ. Двое сутокъ по желѣзной дорогѣ и сорокъ верстъ на колесахъ произвели во мнѣ такія разнообразныя нарушенія, что поправиться въ два дня впору такому крѣпкому, какъ Коля, а совсѣмъ не мнѣ. Но и я ничего, ѣмъ много, сплю хорошо, гуляю, и недавнее прошлое, вѣроятно, скоро не оставитъ слѣдовъ.

А пріятно встать утромъ, зная, что не нужно итти въ редакцію и вытягивать нервы въ ненужныхъ разговорахъ съ ненужными людьми. Господи, Господи, что это за омуты, даже вспомнить страшно! А какъ мы съ М. мечтали о редакторствѣ! Счастливый, онъ умеръ, надѣясь и вѣруя, что оставляетъ много хорошаго въ семъ хорошемъ мірѣ.

Въ сей моментъ я нахожусь въ моментѣ отдыханья (сказать такъ можно?), и потому плановъ у меня никакихъ: буду-ли имѣть работу и гдѣ—не знаю.

Въ Москвѣ видѣлся съ Соболевскимъ (ред.-изд. Рус. Вѣд.) и онъ предложилъ мнѣ вести земскій отдѣлъ. Трудновато, да и матеріаловъ нужно много, а читать мнѣ тяжело. Со временемъ все, конечно, установится. Однимъ словомъ, время и меня вылѣчитъ и все установитъ.

Въ Любани меня встрѣтили Михайловскій и Люд. Ник. Роспили бутылку шампанскаго, и поѣхалъ дальше. Теперь-же думаю, что ничего бы не произошло, если бы въ Любани пробыли день. Въ Москвѣ пробылъ нѣсколько часовъ на Смоленскомъ вокзалѣ, и добраться до него отъ Николаевскаго вокзала было цѣлымъ подвигомъ. Ѣхали, ѣхали по грязи, даже надоѣло, показалось верстъ двадцать, выбоины, лужи, грязь по ступицу, даже извозчикъ потерялъ терпѣніе и назвалъ Москву „Азіей". Зато публика европейская. На Николаевской дорогѣ петербургскіе пассажиры отличаются молчаливой и презрительной сдержанностью, на Смоленской-же пассажиръ, сѣвшій только на полчаса, вступаетъ немедленно въ разговоръ и, оставляя вагонъ, жметъ руку.

Въ Смоленскѣ я пробылъ два часа и посвятилъ ихъ „цвибель клопсу" и кофе. А. Н., встрѣтившій меня на вокзалѣ, въ это время бѣгалъ по своимъ дѣламъ. Властей никакихъ не видѣлъ.

6 декабря.

Ты права, что я нахожусь въ отдыхѣ, но вотъ бѣда, что это отдыхъ безсилія. Въ Петербургѣ я бы тянулъ нервами и не знаю, чѣмъ бы это могло кончиться. Здѣсь я даже пересталъ спѣшить, но зато и ничего не пишу. Частью оттого, что не вошелъ еще въ силу, частью оттого, что я изъ другого оркестра и камертоны, которые есть, не въ мой тонъ (о. Антонъ).

Писалъ я Катеринѣ Григорьевнѣ и изъ деликатности не сообщилъ ей своего адреса, чтобы не обязывать отвѣтомъ. Но мнѣ было бы очень пріятно получить отъ К. Г. хотя извѣщеніе, что она получила мое письмо. Если-же она напишетъ болѣе одной строчки, я буду очень доволенъ. Поклонись ей, пожалуйста.

Разсуждаемъ мы здѣсь о процессѣ Мироновича. Вотъ такъ гусь! А вѣдь какой богомольный. Въ предварительномъ молился день и ночь и все на колѣняхъ.

16 декабря.

Отослалъ я статью въ „Недѣлю" и не имѣю отъ Гайдебурова никакого отвѣта. Послалъ ему на дняхъ еще статейку (передовую), да тоже сомнѣваюсь, чтобы напечаталъ. Думается мнѣ, что для „Недѣли" я не сотрудникъ.

Какъ попалъ я на лоно природы, такъ и стало мнѣ виднѣе, какое жалкое дѣло наша печать, по крайней мѣрѣ, та, которою орудуютъ нынѣшніе петербургскіе газетчики; чистые они лавочники и кустари. Подождемъ, хотя и мало надежды, что будетъ лучше.

1885 г., 23 января, Воробьево.

Если увидишь Бартеневу, передай ей, пожалуйста, отъ меня самыя теплыя, любящія чувства. Ужасно полюбилъ ее.

11 апрѣля.

Задумалъ я рядъ статей (по моему интересныхъ) „Изъ прошлаго и настоящаго". Первую статью, служащую вступленіемъ, отправилъ еще 11 марта въ „Вѣст. Евр." Отвѣта до сихъ поръ не имѣю. Не знаю, какой у нихъ срокъ для отвѣта. Послалъ „вступленіе" и въ „Рус. Вѣд." (это, правда, 3 апрѣля) и тоже не имѣю отвѣта. Если бы устроиться въ

„Вѣстникѣ Европы“ и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, было бы не дурно.

Погода у насъ сѣрая и холодная; но уже пашня началась. Силъ во мнѣ прибавилось, но одолѣваетъ хроническій кашель, пріобрѣтенный мною на сквознякѣ. Ужъ я боюсь, чтобы не случилось то же, что у Костомарова.

23 мая.

Другъ Людя. Былъ я, какъ ты знаешь, въ Москвѣ и остался поѣздкой очень доволенъ. Пробылъ четыре дня и все вмѣстѣ съ Михайловскимъ.

Въ Москвѣ я совѣтовался съ Остроумовымъ. Онъ всѣ мои болѣзни свелъ къ разстройству нервовъ и предписалъ электрическое лѣченіе; но для этого требуется докторъ, и какъ суррогатъ электричества — онъ предложилъ мнѣ теплыя ванны изъ соды или соли.

Начну.

Съ работой я улаживаюсь медленно и, если сводить мой трудъ къ деньгамъ, то въ результатѣ почти нуль. На заработокъ съѣздилъ разъ въ Смоленскъ, затѣмъ нынче въ Москву и нажилъ 50 р. долгу. Вотъ такъ заработокъ.

Послалъ статью въ „Вѣстникъ Европы“, но, какъ писалъ Пыпинъ, она оказалась нецензурной (можетъ быть, и цензурной; Пыпинъ писалъ такъ: „журналъ затруднился печатать вашу статью по нѣкоторымъ подробностямъ статьи“).

Май 1885 г. Воробьево.

Чѣмъ дальше, тѣмъ большимъ клиномъ засѣдаетъ во мнѣ желаніе выскочить изъ Воробьева. Вѣдь 11 лѣтъ я знакомъ съ П-ми, что было съ ними пережито и переговорено, и все заборъ между нами, все чужіе. Если бы у меня были деньги, чтобы имъ платить тогда бы еще ничего, а жить на ихъ счетъ, когда насъ раздѣляетъ заборъ — совсѣмъ свинство и остается или повѣситься, или убѣжать.

9 іюня, 1886. Воробьево.

Читала ли ты мои воспоминанія? Если да, отчего ты мнѣ о нихъ не написала ни слова? Какъ ты нашла ихъ общій тонъ и о Мих.? Да жаль, что нажали, и больше писать не придется. На-дняхъ (съ Колей) уѣду въ Москву и тамъ поразузнаю, какъ и что, а то перепиской ничего

не выяснишь. Мое здоровье такъ себѣ, должно быть сдѣлался прострѣлъ (то, что было у Лерхе). Люба въ іюлѣ ѣдетъ къ тебѣ въ Подолъ, а думаетъ, что можетъ быть и раньше.

А Мишка вовсе никуда не годится: ни самъ ничего о себѣ не пишетъ, ни отъ другихъ ничего о немъ не узнаешь.

2 февраля, 1887 г., Воробьево.

Другъ Людя. Ничего не понимаю, точно всѣ умерли. Истомился я весьма этими неизвѣстностями и ожиданіями страшно. Пересталъ работать — не могу.

Получилъ отъ Михайловскаго телеграмму, что онъ будетъ въ Москвѣ въ пятницу 30 января.

Послалъ въ Смоленскъ нарочнаго.

Жду и волнуюсь.

Отправилъ въ Москву черезъ Соболевскаго (Рус. Вѣд.) письмо къ Ник. Конст., что телеграфирую 5 февраля, если пріѣду.

Опять жду Смоленской почты и волнуюсь — и опять ничего.

Посылаю новое письмо къ Н. К. (черезъ Соболевскаго). Ал. Ник. мнѣ сказалъ, что Михайловскій можетъ быть проѣдетъ ко мнѣ. И я сообщилъ адресъ для телеграммы.

Начинаю ждать Ник. Конст. къ себѣ.

Получаю телеграмму отъ него изъ Петербурга. Телеграмма отъ 2 числа (но февраля или января не знаю); „не посылай рукописи до моего письма“.

Ничего не понимаю и остаюсь въ полнѣйшемъ недоразумѣніи.

Пишу въ Москву къ Гольцеву, чтобы узнать у Соболевскаго насчетъ моихъ писемъ и телеграммы, и въ Москвѣ ли Н. К.?

Отвѣта еще не получилъ.

Получилъ отъ тебя письмо, и то отраднаго и свѣтлаго нѣтъ ничего, и есть много новаго, о чемъ писать неудобно.

Ну, конечно, веселѣе мнѣ отъ этого не стало.

Вообще въ это время разстроился до того, что явилось еле-живое состояніе.

Вотъ какая просьба, если найдешь возможнымъ ее исполнить. Не повидаешься ли ты съ Михайловскимъ? Прочитай ему, что до него касается, выясни и напиши. Спроси кстати,

какая судьба постигла мою рукопись о сибирской печати (писалъ я о ней ему не разъ, писалъ и въ Москву). Если статья не пойдетъ въ „С. В.“, не вышлетъ ли онъ мнѣ ее. Я бы попытался помѣстить ее въ „Русской Мысли“.

13 апрѣля.

Весна или что другое, но у меня совсѣмъ нѣтъ силъ. Три недѣли не могъ ничего дѣлать. Если съ Колей случится бѣда, надо будетъ его поддержать, значитъ вопросъ о моихъ силахъ очень важенъ. Въ 1882 году мнѣ очень помогъ кумысъ. Думаю, что и теперь онъ поможетъ. Но не знаю, какъ мнѣ поступить. Мнѣ необходимо что нибудь предпринять: посовѣтоваться въ Москвѣ съ Остроумовымъ и ѣхать на кумысъ въ Самару или что онъ тамъ назначитъ. Мнѣ совсѣмъ не хорошо. Только помни, что въ Самарскую губернію. Въ Москвѣ буду совѣщаться съ Остроумовымъ (считается теперь лучше Захарьина, который и старѣетъ, и небреженъ).

16 іюня. Самара.

Другъ Людя. Изъ письма къ Колѣ ты увидишь, что со мной. Повторять не буду.

Послѣ множества пожаровъ отъ той Самары, которую мы съ тобою знали, не осталось и слѣда. Но какой некрасивый, грязный и вонючій городъ! Зато раскинулся въ ширину и длину вдвое, чѣмъ былъ при насъ. Мнѣ очень тоскливо, и боюсь, что кумысъ принесетъ меньше пользы, чѣмъ я ожидалъ.

Ахъ, Господи, Господи, когда же это все кончится. Я крѣпко, крѣпко жму тебѣ руку. Пожалуйста, пиши.

2 августа. Воробьево.

Другъ Людя. Очень ты обрадовала меня подробностями своего письма. Такого длиннаго ты мнѣ еще никогда не писала. Только, по безтолковости „Русской Мысли“, оно ушло въ Смоленскъ. Теперь я и не знаю, куда тебѣ писать, въ Подолъ или въ Петербургъ.

7 декабря.

Въ Москвѣ отъ Коли письма не было, но въ Смоленскѣ получилъ два, одно изъ Курска, другое изъ Харькова.

Остроумовъ нашелъ меня въ очень дурномъ положеніи, въ особенности нервную систему и кишечникъ. Между прочимъ послалъ къ Бѣляеву, спеціалисту носа и т. д., и тотъ нашелъ у меня полипъ. Назначилъ операцію на другой день, ибо я былъ въ пріемный день, когда рѣзать некогда. Бѣляевъ назначилъ мнѣ пріѣхать къ нему черезъ два мѣсяца. Полипъ, конечно, не Богъ вѣсть, какая опасная болѣзнь, но въ мои годы онъ уже вовсе не полезенъ и вредитъ головѣ и легкимъ.

А затѣмъ писать не знаю что. Все перезабуду.

10 декабря.

Совсѣмъ у меня испортилась память и ничего я не могу припомнить сразу.

Здоровье мое плохо; ушло пудами, а входитъ золотниками. За то ужъ и сплю часовъ по 14-ти. Право.

9 февраля, 1888 г. Москва.

Другъ Людя. Сейчасъ отъ Бѣляева (доктора). Ахъ, какой ловкій, просто артистъ. Какъ онъ, напримѣръ, свертываетъ жгутикъ изъ ваты, да никакая швея этого не сдѣлаетъ. Теперь сижу съ заткнутыми ватой ноздрями. Завтра будетъ прижигать.

Былъ у Остроумова. Вотъ милѣйшій-то! Нашелъ меня совсѣмъ плохимъ. Прибавила много послѣдняя петербургская поѣздка. А прибавила она главное къ катарру кишекъ. А все, въ свою очередь, отъ разбитой нервной системы. Буду электризоваться и купилъ машинку. Электризовать все тѣло: голову, грудь, спину, животъ, руки и ноги. А за тѣмъ массажъ, мясной порошокъ, молоко съ овсомъ и промывательное съ таниномъ. Нужно продѣлывать всѣ эти исторіи цѣлый мѣсяцъ.

6 марта, Воробьево.

Послѣднее письмо отъ Коли отъ 10-го февраля (его число), почтовый штемпель Александрополя 15 числа, я получилъ его 24 февраля. Съ тѣхъ поръ ни строчки. Не понимаю, что это значитъ.

8 февраля.

Кто у тебя исполняетъ книжныя порученія Коли? Высылаютъ ему совсѣмъ не то, что онъ проситъ. Такъ, онъ просилъ: „Каталогъ книгъ *военнаго* магазина“ и „Диктовки Смирновскаго для справокъ *взрослому*“, а ему прислали: „Каталогъ книгъ для *нижнихъ чиновъ*“ и диктовки *первоначальныя*. У тебя комиссіонерствуетъ, вѣроятно, Анна Федоровна. Человѣкъ она несомнѣнно хорошій (кстати—поклонись ей отъ меня), только относительно военныхъ книгъ, я думаю, она менѣе компетентна, чѣмъ въ массажѣ.

3 сентября.

Есть у меня къ тебѣ убѣдительная просьба: 10-го октября 25-лѣтній юбилей Шеллера. Хотѣлъ послать ему письмо черезъ редакцію „Живоп. Обозр.“, но въ календарѣ Суворина она обозначена на Невскомъ, 4/10—вранье, а адреса вѣрнаго не знаю.

Пожалуйста, 10-го октября, пошли прилагаемое письмо къ Ал. Конст. съ посыльнымъ и съ роспиской въ полученіи.

25 іюля.

Завтра въ 5 часовъ утра выѣзжаю изъ Кисловодска, въ 11 часовъ утра сяду въ поѣздъ прямого сообщенія. 28-го въ 8 ч. вечера буду въ Москвѣ, 29-го въ 6 ч. вечера выѣду на Смоленскъ и въ Смоленскѣ 30 утромъ. Лѣченіе вышло плохое. Бралъ только ванны изъ Нарзана, а воды побросалъ, ибо занялся дѣлами.

Предполагалъ я съѣздить въ Тифлисъ, но Тифлисъ самъ сюда пріѣхалъ, и вышло лучше. Въ Тифлисѣ рѣдко всѣ бываютъ въ сборѣ, а здѣсь не только оказались въ сборѣ всѣ власти, но водяной режимъ очень упростилъ всѣ сношенія съ ними.

4-го сентября, Воробьево.

Здоровье мое до того потрясено и въ Кисловодскѣ я нашелъ для себя такой „губительный Кавказъ“, что вотъ уже мѣсяцъ, что сижу на овсянкѣ, принимаю стрихнинъ. Докторъ запретилъ читать, писать, говорить, велѣлъ быть одному и, по возможности, избѣгать людей. Счастье мое, что

голова еще свѣжа. Есть у насъ сосѣдка, очень почтенная дама, была она больна подобной же атоніей и сидѣла на бульонѣ и бѣломъ сухарикѣ 5 мѣсяцевъ, а поправилась, какъ слѣдуетъ, только черезъ годъ. Ужъ, конечно, это утѣшаетъ меня мало. Моя болѣзнь только финалъ того, что ты частью, могла наблюдать въ мои пріѣзды въ Петербургѣ. У меня теперь является паническій страхъ при всякой мысли о дорогѣ. Что за пытка были эти четверо сутокъ, что я ѣхалъ съ Кавказа. Въ послѣднюю ночь пути отъ Москвы до Смоленска со мной отъ качки или тряски, что-ли, сдѣлалась сильная рвота. Но, несмотря на все это, я все-таки радъ поѣздкѣ въ Кисловодскъ, ибо устроилъ и отношенія, да и пошло дѣло о переводѣ Коли.

30 ноября.

Первое впечатлѣніе твоего извѣстія было очень подавляющее. Но потомъ я сообразилъ, какія-такія могутъ быть у тебя дѣла, чтобы за нихъ потерпѣть.

Лаврову о высылкѣ твоихъ переводовъ написалъ; но вѣдь они, москвичи, особый народъ, ихъ и пушкой не прошибешь.

Силъ еще мало. Сижу на мышьякѣ, на желѣзѣ, электризую спинные нервы, для укрѣпленія ногъ, и промываю желудокъ. Смѣшная операція. Люба не можетъ ее видѣть. Она думаетъ, что я задохнусь отъ кишки. Набравшись этими способами силъ, я долженъ переговорить серьезно съ Остроумовымъ и врачемъ нервныхъ болѣзней (психіатромъ) о чемъ-нибудь радикальномъ и возстановляющемъ. Вотъ для этого мнѣ и нужна Москва.

1890 г. 27 февраля, Воробьево.

Мнѣ очень совѣстно передъ Люденькой, что я ей до сихъ поръ не отвѣтилъ. Ей мнѣ не хотѣлось бы писать казенное письмо. А написать по душѣ, тепло и ласково, съ тѣми чувствами, которыя у меня къ ней, не приходитъ настроеніе, я валяюсь на постели буквально цѣлые дни. Шесть часовъ въ день трачу на разные лѣчебные эксперименты. Писать мнѣ даже записку трудно. Пускай меня Люденька извинитъ. Попроси ее объ этомъ и крѣпко, крѣпко обними и поцѣлуй за меня.

19 сентября.

Другъ Людя. Хотя я окончательно надорвалъ свое здоровье и едва ли поправлюсь, но еще крѣплюсь. Впрочемъ, большую часть дня я лежу въ постели. Но, однако, еще не умираю.

6 декабря.

Благодарю тебя за ласку и привѣтъ. Ахъ, какъ я боленъ, какъ я боленъ. Люба говоритъ: „Людмила Петровна, даже и не думаетъ, какъ вы больны. Я на видъ 90-лѣтній. Полнѣйшій упадокъ силъ, неврастенія, блуждающая почка, атонія кишекъ. Цѣлые дни лежу. Ходить почти пересталъ. Рѣшилъ въ Москвѣ лечь въ больницу или въ клинику. Ужъ написалъ два раза, чтобы навели справки, какъ и у кого лечь. Хотѣлъ бы у Остроумова. Но ѣхать теперь не могу. И въ Петербургъ бы хотѣлъ. Невозможно. А, можетъ быть, до свиданія".

Это было послѣднее письмо Н. В. ко мнѣ, и слова Любы кольнули меня такъ, что я тотчасъ же одѣлась и поѣхала къ Николаю Константиновичу Михайловскому, какъ самому близкому Шелгунову человѣку. Съ нимъ мы порѣшили, что всего лучше Ник. Вас. выписать, и телеграфировали ему, что его присутствіе необходимо для проведенія черезъ цензуру его сочиненій. Павленковъ началъ тогда издавать ихъ.

Ник. Вас. тотчасъ же согласился пріѣхать. Дочь Людмила поѣхала за нимъ на вокзалъ. Пріѣхавъ, онъ, не раздѣваясь, прошелъ ко мнѣ въ комнату, и сѣлъ въ шубѣ. Это такъ не походило на него, что я тотчасъ же подошла къ нему.

— Раздѣнь,—проговорилъ онъ.

Я раздѣла, и, должно быть лицо мое ясно выражало изумленіе.

— Ты поражена?—продолжалъ онъ.

Я дѣйствительно была поражена. Ничего подобнаго я не ожидала. Передо мною сидѣлъ не Николай Васильевичъ, а покойникъ. Онъ прохворалъ четыре мѣсяца, и хотя не кричалъ и не стоналъ отъ боли, но во время припадковъ, бывшихъ по нѣскольку разъ въ день, онъ лежалъ молча и неподвижно.

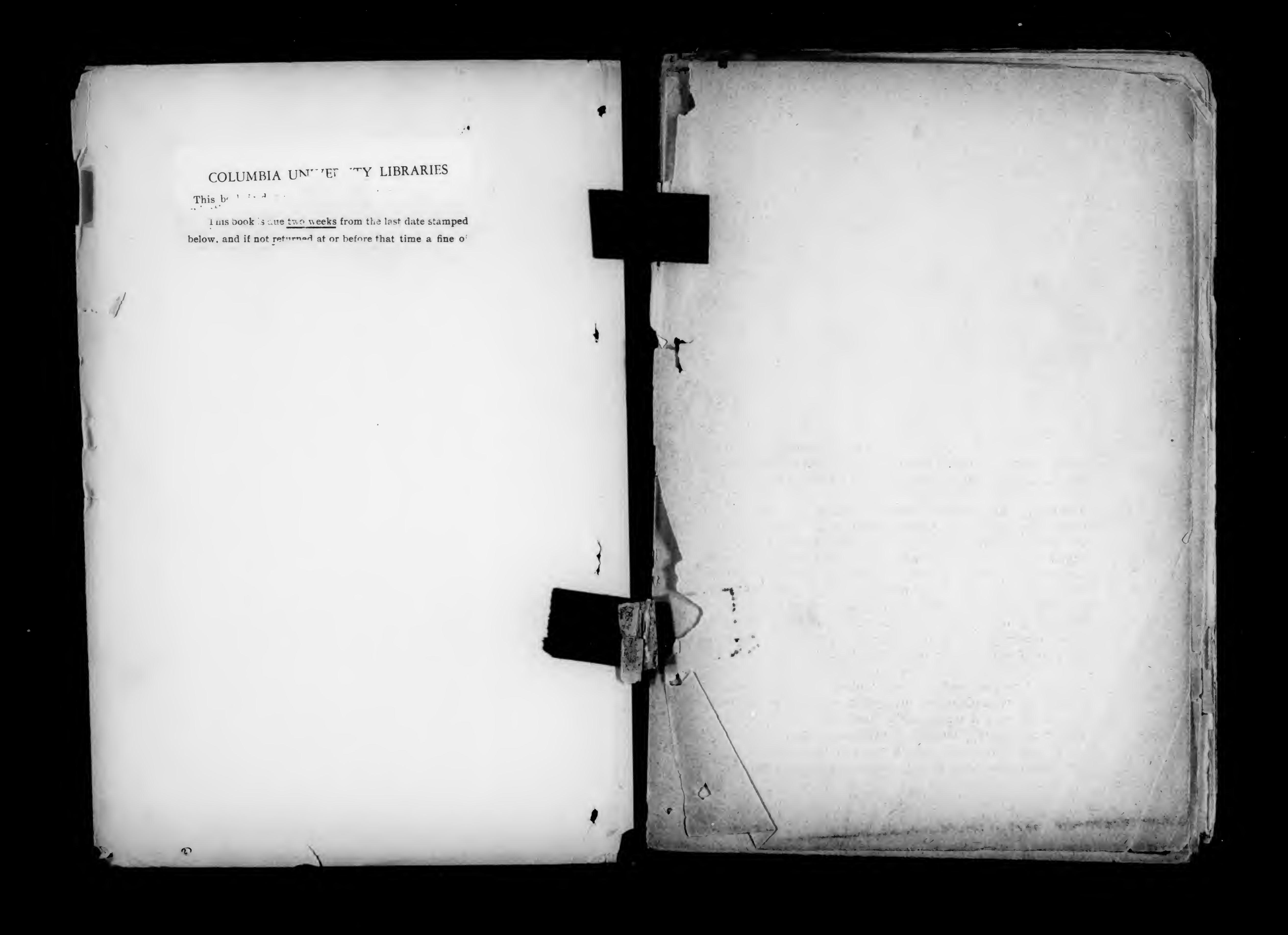
До самыхъ послѣднихъ дней, Ник. Вас. повидимому надѣялся поправиться. О томъ, что у него ракъ, онъ и не подозрѣвалъ, и какъ говорилъ профессоръ Манасеинъ: „слово ракъ не должно было быть произносимо у васъ въ домѣ", дѣйствительно ничего подобнаго не говорилось. За недѣлю или менѣе того, до смерти, онъ поѣхалъ въ гости, простудился и получилъ воспаленіе въ легкихъ.

Всѣ четыре мѣсяца, которые онъ пролежалъ у меня въ Петербургѣ, его навѣщали знакомые и въ особенности дамы. Хотя онъ и морщился отъ этихъ посѣщеній, но я увѣрена, что они доставляли ему большое удовольствіе. Въ моментъ его смерти навѣстить его пришла жена художника Ярошенко, которая поѣхала къ Михайловскому сообщить о смерти. Михайловскій какъ разъ въ эту минуту долженъ былъ выйти на эстраду что-то читать на литературно-музыкальномъ вечерѣ, и, какъ мнѣ разсказывали, отъ волненія читать онъ не могъ, и потому публика узнала, что Шелгуновъ скончался.

Я же, оставшись съ Засодимской около покойника, никакъ не могла понять, почему стали приходить цѣлыя толпы студентовъ и дамъ.

Л. Шелгунова.

К о н е ц ъ.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
1010680322
947.02
Sh43

